

Africa beyond Liberal Democracy

IN SEARCH OF CONTEXT-RELEVANT MODELS
OF DEMOCRACY FOR THE TWENTY-FIRST
CENTURY

Edited by
REGINALD M. J. ODUOR

Африка бей нд О
Либеральная демократия

Африканская философия

Критические перспективы и глобальный диалог

Редакторы серии

Ученна Б. Океджа, Родосский университет; и Брюс Б. Янц,
Университет Центральной Флориды _

Редколлегия _

Энтони Аппиа, Валентин Мудимбе, Гэйл Пресби, Акилле Мбембе,
Роберт Бернаскони, Самуэль Имбо, Ценай Серекберхан, Таддеуш Мец, Катрин Фликшух, Нильс
Вайдтманн, Кристин Ванджиру Гичуре,
Кай Кресс, Джозеф Агбакоба, Сулейман Башир Диань,
Дисмас. А. Масоло, Педро Табенски

Цели серии книг «Африканская философия : критические перспективы и глобальный диалог»
продвигать новые критические взгляды в различных областях африканской философии .
Он служит площадкой для философов внутри и между многими африканскими культурами.
представить новые аргументы, задать новые вопросы и начать новый диалог как внутри
специализированных сообществ , так и с широкой общественностью. Объединяя критические и
глобальные измерения мыслей , относящихся к важным темам африканской философии, эта серия
излучает свет и строгость философского анализа как актуальных , так и
классические вопросы, отражающие поиск смысла существования африканской и африканской
диаспорой . Серия , посвященный лучшему из африканской философии, представит новые концепции
и новые подходы в философии как интеллектуальным сообществам по всему миру ,
Африка, как и весь остальной мир .

Последние названия в серии _

Африка за пределами либеральной демократии: в поисках соответствующих контексту
моделей демократии для двадцать первого века, под редакцией Реджинальда М. Дж. Одуора .

Моральный человек Менкити , Орицегбубеми Энтони Ойове

Пристрастность и беспристрастность в африканской философии, М. Молефе

Менкити о сообществе и становлении личностью , под редакцией Эдвина Этиибо и

Поликарп Икуэнобе

Африканские философские и литературные возможности: перечитывая канон под редакцией
Арета Фири

Деррида и Африка: Жак Деррида как фигура африканской мысли, под редакцией
Грант Фарред

Афро -коммунитарная демократия, Бернар Матолино

Беседа об африканской философии: новый взгляд на убунту и переходный период

Правосудие в Южной Африке, Кристиан Б. Н. Гейд

Распутывание совести: очерки философии Кваме Нкрумы , под редакцией

Мартин Одеи Аджеи

Верховенство закона и управление в обществе коренных народов йоруба : исследование в Африке
Философия права , Джон Айотунде Изола Беваджи

Африканский Либеральная демократия

В поисках релевантного контекста

Модели демократии для XXI века _ _

Реджинальд М.Дж. Одуор

РОУМЭН И ЛИ ТТЛЕФИ ЭЛД

Лэнхэм • Боулдер • Нью -Йорк • Лондон

Опубликовано Роуман и Литтлфилд

Выходные данные The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc.

4501 Forbes Boulevard, Suite 200, Lanham, Мэриленд 20706

www.rowman.com

86-90 Пол Стрит, Лондон EC2A 4NE

Copyright © 2022 The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме или любыми электронными или механическими средствами, включая системы хранения и поиска информации, без письменного разрешения издателя, за исключением рецензента, который может цитировать отрывки в обзоре.

Каталогизация Британской библиотеки в доступной информации о публикациях

Данные каталогизации публикаций Библиотеки Конгресса

Имена: Oduor, Reginald MJ, редактор, автор.

Название: Африка за пределами либеральной демократии : в поисках релевантных контексту модели демократии для двадцать первого века / Реджинальд М.Дж. Одуор.

Описание: Лэнхэм, Мэриленд: Роуман и Литтлфилд, [2022] | Ряд:

африканская философия: критические взгляды и глобальный диалог | Включает

библиографические ссылки и указатель. | Резюме: «Спонсоры этого

вопрос, является ли демократия универсальной или культурно связанной, как

принятие западных либеральных моделей демократии препятствовало

демократизации в Африке, и как можно использовать местную африканскую политическую

мысль для разработки моделей демократии, подходящих для

Африканские страны двадцать первого века » — предоставлено издателем.

Идентификаторы: LCCN 2022011965 (печать) | LCCN 2022011966 (электронная книга) | ISBN

9781666913811 (Ткань : бескислотная бумага) | ISBN 9781666913828 (электронная публикация)

Предметы: LCSH: Демократия — Африка. | Постколониализм — Африка. |

Африка — Политика и правительство — 1960-

Классификация: LCC JQ1879.A15 A3195 2022 (печать) | LCC JQ1879.A15 (электронная книга) | ДКД 320.46—dc23/eng/20220309

Запись LC доступна по адресу <https://lccn.loc.gov/2022011965>.

Запись электронной книги LC доступна по адресу <https://lccn.loc.gov/2022011966>.

Бумага, используемая в этой публикации, соответствует минимальным требованиям Американского национального стандарта информационных наук — Стойкость бумаги для печатных библиотечных материалов, ANSI /NISO Z39.48-1992.

Всем, кто неустанно трудится
во имя истинного освобождения народов Африки

Содержание

Предисловие	икс
Список рисунков _	xi
Благодарности	xiii
Введение	1
ЧАСТЬ 1 : ОБОСНОВАНИЕ « АФРИКАНСКОГО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ» ПРОЕКТ	
1 Африканская политическая идеология и практика в эпоху Глобализация: можно ли вернуться к африканской гуманистике ? Социализм против афро-либертарианства? Сиркку К. Хеллстен	13
2 Продвижение ценностей коренных народов для содействия их появлению подходящих форм демократии Томас Менампарампил	27
3 Колониализм и вызов демократии западного образца в Африке Деннис Масака	41
4 Ловушки либеральной демократии : уроки предвыборной агитации в Демократической Республике Конго Дэвид Нгендо-Чимба	55

ЧАСТЬ 2: КРИТИКА «АФРИКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОЕКТ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

5 Демократия как ложь: ищите, но не надейтесь найти
Донна Пидо	81
6 Гендерно-чувствительные последователи в Африке : пример Уганды
Робина С. Накабо	97

ЧАСТЬ 3: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО КОНТЕКСТУ АФРИКАНСКИЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

7 Кооперативная коллегиальная демократия : африканская
Контекстно-зависимая модель управления
Эмефиена Эзеани	117
8 Традиционные корни демократической словесной дисциплины:
Инсайты от Акан
Эммануэль Ифеани Ани	137
9 Призыв к коммунитарной модели демократии
Мунамато Чемхуру	153
10 элементов модели демократии коренных африканцев _
Джозеф Ситума, Кисемей Мутиса и Кристин Булума	165
11 Демократия и права меньшинств в Африке
Моисей Олударе Адерибигбе	179
12 критических размышлений о поисках монолитной демократии
Альтернатива либеральной демократии для Африки
Тайо Рэймонд Эзекиэль Иганлуси	191
13 Граундсвелл : неизбежная демократия, с особым
Ссылка на ачоли Уганды JP Odoch Pido	213
14 В защиту этнических федераций в постколониальной
Африканские государства, с особой ссылкой на Кению
Реджинальд М.Дж. Одуор	235
Эпилог
Реджинальд М.Дж. Одуор	275
Индекс	281
Об участниках	287

Предисловие

Главы в этом томе представляют широкий спектр точек зрения по двум основным причинам. Во-первых, они были написаны учеными из Южной Африки, Зимбабве, Уганды, Нигерии, Ганы, Финляндии, Индии и Кении. Во-вторых, авторы принадлежат к разным дисциплинам, а именно к политической философии, политологии, дизайну, антропологии и массовым коммуникациям.

Авторы пытаются ответить на один или несколько из следующих вопросов:

1. Является ли демократия универсально применимой или она требует адаптации к культурным реальностям?
2. В какой степени принятие западных либеральных моделей демократии препятствовало демократизации в постколониальных африканских государствах?
3. Как можно использовать политическую мысль коренных африканцев в усилиях разработать модели демократии, соответствующие социокультурным реалиям постколониальных африканских государств?

Я искренне надеюсь, что главы этого тома внесут свой вклад в рассуждения о постколониальной реконструкции — задаче, которой по-прежнему мешает неоколониальное господство на экономическом и политическом уровнях, а также гегемонистский западный способ познания. на академическом уровне.

Реджинальд М.Дж. Одуор
15 декабря 2021 г.

Список рисунков _

Рисунок 7.1	Кооперативная пирамидальная демократическая структура Источник: адаптировано из Ezeani (2013, 152).	127
Таблица 7.1	Образец списка CCD членов Федерального колледжа с результатами голосования . Федеративная Республика _ Нигерия — президентские выборы. Список зональных _ Представители: Федеральный колледж	131
Таблица 7.2	Образец избирательного бюллетеня CCD. Федеративная Республика Нигерия — Форма для президентских выборов для членов Федерального колледжа _	132

Благодарности

Я глубоко признателен доктору Ху Йепину и Совету по исследованиям в области ценностей и философии (RVp), а также двум моим коллегам из Университета Найроби, д-р. Ориаре Ньярват и Вамае Муриуки за всю их логистическую помощь в первые дни работы над этим книжным проектом.

Я благодарен доктору Донне Пидо из Технического университета Кении, которая сама является автором этого тома, за просмотр трех других главы глазами говорящего на английском как на родном языке.

Мой друг Джеймс Гичухи, управляющий директор Itac Consulting Ltd. и сам человек с полной инвалидностью по зрению, как и я, постоянно и щедро помогал мне своими обширными знаниями в области адаптивных информационных и коммуникационных технологий всякий раз, когда у меня возникали технические проблемы в ходе редактирования этого документа. Том, за что я ему искренне благодарен.

Выражаю искреннюю благодарность старшему редактору отдела закупок Lexington Яне Ходжес-Клак, двум ее ассистентам Мэтью Ламбарду и Деанне Бионди, а также производственному редактору Lexington Майклу Хальсу за их выдающуюся помощь в подготовке этой рукописи.

И наконец, что не менее важно, я благодарю мою дорогую жену Лилиан и двух наших замечательных мальчиков, Куэ и Кинду, за их терпение в течение многих месяцев, которые я работал над этим томом, отнимая у них драгоценное время.

Реджинальд М.Дж. Одуор
декабрь 2021 г.

Введение

Реджинальд М.Дж. Одуор

В первые годы после обретения политической независимости значительное число Африканские политические лидеры, в том числе Джулиус Ньерере, Кваме Нкрума и Секу Туре, поставили под сомнение адекватность либеральной демократии постколониальным африканским государствам. Однако отчасти из-за изнурительного авторитаризма в однопартийных государствах, которые многие из них установили вместо независимых либерально- демократических конституций, многие теоретики считали, что единственным средством правовой защиты является восстановление многопартийных систем. Триумф либерального Запада в конце холодной войны воодушевил сторонников партийного плюрализма в Африке , и их кампании были подкреплены финансовой и дипломатической поддержкой со стороны западных держав. Тем не менее, спустя почти три десятилетия после оптимизма, вызванного возвращением к многопартийному правлению в начале 1990-х годов, как гражданские режимы , так и военные хунты разбивают мечту о подлинной демократии на континенте, как они это сделали вскоре после обретения политической независимости.

Тем не менее, в то время как огромная научная и политическая энергия была затрачена на неоднократно безуспешные попытки закрепить западную либеральную демократию на континенте, гораздо меньше усилий было вложено в усилия по разработке доморощенных африканских моделей демократии, которые вступают в резонанс с мировоззрением и текущим опытом разнообразных народов континента . Кроме того, хотя в настоящее время ведется много разговоров о необходимости использования коренных африканских знаний для решения различных проблем, стоящих перед африканскими обществами, обычно они ограничиваются такими усилиями, как сохранение сельскохозяйственной продукции, мотивация бедных к участию в системы рассматриваются как младшие партнеры доминирующей правовой системы западного образца . системы на континенте.

Таким образом, к сожалению , в современном африканском контексте «демократизация» стала неправильно истолковываться как синоним укрепления либеральной демократии. Тем не менее, если культура понимается как совокупность

изобретений и инноваций общества, направленных на то, чтобы дать ему возможность поддерживать свое существование в конкретной среде, политическая система является неотъемлемой частью культуры, в которой она развивается. Следовательно, утверждение, что политическая система, уместная в том культурном контексте, в котором она возникла, может оказаться совершенно неуместной в другом, является тавтологией. Таким образом, крах либеральной демократии в Африке на заре независимости в конце 1950-х и начале 1960-х годов, а также вскоре после промульгации так называемых конституций второго поколения в различных африканских Калифорнийские теоретики задаются вопросом, насколько это подходит для африканского контекста. Что еще более важно, неоднократный провал либеральной демократии в Африке должен побудить африканских ученых и ученых-африканистов исследовать способы использования богатого и разнообразного политического наследия коренных народов континента для разработки моделей демократии, которые входят в резонанс с коммуналистскими мировоззрениями африканцев. народов континента.

Примечательно, что ряд теоретиков и политиков, работающих в незападных контекстах, уже поставили под сомнение предполагаемую универсальную применимость либеральной демократии. Действительно, название настоящего тома вдохновлено книгой Дэниела А. Белла «За пределами либеральной демократии: политическое мышление для восточноазиатского контекста» (2006 г.) — смелым вызовом «копированию и вставке». подход к либеральной демократии в незападных культурах, с введением под соответствующим названием «Один размер не подходит всем». Почти столетием ранее Мохандас Кармачанд («Махатма») Ганди в «Хинд Сварадж»; или Indian Rule (1909), утверждал, что либеральная демократия неадекватна индийскому контексту. Кроме того, книга Томаса Пантема «Размышляя с Махатмой Ганди: за пределами либеральной демократии» (1983) дает поучительное обсуждение социально-политический контекст недовольства Ганди либеральной демократией. Кроме того, несколько латиноамериканских стран экспериментировали со своими собственными местными моделями демократии вместо либеральной демократии (Whitehead 2010), и такие эксперименты предполагают альтернативные теоретические и идеологические рамки.

Более того, в связи с провалом второй попытки установить либеральную демократию в африканских государствах в 1990-х годах в отредактированном труде Тукумби Лумумбы-Касонго «Либеральная демократия и ее критики в Африке» (изд. Лумумбы-Касонго, 2005 г.) исследуются различные критические вопросы в контексте отдельных выборов и конкретных стран Африки, включая Гану, Нигерию, Кению, Конго, Камерун и Центральноафриканскую Республику. Он также освещает проблемы, возникающие в результате трансплантации либерально-демократических институтов, и задается вопросом, оказывают ли демократические процессы в том виде, в каком они практикуются в настоящее время в Африке, положительное влияние на жизнь граждан различных африканских государств.

Кроме того, все большее число африканских и африканистских постколониальных теоретиков призывают к разработке альтернативных моделей демократии для континента, которые черпают из коренных африканских культур. К числу таких авторов относятся Вамба-диа-Вамба (1994), Виреду (1996), Мохла (1996), Мафейе (2002), Чвея (2002), Брэдли (2005), Клакстон (2008) и Сиум (2014).

Стоит подчеркнуть, что многие из этих мыслителей осознают невозможность возврата к доколониальным политическим формациям и способам правления. Многие из них подчеркивают необходимость творческого сочетания традиционной африканской мысли и практики с новаторскими подходами к демократии из других частей мира, и все это в свете текущих реалий. Вот почему Паулин Дж. Хунтонджи говорит об «эндогенности», а не о «коренности» (изд. Хунтонджи, 1997 г.).

Однако Акилле Мбембе, известный критик постколониальной теории, ставит под сомнение концепцию «коренности», утверждая, что Африку нельзя правильно рассматривать с точки зрения фиксированной расовой категории, и предлагает заменить панафриканизм и афроцентризм афрополитизмом, который рассматривает Африку как тесно связанную с остальным миром (Mbembe 2001; Mbembe in Balakrishna 2016). Как объясняет Сыротинский (2012, 413), критика Мбембе постколониальная теория трояка: «во-первых, ее тенденция отдавать предпочтение единственному моменту колонизации в долгой истории ранее колонизированных обществ; во-вторых, смешение сопротивления (антиколониального или иного) с совершенно иной проблематикой субальтернативности; и, наконец, чрезмерный акцент на языке «различия» и «инаковости» и, следовательно, закрытый и ограничивающий характер этого дискурса».

Тем не менее, я полагаю, что есть готовые ответы на три возражения Мбембе, изложенные в предыдущем абзаце, и, следовательно, достаточные основания для продолжения постколониальной теории с точки зрения права на культурную групповую идентичность. Во-первых, как наглядно проиллюстрировал Франц Фанон (1963), пагубные последствия колониализма проявлялись на нескольких уровнях, не в последнюю очередь на психологическом и экономическом. Точно так же Уолтер Родни (1973) указал, что колониализм, а до него работорговля, нанесли почти смертельный удар по долгосрочному экономическому благополучию африканских народов. Следовательно, столь масштабная катастрофа по-прежнему заслуживает пристального внимания ученых спустя почти шесть десятилетий после того, как его формальная кончина. Во-вторых, проблема субальтернизма на самом деле является прямым следствием западного империализма и поэтому не может рассматриваться изолированно. В-третьих, несмотря на факт иммиграции в Африку из различных других частей мира, есть веские доказательства того, что культуры, которые можно проследить до Африки и отождествить с Африкой по весьма строгим критериям, по-прежнему доминируют на континенте и, таким образом, дают основание говорить о аборигенности. В африканском контексте, при условии, конечно, что влияние культур иммигрантов принимается во внимание. Действительно, коренное население, как оно понимается в

этот том посвящен не первым обитателям различных мест в Африке, а скорее перспективам, которые сложились на африканском континенте, даже с учетом культур иммигрантов. Это то, что Paulin J. Hountondji называет «эндогенностью» (Hountondji ed. 1997).

Фрэнсис Фукуяма прославил триумф либерально - демократического Запада в конце холодной войны, заявив, что это событие ознаменовало «конец истории», задуманной как столкновение идеологий (Fukuyama 1992).

Тем не менее, как примечательно заметил Файеми (2009, 108), «либеральная демократия Фукуямы не может быть концом человеческой истории просто потому, что мы не находимся на краю человеческого разума. Различные нации имеют полное право создавать новые концепции демократии, отвечающие их религиозным, экономическим и социальным потребностям». Это напоминает призыв Франца Фанона к новым независимым африканским странам отойти от путей их бывшие колонизаторы:

Если мы хотим превратить Африку в новую Европу, тогда давайте оставим судьбу наших стран европейцам. _ Они будут знать, как это сделать лучше, чем самые одаренные из нас.

Но если мы хотим, чтобы человечество продвинулось еще на шаг вперед, если мы хотим вывести его на иной уровень, чем тот, который показала ему Европа, то мы должны изобретать и делать открытия. (Фанон 1963, 315)

Том разделен на три раздела. Четыре главы в Разделе 1 предложить обоснование проекта «Африка за пределами либеральной демократии».

Согласно Сиркку К. Хеллстену, попытка Запада предложить две противоположные тенденции либерализма (политический либерализм и экономический либерализм) в одном пакете в качестве модели идеального развития не смогла укрепить либеральную демократию в Африке, но вместо этого преуспела в убийстве гуманистического стороны политических идеологий коренных африканцев, которые вдохновляли борьбу за политическую независимость. В результате, отмечает Хеллстен, многие африканские государства теперь приняли инструментальные ценности и максимизацию прибыли экономического либерализма, но отложили в сторону программу прав человека и демократии, основанную на изначально гуманистических ценностях политического либерализма и либеральной демократии.

Точно так же Томас Менампарампил утверждает, что необходимо продвигать местные ценности, чтобы могли появиться формы демократии, подходящие для конкретных народов. Он утверждает, что претензии на культурное превосходство одной группы над другими нереалистичны и что мы должны с равным уважением относиться ко многим потокам культур и цивилизаций, которые вносят свой вклад в конечный результат. судьба рода человеческого.

Со своей стороны, центральное утверждение Денниса Масаки состоит в том, что в силу своих гегемонистских отношений с Африкой Запад не имеет морального превосходства, с которого можно читать лекцию Африке о необходимости принятия либеральной парадигмы Запада.

демократия. Он также утверждает, что наследие недемократического правления, которое западные колонизаторы оставили в Африке, повлияло на появление «постнезависимых» недемократических африканских правительств. Поэтому он утверждает, что африканские страны имеют право черпать демократический дух из своих собственных местных систем управления, а также из некоренных источников, которые они без принуждения считают важными для обогащения своей собственной модели демократии.

Дэвид Нгендо-Чимба обрисовывает контуры ловушек послевоенного Предвыборная агитация Демократической Республики Конго на всеобщих выборах 2006, 2011 и 2019 годов. Его главный аргумент заключается в том, что настаивание на организации выборов в целях легитимации власти в постконфликтных государствах может быть просто не очень значимым с самого начала или, что еще хуже, может привести к возобновлению насилия, способного только ухудшение и без того плохой ситуации. В данных обстоятельствах целью должно быть осмысленное участие граждан, а не либерально-демократический ритуал под названием «свободные и честные выборы».

Раздел 2 содержит две главы авторов, которые с феминистской точки зрения открыто критикуют поиски альтернативных моделей демократии для африканских государств. Включение критики проекта «Африка за пределами либеральной демократии» защищает от догматического подхода к теме книги, поощряя ее обсуждение. Как замечательно заметил Джон Стюарт Милль: «Как бы неохотно человек, имеющий твердое мнение, ни допускал возможность того, что его мнение может быть ложным, он должен руководствоваться тем соображением, что, каким бы истинным оно ни было, если оно не полностью. Если его часто и бесстрашно обсуждают, его будут считать мертвой догмой, а не живой истиной» (Милл 1956, 73).

Донна Пидо отмечает, что разрушительные силы колониализма, западного высокомерия и ослабления западной гегемонии способствовали современным усилиям Восточной Африки по стабилизации культуры и управления демократическим путем с помощью риторики и популярного дискурса. Ее аргумент, в конечном итоге окрашенный феминистской теорией, достигает кульминации в циничной, но оптимистичной межкультурной критике «демократии» и усилий по ее операционализации.

Робина С. Накабо утверждает, что качество лидерства зависит от качества последователей. Таким образом, по мере того, как качество последователей в большинстве стран Африки к югу от Сахары меняется из-за таких факторов, как формальное образование, урбанизация и глобализация, качество лидерства и демократического управления неизбежно меняется. Следовательно, утверждает Накабо, в то время как тема тома стремится к разрыву с либеральной демократией, существует острая необходимость в качественно измененном адепте. Она утверждает, что в ее размышлениях неявно присутствуют гипотезы о том, что: (1) опальная либеральная демократия сработала бы в нашу пользу, если бы мы только поближе рассмотрели феномен последователей, и (2) меняющееся качество последователей может привести к большему Аф

прорастание снизу, а не те, которые предлагаются на академических форумах, использующих подход сверху вниз.

Восемь глав раздела 3 содержат содержательные предложения по альтернативным моделям демократии, которые, по мнению их авторов, гораздо лучше выдерживают испытание временем. больше шансов прочно укорениться в современных африканских государствах, чем либеральная демократия.

Эмефиена Эзеани утверждает, что, несмотря на все предполагаемые преимущества политических партий в развитии демократической культуры, в Нигерии, а также во многих других африканских и неафриканских государствах партийная система функционирует иначе, чем в ее западной колыбели. земли и подрывает демократию во многих отношениях. Он выступает против нынешней конкурентной модели демократии и представляет и защищает альтернативную модель управления — кооперативную коллегиальную демократию — для африканских обществ, свободных от бюрократических, дорогостоящих и противоречивых всеобщих выборов.

Эммануэль Ифеани Ани отмечает, что многопартийная система демократии в Африке стала свидетелем появления словесной агрессии в борьбе за власть. Это, по его мнению, угрожает самим основам мира, тем более что эмпирические исследования показали, что физической агрессии нередко предшествует словесная агрессия. Он указывает, что африканские государства по-прежнему будут нуждаться в словесной дисциплине, независимо от того, какова будет их будущая эволюция.

демократии претерпевают. Он утверждает, что некоторые традиционные культуры Африки (такие как культура акан в Гане) придают большое значение лингвистической дисциплине и создали сеть норм, препятствующих словесной агрессии.

Он предлагает способы, которыми государственная политика может сделать для современных обществ то же, что культура сделала для некоторых традиционных обществ.

Со своей стороны, Мунамато Чемхуру отмечает, что, поскольку государственные перевороты, гражданские диктатуры и спорные выборы остаются отличительной чертой многих постколониальных африканских государств уже более пяти десятилетий, сомнительно, что Западная либеральная демократия должна быть образцом для африканского государства. Следовательно, не предполагая, что у традиционных африканских обществ не было собственных проблем, он предлагает пересмотреть коммунитарные традиционные системы управления как правдоподобную основу для демократии в Африке.

Для Джозефа Ситумы, Кисемеи Мутиса и Кристин Булума, ввиду разнообразия африканских этнических групп и интенсивности этнической идентичности, задача состоит в том, чтобы использовать и распространять местные ценности и добродетели, которые порождают сильные национальные чувства. Следовательно, они размышляют о некоторых коренных африканских нормах и ценностях и утверждают, что некоторые из них являются жизнеспособными элементами местной модели демократии в двадцать первом веке.

Согласно Мозесу Олударе Адерибигбе, принцип верховного права большинства, который поддерживают выборы в либерально-демократической мысли и практике, сводится к тому, что большинство навязывает свою волю меньшинству. Кроме,

утверждает Адерибигбе, учитывая тенденцию многих африканцев голосовать в соответствии со своей этнической или религиозной принадлежностью, демократия должна означать больше, чем голосование на выборах. С этой целью он утверждает, что универсальные ценности демократии должны быть контекстуализированы, принимая во внимание африканскую реальность и перенимая некоторые местные африканские ценности, чтобы приучить демократию и сделать ее устойчивой. Он считает, что такие ценности, как автономия личности в сочетании с важностью консенсуса и терпимости, могут защитить права меньшинств в обществе за счет вовлечения родственных групп, таких как расширенные семьи и родословные, в процессы принятия решений.

Тайо Рэймонд Иезекиэль Иганлуси ставит под сомнение возможность универсальной альтернативной африканской модели демократии. Признавая, что либеральная демократия подвела африканцев, он утверждает, что писатели часто принимают как должное по крайней мере три вещи в поисках ее замены. Во-первых, поскольку люди определяют демократические практики по отношению к конкретным культурам, предложение всеобъемлющей демократической модели для Африки нереалистично. Во-вторых, учитывая разнообразие идентичности и опыта африканских народов, предпочтение любой демократической модели из любого региона может быть воспринято как культурное навязывание другими африканскими государствами и регионами. В-третьих, неудачи либеральной демократии в основном связаны с моральным падением людей. Таким образом, в то время как западный колониализм справедливо считается ответственным за провал либеральной демократии в Африке, аналогичные моральные провалы, характерные для систем управления доколониальных африканских обществ, также способствовали провалу.

Дж. П. Одох Пидо подчеркивает разницу между подходами к проектированию «просачивание вниз» и «волна». Он отмечает, что модель «просачивания вниз» можно считать демократичной, когда нововведение получает широкое признание членов группы. Граундсвелл, чрезвычайно демократичный, - это то, что на самом деле делают массы и как их поведение влияет на решения и действия тех, кто у власти. Он отмечает, что ни одно из этих внешне противоположных направлений нельзя остановить или контролировать без значительных, часто очень недемократических усилий. В рамках поиска истинно африканских моделей демократии Пидо размышляет о многочисленных примерах, в которых либо «просачивается», либо «подземный вал» произошли во всем мире и в Восточной Африке.

Реджинальд М.Дж. Одуор предлагает обоснование этнических федераций в этнически множественных постколониальных африканских государствах с конкретной ссылкой на Кению. Он отмечает, что, несмотря на глобализацию, этноцентризм продолжает оставаться заметной чертой социально-политической реальности во многих частях мира, включая большое количество постколониальных африканских государств. Далее он указывает, что групповая идентичность является важным компонентом самоуважения человека. Из этого он делает вывод, что отказ либеральной демократии от коллективного права членов этнической группы преследовать свои политические устремления

в контексте их культурной группы является не просто ущербным, но фактически является актом насилия. Поэтому он утверждает, что этническую лояльность не следует осуждать или отвергать, а следует тщательно учитывать в социально-политической инженерии многоэтнических африканских государств.

Короче говоря, эта книга является вкладом в дискурс о постколониальной реконструкции — необходимом и продолжающемся начинании, поскольку разрушение всегда занимает гораздо меньше времени, чем восстановление; и пятьсот лет — Западный империализм сначала как работорговля, затем как колониализм, а теперь как неоколониализм, уничтожали и продолжают разрушать народы Африки социально, политически, экономически, духовно, психологически и многими другими способами. Вот почему те, кто настаивает на том, что мы не имеем права обвинять колониализм в наших бедах более чем через пятьдесят лет после обретения независимости, глубоко ошибаются. Тем, кто может задаться вопросом, почему в свете современной геополитики ученые обсуждают тему, подобную той, что обозначена названием

В этой книге я отвечаю, что проводимцы по определению являются людьми, которые видят за пределами своих обстоятельств и своего времени. Жизнь многих людей в Африке сегодня уже сильно ухудшена из-за нестабильности, вызванной дисфункциональной либеральной демократией. Следовательно, им надлежит завещать следующему поколению возможные дорожные карты к лучшему будущему, и этот том является вкладом в это дискурсивное усилие. Как говорится, общество возвеличены теми из старейшин, которые сажают деревья, тени которых знают они никогда не будут сидеть под.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Балакришнан, Сара. 2016. «Панафриканское наследие, афрополитическое будущее: беседа с Ахиллом Мбембе». *Переход*, № 120, стр. 28–37. <https://www.jstor.org/stable/10.2979/переход.120.1.04>.
- Белл, Д.А. 2006. *За пределами либеральной демократии: политическое мышление для жителей Восточной Азии*. Контекст. Принстон: Издательство Принстонского университета.
- Брэдли, Мэтью Тодд. 2005. «Другой»: предварительные африканские концепции демократии». *Обзор международных исследований*, Vol. 7 № 3, стр. 407–31. <https://www.jstor.org/stable/3699757>.
- Чвейя, Людеки. 2002. «Западная современность, коренные африканцы и политический порядок: опрос либерально-демократического православия». В Chweya, Ludeki изд. *Избирательная политика в Кении*. Найроби: Claripress, стр. 1–27.
- Клэкстон, Мервин. 2008. «Африканская культура: источник решений проблем Африки?» *Présence Africaine*, Новая серия, Vol. 2 № 175/177, стр. 589–615. <https://www.jstor.org/stable/43617550>.
- Фанон, Франц. 1963. *Несчастливые Земли*. Констанс Фаррингтон, пер. Нью-Йорк: Гроув Вайденфельд.

- Файеми, Адемола Казим. 2009. «На пути к африканской теории демократии». Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении, первый выпуск, новая серия, том 1, № 1, стр. 101–26. <https://www.ajol.info/index.php/tr/статья/представление/46309>.
- Фукуяма, Фрэнсис. 1992. Конец истории и последний человек. Лондон: Пингвин Книги.
- Ганди, МК 1909. Хинд Сварадж; или индийское правило. Гуджарат: Индийское мнение.
- Хунтонджи, Паулин Дж., изд. 1997. Эндогенные знания: исследовательские маршруты. Дакар: КОДЕСРИА.
- Лумумба-Касонго, Тукумби изд. 2005. Либеральная демократия и ее критики в Африке: политическая дисфункция и борьба за социальный прогресс. Дакар: Книги CODESRIA
- Мафейе, А. 2002. «Демократическое управление и новая демократия в Африке: повестка дня на будущее». Документ подготовлен для презентации на «Африканском форуме по представлению Африки» в Найроби, Кения, 26–29 апреля 2002 г. www.worldsummit2002.org/тексты/ArchieMafeje2.pdf.
- Мбембе, А. 2001. О постколониализме. Беркли: Калифорнийский университет Press.
- Милль, Джон Стюарт. 1956 (1859). На Свободе. Шилдс, Каррин В. изд. Река Верхнее Седло, Нью-Джерси: Прентис Холл.
- Мојола, АО 1996. «Демократия в доколониальной Африке и поиск подходящих моделей в современном африканском обществе». Олока-Оньянго, Джозеф, Кивута Кибвана и Крис Майна Питер, ред. Право и борьба за демократию в Восточной Африке. Найроби: Claripress, стр. 329–40.
- Пантам, Т. 1983. «Размышляя с Махатмой Ганди: за пределами либеральной демократии». Политическая теория, Том 11 № 2, май 1983 г., стр. 165–88.
- Родни, В. 1973. Как Европа отстала от Африки. Дар-эс-Салам: Танзанийское издательство.
- Сиум, Аман. 2014. «Мечтать за пределами государства: в центре внимания управление коренными народами как основа для развития Африки». Контрапункты, Vol. 443: Новые взгляды на «африканское развитие»: говоря по-другому, стр. 63–82. <https://www.jstor.org/stable/42982048>.
- Сыротинский, М. 2012. «Генеалогические несчастья»: (пере)написание Ахиллом Мбембе постколониальной Африки. Параграф, Том. 35 № 3, стр. 407–20. <https://www.jstor.org/stable/43263849>.
- Та'и Во', Олу Фе'ми. 2004. «Африканская политическая философия после обретения независимости». Wiredu, изд. Квази. Компаньон к африканской философии. Малден, Массачусетс: Blackwell Publishing Ltd., стр. 243–59.
- Вамба - диа-Вамба, Э. 1994. «Африка в поисках нового режима политики». Himmel strand, U., K. Kinyanjui, and E. Mburugu eds. Африканские взгляды на развитие: противоречия, дилеммы и открытия. Лондон: Джеймс Карри, стр. 249–61.
- Уайтхед, Л. 2010. «Альтернативные модели демократии в Латинской Америке». Браун Журнал мировых дел, Vol. 17 № 1, стр. 75–87. <https://www.jstor.org/стабильный/24590758>.
- Wiredu, K. 1996. Культурные универсалии и особенности: африканская перспектива. Блумингтон: Издательство Индианского университета.

Часть 1

КРЫСА ОНАЛЕ ИЛИ ТЕ Н «АФРИКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЯ» PROJECT

Глава первая

Африканская политическая идеология и практика в Е a G l o b a l i z a t i o n

Можно ли вернуться к африканскому гуманистическому

Социализм против афро-либертарианства?

Сиркку К. Хеллстен

В этой главе я исследую текущее состояние африканской политической идеологии в контексте глобализации . Я спрашиваю , почему либеральной демократии не удалось стать предпочтительной моделью управления в современной Африке. Затем я утверждаю, что африканским политическим философам, политологам и политическим деятелям пора активизировать поиск последовательной идеологической основы для развития Африки в широком смысле. Я также утверждаю, что этого можно достичь только в том случае, если больший упор будет сделан на разработку альтернативных политических теорий , которые серьезно относятся к контексту и истории Африки и ставят под сомнение применимость нынешних гегемонистских идеалов развития, отстаиваемых западными державами и финансистами. В этой связи я полагаю, что отличной отправной точкой является переоценка достоинств и недостатков африканской освободительной идеологии и африканского гуманистического социализма, которые боролись с эксплуатацией со стороны западного империалистического капитализма и глобального неолиберализма в ходе борьбы за свободу . деко

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ : ИДЕАЛ

ПРАВО И С О A I A ?

N

После окончания Второй мировой войны идеал международного развития был представлен в рамках политических ценностей либеральной демократии с рыночной экономической системой. Западные державы создали этот идеал развития, чтобы бросить вызов социализму во время холодной войны (Escobar, 1985). Кроме того, после распада Советского Союза в 1991 г. и последующего распада Восточного (социалистического) блока либерализм (в его различных формулировках) оставался единственным «респектабельным» выбором и в конечном итоге достиг глобального господства (Rist 2002; Hellsten 2013). После этого западные

предоставил помощь в целях развития африканским политикам при условии, что получатели продемонстрируют приверженность системам управления и институтам, которые в конечном итоге приведут к работающим либеральным демократиям.

С философской точки зрения либеральная демократия основана на различных формулировках теории общественного договора, от допросветительских идей Томаса Гоббса и Джона Локка до идей эпохи Просвещения, таких как Адам Смит, Жан - Жак Руссо и Иммануил Кант, которые искали теоретическое обоснование современного национального государства¹. Это государство было основано на консолидации публичной власти, то есть на волеизъявлении граждан, которые избирали своих лидеров и устанавливали свои законы в качестве автономных моральных и политических агентов. Экономическое развитие, вызванное промышленной революцией, привело к росту популярности капитализма, который также, как считалось, повышал осознание человеком своей автономии, вызывая растущую потребность в обмене информацией. В последние годы теория общественного договора получила дальнейшее развитие, ее переформулировали, чтобы она соответствовала текущему политическому и экономическому контексту, а также чтобы узаконить и укрепить предполагаемую универсальность общественных отношений. либеральные ценности и идеалы в эпоху глобализации.

Кроме того, программы структурной перестройки, навязанные многим африканским государствам бреттон-вудскими учреждениями (главным образом Всемирным банком и Международным валютным фондом) с 1990-х годов, основывались на предположении, что страны, принявшие рыночную экономическую политику, также возьмут на себя обязательства к либеральной демократии. Лишь недавно такие институты признали, что экономический рост сам по себе не гарантирует демократического управления, и теперь подчеркивают, что рыночная экономика и приватизация должны основываться на принципах «хорошего управления», чтобы привести к «инклюзивному росту», т. е. экономическое развитие, которое в большей степени приносит пользу гражданам.

Кроме того, в различных инициативах Организации Объединенных Наций в области прав человека, таких как Цели развития тысячелетия (2000–2015 гг.) и текущие Цели устойчивого развития (2015–2030 гг.), задачи основаны на идее универсализации либерально-демократических ценностей. Более того, многие западные агентства развития склонны выдавать желаемое за действительное, что с созданием во всем мире институтов, подобных тем, которые обычно имеются в западных государствах, большинство стран также будут привержены гуманистическим либеральным ценностям, таким как инклюзивность, участие, равные права и возможности, а также терпимость к различиям. Действительно, эти агентства установили эти ценности в качестве «основополагающих принципов» большей части своего сотрудничества в области развития с африканскими государствами.

После Второй мировой войны расширяющаяся рыночная экономика и растущий средний класс рассматривались как наилучший способ поставить западноевропейские страны на ноги, и то же самое впоследствии было применено к постколониальной Африке, несмотря на ее заметно отличающееся социальное положение. -политический контекст. В Европе

демократическое развитие в национальном государстве имеет довольно долгую историю, насчитывающую более двух столетий. С другой стороны, новые независимые, культурно неоднородные государства Африки вышли из гораздо более слабого

Дело в том, что они уязвимы перед конфликтами, которые легко ведут к социальной и политической раздробленности, — факт, который признавали такие идеологи освобождения, как Джулиус Ньерере и Кваме Нкрума, которые подчеркивали необходимость укрепления национального единства и солидарности. С их точки зрения, либеральная демократия с рыночной экономикой в слабых постколониальных государствах создаст слишком много групп интересов, что приведет к конкуренции и конфликтам (Nyerere 1967; Collier 2009; Hellsten 2013; UNDP 2013; World Bank 2013).

Тем не менее, западные державы, настаивающие на том, что демократизация в Африке идет рука об руку со свободной рыночной экономикой, и соответствующим образом координируя свою помощь, смешивают две очень разные либеральные традиции — экономический либерализм и политический либерализм. Неудивительно, учитывая, что эти две либеральные традиции имеют очень разные ценностные рамки, это слияние не всегда происходило гармонично. В то время как экономический либерализм основан на прагматических и инструментальных материалистических ценностях и идеале корыстных агентов, максимизирующих прибыль, политический либерализм уходит своими корнями в гуманизм Просвещения, который рассматривал людей как моральных и политических агентов, работающих вместе для реализации общих интересов. В сегодняшней политической реальности экономический либерализм взял верх в этом непрестом «либеральном союзе». Таким образом, в то время как многие страны мира приспособились к инструментальным интересам

экономического либерализма, немногие привержены идеалам политического либерализма, основанного на понятии равной человеческой ценности, подразумевающим императив достижения социальной справедливости, проявляющейся, среди прочего, в равных правах, равных возможностях и равном участии. Другими словами, «проект либерального развития» не удалось усилить плюралистический политический либерализм.

Более того, в то время как капиталистический неолиберализм в настоящее время доминирует в экономической политике, политический либерализм в сфере управления по-прежнему активно конкурирует с авторитарными режимами. Кроме того, послевоенная Идеал развития, отстаиваемый западной гегемонией во главе с США, подвергается сомнению со стороны различных субъектов и факторов. В экономическом плане БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), а также многие страны Азии и Африки играют все возрастающую роль в мировой экономике и политике. Китай, в частности, занял важное место в мировой экономике, где растущий средний класс и растущий потребительство обещают продолжение экономического роста. Более того, Китай предлагает модель управления, альтернативную модели западной либеральной демократии, с его государственным капитализмом, представляющим собой авторитарную форму управления, которая может уверенно конкурировать в глобальной деловой среде.

Однако Китай не одинок в своем выборе авторитарной и централизованной модели управления. Действительно, антилиберальные политические идеологии были на подъеме, особенно в Азии и Африке, и даже в Соединенных Штатах и Западной Европе произошли события, которые бросают вызов траектории победы либеральной демократии, с расширением популистской политики, консервативного республиканского, религиозный фундаментализм, националистический протекционизм, новые формы фашизма и другие формы экстремизма, а также возросшая угроза терроризма на родине либеральной демократии (Diamond et al., 2016). Таким образом, анализ Сэмюэля Хантингтона (Huntington, 1991) прогрессивных «волн демократии»

больше не применяется, поскольку продолжающаяся «четвертая волна» глобальных политических изменений, похоже, смещается в сторону более авторитарных систем управления во всем мире. Таким образом, несмотря на то, что демократические институты западного типа получили широкое распространение во всем мире, в настоящее время они все чаще используются для легитимации консервативных и/или нелиберальных систем, представляющих различные формы авторитарного либертарианства / неолиберализма (Diamond et al., 2016).

В других странах мажоритарная демократия бросает вызов плюралистической либеральной демократии. Мажоритарная демократия не обязательно уважает права меньшинства, голоса маргинализированных, равенство возможностей и другие плюралистические, либеральные ценности, особенно когда «невидимой руке рынка» отводится главная роль в политике. В Африке, например, мажоритарную демократию можно увидеть в «политике чисел», где политики формируют союзы (обычно на этнической основе), чтобы гарантировать голоса, которые сохраняют их у власти. Эти союзы игнорируют интересы тех, кто не является их частью, и заручаются поддержкой, сосредоточившись на разделении, а не на попытках найти способы способствовать единству внутри наций. Они используют демократические институты для захвата и удержания власти, но в рамках традиционной патриархальной системы ценностей, основанной на субнациональной, а не национальной лояльности, и в настоящее время смешанной с неолиберальным личным интересом, то есть одержимостью накоплением частной собственности.

Кроме того, за последнее десятилетие или около того нелиберальные державы приобрели влияние на мировой торговой арене во многих других частях мира. Ведущие авторитарные страны, такие как Китай, Иран, Россия и Саудовская Аравия, разработали новые инструменты и стратегии, чтобы сдерживать распространение либеральной демократии и бросить вызов международному политическому порядку, основанному на либеральных ценностях, оставаясь при этом экономически конкурентоспособными. Тем временем так называемые развитые демократии Запада столкнулись с внутренними вызовами и не смогли ответить на угрозу, исходящую от авторитарных режимов (Diamond et al., 2016). Стоит отметить, что Европейский союз в настоящее время рассматривает защиту либеральной демократии как часть европейской системы ценностей, а не призыв к универсальным ценностям. Таким образом, идеалы Просвещения теперь локализованы и открыто культурно встроены в европейскую историю и политическую практику и, таким образом, больше не маскируются под проявления «универсального разума».

АФРИКАНИЗМ И АВТОРИТАРНЫЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

В этом разделе я исследую состояние политики и политических идеологий в Африке сегодня, прежде чем сосредоточиться на текущем состоянии политической теории на континенте. В современном африканском контексте особенно важно рассматривать теории по отношению к политической практике, чтобы четко различать факты и ценности, традиции и идеалы, практику и идеологию. Действительно, как однажды заметил Иммануил Кант, опыт без теории слеп, но теория без опыта — просто интеллектуальная игра (Кант, 1998).

Африканская политическая практика широко приняла форму управления, которую я назвал «афро-либертарианством» (Hellsten 2009). Здесь важно подчеркнуть, что «афро-либертарианство» — это не тщательно разработанная идеология, сознательно построенная политическая теория или намеренно выбранное направление политики. Скорее, это хищническая политическая практика, захватившая африканскую политику. Он не предлагает нормативных указаний о роли государства или правительства в определении экономической или социальной политики (государственное вмешательство/ максимальное/ минимальное состояние). Вместо этого он строится на реакционной и непоследовательной политической программе, зависящей от внешнего давления, условий доноров, деловых предложений от любых партнеров и личных интересов лидеров, а не народа. В результате эта политическая практика не движется ни к идеалам либеральной демократии, ни к основным ценностям африканского коллективистского гуманизма, на которых основывалось стремление к освобождению Африки от западноевропейского колониализма.

В афро-либертарианской политической практике доколониальные коммунистические африканские системы ценностей, которые призывали к лояльности к группе (чаще всего этнической группе), социальным обязанностям и уважению к традиционным иерархиям, теперь были интегрированы в различные импортированные модели управления. Сначала появился колониальный авторитаризм, затем, после деколонизации, большая часть Африки перешла, хотя и номинально, к противоположной модели либеральной демократии, которую теперь принял Запад и которая конкурирует с социалистическим авторитаризмом и централизацией. Сочетание этого диапазона систем управления и институтов в Африке постепенно привело к хищническому политическому порядку, в котором идеалы и методологии были интегрированы таким образом, что породил ряд смешанных ценностей и практик. Например, импортированная демократическая практика проведения очередных выборов теперь часто используется для легитимации власти автократов.² Другими словами, то, что делается во имя «демократии», часто несовместимо с «демократическими ценностями» и противоречит интересам народа. В частности, без приверженности равному участию «демократическими» выборами можно манипулировать и манипулировали для подтверждения несправедливого распределения власти и ресурсов с помощью судов (которые находятся в ведении судов).

не очень тонкий контроль над должностными лицами) используются для принятия решений, поддерживающих статус-кво, а средства массовой информации (не имеющие подлинной автономии) используются для того, чтобы направлять общественное мнение в пользу богатых и влиятельных.

В опасной ситуации, описанной в предыдущих двух абзацах, общественное доверие к демократическим процессам и институтам снижается. Граждане остаются без какой-либо подлинной политики, из которой можно было бы выбирать, или каких-либо реальных вариантов, основанных на последовательных идеологических позициях о роли государства в экономическом развитии и в жизни граждан в целом. Действительно, вместо того, чтобы выбирать между наборами альтернативных политических ценностных рамок, люди в конечном итоге выбирают между харизматическими лидерами или голосованием на основе этнической принадлежности и других традиционно коммуналистских и патриархальных соображений (Mazrui 2001, 97–99; Taiwo 2006; Hellsten 2009).) и, в конечном итоге, потерять доверие к демократии как к системе, которая может привести к позитивным изменениям. Это часто называют «неудачей демократии в Африке», и все же это скорее неспособность тех, кто находится у власти, продвигать демократические ценности.

Различие между ценностями и практикой становится еще более размытым, если мы не учитываем как политическую философию, так и политологию при анализе различных аспектов политического развития в Африке. Например, важно рассмотреть, почему африканский социалистический и коммуналистический гуманизм не сработал в их историческом и социальном контексте: была ли проблема коренится в их ценностных рамках, их реализации, внешних факторах или

сочетание всех трех? Как метко заметил Али Мазруи (2001, 97–98), при

В постколониальных — и неоколониальных — условиях африканская политическая теория больше откланилась на социокультурные идеологии, чем на социально-экономические.

Эти социокультурные идеологии сосредоточены на таких вопросах, как идентичность, происхождение и святость, оставляя позади социально-экономические идеологии (сосредоточенные на классе, экономических интересах и экономических преобразованиях), особенно после упадка африканского социализма.

Африканская политическая философия в основном пытается возродить общинные структуры управления, подчеркивая местные ценности солидарности африканцев, в то время как африканская политическая наука часто измеряет политическое развитие по ортодоксальным западным стандартам «демократической практики»³. Однако в повседневной политике отсутствие последовательной идеологии развитие находит отражение в специальной экономической и социальной политике. В целом, политические решения в Африке реагируют на глобальные, региональные и национальные дела, а не руководствуются долгосрочным планированием, основанным на ценностях. Кроме того, формулирование политики часто нереалистично, а политическая воля недостаточна для выполнения предвыборных обещаний. Без последовательной идеологии, основанной на ценностях, которая предлагает план политической ответственности, люди остаются без каких-либо критериев, по которым можно было бы оценивать эффективность деятельности.

тех, кого они избирают на высокие государственные должности.

В сегодняшнем контексте глобального капитализма важно понять, почему африканские идеологи освобождения предпочитали социалистическую модель, основанную на африканском коммуналистском контексте, учитывая их подход, основанный на опыте, а не на слепых идеалистических теориях перемен. Увидев воочию, как неолиберальная экономическая политика эксплуатировала африканские народы и демонстрировала разрушительные последствия имперского капитализма в его поощрении эксплуатации и неравенства во имя «экономической рациональности», они увидели в африканском социализме альтернативную идеологию развития для уничтожения. колонизация и не только. Они видели его коллективистские ценности более применимы к постколониальному контексту, чем африканские коммуналистские традиции, а его призыв к социальной ответственности подходит для укрепления национальной гордости и единства.

Тем не менее, хотя целью африканского социализма было общее благо народа (Каунда, 1966; Ньерере, 1967, 1968, 1973; Нкрума, 1970; Шивджи, 1976; Амин, 2014), сегодня многие теоретики рассматривают провал африканского социализма исключительно с экономической точки зрения. зрения и из истории победителя, т. е. капитализма с его рыночной экономикой, и объявить, что социализм потерпел сокрушительное поражение. В действительности, однако, из-за внутреннего и внешнего давления эксперименты с африканской социалистической демократией так и не имели возможности пойти своим чередом. Поскольку у самих западных стран есть проблемы с формулированием последовательной политики, уравнивающей два очень разных вида либерализм (политический и экономический), неудивительно, что гораздо более молодые постколониальные африканские государства испытывали трудности с демократизацией в контексте глобализации.

АЙЛУ ЭБЛИБЕ АРФ Р ПОВЕСТКА ДНЯ В АФРИКЕ И ЗА РУБЕЖОМ

В современной афро-либертарианской политической практике наблюдается тенденция к росту авторитарного неолиберализма и отходу от либеральной демократии. Это направление соответствует предсказаниям идеологов освобождения, которые призывали к гуманистическим ценностям как основе развития Африки и предупреждали Опасности капиталистической свободной рыночной экономики. Многие из нынешних африканских лидеров сохраняют осторожность в отношении либеральной демократии, в то же время искренне принимая индивидуалистическую рыночную экономическую политику, и, хотя многие лидеры все еще могут риторически призывать к общинной солидарности, они просто ожидают этой солидарности от граждан без обязательств со стороны лидеров. себя на общее благо нации.

Таким образом, когда в соответствии с классическим экономическим либерализмом идеал индивидуалистического личного интереса, проявляющегося в получении прибыли, берется в качестве модели для рациональное гражданство, ценностная база отличается от либеральной демократии,

которая рассматривает граждан как автономных моральных и политических агентов. База стоимости меняется еще больше, когда максимизация прибыли устанавливается в контексте традиционной коммуналистической солидарности с социальными обязанностями и сетями, потому что коммуналистические призывы к солидарности создают предвзятую, субнациональную лояльность, поскольку лидеры и слои населения пытаются защищать и продвигать свои собственные интересы, а не продвигать общее благо. В то время как экономический либерализм призывает к рыночной рациональности, коммунизм в африканском контексте помещает ее в рамки традиционных патримониальных отношений⁴. Политический либерализм, основанный на идеале всеобъемлющего общественного договора как основы демократического принятия решений, не работает в контексте, в котором субнациональные лояльности препятствуют беспристрастности и автономии отдельных граждан. Тем не менее, в современном африканском контексте лидеры и более широкая правящая элита создают политический раскол, призывая к солидарности по отношению к своему социальному коллективу — причем это часто бывает клан, этническая или религиозная община.

В современной африканской политике путаница, возникающая из-за случайного смешения различных систем ценностей, ведет к отходу от идеалов либеральной демократии. Ключевая проблема заключается в непоследовательной «модели развития», заданной Западом. После Второй мировой войны два вида индивидуалистического либерализма (экономический и политический) объединились, чтобы противостоять вызову социализма и его централизованному способу управления. Программы структурной перестройки (SAP) и другие программы экономической приватизации, отстаиваемые Бреттон-Вудскими учреждениями в соответствии с глобальным капитализмом, прочно укоренили экономический либерализм в Африке. Однако идеал политического либерализма, подчеркивающий роль граждан как автономных и самоуправляющихся моральных и политических агентов с равными правами, принимается менее широко и с меньшим рвением (Senghor, 1964; Rawls, 1971; Nyerere, 1973; Shivji, 1976; Escobar, 1985; Рист, 2002; Хеллстен, 2009, 2013, 2016). Основная проблема западной повестки дня в области развития в Африке заключается в несовместимости ценностей этих двух совершенно разных видов либерализма. Экономический либерализм, который сегодня движет глобальным капитализмом, основан на инструментальных и материалистических ценностях и, как таковой, имеет тенденцию вести к усилению жадности и конкуренции за ресурсы, как и африканские идеологи освобождения Джулиус Ньерере, Кваме Нкрума, Кеннет Каунда и многие другие. ожидали другие (см. Каунда, 1966; Нкрума, 1970; Ньерере, 1967, 1973).

Вышеизложенные наблюдения должны помочь нам лучше понять, почему африканские освободительные идеологи предпочли социалистическую модель, которая была совместима с африканским коммуналистическим контекстом. Их целью было усиление суверенитета за счет самообеспечения новых независимых африканских государств с целью содействия общему благу людей.

После отказа от африканского социализма ценностная основа африканской политической практики объединила западные индивидуалистические экономические и политические принципы.

либерализм таким образом, который лучше всего подходит тем, кто находится у власти. По иронии судьбы, эта африканская формулировка авторитарного неолиберализма использует импортированные и навязанные демократические институты и структуры для легитимации патримониальных, часто нелиберальных систем управления. В частности, автократы подрывают демократию, подрывая поддерживающие ее институты — законодательные органы, представительные местные органы власти, судебную систему, средства массовой информации и другие негосударственные институты, такие как группы гражданских прав, — и подстегивая лояльность на субнациональном уровне, часто в форма политизированной этничности. Результатом в каждом случае является государство, которое институционально выглядит как либеральная демократия, но ценностная база которого и близко не соответствует политическому либерализму, который рассматривает граждан как автономных моральных и политических агентов.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ

С точки зрения эмпирических тематических исследований в Африке, Танзания представляет собой полезный пример авторитарной тенденции в глобализированной неолиберальной политической экономике. Страна борется с коррупцией в самых разных ее проявлениях. Незаконные денежные переводы, незаконный оборот наркотиков, браконьерство и другие действия, которые набивают карманы тех, кто имеет возможность манипулировать правилами и положениями, если они получают привлекательную «компенсацию». Есть подозрение в «тайных» сделках государственных чиновников по использованию огромных природных ресурсов страны. Отсутствие прозрачности и приверженности общему благу продолжает усиливать фрагментацию танзанийского общества, а неравное распределение ресурсов страны создает напряженность между различными этническими группами и социальными классами.

Кроме того, непрекращающиеся дебаты по поводу нового проекта конституции Танзании иллюстрируют то, как вопрос о распределении ресурсов страны становится все более важным и мешает различным сторонам прийти к консенсусу. Результаты всеобщих выборов 2015 г. были самыми близкими с момента обретения страной независимости в 1961 г., что свидетельствует о значительном снижении доверия к Чама Ча Мапиндузи (ЧЧМ) — партии, правившей страной с момента обретения независимости⁵. Со своей стороны, ЧЧМ стала чем-то вроде Идеологический хамелеон: несмотря на то, что конституция определяет ее как социалистическую партию, она в политике и на практике изменила свое политическое направление с гуманистического социализма Уджамба Ньерере на более ориентированный на рынок подход и в настоящее время совершенно открыто поддерживает форму государственного капитализма.

Нынешняя конституция Танзании наделяет президента значительной властью, а СКК, как правящая партия, имеет полный контроль над государственными ресурсами и государственными учреждениями, а также над экономической политикой и возможностями для бизнеса в стране. Таким образом, СКК могут использовать как государственные предприятия, так и частные.

влияние ее отдельных высокопоставленных членов на принятие ключевых экономических решений. Следовательно, часто возникает конфликт между интересами государства и интересами лиц, занимающих государственные должности. Однако в течение первого года правления президента Джона Помбе Магуфули, похоже, были предприняты серьезные усилия по сокращению общественных растрат, прекращению уклонения от уплаты налогов и контролю влияния политических элит на деловые сделки. Магуфули твердо взялся за государственные дела и создал более осторожную политическую атмосферу, в которой люди опасались потерять свои должности и связи. Тем не менее, он также оказался нетерпимым к критике, ограничив некоторые гражданские и политические свободы, в том числе свободу слова и независимость СМИ. Было не совсем ясно, в какой степени президент имел контроль над партийными делами, поскольку традиционно СКК как политический коллектив был выше и контролировал любого человека, которого он поддерживал в любой момент времени — ситуация аналогична ситуации в Южной Африке. Африканский национальный конгресс (АНК) (см. Hellsten 2016).

Между тем в Мозамбике мы видим аналогичную структуру, где партийная власть ставится выше индивидуального влияния в управлении государством и бизнесом. Как и в случае с СКК Танзании, в Мозамбике была только одна правящая партия, Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), с момента обретения страной независимости в 1975 г. Все попытки разделить власть с Мозамбикским национальным сопротивлением (РЕНАМО) — бывшим движением, ставшее оппозиционной политической партией после гражданской войны (1977–1992 гг.), — потерпели неудачу. Fre limo, как и CCM, идеологически гибка и имеет жесткий контроль над экономикой, а также над внутренними и международными деловыми сделками в стране.

Таким образом, как и в Танзании, экономика в настоящее время имеет капиталистическую направленность, а прежние социалистические принципы ФРЕЛИМО давно забыты и заменены интересами правящей элиты. Большая часть бизнеса в стране контролируется правящей партией и президентом, хотя президент Филипе Ньюси, вступивший в должность в январе 2015 года, обладает меньшими всеобъемлющими полномочиями, чем его предшественник Армандо Гебуза.

В целом и Танзания, и Мозамбик представляют собой примеры контроля авторитарных политических партий, которые ранее возглавляли национально-освободительные движения страны, предоставляя им исторический кредит и поддержку на низовом уровне, которые продолжают гарантировать им поддержку на выборах.

Замбия прошла путь, аналогичный пути Танзании и Мозамбика, хотя власть в стране переходила из рук в руки от социалистической партии к неолиберальной, как, например, Объединенная партия национальной независимости Кеннета Каунды (UNIP), которая правила страной с момента обретения ею независимости. в 1964 году потерял власть Движение Фредерика Чилубы за многопартийную демократию (MMD).

в 1991 году во время первых многопартийных выборов за двадцать три года. Однако те же проблемы проявились и в Замбии, поскольку победитель забрал все, что вызвало напряженность между различными политическими фракциями.

В других местах Африки можно найти другие формы авторитарного неолиберализма. В Уганде, например, Национальное движение сопротивления (НДС), пришедшее к власти в 1986 году на платформе освобождения после десятилетий нестабильности, все еще находится у власти, а Йовери Мусевени, его первоначальный лидер, не желает уйти в отставку или разделить власть. Опять же, есть такие страны, как Кения, которые последовательно ориентируются на рынок и, похоже, приспособились к демократической передаче власти. Однако этнические союзы, созданные для обеспечения власти, поскольку отдельные этнические лидеры подрывают плюралистическую либеральную демократию в таких странах, превращая выборы в состязание за численность, основанную на этнической принадлежности, следуя стратегии «разделяй и властвуй» (Cheeseman 2014).

Вышеприведенные примеры иллюстрируют, как афро-либертарианство и авторитарный неолиберализм нашли свое выражение в различных моделях управления в Африке. В некоторых африканских государствах политические партии, находящиеся у власти, не оставляют места для многопартийной политической конкуренции, несмотря на призывы граждан предоставить им возможность выбирать из подлинных идеологических альтернатив. В других авторитарное управление проявляется в виде харизматичных, сильных и/или безжалостных лидеров. В то время как уровень бедности в этих странах остается высоким, богатые и влиятельные люди продолжают приобретать огромные богатства посредством коррумпированных местных и глобальных деловых сделок за счет своих обедневших подданных. Ясно, что во многих из этих стран политическая и экономическая элиты тесно переплетены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе я стремился показать, что во многих современных африканских государствах существует бессвязная смесь трех систем ценностей: традиционных африканских коммуналистских ценностей солидарности и эгалитаризма, которые на практике проявляются в виде субнациональной лояльности и патримониальных властных отношений, была неуклюже интегрирована с двумя навязанными и расходящимися западными индивидуалистическими системами ценностей, а именно с экономическим и политическим либерализмом. Следовательно, определение реальных руководящих социальных ценностей и политических принципов становится все более трудным. Таким образом, многие африканские политические партии в настоящее время редко вырабатывают какие-либо четкие, последовательные, нормативные идеологические рамки, которыми можно было бы направлять страны, в которых они работают. Вместо этого в своих политических кампаниях они расплывчато ссылаются на «демократию», «развитие», «реформы», «изменения», «создание богатства», «национальное единство» и «национальный суверенитет». В действительности политическая практика основана на сиюминутной личной выгоде тех, кто захватывает государственную власть, а не на долгосрочном планировании общего блага. Когда политические партии не предлагают четких идеологических указаний, люди быстро начинают искать нормативные ориентиры где-то еще. Это привело к возникновению различных видов экстремизма, таких как религиозный фундаментализм, политизированный

этническая принадлежность, фашизм и крайний эгоизм, а также дестабилизирующие политические движения, поддерживающие различные авторитарные модели руководства, тем самым создавая порочный круг маргинализации, недовольства и конфликтов.

Таким образом, чтобы найти направления развития Африки в широком смысле, необходимо по-новому взглянуть как на философию, так и на контекст идеологий освобождения, поддерживаемых такими лидерами, как Джулиус Ньерере, Кваме Нкрума и Кеннет Каунда. Развертывание этого африканского гуманистического социализма в нынешнем глобальном неолиберальном контексте могло бы предоставить африканской политике новые возможности для борьбы с эксплуатацией и создания альтернативных структур управления. Будут ли такие структуры адаптироваться к ценностям

либеральной демократии или африканский гуманизм не так важны, как попытка найти путь к более ориентированному на человека идеалу развития после

десятилетия экономического инструментализма. Таким образом, причина повторного подчеркивания роли африканского гуманистического социализма в этом контексте заключается в его исходной точке зрения.

отъезд — его акцент на альтернативном, ориентированном на человека развитии, которое гораздо шире, чем простой экономический рост или повышение уровня жизни. Африканский гуманистический социализм был особенно критически настроен по отношению к империализму и беспощадному глобальному капитализму за их эксплуатацию и создание ложного сознания среди африканских народов.

Далее я утверждал, что исторический факт отказа от гуманистического африканского социализма как политической практики не делает бессмысленными его цели, его ориентированные на человека ценности и его основную критику западного экономического либерализма — как раз наоборот. Примечательно, что многие ведущие идеологи освобождения указывали, что принятие индивидуалистических капиталистических практик без приверженности каким-либо глубоким гуманистическим ценностям приведет к порочной конкуренции и социальной фрагментации. Они подчеркивали, что это особенно проблематично в недавно деколонизированных и часто все еще хрупких африканских государствах, границы которых были искусственно установлены колониальными державами, что привело к этнически неоднородному населению, и их предупреждения оказались вполне обоснованными, а последствия очевидны. все вокруг нас.

Действительно, многие африканские государства пострадали от внутренних и трансграничных конфликтов, возникающие в результате жесткой конкуренции за власть и ресурсы, часто основанные на этнической принадлежности.

Поэтому настало время пересмотреть то, что может предложить африканский гуманистический социализм в изменчивом и нестабильном текущем контексте мировой политики. Африканские и африканские политические теоретики должны взять на себя инициативу в воссоздании последовательных идеологических рамок, которые могли бы направлять развитие и политику Африки в эпоху глобализации и дать африканским государствам оригинальную и мощную роль в глобальной политике, вместо того, чтобы играть бесконечную «ловушку» с западными государствами, которые совершенно необоснованно установили свое собственное историческое развитие, политические системы и системы ценностей в качестве идеалов глобального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Политические философы, такие как Джон Роулз и Роберт Нозик, оказали большое влияние, подчеркивая различные аспекты либерализма в демократических обществах, Ролз сосредоточившись на политическом либерализме, а Нозик — на экономическом неолиберализме. Дальнейшие попытки переосмыслить либеральную демократию как идеал глобального развития были предприняты рядом теоретиков -космополитов , в том числе Мартой Нуссбаум и Дэвидом Хелдом (см. Hobbes 1962; Rawls 1972 ; Nozick 1974 ; Locke 1980; Rousseau 1987 ; 1995; Нуссбаум 2015).

2. В настоящее время выборы регулярно используются для легитимации положения лидеров у власти путем фальсификации результатов опросов, подкупа избирательных комиссий, покупки голосов или карточек для голосования, запугивания и т. д. (см. Collier 2009; Hellsten 2009).

3. Развитие Африки обычно измеряется с использованием, среди прочего, индекса человеческого развития, индекса управления, индекса восприятия коррупции , индекса реализации прав человека , индексов экономического роста и деловой среды . По сравнению с западными странами , которые разрабатывают эти индексы и представляют себя идеалом , Африка всегда будет отставать от них.

4. Здесь патримониализм относится к властным отношениям , в которых лидер (мужчина) контролирует административный персонал , выбранный из его родственной сети, в которой доминирует мужское происхождение, и основанный на личной лояльности к нему.

5. Чама Ча Мапиндузи (CCM), что на языке суахили означает «Революционная партия», была образована в 1977 году в результате слияния Африканского национального союза Танганьики (TANU) и Партии афро -ширази (ASP) , которые были единственными действующими партиями в материковая Танзания и полуавтономные острова Занзибар и Пемба соответственно. После восстановления многопартийной системы в Танзании СКК выиграл шесть предыдущих всеобщих выборов (в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 годах) как на материке, так и на Занзибаре и Пембе . В 2005 году кандидат в президенты от ССМ Джакая Киквете победил с большим перевесом, получив более 80 процентов голосов избирателей, в то время как выборы 2015 года были намного ближе между кандидатом от ССМ Джоном Магуфули и (в некоторой степени) объединенной оппозицией и кандидатом от CHADEMA Эдвардом Ловассой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Амин, Самир. 2014. Имплотия капитализма . Лондон: Плутон Пресс.

Кольер, Пол. 2009. Войны, оружие и голоса: демократия в опасных местах. Новый Йорк: Издательство Харпер Коллинз .

Чизмэн, Ник. 2014. «Защищает ли африканский средний класс демократию ? »

ШИРОКАЯ Рабочая [https://](https://www.wider.unu.edu/publication/защищает-ли-африканский-средний-класс-народовластие) Бумага 2014/096. УООН/МНИИЭР, Хельсинки.

www.wider.unu.edu/publication/защищает-ли-африканский-средний-класс-народовластие.

Даймонд, Ларри, Марк Платтнер и Кристофер Уокер. 2016. Авторитаризм уходит

Глобально: вызов демократии. Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса .

- Эскобар, Артуро. 1985. Столкновение с развитием: создание и разрушение третьего мира. Принстон: Издательство Принстонского университета .
- Хеллстен, Сиркку. 2009. «Афро-либертарианство и рамки общественного договора в постколониальной Африке: случай выборов после 2007 года в Кении». Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении, новая серия, том. 1 № 1, стр. 127–46. <https://www.ajol.info/index.php/tp/article/view/46311/0>.
- . 2013. «Африканский гуманизм в переосмыслении глобального развития: возвращение этики в управление?» Занзибарский ежегодник права, Vol. 3, стр. 3–24. <https://travelsdocbox.com/84966865-Africa/Zanzibar-yearbook-of-law.html>.
- . 2016. «Развенчание мифа об африканском среднем классе ». Мельбер, Хеннинг изд. Подъем африканского среднего класса в Африке. Лондон: книги ZED.
- Хантингтон, Сэмюэл. 1991. Третья волна: демократизация в конце двадцатых годов . Века. Норман : Университет Оклахомы Press.
- Кант, Иммануил. 1998. Критика чистого разума. Гайер, П. и А. Вуд, ред. Кэм-бридж: Издательство Кембриджского университета .
- Каунда, Кеннет. 1966. Гуманист в Африке . Лондон: Лонгманс-Грин.
- Мазруи, Али. 2001. «Идеология и африканская политическая культура». Кирос, Теодрос Эд. Исследования африканской политической мысли: идентичность, сообщество, этика. Нью-Йорк: Рутледж.
- Нкрума, Кваме. 1970. Сознание: философия и идеология деколонизации и развития с особым упором на африканскую революцию. Лондон: Книги Панаф.
- Ньерере, Юлий. 1967. Свобода и единство. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .
- . 1968. Уджамба: Очерки социализма. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .
- . 1973. Свобода и развитие. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .
- Ролз, Джон. 1972. Теория справедливости . Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .
- Рист, Гилберт. 2002. История развития : от западного происхождения к глобальному . Вера. Лондон: Зед Букс.
- Сенгор, Леопольд. 1964. Негритюд и гуманизм. Париж: Сеуй.
- Шивджи, Исса. 1976. Классовая борьба в Танзании. Лондон: Хайнеманн.
- Тайво, Олуфем. 2004. «Африканская политическая философия после обретения независимости ». Виреду, Квази Эд. Компаньон к африканской философии. Оксфорд: Блэквелл.
- ПРООН. 2013 г. «Доклад о человеческом развитии за 2013 г. — Возвышение Юга: человеческий прогресс в разнообразном мире». http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2013_EN_comполный.pdf
- Всемирный банк. 2013. «Пульс Африки 2013». http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Africa/Report/Africas-Pulse-brochure_Vol7.pdf.

Глава вторая

Продвижение ценностей коренных народов способствовать возникновению подходящих форм демократии _ _

Томас Менампарампил

Все чаще признается , что демократия является наиболее подходящей формой правления для человеческого роста и улучшения общества. Однако предлагаемые демократические структуры — это те , которые сложились на Западе в течение веков. Признавая их достоинства сами по себе , благоразумно принять во внимание определенные ограничения их абсолютизации. Во- первых , западные модели демократии сильно различаются между собой. Во-вторых, по признанию самих западных политических обозревателей, в функционировании различных демократических систем, функционирующих сегодня на самом Западе , есть много изъянов . В - третьих, тем странам Восточной Европы, Латинской Америки и других регионов мира , которые поспешно переняли западные модели демократии , трудно заставить их работать . Следовательно, было бы целесообразно , чтобы каждое государство провело глубокие размышления с целью определения того , какие демократические структуры лучше всего удовлетворяли бы его потребности.

Исследуя свою историю, члены общества замечают, как постепенно их общество вышло из изоляции благодаря лидерству творческого меньшинства , которое интерпретировало самобытность общества и местные ценности, и как их общество, таким образом, достигло своей нынешней стадии развития . Это интеллигентное меньшинство помогало обществу особенно в те периоды его истории , когда ему приходилось сталкиваться с серьезными вызовами. Пока творческое меньшинство оставалось вдохновляющей силой, направляющей людей убедительными путями, общество жило той или иной формой демократических ценностей в соответствии со своими древними традициями и продолжало развиваться.

Исторически сложилось так, что эта идеальная ситуация не всегда длилась. Сила применялась либо правящей элитой внутри общества, либо большей силой вне его. Применение силы ведет к насилию как внутри общества, так и вне его . Традиционные демократические ценности ослабевают и даже исчезают в обществе, подверженном насилию на протяжении значительного периода времени. Возврат к демократии возможен только

возрождение древних ценностей общества , которые исключают использование силы как определяющего элемента в человеческих отношениях .

Ни одно общество не может вернуться к своему далекому прошлому в его первоначальном виде, но оно может вернуть к жизни свои заветные ценности и оказать влияние на его нынешний способ функционирования , например, на его экономику и качество человеческих отношений. Только форма демократии, основанная на древней системе ценностей конкретное общество будет иметь будущее внутри него. Даже когда общество заимствует элементы из других традиций, оно должно привести их в соответствие со своими местными ценностями. Мыслящий элемент в каждом обществе, которого я называю Друзьями-Философами, играет динамичную роль в том, чтобы привести общество к успеху в этом великом начинании.

Следовательно, в этой главе я утверждаю, что каждое общество должно изучать свои собственные древние традиции, выявлять ценности в этих традициях, которые лучше всего служили человеческим и социальным интересам , продвигать их и использовать для закладки прочного фундамента своей политической организации. С этой целью я начал с размышлений о некоторых проблемах демократизации, после чего я утверждаю, что создание синергии — единственный путь к величию. Затем я исследую центральное место человеческих идеалов в подлинной демократии. Затем следуют размышления о саморазрушительной природе насилия в борьбе за демократизацию. Наконец, я исследую роль интеллектуалов как убедительного творческого меньшинства, прежде чем сделать несколько заключительных замечаний.

ВЫЗОВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ _

Важно , чтобы дорога к нашему единению была гладкой в соответствии с лучшими традициями наших различных культур. К успеху нет короткого пути — нам нужно думать, планировать, усердно работать, быть справедливым к людям, то есть быть готовыми платить цену за то, что мы хотим получить: «Если мы спрашиваем , что делать правильно , , есть четкие , фундаментальные ответы. Покончить с бедностью. Избавьтесь от болезней и убожества. Воспитывать детей. Научите женщин читать. Короче навести порядок» (Мартин 2006, 25).

Когда новые независимые страны стремятся внедрить современные структуры демократии, они , вероятно , столкнутся с некоторыми трудностями, особенно если такие институты не были частью их прежнего наследия. Например , когда Австралия предоставила независимость Соломоновым островам в 1970-х годах, Вестминстерский стиль правления был триумфально введен там . Однако вся система была настолько новой для культурного мира местных сообществ, что было трудно заставить ее функционировать осмысленно. Либерально- демократическая система , сложившаяся в западном мире политическими усилиями поколений — способ самоуправления, особенно подходящий для англо-саксонского

мировоззрение — навязывалось жителям тихоокеанских островов, чья совместная жизнь выразился совершенно иначе. Нелегко было пробудить чувство национального чувства у групп, очень различных между собой в этническом отношении, коллективное существование которых всегда выражалось в сплоченности внутри отдельных этнических групп, а не в единстве самых разнообразных этнических групп. Политические партии не имели для них большого значения, поскольку их социальные отношения в основном ограничивались их собственными родственниками, кланами и родственными этническими группами. Раньше их лидеров выбирали за их способность оказывать личные услуги, а не за качество их идеологии или привлекательность их взглядов. политические программы. Последовавший за этим хаос вполне объясним (см. Диннен и Ферт, 2011).

Новые независимые страны, заявляющие о своей демократичности, продолжают бороться за стабилизацию. Во всяком случае, даже на Западе формы демократии сильно отличаются, скажем, у англичан от французов; точно так же американский и итальянский, испанский и греческий. Они отличаются не только формой, но и прочностью своих демократических традиций. Кроме того, среди исповедующих демократию стран число неблагополучных демократий велико. После падения Берлинской стены страны Восточной Европы упорно боролись за демократизацию, но успех все еще ускользает от них. В Латинской Америке демократия получила значительное распространение после 1970-х годов, но в последнее время там наблюдаются значительные колебания.

Более того, такие страны, как Россия, Венесуэла и Иран, хотя и исповедуют демократию, по сообщениям, манипулируют выборами, затыкают рот независимой прессе, контролируют деятельность оппозиции и тем самым ослабляют систему сдержек и противовесов, типичную для современной демократии. Некоторые из государств-правопреемников Советского Союза в Азии заняли в этом отношении неуверенную позицию, ни авторитарную, ни по существу демократическую, оставаясь, таким образом, в серой зоне (Фукуяма 2011: 4).

Другие страны демократичны, но их правительства не в состоянии предоставить ожидаемые от них базовые услуги. Так, на Украине правителя, свергнутого в ходе Оранжевой революции, пришлось переизбирать и переизбирать, когда его демократический оппонент был признан недееспособным; а в Венесуэле этнические меньшинства чувствуют себя исключенными из жизни государства. Действительно, провал государственное управление досаждают многим так называемым демократическим странам, увековечивая вопиющее неравенство.

Таким образом, неспособность многих стран справиться со своими социальными и экономическими проблемами ослабляет их легитимность как демократий (Фукуяма 2011, 5). Фукуяма утверждает, что индийская демократия ослаблена криминальными политиками, разногласиями, крайним неравенством, коррупцией и хаосом. С другой стороны, Китай осуществляет свои планы с удивительной эффективностью, но его правительство остается недемократичным.

Если мы посмотрим внимательно, то заметим, что у так называемых демократий много недугов : авторитаризм (Россия), коррупция (Индия), статус несостоявшихся государств (многие страны , получившие политическую независимость от западных держав с середины двадцатого века) , и укоренившиеся группы интересов (США): никто не совершенен (Фукуяма 2011, 10). Так что бесполезно придирается только к Афганистану, Ираку, Сирии или другим незападным странам: всех надо понимать, поощрять и помогать .

Если путь к демократии был труден для тех стран , которые шли по нему долго, он будет означать то же самое для других. Создание нации — трудоемкий и дорогостоящий процесс, и необходимо приложить немало усилий, чтобы создать прочные институты . Чтобы подготовить почву, необходимо многое сделать — расширенный доступ к образованию, разумное использование информационных технологий и распространение идей , особенно о преимуществах демократических ценностей и их взаимосвязи с современной экономикой. Самое главное, местные ценности и традиционные взгляды каждой общины должны продвигаться в общественной жизни, с тем чтобы форма в ней может возникнуть демократия, подходящая для конкретной страны .

СИНЕРГИЯ: ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ К ВЕЛИЧИЮ

Как заметил Мартин (2006, 386): « Принцип великой цивилизации должен заключаться в том, что она интенсивно фокусируется на том, как развивать способности, скрытые в каждом . Чем больше это делается, тем больше пользы мы получаем друг от друга». Демократия – это развитие людей. По мере того, как общества выходят из относительной изоляции и взаимодействуют с другими обществами и цивилизациями, возникающая таким образом синергия приводит к удивительным вещам. Общество достигает величия пропорционально мастерству, которое оно развивает в сохранении компонентов своей культуры : экономическое, политическое, этическое и эстетическое — в гармонии друг с другом (Тойнби II 1969, 140).

Один из центральных аргументов Тойнби состоит в том , что великие общества возвышаются на труднопроходимой , а не на легкой почве: серьезные и искренние усилия — единственный путь к величию . Таким образом, шумерская цивилизация возникла в джунглях-болотах Тигра -Евфрата (Тоунбее I 1969, 95). Точно так же цивилизация Китая возникла на болотистых берегах Желтой реки (Хванг Хо) среди джунглей и высокой воды (Тоунбее I, 1969, 97). Точно так же эллинская цивилизация зародилась на каменистой и твердой почве Греции, так что, например , суровая земля Аттики благоприятствовала появлению творческих и предприимчивых людей . Когда пастбища Аттики высохли и пахотные поля стали бесплодными, афиняне исследовали недра, разработали серебряные рудники, ввели валюту и изготовили гончарные изделия и корабли (Тоунбее I 1969, 113–114).

Мера усилий, которые общество прилагает для самого своего выживания , обеспечивает ему выносливость, необходимую для дальнейших достижений. Тойнби утверждает, что усилия , которые первые римляне приложили для преобразования своей бесплодной почвы, дали им энергию для создания своей обширной империи, простирающейся от Египта до современной Британии (Тоунбее I 1969, 108). Точно так же это была тв Тир и Сидон возвысили финикийцев до величия, и именно от них мы получили алфавит. Так же , как это было на скалистых холмах Иудеи, что евреи обрели свои религиозные прозрения, которые породили две великие религиозные традиции, иудейскую и христианскую, которые продолжают вдохновлять мир и по сей день (Тоунбее I 1969, 117–118). Точно так же Восточная Германия породила решительных пруссаков , объединивших Германию и создавших Германскую империю; а бесплодная земля Шотландии воспитала хорошо образованных людей с сильным чувством экономии и выдающейся выносливостью (Тойнби I 1969, 120).

Сегодня более успешные страны поставили бы под угрозу собственное выживание , если бы решили вести комфортный образ жизни ; ибо, как заметил Уильям Джеймс, «постоянно успешная мирная экономика не может быть простой экономикой удовольствия. Мы должны создавать новые энергии» (цитируется по Barzun 2001, 673). Поэтому самой ценной ценностью для растущего общества является культура упорного труда в соответствии с его собственной индивидуальной традицией и решимость смело идти вперед .

Не только суровость окружающей среды побуждает общество к достижениям: вызовы могут носить различный характер, включая давление или конкуренцию со стороны соседних обществ. В истории цивилизаций именно общества, находящиеся под сильным давлением, достигли величия. Тем не менее они достигли этого только в том случае, если нашли способ предложить адекватный ответ на вызов. Тойнби приводит многочисленные примеры, иллюстрирующие это положение. Он показывает , как был замечен Юг Египта , когда политическое давление исходило с Юга, и как Северный Египет стал известен, когда давление исходило с Севера (Тоунбее I 1969, 139); как византийский вызов спровоцировал турок на экспансию на запад, на материковую часть Европы (Тоунбее I 1969, 140); как православная традиция в России распространилась на восток, достигнув Тихого океана под давлением этих регионов (Тоунбее I 1969, 141) .

Самая интересная часть аргумента Тойнби заключается в том, что именно персидское давление пробудило спящие греческие государства и в конечном итоге привело к возвышению Александра ; что именно карфагенская агрессивность взбудоражила Энергии римлян , чтобы отбросить вторгшиеся силы и отправить их на завоевание Галлии, Испании и Северной Африки, с энергией, полученной таким образом ; что Экспансия ислама на запад была запоздалым ответом на вторжение Греции и Рима в Азию, и именно это длительное исламское давление на Запад спровоцировало европейское общество собраться с силами не только для того, чтобы вести

чужеземные силы с Пиренейского полуострова, но и «перенесли испанцев и португальцев за границу на все континенты мира» (Тоунбее I 1969, 193). Испанский и португальский имперский опыт вдохновил Францию, Нидерланды и Англию на попытку создания империи по всему миру (Тоунбее II 1969, 238).

Развивая аргумент Тойнби дальше, мы можем увидеть в подъеме многих государств Азии и Африки запоздалый ответ на колониальное давление. Последние тенденции говорят о том, что экономики этих стран пробуждаются с размахом. Будущее принадлежит тем, кто выбирает правильные варианты, независимо от того, «движутся ли изменения в продуктивном или деструктивном направлении, и обеспечивают ли они сбалансированный рост между доходными классами, этническими группами и регионами или опасные дисбалансы» (Шарма 2012, 12). Мудрость древних должна помочь обществу сделать правильный выбор перед лицом серьезной проблемы.

ДЕМОКРАТИЯ — В СЛЕДУНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ИДЕАЛАМ

К сожалению, в наше время «массовое образование, дешевый ширпотреб, популярная пресса и массовые развлечения сочетаются с глубоко ощущаемой беспристрастностью, растерянностью и аномией» (Мишра 2012, 302). Кроме того, сегодня мы судим об уровне общества по его технологическому прогрессу и ВВП. Тойнби замечает, что именно тогда, когда афинская экономика расширилась за счет плантационного земледелия на экспорт, афиняне ввели рабство в колонии Афин.

Агригент и Сицилия. Однако для афинской цивилизации это не было шагом вперед (Тоунбее I, 1969, 232). Мы не отрицаем, что технологические навыки и экономические активы имеют огромное значение; но еще важнее менее заметные активы, такие как отношения, которые скрепляют общество, ценности, которыми оно живет, идеалы, которые оно ставит перед своими членами, и духовные мечты, которые оно усердно преследует.

Во многих древних культурах мудрые люди пользовались большим уважением; но сегодня восхищение вызывают хвастуны, аморальные экономические исполнители и партийные хулиганы, способные продвигать вперед интересы своей общины. Однако в нашем стремлении продвигать наши непосредственные интересы мы не можем позволить себе забыть о человеческой личности и ее достоинстве, сообществах и их долгосрочном благе, а также о человечестве и его цивилизационном наследии и системах ценностей. В высказываниях ведущих политических и коммерческих деятелей наших дней много моральной риторики, но слишком мало серьезности. Так, Хобсбаум (2013, 2) писал: «Ни одно из заявлений о миссии, с которыми я сталкивался, не говорит ничего стоящего, если только вы не являетесь поклонником плохо написанных банальностей» (Хобсбаум 2013, 2).

Пять десятилетий назад Тойнби предупреждал, что школы экономики забывают, что даже экономический мировой порядок не может быть построен только на экономических основаниях (Toynbee I, 1969, 337). Универсальные ценности справедливости и здоровых человеческих отношений не должны приноситься в жертву корыстным интересам немногих, кто контролирует дела. Хотя верно то, что рынок продуктивен и повышает уровень жизни, он имеет тенденцию концентрировать богатство в руках немногих, перекладывать экологические издержки на общество и злоупотреблять трудящимися и потребителями. Следовательно, «рынки должны быть приручены и умерены» (Stiglitz 2012, p.xiii). Нельзя позволять крупным корпорациям и банкирам прибегать к мошенническим и неэтичным методам (Stiglitz 2012, p.xxiii) или использовать в своих интересах более слабые

слоев общества. Правительство должно играть регулирующую роль, когда для Например, производители стремятся получить прибыль, делая свою продукцию более вызывающей привыкание, или безразличны к ущербу, который они наносят окружающей среде (Stiglitz 2012, p. xviii), или когда интересы потребителей игнорируются.

Этическое сознание в обществе должно поддерживаться, и рынку также необходимо придать «моральный характер». Тем не менее сегодня движущие силы экономики, похоже, утратили свой «моральный компас» (Stiglitz 2012, p.xvii). Следствием этого является постоянное беспокойство, которое мы замечаем в обществе. Гнев усиливается.

Когда искреннее недовольство смешивается с гневом, спровоцированным людьми с политическими интересами, все становится сложнее. В политике господствует преступность (Das 2012, 200–203). Во многих местах мы находимся в таких ситуациях; и наши возможности становятся ограниченными.

В любом случае, если политическая структура только укрепляет несправедливую систему, а не чем исправить, трудные дни впереди. Тревога заключается в том, что награды новой экономики не всегда достаются самым достойным: «Большая часть этого огромного роста частного богатства досталась небольшому сегменту сверхбогатых...».

(Хобсбаум 2013, 50). 1 процент, который получает наибольшую прибыль, — это не великие мыслители или новаторы (Stiglitz 2012, 27); вместо этого они вознаграждают себя руководителями. Это люди, умеющие управлять государственной машиной для свои собственные интересы: они знают, как обойти закон, изменить его в свою пользу и воспользоваться бедными (Stiglitz 2012, 37); они знают, как завоевывать монополии и получать контроль над природными ресурсами (Stiglitz 2012, 49), продавать правительству по ценам выше рыночных (Stiglitz 2012, 40), добиваться снижения налогов и заработной платы (Stiglitz 2012, 63), молчать профсоюзы (Stiglitz 2012, 63). 2012, 64), пожарных (Stiglitz 2012, 67), маргинализации групп меньшинств (Stiglitz 2012, 68) и продвижении программ жесткой экономии в области медицинского обслуживания и образования в ущерб бедным (Stiglitz 2012, 230–31).). Для них даже безработица служит полезной цели, поскольку создает климат, благоприятствующий снижению

заработная плата (Stiglitz 2012, 263). Более того, корпорации конкурируют со странами, а не просто с другими корпорациями (Charan 2013, 7).

Однако трагедия заключается в том, что экономически привилегированные меньшинства в экономически неблагополучных странах не стремятся ни к чему большему, чем удобства и гаджеты их западных коллег-потребителей (Mishra 2012, 308).

Более того, некоторые города в таких странах разрастаются как монстры, служащие энергичной экономике, а не интересам общества или устойчивости окружающей среды. Многие общества быстро становятся все более и более обезличенными, а возможности для человеческого роста сужаются с каждым днем.

Это отрезвляет осознание того, что растущее неравенство в экономике может означать гибель самой экономики, поскольку оно снижает эффективность, ослабляя мотивацию работников, и подрывает рост, искажая рыночные механизмы или внося асимметрию и несправедливость в конкуренцию (Stiglitz 2012, 6).). Другими словами, рынок становится неэффективным, если он игнорирует человеческое измерение (Stiglitz 2012, xi-xii). Если вы создаете богатство, общество обогащается; но если вы берете его у других посредством недобросовестных действий, таких как завышенные цены и фальсифицированные товары, общество обеднеет (Stiglitz 2012, 32).

Неравноправные общества создают постоянную политическую нестабильность. С другой стороны, в более эгалитарных обществах люди много работают и стремятся сохранить социальную сплоченность (Stiglitz 2012, 77). Именно в таких обществах достигается высокий уровень социальной ответственности и соблюдаются правила защиты окружающей среды (Stiglitz 2012, 100). Там люди видят необходимость инвестировать в инфраструктуру, образование, здравоохранение и исследования (Stiglitz 2012, 93).

Следовательно, для успеха экономики необходимо отвести надлежащее место человеческим ценностям в экономике. Это означает, что свобода предпринимательства и рисков должна сочетаться с ответственностью за общее благо (Toynbee I 1969, 339).

Тойнби сетовал на то, что массовое образование его времени не включало в себя повышение интересов и мотивации (Toynbee I 1969, 339); вместо этого это привело к «опошлению» вкусов в обществе. Далее он заметил, что ярые потребители в его дни вряд ли осознавали, насколько сильно их «использовали» получатели прибыли, обращались с тривиальными развлечениями, устраиваемыми коммерческими предпринимателями, и пользовались преимуществами пропаганды заинтересованных сторон, таких как политические идеологи и медиа-бароны (Toynbee I 1969, 340). С появлением так называемых новых медиа это причитание должно усилиться в несколько раз.

В трудные времена нам нужно внимательно следить за движениями эксплуатируемых масс, потому что их озарения всегда динамичны. Именно они делают решающий выбор между насильственным подходом и мирным. С одной стороны, продолжающаяся эксплуатация может привести к всепроникающему чувству беспомощности, разжечь коллективный гнев, кульминацией которого станет революция: именно это происходило в смутные времена в таких странах, как Франция, Россия и Китай. С другой стороны, такие неприятности могут привести к волнениям внутреннего человека в поисках более глубоких смысла и осуществления, а также в поисках разумных социальных изменений.

Именно при разрушении старого порядка возникает новый. Тойнби видит Авраама, появляющегося во время распада шумерской цивилизации, и Моисея во время упадка «Новой империи» в Египте (Toynbee I 1969, 442), каждый раз из числа наиболее угнетенных людей.

Иудаизм рождается среди евреев, которые были в наибольшей нужде и меньше всего помогали во время своего вавилонского изгнания, оплакивая «при реках Вавилонских» (Пс. 137:1). Вероятно, мы начинаем испытывать подобные боли.

До потрясений, вызванных новым коронавирусом во всем мире в начале 2020 года, возникли определенные новые тенденции, описанные Чараном (2013, 5) следующим образом: «Богатство перемещается с севера на юг, как и рабочие места. Компании на юге, большие и малые, обладают яростным предпринимательским порывом. Многие наслаждаются двузначным ростом доходов, обеспечивая рабочие места и процветание в своих странах».

Фрэнсис Фукуяма считает, что позже

модернизаторы на самом деле имеют преимущество перед более устоявшимися промышленными державами, как и предсказывали более ранние теории либеральной торговли (Fukuyama 1992, 101). Однако бедность по-прежнему широко распространена во многих частях мира, усугубляется пандемией COVID-19, которая угрожает свести на нет впечатляющие достижения последних нескольких десятилетий.

САМОРАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА НАСИЛИЯ _ _

Заманчиво прибегнуть к силе в попытке агитировать за демократизацию в Африке. В «Государе» Никколо Макиавелли предложил силу как единственное средство формирования человеческих судеб (Макиавелли, 1998). Однако история показывает, что сила контрпродуктивна — ей всегда противостоит сила в ответ.

Ссылаясь на европейскую историю, Фернандо Бродель (1993, 416) заметил: «Основное правило всегда было одним и тем же. Когда государство казалось слишком сильным... его соседи совместно склоняют чашу весов в противоположную сторону, чтобы сделать его более умеренным и вести себя лучше».

В динамичный период общества идеалы и ценности творческого меньшинства в нем находят восторженное признание. Пока различные элементы культуры или цивилизации находятся в гармонии, она продолжает расти.

(Тойнби I 1969, 327). Однако в более поздний исторический период некоторые формы в это общество вкрадывается дисбаланс, среди его членов растет неравенство, а руководство и высшие классы становятся эксплуататорами в политической и экономической областях. Несправедливость углубляется. Творческое меньшинство атрофируется в замкнутой клике корыстных интересов: оно вырождается в доминирующее и эксплуататорское меньшинство, стремящееся удержаться у власти с помощью силы.

Последствия ассирийского милитаризма в конечном итоге настигли Ассирийскую империю, хотя ассирийцы господствовали в Юго-Западной Азии в течение двух лет.

полтора века. Их могущество полностью исчезло, и даже имя «ассирийский» было забыто там, где оно имело абсолютную власть. Ксенофонт даже не знал о таком имени (Toynbee I 1969, 390).

Точно так же впечатляющие демократические институты древней Греции перестали функционировать, потому что ее энергия была потеряна во внутренней борьбе, и в конечном итоге ей пришлось подчиниться македонскому империализму. Таким образом, эллинизм сгнил изнутри, когда свободные города были разорваны взаимной ненавистью и классовыми войнами: «В них не нашлось места для величайших умов эпохи», которым пришлось укрываться у тиранов (Dawson 2002, 62). У тех, кто выходит победителем из внушающей страх войны, возникает искушение радоваться своему успеху. Однако победа налагает на победителей свой тип наказания: «Победа, как и революция, может поглотить собственных детей, особенно тех, кто ожидает от нее большего, чем она дает на самом деле. Идеалисты, которые слишком поздно осознают, что насилие никогда не достигает своих целей, чаще всего в истории проигрывают в победе» (Schivelbusch 2004, 98). Македонцы, отправившиеся завоевывать страны вплоть до Индии, вскоре после своих побед обратились друг против друга в самоубийственном конфликте (Toynbee I 1969, 395).

Точно так же демократические традиции римского сената уступили место империи Августа. Поляризация между классами, общинами и интересами в древнеримском обществе привела к такой напряженности и случаям насилия, так что у ослабленного демократического общества не было иного выбора, кроме как подчиниться абсолютному правителю. Таким образом, Римская империя родилась на мертвых костях римских демократических традиций (Toynbee I 1969, 344). Республика была подавлена, и стремление к деньгам и власти опустошило «республиканские добродетели», которые были величайшей гордостью римского гражданства (Friedman 2012, 31). То, что Фридман называет «республиканскими добродетелями», я называю «коренными демократическими ценностями». Нечто подобное произошло еще раз во Франции, после того как крики «Равенство, Братство и свобода» стали слабее, и Наполеон вышел из рядов, чтобы взять абсолютную власть: благородные ценности революции были начисто забыты.

Не иначе обстояло дело и с империалистическими европейскими государствами, которые после превращения остального мира в колонии, восставшие друг против друга во время двух так называемых мировых войн. Это была попытка самоубийства со стороны Европы. Кроме того, сегодня многие соседние государства в бывших западных колониях в Африке, Азии, Центральной Америке и Южной Америке заняты той же игрой, мало чему извлекая уроки из опыта Европы в первой половине двадцатого века.

Таким образом, как только общество разделяется на доминирующее меньшинство и эксплуатируемое большинство, сила начинает играть большую роль в его функционировании. В результате идеалы и цели, которые высоко ценились и с энтузиазмом преследовались, навязываются. Лидеры перестают вызывать восхищение или уважение, и рядовые

люди опускаются до уровня угнетенных. Наконец, наступает этап , когда такое общество вынуждено уступить либо внутренней революции , либо внешней агрессии . Чем сильнее подавляющая энергия эксплуататорского меньшинства, тем насильственнее революция (Toynbee I 1969, 326–327). В конечном счете старая система рушится, и новое творческое меньшинство берет верх и ведет дела по-новому.

направление. Во Франции, России, Китае, Вьетнаме произошли кровавые революции. Такова судьба любого общества , достигшего вершины достижений , но создающего несколько форм дисбаланса внутри себя или в своем окружении.

Кроме того, по мере развития военного искусства самой большой потерей является ослабление культуры , особенно на стороне победителей . Демократические ценности , присутствующие в древних коренных культурах воюющих обществ , сильно ослаблены или даже полностью утрачены. В 1871 году Ницше сказал, что великие победы таят в себе большие опасности и что триумф Германской империи приведет к закату немецкой культуры (цит. по: Schivelbusch 2004, 4).

Барзун (2001, 700) правильно заметил, что в военное время враждебные чувства, которые кто-либо может испытывать по отношению к своим товарищам, работодателям или государственным властям , находят выход, когда он обращается против анонимного врага. Также отрезвляет тот факт , что победители войны склонны думать, что как только враг (другой класс, каста, этническая группа, группа экономических или политических интересов или страна) побежден, их собственное будущее в безопасности. . Они забывают, что только что ранили тигра и не знают, когда он придет в себя. Унижение Афин персами в 480–479 гг. до н. э. заставило Афины создать флот, который привел их к победе при Саламине и к славе времен Перикла . Ксеркс, преемник Дария , предпринял агрессию против европейской Греции, спровоцировав контрнаступление эллинов при Александре (Toynbee I 1969, 610).

В условиях гонки вооружений между соседними государствами в экономически неблагополучных регионах приведенные размышления приобретают еще большее значение . В непосредственном контексте может показаться , что технология , связанная с войной , прогрессирует, но именно человечество принимает на себя удар , когда одно сообщество жестоко обращается с другим. Никто сегодня не выигрывает войну , кроме корпораций , производящих оружие — только они смеются последними. Таким образом, понятия «равенства, братства и свободы», присутствующие в каждой культурной традиции, должны быть обращены ко лжи и перестать быть простыми лозунгами.

OLE O INTELLIGENCE AS C
УБЕДИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО _

Фернандес-Арместо (2001, 560) отметил, что «растущая взаимосвязанность, по-видимому, ведет к усилению взаимозависимости, что, в свою очередь, требует [sic] новых, еще более широких, в конечном итоге всемирных «рамоч» для действий, выходящих за рамки старых.

наций, блоков и цивилизаций». Это задача, стоящая перед творческими мыслителями в наше время — стать не против других, а за всех. Только тогда станет возможным уверенное будущее .

Прогресс наступает тогда, когда группа людей в обществе вызывает какие-то трясется в нем. Тойнби называл таких людей творческими личностями: они переделывают других по своему собственному мышлению (Toynbee I, 1969, 251). Позвольте мне называть таких интеллектуалов, которые побуждают свои общества к полезной деятельности, — меньшинство просвещенных личностей, приверженных общему благу, — «Друзьями-философами». Новые и творческие идеи часто приходят в голову нескольким людям одновременно совершенно независимо: таков закон природы. Обычные люди оставались почти одинаковыми на протяжении всей истории. Они зависят от «творческого меньшинства», которое думает, размышляет и преобразует себя и осмеливается вносить непредвиденные изменения в свое общество (Toynbee I 1969, 253–54). Это задача, которую мы возлагаем на интеллектуалов, которые понимают старые ценности и традиции и делают их релевантными современным проблемам. Новые идеи, коренящиеся в старых, не навязываются, а внедряются творческими личностями через их вдохновляющий стиль и убедительные способы являются верными указателями в будущее (Toynbee I 1969, 255).

Могут быть различия в восприятии странами свободного предпринимательства или регулируемой экономики, но не будет большой разницы в убеждениях о необходимости глобальной этики, содействующей справедливому мировому порядку, то есть духовному видению человеческого и космических реалий. Мы хотим оставаться людьми и строить свою жизнь на истинных человеческих ценностях. Мы рисуем ближе к достижению этой цели, когда происходит подлинное столкновение культур: « Великие цивилизации прошлого часто были сосредоточены на своих собственных культурах. В будущем они будут все больше изучать величие других цивилизаций» . (Мартин 2006, 388).

Верный словарию Тойнби, «внутренний пролетариат» глобализованного мира сегодня ищет нового вдохновения, свежего просвещения, актуального духовного озарения, мирной революции. Это всегда творческое меньшинство, которое формулирует его от их имени и делает его понятным. Это должно быть миссией интеллектуалов сегодня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В каждом обществе путь должно указывать творческое и убедительное меньшинство, т. е. интеллектуалы. Они должны вернуться в массы и помочь им понять самих себя, дав им возможность увидеть новое будущее. Эта великая задача не может быть решена интеллектуалами одного общества в одиночку, потому что человеческие судьбы взаимосвязаны. Мы не на распутье, а на

точка схождения цивилизационных побуждений. Многие общества, взявшись за руки, могут открыть неизвестный до сих пор путь для беспрецедентного духовного прогресса, чтобы предотвратить братоубийственные войны между агрессивно-националистическими государствами (Toynbee II, 1969, 322) или между классами, кастами, идеологиями или этническими группами. Этого можно достичь только в обществах, которые лелеют демократические ценности на своей территории и в мире в целом; и эти ценности имеют будущее только в том случае, если они уходят своими корнями в местные культурные традиции

разнообразные общества.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Барзун, Жак. 2001. От рассвета до упадка: 1500 лет до наших дней - 500 лет западной культурной жизни. Нью-Йорк: Harper Perennial.
- Бродель, Фернандо. 1993. История цивилизаций . _ Лондон: Книги пингвинов.
- Чаран, Рам. 2013. Глобальный наклон. Лондон: Книги случайных домов .
- Дас, Гуручаран. 2012. Индия растёт ночью. Лондон: Пингвин.
- Доусон, Кристофер. 2002. Динамика всемирной истории . Уилмингтон, Делавэр: ISI Книги.
- Диннен, Синклер и Стюарт Ферт. 2011. Политика и государственное строительство на Соломоне. острова. Канберра: ANU E Press.
- Фернандес-Арместо, Фелипе. 2001. Цивилизации. Лондон: Пан Книги.
- Фридман, Джордж. 2012. Следующее десятилетие. Нью-Йорк: Рэндом Хаус.
- Фукуяма, Фрэнсис. 1992. Конец истории и последний человек . Лондон: Пингвин Книги.
- Хобсбаум, Эрик. 2013. Сломанные времена: культура и общество в XX веке. Дели: Маленький Браун.
- Макиавелли, Никколо. 1998. Принц . Бонданелла, изд. Питера; Бонданелла, Питер и Марк Муса пер.с. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .
- Мартин, Джеймс. 2006. Значение 21 века . Лондон: Книги проекта Эдема.
- Мишра, Панкадж. 2012. Из руин империи . Лондон: Пингвин.
- Шильбуш, Вольфганг. 2004. Культура поражения . Лондон: книги Granta.
- Шарма, Ручир. 2012. Страны прорыва. Лондон: Пингвин.
- Стиглиц, Джозеф. 2012. Цена неравенства . Лондон: Пингвин.
- Тойнби, Арнольд. 1969. Изучение истории. Сокращение округа Колумбия Сомервелла , Том I и II. Нью-Йорк: Dell Publishing Co.

Глава третья

Колониализм и демократия западного образца в Африке

Деннис Масака

Запад рассматривает либеральную демократию как требование для африканских правительств, если они хотят продвигать такие добродетели, как личные свободы, многопартийность и эффективное управление (Sklar 1983, 12; Jotia 2012, 622). Тем не менее, в этой главе я отстаиваю мнение, что либеральная демократия западного типа не была хорошо принята в некоторых «постколониальных»¹ африканских странах отчасти из-за гегемонистских отношений Запада с такими странами с колониальных времен до настоящего времени. Действительно, колониальное правление в Африке отрицало самые основы либеральной демократии. Как заметил Фаттон (1990, 457), «только в последнее десятилетие колониализма, когда независимость² стала несомненным фактом, империалистические державы постепенно начали проводить демократические реформы в том, что до сих пор было структурой эксплуатации, деспотизма и деградации». Однако этот переход к демократическому правлению был номинальным, поскольку экономическая, культурная и бюрократическая сферы оставались принципиально неизменными (Fatton 1990, 457). Поэтому неудивительно, что некоторые африканские страны с подозрением относятся к призыву Запада принять либеральную демократию. Во всяком случае, некоторые из них, похоже, выступают за сохранение авторитарной системы управления, унаследованной ими от западных империалистических держав.

В следующем разделе я изложил, утверждая, что, продвигая крайне авторитарную систему управления, колониализм оказал негативное влияние на демократическую политику в современной Африке. Я также утверждаю, что освободительная борьба в Африке была свидетельством недемократического правления, которое колониальные власти установили на континенте. Затем следует раздел, в котором я утверждаю, что призыв трех «бывших» западных колонизаторов к африканским странам принять западные либерально-демократические принципы управления противоречит их собственному авторитарному правлению в колониальную эпоху, которое оставило их с скомпрометированной нравственной позицией в вопросах, касающихся демократии. В предпоследнем разделе я предлагаю, чтобы африканские страны имели право наносить на карту

свои собственные судьбы. Здесь я имею в виду создание демократий, основанных на местных африканских системах управления, с особым упором на принятие решений на основе консенсуса, хотя и дополненных ценными аспектами некоренных форм демократии, которые свободно выбираются.

чем навязано. На мой взгляд, это необходимо для того, чтобы система управления, которую принимают африканские страны, эффективно соответствовала их жизненному положению.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ В АФРИКЕ

Разделение Африки западными державами во время «борьбы за Африку» во время Берлинской конференции 1884–1885 гг. было главным образом капиталистическим мотивом (Uzoigwe 1985, 19). Как следует из фразы «Борьба за Африку», на самом деле некоторые западные державы стремились присвоить как можно больше земли, помня о собственной экономической выгоде. Другими словами, раздел был в первую очередь мотивирован экономическими причинами, а не другими соображениями, такими как предполагаемая «цивилизаторская миссия» ради колонизированный. Хотя колониальные власти ввели некоторые элементы свою цивилизацию, такую как образование и религию, на коренные народы Африки, они манипулировали этими элементами, чтобы создать условия, которые были способствует эксплуатации экономических ресурсов коренных народов без особого сопротивления с их стороны.

Хотя я не претендую на то, чтобы изображать колониальный опыт африканских стран одинаковым, я думаю, что есть определенные фундаментальные элементы колониального правления, которые были общими для всего континента. В роли Келлера (2007, 46) отмечает: «Модальность колониального правления варьировалась от одной колониальной державы к другой, но конечным результатом всегда были господство, эксплуатация и организованные репрессии». Это позволяет говорить о характере колониального господства в Африке. Колониальные правительства в Африке были созданы для обслуживания интересов западных владельцев капитала. Таким образом, были установлены репрессивные меры для предотвращения инакомыслия со стороны колонизированных масс (Моуо 1992, 307). Голоса колонизированных народов были заглушены перед лицом клеветы на их человечество (Flikschuh 2014, 4) и разграбление их ресурсов исключительно в интересах владельцев капитала. Комментируя безразличность колониализм, Ньямнджох (2012, 132) утверждает, что «он подавлял там, где должен был способствовать, приручал, а не вдохновлял, и ослаблял, а не укреплял». Даже творческие способности, которые позволяли коренным народам использовать свои ресурсы для собственной выгоды, систематически подвергались сомнению. Они были в значительной степени исключены из права голоса в управлении своими странами (Taiwo 1993, 896).

На этом этапе необходимо обрисовать некоторые признаки колониального правления в Африке, чтобы установить, можно ли классифицировать такое правление как демократическое.

Одним из ключевых аспектов колониального правления в Африке был исключительный контроль над колонизированными территориями (Taiwo 1993, 897). Благодаря использованию военной мощи коренные народы Африки были фактически покорены. Вожди коренных народов были насильственно смещены со своих постов, поскольку колониальные власти утверждали свою гегемонию. Ключевые структуры управления стали исключительной прерогативой колонизаторов. Помимо использования военной мощи, колониальные власти использовали квазимирные средства, чтобы добиться определенного уровня признания своего правления среди коренных народов. Например, местными структурами власти, такими как структуры вождов, систематически манипулировали для поддержания статус-кво. В некоторых случаях, чтобы обеспечить поддержку колониального проекта, существующих вождов заменяли лицами, которые не принадлежали к наследственным линиям вождов и, следовательно, возвращали услугу, способствуя иностранному господству в своих общинах. Общая цель состояла в том, чтобы исключить коренные народы из-под контроля над их собственными странами; и любые попытки сопротивления этой манипуляции встречали дальнейшие репрессии.

Кроме того, чтобы обеспечить эксплуатацию ресурсов колонизированных территорий, колониальные власти должны были сделать так, чтобы коренные народы полностью зависели от них в плане средств к существованию. Частично это было достигнуто за счет лишения их источников богатства, таких как плодородные земли и скот. Земля является важным ресурсом для людей: она определяет их чувство принадлежности, права и богатство. Колониальные власти экспроприировали богатые исконные земли коренных народов и переселили их на необитаемые земли (Остин, 1975, 28). Это лишило их возможности постоять за себя. В результате у них не было другого выбора, кроме как стать невольными рабочими, которые помогали преимущественно добывающей парадигме развития. колониальные власти (Rodney 1985, 337).

Кроме того, колониальные власти обеспечили коренным народам минимальное образование, чтобы они постоянно оставались в подчинении (Rodney 1985, 339–340). Как утверждал Остин (1975, 35) в отношении ситуации в тогдашней Родезии, «следствием преднамеренно поощряемой неполноценности африканцев является сохранение превосходства белых. Существует порочный круг [sic], в котором угнетение белых африканцев вызывает у африканцев депрессивное состояние, которое, в свою очередь, используется для оправдания продолжающегося угнетения большинства». Политика сегрегации обеспечила создание и сохранение предполагаемого расового превосходства колонизаторов над коренными народами. В этом свете услуги и привилегии, которыми пользовались колониальные поселенцы, должны были укреплять их предполагаемое превосходство, в то время как коренные народы страдали от угнетения и несоответствия стандартам

услуги. В свете организованных репрессий, господства и эксплуатации, характерных для колониального правления в Африке (Keller 2007, 46; Nyamnjoh 2012, 132), оно было явно авторитарным, а не демократическим.

Более того, хотя коренные народы имели свои собственные цивилизации, отражавшие их собственные экзистенциальные ситуации (Гельфанд, 1981, 62), патерналистский подход, который колониальные власти использовали для контроля над ними, означал, что чужеземные власти низводили их до низших существ, которым требовались такие иностранные власти. чтобы «поднять» их к «цивилизованному» существованию (Taiwo 1993, 896; Bassil 2005, 32). Таким образом, исходя из предполагаемой неполноценности коренных народов (Bassil 2005, 28), колониальные власти исключили их из участия в управлении своими странами (Fatton 1990, 458). В некоторых случаях несколько коренных жителей были кооптированы в структуры правительства. Тем не менее они не имели права влиять на решения колониальных правительств.

Более того, чтобы обеспечить наилучшее удовлетворение интересов колониальных поселенцев, колонизаторы препятствовали тому, чтобы коренные народы конкурировали с европейскими поселенцами в экономике в целом и в владении землей в частности (Rodney 1985, 345). Некоторые из мер, принятых колонизаторами для контроля над коренными народами, включали ограничения на передвижение внутри колоний, карательные налоги и плохие условия труда (Stoneman 1981, 130).

Следовательно, коренные народы с самого начала проявляли отвращение к колониальной системе. Они были недовольны тем фактом, что колониальные власти отказывали им в их основных правах, грубо ограничивали их свободу распоряжаться своими природными ресурсами и, самое главное, отвергали их гуманность (Taiwo 1993, 898). Несмотря на то, что инопланетные власти пытались представить свое правление в положительном свете, сопротивление ему было очевидным по всему континенту (Boahen 1985, 3; Ranger 1985, 47; Mukandal 2001, 5). Угнетение, при любом воображении, не соответствует так называемым демократическим принципам.

Однако даже в настоящее время некоторые считают колониализм положительным явлением в Африке, особенно в том, что касается продвижения демократического правления. Для Например, Bernhard, Reenock and Nordstrom (2004, 227) утверждают, что «конец европейского заморского колониализма породил надежды на то, что районы, которые подверглись ему, смогут ассимилировать положительные аспекты современности, такие как демократия и развитие. Эта надежда не оправдалась».

Борьба за освобождение в Африке породила «независимость». я использовать термин «независимость» по отношению к африканским странам с оговорками в этой главе, поскольку подлинной независимости еще предстоит достичь (Oduor 2012, 238). Действительно, африканские страны имеют внешние признаки «независимости», но в действительности колонизаторы все еще имеют значительное влияние на

ПОСЛЕ НЕЗАВИСИМОСТИ А
ПРИЗЫВ К ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В свете вышеизложенного становится трудно , чтобы послание Запада о демократии было услышано и принято некоторыми африканскими правительствами. Здесь я имею в виду те «постколониальные» африканские правительства, которые до сих пор возглавляют лидеры бывших движений за освободительную войну , которые на собственном опыте испытали несправедливость колониального правления. Такие лидеры могут чувствовать, что у Запада нет морального превосходства , чтобы предписывать систему управления «независимым» африканским государствам (Healey and Robinson 1994, 11). Таким образом, призыв к установлению либеральной демократии вместо нынешнего авторитарного правления в некоторых африканских странах встретил сопротивление со стороны некоторых африканских режимов (Fatton 1990, 457) .

Хотя правительства африканских стран могут иметь свои собственные причины для сохранения систем управления, которые не соответствуют чаяниям граждан, я считаю, что предписывать чуждые системы управления африканским странам также нецелесообразно, поскольку, вероятно, как продолжающееся вмешательство во внутренние дела «независимых» и «суверенных» африканские государства. Действительно, африканские страны имеют право апеллировать к своим собственным системам демократии, которые резонируют с их различными экзистенциальными ситуациями. Если они хотят заимствовать определенные черты демократии у других геополитических центров, то должны делать это без принуждения. Это необходимо для того, чтобы «независимость», которой добились африканские страны, стала подлинной. Как утверждал Вамба-диа-Вамба (Wamba-dia-Wamba, 1992, 32), африканские страны должны отказаться от построения своих внутренних дел на парадигмах, созданных где-то еще, если они хотят достичь эмансипации, к которой они стремятся. Самоопределение в отношении взращивания собственных систем управления, которые могут не обязательно соответствовать тем, которые им предписывает Запад, может стать панацеей от неудачных экспериментов с навязанными чуждыми парадигмами демократии (Sklar 1983: 18). Я придерживаюсь этой позиции ниже.

В ЗАЩИТУ КОРЕННОГО АФРИКАНЦА _

ЧУЖДАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОНСТРАЦИИ

OCR C

Призыв к местным формам демократии в африканских странах исходит из того, что даже после обретения «независимости» «бывшие» колониальные власти по-прежнему стремятся влиять на события в Африке. Говоря более конкретно, каждая «бывшая» западная колониальная держава по-прежнему сохраняет значимые гегемонические отношения со своей «бывшей» колонией или колониями в Африке. В других
Другими словами, «бывшие» колониальные власти до сих пор влияют на управление своими «бывшими» колониями (Tag 2010, 83). Всякий раз, когда в «бывших» колониях возникает проблема, соответствующие колониальные хозяева быстро предлагают им рецепты или угрозы наказания.

Продолжающиеся гегемонистские отношения между Западом и африканскими правительствами указывают на тот факт, что колониализм еще не закончился полностью. В частности, все указывает на то, что Запад все еще считает, что его парадигма демократия идеальна для африканских стран, несмотря на то, что она не подходит для их экзистенциальных ситуаций. Ганский мыслитель Кваме Нкрума (1965, стр. x) утверждал, что колониализм пережил деколонизацию и теперь существует в новой форме, которая является неоколониализмом. Для Нкрумы, что заставляет их появляться отличие состоит в том, что колониализм является явным, а неоколониализм - скрытым. Однако и колониализм, и неоколониализм являются инструментами господства. Нкрума (1965, с. xi) рассматривает неоколониализм как наихудшую форму империализма.

реализм, и «для тех, кто его практикует, это означает власть без ответственности, а для тех, кто страдает от него, это означает эксплуатацию без возмещения ущерба». Это как бы доминирование посредством дистанционного управления. Как заметил Нкрума (1965, рх), «А государство в тисках неокOLONиализма не является хозяином своей судьбы». В соответствии с точкой зрения Нкрумы, философ диаспоры Уолтер Д. Миньола (2005, 112) утверждает, что «независимость изменила действующих лиц, но не сценарий».

Следовательно, африканские страны должны стремиться к освобождению от иностранного господства путем разработки парадигм демократического управления, основанных на местных африканских формах демократии, которые процветали в доколониальные времена, которые резонируют с нынешними жизненными обстоятельствами этих стран и которые пережили попытки разрушить их иностранными державами. Как правильно заметил Ramose (1992, 64), народы Африки должны создавать свои собственные эпистемологические парадигмы, чтобы выразить свою подлинность и истинное освобождение. В вопросах управления это означает необходимость для африканских стран основывать свою политику на коренных формах демократии. Это освобождение необходимо, если народы Африки хотят победить то, что Рамоз (1992, 67) назвал «условием одинаковости», навязанным им Западом.

Определяя «условие одинаковости», Рамоз (1992, 66) заявил, что господствующие народы Запада имеют определенное понимание того, что значит быть человеком и что значит существовать в отношениях с другими, которые они имеют. навязывается различным культурам. Другими словами, Запад полагает, что его понимание межчеловеческих отношений имеет транскультурную применимость. Тем не менее, это понимание коренным образом отличается от представлений коренных африканцев о «человеке и вселенной» (Ramose 1992, 66). Поскольку западная парадигма демократии является навязыванием Африке и сопротивляется диалогу с местными формами демократии, она не может обеспечить подлинное освобождение, которое народы

Африка ищите.

Тем не менее я не пытаюсь романтизировать то, что было частью доколониальных африканских демократий. Действительно, эти местные системы демократии, вероятно, имели некоторые элементы, которые, возможно, больше не соответствуют нынешним условиям африканских стран. Однако то же самое можно сказать и о парадигмах демократии из других геополитических центров. Тем не менее африканским странам целесообразно руководствоваться присущими им системами демократии. Дело в том, что помимо западной либеральной демократии существуют и другие достойные парадигмы демократии. Это согласуется с позицией Oduor (2017).

что «либеральная демократия не является синонимом демократии». Другими словами, демократия не сводится к либеральной демократии.

Кроме того, использование коренных африканских способов демократии послужило бы корректировкой проблем, с которыми африканские страны столкнулись в качестве

результатом принятия либеральной демократии западного образца . Wamba-dia-Wamba (1992), Ramose (1992), Wiredu (1996) и Gyekye (2013) защищают необходимость использования местных парадигм демократии в качестве основы для построения системы управления для африканских стран . Отчасти это происходит из -за осознания того, что либеральная демократия западного образца не подходит для условий современной экономики.

коренных народов Африки , так как это не способствовало решению проблем « постколониального » государства в Африке. Например, многопартийная политика занимает центральное место в западной либеральной демократии. Однако он не может гарантировать гражданские свободы, которые он стремится поддерживать, потому что он озабочен захватом государственной власти , а не фундаментальным изменением деятельности государства , чтобы сделать его подотчетным народу (Wamba-dia-Wamba 1992, 31).

Кроме того , в многопартийной системе упор делается на конкуренцию за власть в ущерб участию простых людей в управлении.

Как заметил Вамба-диа-Вамба (1992, 31), « многопартийная парламентская модель политики характеризуется своей ориентированностью на государство, угнетением и тенденцией к замораживанию творчества и воображения». Те, кто находится в оппозиции, утверждают, что у них есть действенные решения проблем, стоящих перед их странами . Тем не менее, они должны сначала взять бразды правления в свои руки , прежде чем они смогут претворить свои идеи в жизнь. Они также могут не захотеть воспользоваться этими решениями для действующих правительств, потому что они не могут «вооружить врага». Таким образом, их заявления о том, что у них есть решения проблем своих стран, часто являются лишь предлогом для прихода к власти.

Следовательно , многопартийность оказывается средством манипулирования эмоциями людей для достижения корыстных целей членов противоборствующих политических партий. Политические партии становятся новыми угнетателями избирателей , обещая определенные льготы при условии , что они придут к власти. Как заметил Рамоз (1992, 75), «странность враждебной политики еще больше подчеркивается тем фактом, что довольно часто этот вид политики вырождается в оппозицию ради оппозиции». На самом деле, в некоторых случаях это на самом деле породило обманчивую видимость многопартийной системы , поскольку правящие партии разрабатывают стратегии, направленные на поражение многопартийной системы (Wiredu 1996, 188; 1997, 309). Например, они могут создать фальшивые оппозиционные партии, чтобы создать у внешнего мира впечатление о действующей многопартийной системе .

Что касается либеральной демократии западного образца, используемой в настоящее время в Африка, Wiredu утверждает:

Нынешние формы демократии , как правило, представляют собой системы , основанные на принципе большинства. Партия , получившая большинство мест или наибольшую долю голосов , если действующая система является системой пропорционального представительства , наделяется государственной властью . __ Партии в рамках этой схемы политики представляют собой организации людей со схожими тенденциями и устремлениями , единственной целью которых является получение власти для осуществления своей политики . (Виреду , 1996, стр. 186–87).

Одно важное возражение, которое Wiredu (1996, 187-189) выдвигает против многопартийной системы, заключается в том, что она имеет тенденцию исключать проигравших из процесса принятия решений. На мой взгляд, горечь проигрыша и факт исключения из процесса принятия решений затрудняют для соперников принятие поражения. В результате воинственные кампании по выборам в рамках многопартийной системы в Африке стали обычным явлением. Конкуренты часто прибегают к любым средствам, честным и нечестным, чтобы победить на выборах, чтобы прийти к власти или сохранить ее. Это часто является источником напряженности и даже насильственных конфликтов, ведущих к политической нестабильности.

Следовательно, Wiredu (1996, 189; 1997, 310) считает, что беспартийная консенсуальная демократия, при которой правительства формируются путем переговоров между гражданами, может исправить проблемы, которые многопартийная система создала в африканских странах. Я согласен с Wiredu и другими в предложении демократии на основе консенсуса, которая была частью традиций коренных народов Африки с доколониальных времен и которая может адекватно реагировать на текущие проблемы управления в Африке, если она соответствует ее нынешним обстоятельствам. И это несмотря на оговорки Эзе в отношении такого подхода, особенно в отношении того, можно ли реально достичь консенсуса (Eze 1997b, 320-321). Под консенсуальной демократией Wiredu (1996, 182) понимает систему, в которой решения по вопросам права и политики обсуждаются и согласовываются представителями народа, которые сами избираются путем

переговоров, а не по мажоритарной системе. Призыв к консенсусу возникает из признания того, что люди придерживаются разных мнений (Wamba-dia Wamba 1992, 34; Ramose 1992, 76; Wiredu 1996, 183).

Консенсусное принятие решений относительно выбора представителей, которые затем сформируют правительство, а также того, как правительство будет вести свою деятельность, было бы эффективным, поскольку оно учитывало бы вклад управляемые серьезно. Тем не менее, не все могут прийти к согласию по поводу обсуждаемого вопроса. Как Wiredu (1996, 183)

Как отмечалось, «консенсус обычно предполагает исходную позицию разнообразия. Поскольку проблемы не всегда поляризуют мнения по линии строгой противоречивости, диалог может функционировать, например, посредством сглаживания граней, для достижения компромиссов, которые приемлемы для всех или, по крайней мере, никому не неприятны».

Из приведенной выше точки зрения Wiredu можно сделать вывод о том, что в системе, основанной на консенсусе, между заинтересованными лицами проводится обширное обсуждение, прежде чем будет достигнут согласованный курс действий. В такой системе дебаты независимы и надежны, и учитывается вклад каждого члена (Wamba-dia-Wamba 1992, 34; Gyekye 2013, 244). Свидетельством демократии является то, как избираются представители народа и принимаются решения правительства. Поэтому неверно, что отсутствие многопартийной системы в политической культуре коренных африканцев делает их ущербными.

(Рамоз 1992, 76). Фактически, навязанная многопартийная демократия подрывает такие достоинства консенсусной демократии, как равенство и солидарность. Это для По этой причине я считаю, что консенсуальная демократия лучше подходит для африканских стран, чем навязанная многопартийная демократия в западном стиле.

Возможно ли полностью игнорировать чуждые парадигмы демократии, поскольку африканские страны стремятся вернуться к своим исконным формам демократии? Ramose (1992, 65) правильно заметил, что, поскольку африканские страны ищут освободительную эпистемологическую парадигму, они не могут игнорировать политическую культуру Запада, потому что она стала частью культуры управления в Африке. Я думаю, что африканские страны могут включить некоторые элементы из других геополитических центров в свою парадигму демократии, если они чтобы они обогащались в соответствии с их собственными обстоятельствами, пока они делают это свободно, а не под давлением Запада, как в настоящее время в случае либеральной демократии. Тем не менее, коренная африканская политическая культура должна оставаться основой для построения парадигмы демократии для африканских стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущем обсуждении я утверждал, что неприятие либеральной демократии западного образца многими африканцами частично связано с осознанием того, что она не соответствует их экзистенциальной ситуации, и поэтому вряд ли приведет к подлинной эмансипации, к которой они стремятся. Тем не менее, я также высказал мнение, что отказ от либеральной демократии западного образца в Африке не является отрицанием императива демократического правления. Действительно, ошибочно полагать, что существует только одна парадигма демократии, то есть либеральная демократия западного образца, которую должны принять все культуры. Однако это не означает, что африканским странам нечему научиться демократии у других геополитических центров. Тем не менее, они должны перенимать элементы чуждых моделей демократии по выбору, а не по принуждению, и до тех пор, пока они гарантируют, что политическая культура коренных африканцев является основой их систем управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Говоря об африканских странах, я предпочитаю заключать термин «постколониальные» в кавычки, потому что разделяю мнение, что в настоящее время африканские страны реально не прошли колониальную эпоху (Eze 1997a, 14). В каком - то смысле колониальный порядок не был полностью побежден и заменен тем, что я хотел бы

рассматривать как подлинную независимость. В свете этого я с осторожностью использую термин «постколониальный» в настоящей главе.

2. «Независимость», которой достигли африканские страны, можно охарактеризовать как косметика, потому что она не принесла подлинного освобождения коренным народам Африки от западного господства. Следовательно, я с осторожностью использую термин «независимость» в отношении африканских стран.

3. Я с осторожностью употребляю термин «бывшие» по отношению к западным колонизаторам Африки, ибо весьма сомнительно, чтобы они перестали влиять на события в Африке.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Остин, Реджинальд. 1975. Расизм и апартеид в Южной Африке: Родезия. Париж: Пресса ЮНЕСКО.

Бэзил, Н. Ной. 2005. «Наследие колониального расизма в Африке». Австралийский квартал Терли, Том. 77 № 4, стр. 27–32.

Бернхард, Майкл, Кристофер Ренок и Тимоти Нордстром. 2004. «Наследие западного заморского колониализма в демократическом выживании». Ежеквартальный журнал международных исследований, Vol. 48, стр. 225–50.

Боаэн, А. Аду. 1985. «Африка и колониальный вызов». Боахен, А. Аду, изд. Всеобщая история Африки, VII: Африка под колониальным господством 1880–1935 гг. Париж: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, стр. 1–18.

Эз, Эммануэль Чуквуди. 1997а. «Введение: философия и (пост) колониальный».

Эз, Эммануэль Чуквуди, изд. 1997а. Постколониальная африканская философия: критический читатель. Кембридж: Blackwell Publishers Ltd., стр. 1–21.

———. 1997б. «Демократия или консенсус? Ответ WiredU». Эз, Эммануэль Чуквуди, изд. 1997б.

Постколониальная африканская философия: критический читатель. Кулачковый мост: Blackwell Publishers Ltd., стр. 313–23.

Фаттон-младший, Роберт. 1990. «Либеральная демократия в Африке». Политология ежеквартально, Том. 105 № 3, осень 1990 г., стр. 455–73.

Фликшух, Катрин. 2014. «Идея философского полевого исследования: глобальная справедливость, моральное невежество и интеллектуальные установки». Журнал политической философии, Vol. 22 № 1, 2014. С. 1–26. <https://doi.org/10.1111/jopp.12006>.

Гельфанд, Михаил. 1981. Укама: размышления о шоне и западных культурах в Зиме. бабве. Гвело: Мамбо Пресс.

Геке, Кваме. 2013. Философия, культура и видение: африканские перспективы: Се читал очерки. Аккра: Издательство к югу от Сахары.

Хили, Джон и Марк Робинсон. 1994. Демократия, управление и экономическая политика: Африка к югу от Сахары в сравнительной перспективе. Лондон: Институт зарубежного развития.

Джотиа, Соглашение Латхи. 2012. «Либеральная демократия: африканская перспектива». Международные академические исследования, Vol. 2 № 3, стр. 621–28. <https://www.savap.org.pk>.

Келлер, Эдмонд Джон. 2007. «Африка в переходный период: перед вызовами глобальной станция». Гарвардское международное обозрение, Vol. 29 № 2, стр. 46–51.

Мазруи, Али Аль-Амин. 2002 (1975). «Африка и культурная зависимость: пример Африканского университета». Ларемонт, Рикардо Рене и Фуад Калущ, ред. Африка и другие цивилизации: Сборник очерков Али А. Мазруи, Vol. 2. Трентон, Нью-Джерси: Africa World Press, стр. 57–93.

Миньоло, Уолтер Д. 2005. «Пророки смотрят боком: геополитика знаний и колониальные различия». Социальная эпистемология, Vol. 19 № 1, стр. 111–27. <https://doi.org/10.1080/02691720500084325>.

Мойо, Джонатан Натаниэль. 1992. «Государственная политика и социальное господство в Зимбабве». Журнал современных африканских исследований, Vol. 30 № 2, июнь 1992 г., стр. 305–30.

Мукандала, Рвеказа. 2001. «Состояние африканской демократии: состояние, перспективы, проблемы». Африканский журнал политических наук, Vol. 6 № 2, стр. 1–10.

Мунгвини, Паска. 2016. «Вопрос о перецентровке Африки: мысли и проблемы». с глобального Юга». Южноафриканский философский журнал, Vol. 35 № 4, 2016. С. 523–36. <http://dx.doi.org/10.1080/02580136.2016.1245554>.

Нкрума, Кваме. 1965. Неоколониализм: последняя стадия империализма. Новый Йорк: Международные издательства.

Ньямнджох, Фрэнсис Б. 2012. «Горшечные растения в теплицах»: критическое размышление об устойчивости колониального образования в Африке». Журнал азиатских и африканских исследований, Vol. 47 № 2, стр. 129–154. <https://doi.org/10.1177/0021909611417240>.

Одуор, Реджинальд М.Дж. 2012. «Отчет Одера Орука о Фонде прав человека: критика». Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении (ПАК), New Series, Vol. 4 № 2, декабрь 2012 г., стр. 219–40. <http://ajol.info/index.php/tp/index>.

———. 2017. «Демократия, свободная от западной гегемонии: вступительное слово». Выступление на Международной конференции «По ту сторону либеральной демократии: поиск моделей демократии коренных народов Африки для двадцать первого века», Найроби, Кения, организованной Департаментом философии и религиоведения Университета Найроби, Кения, и Советом для исследований в области ценностей и философии (RVP), Вашингтон, округ Колумбия, США, 22–23 мая 2017 г.

Рамос, Могобе Бернар. 1992. «Африканская демократическая традиция: единство, консенсус и открытость — ответ Вамба-диа-Вамба». Квест: Философские дискуссии - Международный африканский философский журнал, Vol. VI № 2, декабрь 1992 г., стр. 63–83.

Рейнджер, Теренс Осборн. 1985. «Африканские инициативы и сопротивление перед лицом раздела и завоевания». Боахен, А. Аду, изд. Всеобщая история Африки, VII: Африка под колониальным господством 1880–1935 гг. Париж: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, стр. 45–62.

Родни, Уолтер. 1985. «Колониальная экономика». Боахен, А. Аду, изд. Всеобщая история Африки, VII: Африка под колониальным господством 1880–1935 гг. Париж: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, стр. 332–50.

Скляр, Ричард Л. 1983. «Демократия в Африке». Обзор африканских исследований, Vol. 26 Нет. 3/4, стр. 11–24.

Стоунман, Колин. 1981. «Сельское хозяйство». Стоунман, Колин изд. Наследие Зимбабве. Лондон: The College Press (Pvt) Ltd., стр. 127–50.

- Тайво, Олуфем. 1993. «Колониализм и его последствия: кризис знаний». Производство". Каллалу, Том. 16 № 4, осень 1993 г., стр. 891–908.
- Тар, Усман А. 2010. «Проблемы демократии и демократизации в Африке и на Ближнем Востоке». Информация, общество и справедливость, Vol. 3 № 2, стр. 81–94.
www.londonmet.ac.uk/isj_
- Узойгве, Г.Н. 1985. «Европейский раздел и завоевание Африки: обзор». Курица Боа, изд. А. Аду. Всеобщая история Африки, VII: Африка под колониальным господством 1880–1935 гг. Париж: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, стр. 19–44.
- Вамба-диа-Вамба, Эрнест. 1992. «Помимо элитной политики демократии в Африке». Квест: Философские дискуссии — Международный африканский философский журнал, Vol. VI № 1, июнь 1992 г., стр. 29–42.
- Виреду, Квази. 1996. Культурные универсалии и особенности: африканская перспектива. Блумингтон: Издательство Индианского университета.
- . 1997. «Демократия и консенсус в традиционной африканской политике: призыв к беспартийной политике». Эз, Эммануэль Чуквуди, изд. Постколониальная африканская философия : критический читатель. Кембридж: Blackwell Publishers Ltd., стр. 303–12.

глава е Четыре

Ловушки либеральной демократии _ _

Меньше нас с фром Элечки g Pittheed Н Й е
 Дем рато IC Ре паб лик Оф Против О Дэйвид
 Нгендо-Чимба

После «холодной войны», которая была парадоксально горячей (в буквальном смысле) и смертоносной для африканского континента, подавляющее большинство африканских государств все еще пытается преодолеть трудности, характерные для послевоенного контекста, поскольку они стремятся к политической и социально-экономическим парадигмам, которые избавили бы их от институциональной хрупкости. Демократическая Республика Конго (ДРК) не является исключением из этой тенденции. Опираясь на современные события и научную литературу о сценариях организации выборов в Африке после «холодной войны», я стремлюсь в этой главе осветить политические, социальные и экономические затруднения, связанные с проведением выборов после насильственного конфликта как средства восстановления разрушенных политических структур и, таким образом, восстановление демократического политического порядка в государстве. Принимая во внимание, что в идеале теория и практика гражданского общества, в которых суверенитет закрепляется за собранием всех граждан, решивших участвовать в процессах принятия решений для формирования своей судьбы, весьма привлекательны, я утверждаю, что преждевременный рост политического участия в контекст после насилия, включая приоритизацию выборов, как в случае с ДРК, имеют высокую вероятность дестабилизации хрупких политических систем. В этой критике западной либеральной демократии я сначала рассматриваю подводные камни Послевоенная предвыборная агитация ДРК на всеобщих выборах 2006, 2011 и 2018 годов. На основе этих трех последовательных, но совершенно непохожих электоральных опытов (хотя до каждого из них вооруженный конфликт сильно давил как на государственные, так и на негосударственные учреждения), я утверждаю, что обращение к бюллетеням, а не к пулям, не является гарантией. что после опустошительного вооруженного конфликта по всей стране будет установлен устойчивый политический порядок.

Чтобы проиллюстрировать это, даже дважды выйдя победителем на президентских выборах (хотя его победы оспаривались), режим президента Жозефа Кабилы не смог консолидировать свои истерзанные войной политические, экономические, социальные аппараты и аппараты безопасности, активное участие международного сообщества

несмотря на это. Именно на этом фоне я утверждаю, что настаивание на организации выборов в целях легитимации власти может быть просто пустым ритуалом, и, более того, тем, что действительно обеспечивает деспотическому режиму фасад легитимности — или, что еще хуже, может привести к возобновлению насилия, способного лишь ухудшить и без того плохую ситуацию.

Наконец, я утверждаю, что хотя, согласно принципам либеральной демократии, заслуживающие доверия выборы являются отличительной чертой демократического политического порядка, контекст, в котором преследуется этот идеал, должен быть соответствующим. Это связано с тем, что в ранее разоренном войной государстве, столкнувшемся с серьезными политическими и социально-экономическими вызовами, как это было в ДРК после Вооруженный конфликт, выборы — несмотря на благие намерения — не могут быть необходимыми шагами на пути к жизнеспособному демократическому политическому порядку. Наоборот, сделать послевоенное общество управляемым (путем синхронизации как различных, так и различных социальных сил для полноценного гражданского участия) представляет собой надлежащую последовательность, необходимую для возможной политической институционализации, которая, в свою очередь, является решающим шагом на пути к истинно демократическому порядку после политически инспирированное массовое насилие.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ-СУМ-'ЭЛЕКТОКРАТИЯ'

Согласно Вамба-диа-Вамба (1994), два доминирующих исторических способа политики: парламентский тип политики, который включает в себя либеральную демократию, и сталинский или Третий Интернациональный тип политики.

политика. Для Вамба-диа-Вамба, однако, ни парламентский режим, ни сталинская мода (что не то же самое, что Советский Союз при

Сталин, то есть сталинизм) «поддерживает процесс человеческой и социальной эмансипации сегодня» (Wamba-dia-Wamba 1994, 249).

К середине 1990-х импульс для политических реформ фактически превратился в неукротимое движение по всей Африке. Заимствуя недавние слова — —

Американский политический теоретик Фрэнсис Фукуяма, с распадом Советского Союза в 1991 году, «марксистские левые в значительной степени рухнули, а социал-демократам пришлось примириться с капитализмом» (Фукуяма 2019, 113). С триумфом капитализма во многих африканских странах возобновился либерально-демократический эксперимент, когда однопартийная и военная диктатуры, установленные в середине 1960-х — середине 1970-х, уступили место — одна за другой. — к народному давлению внутри страны не только за либерализацию, но даже за откровенную демократизацию политического пространства. Это после холодной войны

волна демократизации возвестила о восстановлении многопартийности, организации выборов, лицензировании частных электронных и печатных СМИ,

снятие самых жестких ограничений на организацию публичных политических митингов.

Таким образом, казалось, росло согласие относительно того, как политическая власть должны быть переданы — проведение периодических и демократических выборов («элетократия») является неременным условием политической стабильности и мирного развития общества. Действительно, если ветры демократии дуют над Африка, одной из причин для них, согласно Sylla и Goldhammer (1982), может быть то, что демократия обеспечивает рациональное решение проблемы правопреемства. Силла и Голдхаммер (1982, 12) далее утверждают, что в некотором смысле либерализация политического процесса вынуждает страну устанавливать рациональную систему управления. передача власти.

В частности, в странах Африки к югу от Сахары после окончания «холодной войны» все чаще стали полагаться на избирательные процессы как на основной способ легитимации управления на национальном, региональном и местном уровнях. Исходя из контекста биполярного мира, где кризис и крах одной стороны (коммунизма), казалось, подтверждали победу и превосходство другой стороны (капитализма), Эрнест Вамба-диа-Вамба (1994) многозначительно отмечал, что политическая смерть бюрократического социализма выдвинула парламентский тип политики (характерный для либеральной демократии) на гегемонистскую позицию. Сторонники капитализма на Западе, подчеркнул Вамба-диа-Вамба, воспользовались случаем, чтобы усилить пропаганду свободной рыночной экономики и многопартийной демократии. Следовательно, этот индуцированный Западом парламентский способ политики воспринимался как неизбежное средство стимулирования развития демократического правления посредством выбора представителей, формирования правительств и как средство придания легитимности новому политическому порядку.

Как наиболее заметная черта либеральной демократии, всеобщее избирательное право в независимой Африке рассматривалось как определяющая характеристика демократии. Зачастую главный ответ международного сообщества на проблему инерции или системной зависимостью после тяжелого конфликта является быстрая организация выборов, которые, как мы надеемся, приведут к формированию законного правительства с мандатом на формирование нового и лучшего общества. Однако это постконфликтное демократическое решение содержит серьезные проблемы. Ссылаясь на работу Роберта Бейтса «Когда все развалилось» (2008 г.), Штраус и Тейлор (2012 г.) подтвердили, что первоначальный оптимизм в отношении демократического перехода Африки встретился с новым скептицизм до такой степени, что политическая либерализация (посредством либеральной демократии) привела к сокращению временных горизонтов африканских лидеров в течение последних двух десятилетий, увеличивая вероятность того, что такие главы государств вызовут атрофию, а не развитие институтов для общего блага. Кроме того, Увин (2002) утверждал, что на фоне крайняя нищета из-за ветхости социально-экономической инфраструктуры, дезорганизации тогдашней политической сцены и продолжающегося наследия насилия.

чтобы задушить доставку общественных благ, выборы могут быть просто не очень значимыми.

Дебаты об избирательных системах в Африке после «холодной войны» часто предполагали, что ключевые институциональные игроки в этом процессе — прежде всего политические партии — действительно представляют чаяния электората, и что всеобщие выборы просто играют роль арбитра. Голосов спорящих сторон считается большинством голосов лучшим решением их проблем. Тем не менее, в послевоенных условиях, когда охваченные насилием государства, как правило, имеют более сильные покровительственные сети по сравнению с другими, требования лояльности преобладают над эффективностью, инклюзивностью и верховенством закона; следовательно, электоральное насилие вероятно, потому что к власти стремятся любыми необходимыми средствами (Векое 2012). Поэтому чаще всего преобладающим путем к государственной власти в большинстве частей Африки сегодня была организация политического насилия, из которых насилие на выборах является наиболее распространенным.

Оценивая новые модели управления в Африке, Олукоши (2007) отмечает, что там, где давление со стороны граждан стало бесполезным упражнением при политических режимах, которые должны были получить свои мандаты от населения посредством выборов, суть управления на самом деле не изменилась, несмотря на структуру введенного электорального плюрализма. Кроме того, цена того, чтобы заставить избранное правительство обратить внимание на внутренние проблемы, на самом деле была высока, включая организацию внутренних протестов, развертывание жестоких государственных аппаратов, рутинное злоупотребление властью для того, чтобы для подрыва внутренней политической оппозиции и фальсификации выборов, чтобы помешать волеизъявлению народа и заблокировать расширение границ демократии (Olukoshi 2007). Чтобы добавить к таким мрачным историям задушенных демократических устроений, Олока-Оньянго (2007) отметил, что к тому времени, когда он писал, только шесть африканских лидеров независимости были заменены в свободных и справедливых странах.

выборы: остальные были либо свергнуты, вынуждены уйти в отставку, умерли при исполнении служебных обязанностей, либо были остановлены пулей убийцы. Тот факт, что в Африке после окончания холодной войны бросалось в глаза явное отсутствие подлинного политического плюрализма, является неоспоримым фактом, несмотря на фасад многопартийной демократии.

Не будет преувеличением сказать, что волна демократизации, захлестнувшая Африка после окончания холодной войны выдвинула на передний план категорию элит, которых Гро назвал «оппортунистическими демократизаторами» (Gros 1998, цит. по: Berhanu 2007, 102–103). Как отмечает Берхану (2007), одних только конституционных реформ и проведения периодических плюралистических выборов на самом деле недостаточно для проведения преобразований, оказывающих положительное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь граждан и на благо всего общества (включая негосударственные). граждан) на свободе. Следовательно, замена авторитарных режимов явно демократическими, а не создание новых механизмов в сфере политического управления, которые могут принести обществу практическую пользу в социально-экономическом плане,

может оказаться бесполезным. Несмотря на то, что выборы остаются предпосылкой для более широких демократических практик, избирательные мероприятия и демократический политический порядок, безусловно, не являются синонимами.

ДЕЛО « ЭЛЕКТОКРАТИИ » В ДРК _

Было широко распространено мнение, что обнародование конституции ДРК 2005 г. положит начало Третьей республике, начиная с выборов « новых » лидеров с политической легитимностью и тем самым завершить демократический переход, который начался в начале 1990-х годов, но был прерван двумя войнами . В то время как Запад во главе с Соединенными Штатами приветствовал новую конституцию ДРК как, по словам Томаса Тернера (2007), устанавливающую «баланс сил между ветвями власти, обеспечивающий защиту и развитие меньшинств и предусматривающий ограничение в два президентских срока», критики сочли его «расплывчатым как в отношении формы государства (унитарное или федеративное), так и в отношении формы правления (президентский и парламентский)» (Turner 2007 : 183–184). Именно на этом фоне и в рамках этой недавно обнародованной конституции были проведены всеобщие выборы в ДРК 2006 года .

ОПЫТ ВЫБОРОВ В ДРК 2006 ГОДА

Проведение всеобщих выборов 2006 г. (как президентских, так и законодательных) последовало десятилетие одного из самых смертоносных интернационализированных конфликтов, превратившего ДРК в театр того, что было названо Великой африканской войной или африканской мировой войной (Reyntjens 2009, 1; Prunier 2009, 1). Это был демократический эксперимент, который стране предстояло провести лишь во второй раз, первым из которых стало избрание Патриса Лумумбы руководителем первого правительства независимой республики премьер -министром на выборах в мае 1960 года. Тернер (2007) отметил, что многие конголезцы проголосовали за мир, но их голоса, как это ни парадоксально, привели к выбору во втором туре между двумя ведущими полевыми командирами : Жозефом Кабилой и Жан - Пьером Бембой. Кроме того, предполагалось, что выборы «положат конец «разделу и грабежу», но территориальное воссоединение было далеко не полным, когда состоялись выборы , и грабег продолжался» (Turner 2007). Как заметил Prunier (2009), эти выборы последовали за обнародованием новой конституции, вынесенная на всенародный референдум в в конце 2005 г. и получил одобрение 84,3% избирателей , что свидетельствует о громком триумфе двухлетнего переходного процесса. Почти сразу после того , как избирательный процесс стал приобретать большее доверие, проведение

выборы были поставлены под сомнение. Поскольку гражданское население согласилось с аргументом Аполлинера Малу Малу (который тогда возглавлял Независимую избирательную комиссию) о тактике проволочек политиков, беспорядки против отсрочек очень быстро распространились по крупным городам страны.

Помимо капризов отдельных политиков, главной национальной проблемой, с которой конголезское государство сталкивалось в течение всего переходного периода, была — и остается еще долгое время после конституционного референдума — безопасность. По некоторым оценкам, более серьезная проблема заключалась в том, как реинтегрировать структуры часто аномального разрушения в «новые структуры контролируемого насилия» — по крайней мере, в соответствии с классическим определением государства как субъекта, обладающего монополией на законное насилие над определенной территорией (Prunier 2009, 306).

К 2006 году предвыборная лихорадка начала охватывать страну. Надвигающееся будущее было наполнено как надеждами, так и страхами — выборы превратились в «Святой Грааль» (Prunier 2009, 309). Во время выборов Миссия Организации Объединенных Наций в Конго (МООНДРК), то есть Миссия Организации Объединенных Наций по поддержанию мира в Конго, уже развернутая в стране полдесятилетием ранее, вместе с Международным комитетом по делам *Accompagnement de la Transition* (CIAT), то есть Международный комитет в поддержку переходного периода, в который вошли пять постоянных членов

Совет Безопасности ООН помимо Бельгии и Канады, а также четыре Государства-члены Южноафриканского сотрудничества в целях развития (САДК) (Ангола, Мозамбик, Южная Африка и Замбия) боролись с высокими шансами на то, чтобы решающие выборы олицетворяли стандартизированные нормы свободного, справедливого, прозрачного и ненасильственного избирательный процесс, приемлемый для так называемого международного сообщества. В апреле 2005 года Европейский союз внес 21 миллион на создание вспомогательных вооруженных сил численностью в две тысячи человек под скоординированным франко-германским командованием (Turner 2007; Mbavu 2011).

Хотя ДРК не смогла бы завершить переход от открытой войны к выборам 2006 года без существенной поддержки со стороны так называемого международного сообщества, эта мощная поддержка парадоксальным образом стала политической проблемой: Ряд оппозиционных кандидатов и людей, связанных с главным некандидатом, Этьеном Чисекеди, утверждал, что международное сообщество навязывало свой выбор, а именно Кабила (Тернер 2007, 165). Уже в первом туре этих выборов послевоенная ДРК глубоко разделены между востоком [говорящим на суахили] и западом [говорящим на лингала] (Turner 2007, 166). Если бы Горовиц (2001) не убедительно доказывали, что общая склонность разных этнических групп к поддержке оппозиционных политических партий обеспечивает ситуацию, благоприятствующую смешению этнического и партизанского насилия? При сборе декларации формы кандидатуры и избирательный залог (50 000 долларов США за кандидат), Независимая избирательная комиссия опубликовала список тридцать три кандидата в президенты (Turner 2007, 164).

Возникла дюжина «новых политических партий»; это были, по словам Прунье, (2009, 309), партии «только по названию», поскольку в основном это были этнические или региональные собрания вокруг имени одного или двух известных местных политиков. 20 августа, в день голосования в первом туре, с учетом жесткой конкуренции в период предвыборной кампании ни один из претендентов не набрал абсолютного большинства в первом туре: Жозеф Кабила (тогда временный президент) набрал 44,81 процента голосов . по сравнению с 20,03 процента у Жан-Пьера Бембы .

Согласно обнародованной тогда конституции Третьей республики , для кандидат в президенты, чтобы быть объявленным победителем, должен получить абсолютное большинство, то есть 50 процентов плюс один голос . Впоследствии, во втором туре президентской гонки , густонаселенные восточные и южные регионы, говорящие на языке суахили, обеспечили победу Жозефу Кабиле , который консолидировал свою электоральную базу благодаря прочному политическому альянсу, известному как Альянс за президентское большинство (AMP). то есть Альянс за президентское большинство, против говорящих на лингала северо-западных и западных регионов, которые оказали твердую поддержку Жан-Пьеру Бембе. Кабила был объявлен победителем после второго тура голосования , состоявшегося 29 октября , с 58 процентами голосов против 42 процентов Бембы. Явка составила 65,4 процента зарегистрированных избирателей (Prunier 2009, 310). В целом эти выборы были признаны свободными и справедливыми.

За массовым шумом, который сопровождал волшебное проведение всеобщих выборов 2006 года, вскоре последовала жесткая военная активность, терроризировавшая широкие слои населения как в сельских районах восточных провинций , так и в городских центрах западных провинций. Несомненно, это расширило раскол между нетерпеливым населением и недееспособным избранным правительством, с одной стороны, и мало уважаемыми миротворческими силами ООН («голубые каски») — с другой.

В течение года после всеобщих выборов разочарованное правительство призвало к выводу этих «голубых касок», несмотря на очень хрупкую инфраструктуру государственной безопасности, особенно на востоке страны , « где множество ополченцев фактически сделали ее неуправляемой» (Mbavu 2011). , 250). Таким образом, аргумент Tordoff and Ralph (2005) о том , что проведение многопартийных выборов само по себе недостаточно для обеспечения установления

утвердился демократический политический порядок .

ОПЫТ ВЫБОРОВ В ДРК 2011 ГОДА

Президентские выборы и выборы в законодательные органы 2011 года прошли в гораздо более напряженной социально-политической атмосфере, чем выборы 2006 года. Уилламе (2011, 2) сообщает , что более 18 000 кандидатов зарегистрировались для участия в выборах .

членов парламента по сравнению с 10 000 на предыдущих выборах.

Не менее шокирует тот факт, что из 450 политических партий, в списках которых баллотировались эти кандидаты, 417 были признаны Министерством внутренних дел в августе 2011 г., в отличие от 203, признанных в 2006 г. партийной коалиции или оппозиционных партий. Даже действующий президент Жозеф Кабила представился независимым кандидатом.

Тем не менее, было только одиннадцать кандидатов в президенты по сравнению с тридцатью тремя в 2006 году. Одной из причин такого сокращения могло быть тот факт, что избирательный залог, который не подлежит возврату, для кандидата в президенты увеличился вдвое с 50 000 долларов США до 100 000 долларов США (Willame 2011, 3). Из одиннадцати кандидатов четыре ранее не имели большого влияния на национальную политическую сцену, трое участвовали в президентской гонке 2006 года, а двое только что боролись за пост президента, хотя и обладали определенной степенью влияния на национальную политическую сцену. Неудивительно, что действующий президент Жозеф Кабила мог сильно беспокоиться только о двух последних, а именно о Витале Камерхе, ранее возглавлявшем кампанию за Кабилу в предвыборной гонке 2006 года, а затем председателе (спикере) Национальной ассамблеи (нижней палата парламента) — и Этьен Чисекеди, старая символическая фигура оппозиции со времен Мобуту, который поляризовал президентскую гонку почти так же, как это сделал Жан-Пьер Бемба в 2006 году.

В конце концов, президентская гонка 2011 года чуть не превратилась в соревнование двух человек. Джозеф Кабила против Этьена Чисекеди. Первый, безусловно, пользовался привилегиями должностного лица и воспользовался преимуществами четырех сословий государства (исполнительной, законодательной, судебной и средств массовой информации), а также аппарата безопасности над первым. В то время как маневры Кабилы во время кампании находили отклик у части граждан, которые недавно перешли в привилегированную часть общества, Чисекеди применил массовый подход и направил свой политический дискурс на бедных — тех, кто находится в неблагоприятном положении со стороны гегемонистских структур государства, и которых привлекала его популистская риторика. По словам Уиллама (2011, 4), крестные отцы ДРК, в том числе США, Совет Безопасности ООН, Бельгия, Китай, Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), среди прочих, похоже, не сочувствовали многочисленным разочарованиям, озвученным Чисекеди во время его кампании.

В разгар быстро растущей напряженности, как внутри страны, так и со стороны диаспоры, переименованный орган управления выборами, Национальная независимая избирательная комиссия (CENI), то есть «Независимая национальная избирательная комиссия», обнародовала предварительные результаты голосования. 9 декабря 2011 года.

Окончательные подробные результаты объявили Джозефа Кабилу победителем президентских выборов с 49 процентами против 32 процентов у его главного соперника Этьена Чисекеди.

(Стернс 2011, 2; Уиллам 2011, 3). Это было воспринято как конституционная победа, поскольку и Сенат (верхняя палата парламента), и Национальная ассамблея (нижняя палата) уже приняли в январе 2011 года поправку к конституции 2005 года, включая (i) победу множественного большинства в одном туре. ; и (ii) прерогатива президента распускать провинциальные собрания, отменять губернаторов и созывать референдумы . Аналитики политической системы ДРК указывали, что поправки к конституции должны были быть гораздо более продуманными , учитывая дух закона , а не только его букву. По сути, поправки сделали президентскую власть намного более могущественной , но вызвали нежелание части Законодательного собрания настаивать на эффективном проекте децентрализации , как того требует конституция (Stearns 2011, 9) .

Выборы 2011 г., омраченные значительными нарушениями и злоупотреблениями, нарушающими национальные и международные стандарты, не могли внести сколько - нибудь существенного вклада в радикальное преобразование страны . Действительно, опросы 2011 года затмили с трудом достигнутый прецедент выборов 2006 года, что заставило многих пессимистично усомниться в способности ДРК устранить недостатки своего управления и укрепить структуры демократического политического порядка .

ОПЫТ ВЫБОРОВ В ДРК 2018 ГОДА

2016 год ознаменовал собой кризис легитимности власти на политическом гоубелене ДРК . Жозеф Кабила , находившийся у руля страны с 2001 г., исчерпал свой конституционно санкционированный срок пребывания у власти 19 декабря 2016 г. после своего переизбрания на пятилетний срок в 2011 г. правящей партии и ее политической коалиции, Альянсу за президентское большинство (АПБ), проведение следующих президентских выборов и выборов в законодательные органы напрямую зависело от пересмотра и обновления списка избирателей за 2011 г.

переписи населения , намеченной на август 2017 года. Для политической оппозиции и большинства конголезских организаций гражданского общества, а также для так называемого международного сообщества (самопровозглашенных «зрелых демократий» геополитический Запад) , проведение выборов в рамках

Решающее значение имели Сен - Сильвестрские соглашения от 31 декабря 2016 года . При посредничестве Конголезской католической церкви в этих соглашениях подчеркивается , что выборы должны быть проведены в 2017 году и что конституционное положение об ограничении президентских сроков не должно изменяться.

В основе переговоров в Сент- Сильвестре был неприятный вопрос о том, как организовать демократическую передачу власти при довольно неохотном

действующем президенте (International Crisis Group , декабрь 2017 г.). Безвременная смерть Этьен

Чисекеди — ключевая сторона, подписавшая Свято-Сильвестровские соглашения — в первом квартале 2017 года еще больше подтолкнуло страну к беспрецедентному движению конституционного и политического кризиса, к которому правящая партия и ее все более непопулярное политическая коалиция продолжала отвечать « выборами, обусловленными контекстом » — эвфемизм для отсрочки предстоящих выборов до бесконечности.

Режим Жозефа Кабилы, после второго и последнего срока пребывания у власти, наконец согласился на проведение в декабре 2018 г. президентских и парламентских выборов. Ставки на этих выборах были значительно выше, чем на предыдущих двух опросах , усугубляемых тем фактом, что впервые в своей истории после обретения независимости страна с нетерпением ждала живого бывшего президента ! Режим Кабилы подчеркнул, что выборы будут в значительной степени конголезским делом . В связи с этим официальный представитель правительства и министр связи Ламберт Менде заявил в августе 2018 г., что выборы будут проводиться конголезцами , конголезцами и за конголезцев (Reid 2018).

Однако для режима Кабилы в конце срока полномочий выборы « конголезцев » по иронии судьбы означали тактично преднамеренную чистку некоторых имеющих право голоса . Конголезские граждане из избирательного бюллетеня. Заявки трех влиятельных кандидаты в президенты (Мойз Катумби Чапве, Жан-Пьер Бемба Гомбо и Антипас Мбуса Ньямвиси) поэтому не были приняты Независимая национальная избирательная комиссия под председательством Корнеля Нангаа (ЦЕНИ). Более того, выборы « конголезцами » указывали, по крайней мере, на риторически ко всему финансированию CENI и событиям до, во время, а после голосования исключительно за счет конголезских государственных средств, т. е. без внешняя помощь. Наконец, выборы « за конголезцев » стали означать, что Объявление результатов выборов принадлежало исключительно CENI, и что в случае любого избирательного спора CENI - объявленного результаты, только Конституционный суд страны— который уходящий режим недавно реструктурировался и чей персонал он перетасовал не давным -давно — будет иметь последнее слово в любом таком споре. Более того, многие уроки были извлечены из двух предыдущих выборов . Безусловно, в своем эксклюзивном интервью главному редактору журнала *Foreign Affairs* , Стюарт Рид, две недели до запланированных на 23 декабря 2018 г. выборов (наконец 30 декабря 2018 года) уходящий президент Жозеф Кабила заявил следующее: «В 2011 году мы были очень непреклонны в том, что выборы должны были состояться, но если бы мы прислушались к совету одного , двух или трех человек , мы , вероятно, подтолкнули бы эти выборы к еще на полгода в порядке чтобы они были идеальными. Но мы приносим уроки, которые мы извлекли эти выборы 2018 года» (цитируется по Reid 2018; курсив добавлен).

Что для режима Кабилы в преддверии выборов 2018 года означали «идеальные выборы»? Связанный с этим вопрос: какие уроки были извлечены из опыта предыдущих выборов? Ответы на эти вопросы можно суммировать

в двух наблюдениях. Во - первых, опыт 2006 г. показал правящей партии , что конституционное правило абсолютного большинства (50 процентов и один голос) не только дорогостоящее мероприятие, но и, что более важно , препятствие для легкой фальсификации выборов, особенно в случае повторного запуска . Во-вторых, опыт 2011 г. подтвердил мнение правящей партии о том , что даже в случае отмены правила абсолютного большинства президентская гонка явно сродни противостоянию одного кандидата от правящей партии с другим . оппозиции станет еще большим препятствием на пути к победе кандидата от правящей партии . В качестве выхода, сохранение третьего кандидата в гонке, исходящего от оппозиции, было бы ключевым в стремлении сохранить открытыми шлюзы фальсификации в президентской гонке при отсутствии правила победы абсолютного большинства . Таким образом, режим задумал президентские выборы 2018 года как простой гражданский ритуал, призванный способствовать поверхностной смене караула без реальной смены фактических носителей власти.

Менее заметным, но более пагубным было поразительное сходство между выборами за независимость в мае 1960 года, организованными бельгийскими колонизаторами , и выборами в декабре 2018 года . колониальные администраторы изначально понимали процесс власти

передачи «фактически отобранной группе людей , прошедших необходимый период ученичества и, следовательно, можно было бы доверять тому, что он не поставит под угрозу долгосрочные интересы уходящих колонизаторов в стране» (Нзонгола-Нтаала 1987, 104). Остается задаться вопросом , обратился ли уходящий режим Кабилы к колониальным книгам за стратегиями применения уроков, извлеченных из двух предыдущих опросов.

Поразительно схожий с бельгийской колониальной схемой, режим Кабилы в конце правления в последний момент заново изобрел новую политическую динамику правящей коалиции в то, что стало известно как Фронт Сообщества за Конго (FCC), то есть «Общий фронт для Конго». Из Федеральной комиссии по связи, которая является формирующейся политической договоренностью, призванной гарантировать продолжение истекшего срока полномочий Кабилы на новых условиях, которые позволили бы обойти правило двух сроков , президент Кабила, как покровитель Федеральной комиссии по связи, выбрал некоего Эммануэля Рамазани Шадари в качестве рукоположенного члена Федеральной комиссии по связи . знаменосец . Шадари, по меньшей мере, был одним из архетипических сторонников режима Кабилы, который, пародируя слова Нзонголы-Нтааладжи, «прошел необходимый период ученичества и, следовательно , ему можно было доверять, чтобы он не подвергал опасности долгосрочные интересы». интриги исходящего режима.

Ввиду махинаций режима Кабилы, направленных на то, чтобы остаться у власти под прикрытием, все основные оппозиционные партии быстро объединились в альянс, известный как Ламука — риторически трогательное слово как на суахили, так и на лингала (два самых доминирующих национальных языка в стране).), что означает «проснуться».

Из-за растущего чувства необходимости оппозиционный альянс Ламука решил выдвинуть единого кандидата на президентских выборах. Так, 11 ноября 2018 году были подписаны Женевские соглашения, согласно которым некий Мартин Фаюлу Мадиди был утвержден в качестве единственного кандидата от оппозиции, противостоящего кандидату от правящей коалиции. Среди сторон, подписавших Женевские соглашения, были Жан-Пьер Бемба, который был половиной его Mouvement de Libération du Congo (Движение за освобождение Конго), и союзники, Витал Камере от имени его Union pour la Nation Congolaise (Союз конголезской нации), и союзники, Моис Катумби от имени своего Ансамбля за перемены (Вместе за перемены), Феликс Чисекеди от имени своего Союза за демократию и социальный прогресс (Союз за демократию и социальный прогресс) и союзники, Адольф Музито от имени его Нувель Элан (New Momentum) и Мартин Фаюлу от имени его Dynamique de l'Opposition («Динамика оппозиции»).

Амбиции оппозиционной коалиции «Ламука» оказались столь решительными, что первой из ее семи целей было «осуществить демократическую смену власти посредством свободных, прозрачных, инклюзивных, мирных и заслуживающих доверия выборов», в то время как последняя была столь же краткой: «обеспечить победу оппозиции на выборах 23 декабря 2018 года». Надпись на стене не могла быть более ясной для уходящего режима Кабилы и недавно созданной FCC.

Есть и второй аспект поразительного сходства между выборами в мае 1960 г. и опросами в декабре 2018 г.: бельгийские колонизаторы были подавлены радикализацией антиколониальной борьбы за счет неожиданно решающего массового участия и, в частности, существенной мобилизацией в сельской местности, благодаря которой радикальные националистические партии получили 71 из 137 мест в нижней палате парламента. Следовательно, колонизаторам стало очевидно, что их первоначальная стратегия может не сработать. Главным камнем преткновения на пути бельгийской стратегии неокolonизма, как отмечает Нзонгола-Нтала (1987), был Патрис Лумумба и его коалиция радикальных националистических лидеров. В схеме ухода бельгийских колониальных хозяев и их союзников устранение этого препятствия означало «сделать все возможное, чтобы поддержать умеренную сторону основного политического раскола внутри националистического движения» (Нзонгола-Нтала, 1987, 105). Точно так же пятьдесят восемь лет спустя в FCC единолично санкционированная кандидатура объединенной политической оппозиции в лице Мартина Фаюлу доходчиво указала на то, что первоначальная схема уходящего режима может не сработать. Помимо единодушия основных оппозиционных партий внутри страны и за ее пределами в отношении кандидатуры Мартина Фаюлу, его предложение, похоже, пользовалось благосклонностью высших эшелонов Римско-католической церкви в стране, особенно благодаря работе все более влиятельного Комитета Лаик Кретьен (Христианский комитет мирян) — реинкарнация

известная гражданская организация исторического марша 16 февраля 1992 года, который вынудил режим Мобуту вновь открыть Национальную суверенную конференцию — под руководством Исидор Ндайвель, один из ведущих интеллектуалов Конго большая международная репутация. Молчаливое одобрение кандидатуры Фаюлу руководством Римско-католической церкви в стране и их последователями — значительным процентом общего электората — выразилось во фразе: «Que les médiocres dégagent! (Пусть негодные освобождаются)», слова, которые почти год назад произнес на выборах не менее влиятельная фигура в общественной жизни страны, кардинал Лоран Мосенгво Пасинья.

Как и в случае с колониальным сценарием выборов в мае 1960 года, Фаюлу вместе со своей новой командой союзников, радикально настроенных против FCC, стал серьезным препятствием на пути стратегии продолжения режима Кабины и, как таковой, снова пародировать Нзонголу-Нталаджа (1987, 105), режим был полон решимости поддержать умеренную сторону основного политического раскола внутри оппозиционной коалиции Ламука. Таким образом, менее чем через сорок восемь часов после подписания Женевских соглашений, Феликс Чисекеди (со своим UDPS) и Витал Камерхе (со своим UNC) объявили о своем выходе из коалиции Ламуки, и вместе они вскоре сформировали свою собственную побочную коалицию, Коалицию за перемены (CACH), то есть Коалицию для перемен. Таким образом, огромный вызов Ламуки против FCC был значительно подорван.

Когда численное преимущество Ламуки было уничтожено благодаря появлению CACH, шлюзы для фальсификации выборов (в соответствии с «уроками», извлеченными из опросов 2011 года) теперь были открыты. На вопрос в интервью главному редактору журнала «Foreign Affairs» Стюарту Риду, о котором ранее упоминалось, примет ли уходящий режим результаты голосования в случае, если знаменосец FCC Шадари не победит, президент Кабила откровенно парировал: «Мы организовали эти выборы. для признания результатов выборов. Когда эти результаты будут объявлены избирательной комиссией и подтверждены Конституционным судом, они будут приняты всеми» (Reid 2018; курсив добавлен).

Тем временем Конституционный суд страны претерпел значительные изменения в своем профессиональном составе после расчленения Верховного суда на три отдельных юрисдикционных органа, а именно: Кассационный суд (Высший апелляционный суд), Государственный совет (Государственный совет) и сам Cour Constitutionnelle (Конституционный суд). Из девяти судей в его коллегии трое были назначены непосредственно президентом Кабилой, трое — парламентом, в котором уходящая правящая коалиция имела подавляющее большинство, так что воля президента Кабины снова была исполнена, а остальные трое были назначены Советом. Supérieur de Magistrats (Высший совет магистратов), почти все из которых были назначены самим президентом Кабилой.

Отставка судьи Жана-Луи Эсамбо — профессора конституционного права и старшего судьи — сразу после

публикация календаря выборов на 2018 год красноречиво говорит об ожидаемой эффективности этого суда в соответствии с капризами исполнительной власти. Следовательно, то, что избирательный орган CENI объявил в своем окончательном анализе Феликса Чисекеди победителем в президентской гонке, имело очень мало общего с тем, что произошло от подачи бюллетеней до подсчета результатов. Кроме того, Конституционный суд, в котором рассмотрение избирательного спора стало неизбежным, был заранее настроен на то, чтобы «подтвердить» вердикт CENI.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ДРК ?

Либеральный мировой порядок, кропотливо отмечает Фукуяма, исторически не приносил пользу всем, в том числе в «развитых [либеральных] демократиях» (Fukuyama 2019, 4). На самом деле, нынешний мировой лидер либеральных демократий ...

США — Фукуяма показательно утверждает, что нынешняя дисфункция и упадок их политической системы «связаны с крайней и постоянно растущей поляризацией американской политики, которая превратила управление в рутинное упражнение в балансировании на грани войны и угрожает политизировать все институты» (Фукуяма 2019, 117). Если дисфункция и упадок все еще могут характеризовать либерально-демократический эксперимент в его западной колыбели в это время, гораздо менее шокирующим является новый упадок, возникающий в результате принятия либеральной демократии не -Западом.

По крайней мере три препятствия сделали периодические выборы неэффективными для содействия построению жизнеспособного демократического государства в ДРК:

1. Политическая элита, глубоко вовлеченная в пагубные коррупционные махинации, лишаящие граждан основных услуг, которые обязано предлагать государство ;
2. Квазиотсутствие государственных институтов (особенно органов безопасности и судебных органов) для защиты неотъемлемых свобод граждан ;
3. Практика так называемого международного сообщества беспрекословно оказывать массированную поддержку периодическим всеобщим выборам в разгар безудержная крайняя нищета и незащищенность людей, пожирающие граждан из-за состояние равнодушия. Ведь на протяжении более 30 лет Мобуту Сесе Секо монополизировали политическое пространство в стране, так что обновленная многопартийность конкуренция в 1990-х годах привела к появлению двух обширных, плохо определенных политические тенденции — «президентская тенденция и «священный союз» оппозиция» (Тернер 2007, 170).

На этом фоне Ван Рейбрук (2014) утверждает, что это была иллюзия. надеяться, что надлежащие выборы немедленно приведут к надлежащей демократии

в ДРК. Действительно, Запад экспериментировал с формами демократического управления в течение последних двух с половиной тысячелетий, «но прошло менее столетия с тех пор, как он начал верить во всеобщее избирательное право посредством свободных выборов» (Van Reybrouck 2014, 512). С этим периодическим опытом «электрократии» результат, по-видимому, один и тот же: выборы в послевоенном контексте ДРК являются не чем иным, как политическим механизмом для решения структурных вопросов, касающихся управления страной, посредством использования

несбалансированные процедуры, проводимые асимметричным и беспринципным образом. Поэтому Ван Рейбрук (2014, 312) утверждает, что проведение всеобщих выборов «должно быть не началом процесса национальной демократизации», а венцом этого процесса — или, по крайней мере, одним из его последних шагов.

Однако даже при исключительном желании, чтобы фундаментальные ценности политическая легитимность и подотчетность должны быть достигнуты путем проведения демократических выборов, все еще остается критически важный, но само собой разумеющийся вопрос: должно ли проведение демократических выборов быть на самом деле вершиной послевоенной политической повестки дня? Иными словами, на какие нужды отвечает быстрое проведение выборов в послевоенном сценарии?

Столь же важна забота о серьезном гражданском просвещении на низовом уровне до, во время и даже после проведения таких выборов. Принесет ли продолжающееся проведение таких периодических всеобщих выборов действительно демократический политический порядок в политическом теле плохо управляемого гражданина, все еще борющегося с социально-экономическими проблемами перед лицом абсентеизма государства? Три случая президентских выборов и выборов в законодательные органы (2006, 2011 и 2018 гг.) выявили не только слабость конголезских государственных институтов, но и полное отсутствие политической воли (на национальном и международном уровне) для реструктуризации и повторного утверждения этих государственных институтов. институты, уже погруженные как в «агентификацию» (распространение негосударственных агентств в доставке общественных благ) и «донорство» (чрезмерный приток иностранной финансовой помощи правительству).

То, что послевоенная страна прибегает к бюллетеням, а не к пулям, чтобы выбрать своих лидеров, не является гарантией мира и стабильности после этого. Напротив, политическая институционализация, с точки зрения процедур политического действия, охватывающих все социальные силы на управляемой территории, является «основой политической стабильности и, таким образом, предварительным условием политической свободы» (Huntington 1996, 461). Проведение свободных выборов, мероприятие, подпадающее под компетенцию

политическая свобода, по логике вещей, никогда не должна предшествовать реализации политической институционализации — основы любого политического порядка, демократического или иного. Этот менее проторенный путь (политическая институционализация и повышение политического самосознания) более важен, чем быстрые решения электоральной инженерии в поисках демократического политического порядка, тем более в последующем массового политического насилия.

По сути, различные затруднения общественного существования в большинстве африканских стран, переживших кровавые конфликты, включая крайнюю нищету, систематическую коррупцию и политическое насилие, возникающее в результате милитаризации общества, а также почти несуществующие легитимные и подотчетные государственные структуры — это не просто случайные проблемы, которые можно легко решить проведением выборов. Скорее, эти структурные ловушки поддерживаются своего рода политическим воображением, глубоко укоренившимся в, казалось бы, predetermined способе политики социального и экономического управления. Что касается английского парламента, считающегося матерью парламентов, Мохандас К. Ганди в своей основополагающей книге «Хинд Сварадж», первоначально опубликованной в 1909 году, представил острую критику этот парламентский способ политики следующим образом:

Парламент без настоящего хозяина. При премьер-министре его движение неравномерно, но его толкают, как проститутку. Премьер-министр больше заботился о своей власти, чем о благополучии парламента. Его энергия сосредоточена на обеспечении успеха его партии. Его забота не всегда состоит в том, чтобы парламент поступал правильно. Известно, что премьер-министры заставляли парламент действовать только ради партийной выгоды. Обо всем этом стоит подумать. (Ганди 1921, 212)

Поэтому не будет преувеличением предположить, что, если не будет предусмотрен и развернут другой тип политического *modus operandi*, а затем институционализирован посредством организации диалектических процедур государства и общества, послевоенная демократический политический порядок останется неуловимым. Такой *modus operandi* будет настаивать на установлении правильных приоритетов — установлении и применении политических договоренностей в соответствии с консенсусом членов политического сообщества.

После политического насилия для восстановления порядка требуется сложнейшая задача перестройки политики, то есть применения «клея», который гарантирует, что все социальные силы уравновешены. В этом стремлении установить надежный политический порядок проведение всеобщих выборов не может рассматриваться как первичное. Стремление к демократии через всеобщее избирательное право в многопартийной избирательной системе (для которой термин «электрократия» звучит уместно) просто ведет к тому, что политика сводится к цифрам. Тем не менее, политика, и особенно после политического насилия *longue durée*, как в случае с ДРК, является слишком серьезным вопросом, чтобы сводить его к подсчету голосов. На самом деле, как убедительно утверждал Guimah-Boadi (2007), многие политические партии в Африке после окончания «холодной войны» в значительной степени задумывались и организовывались как средство захвата государства: вряд ли они задумывались и развивались как институт представительства, разрешения конфликтов, политическая оппозиция для продвижения подотчетности или институционализации демократического поведения и взглядов в первую очередь. Поэтому неудивительно, что «как правило, очень мало вечеринок

активность между выборами» (Gyimah-Boadi 2007, 25). Во всяком случае, организации выборов в рамках многопартийной системы недостаточно , чтобы вызвать появление политического сознания, способного к социально -освободительной политике и, таким образом, к подлинно демократическому политическому порядку.

Самая сложная, но гораздо более полезная задача , связанная с вопросом Таким образом , установление демократического политического порядка состоит в том, чтобы определить необходимые шаги (одним из которых является проведение всеобщих выборов, но, конечно, не первым и не единственным) и определить процесс введения в действие типично демократического устройства . . Благие намерения или давление как внутри, так и снаружи страны, пережившей насилие, такой как ДРК, не должны уклоняться от этой трудной задачи. В этом отношении стремление к организации выборов в ДРК , спонсируемое так называемым международным сообществом, должно было быть согласовано с прагматическими потребностями ранее разоренного войной государства и общества .

Познакомив своих читателей с историей происхождения западной демократии , которую практиковали классические афиняне , Клод Аке должен был повторить , что древние Афины были так же точны в отношении того , что означает правление народа , как и в отношении того, кто такие люди:

Они [древние Афины] бескомпромиссно придерживались прямого правления народа и избегали понятий консультации , согласия и представительства. . . Все граждане образовано Верховное собрание , кворум которого составлял 6000 человек. Встреча старше 40 раз в год он обсуждал и принимал решения по всем важным вопросам государственной политики включая войну и мир, международные отношения, общественный порядок, законотворчество, финансы и налогообложение. Собрание считалось воплощением афинской политической __ идентичность и коллективная воля. Чтобы подчеркнуть это, она предпочла принимать решения консенсус , а не голосование. Работу Ассамблеи подготовил __ совет 500 , в котором был руководящий комитет из 50 человек , возглавляемый президентом, который занимал должность всего один день. Исполнительная функция полиса осуществлялась магистратами , которые неизменно представляли собой комитет из 10 человек, обычно избираемых на невозобновляемый срок в один год . (Аке 2000, 8; курсив и слова в скобках добавлены)

Как отмечает Аке (2000), человечество сегодня не может жаловаться на незнание значения демократии тем, кто, как говорят, ее изобрел, и тем единственным людям , о которых известно, что они пытались практиковать ее , не приуменьшая ее. Анализируя политическое развитие (теорию и практику) в большей части Африки после «холодной войны», Тукумби Лумумба-Касонго (2005) отмечает , что система управления, которая была принята в большинстве частей Африки с начала 1990-х гг., представляет собой этот фрагмент . либеральной демократии , обычно называемой многопартийной политикой. Привязывая свою критику либеральной демократии к парадоксу между тем, что ожидается от либеральной демократии , и ее последствиями для социального и экономического прогресса в Африке,

Лумумба-Касонго (2005) утверждает, что в то время как после окончания «холодной войны» Африка принимает либеральную демократию как наиболее многообещающую формулу для высвобождения индивидуальной энергии и обеспечения политического участия, социальные и экономические условия на континенте после окончания «холодной войны» одновременно ухудшаются. время. Этот парадокс, кажется, предлагает решающее приглашение Африке после холодной войны искать другой вид демократии в теории и на практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимательное изучение политической истории большей части Африки после обретения независимости и, в частности, ДРК показывает, что был достигнут очень незначительный прогресс в плане укрепления институционального потенциала для создания жизнеспособных структур управления для управления конфликтами. К сожалению, похоже, что ДРК либо лишенный каких-либо важных уроков из своего собственного опыта, записанных в его социально-политических анналах (устных и письменных), или невосприимчивых к урокам (как классическим, так и гораздо более поздним) из доступной литературы о своем собственном опыте или опыте своих соседей. как в историческом, так и в современном контексте). Не будет преувеличением утверждать, что на балансе политическое управление, из-за этой неспособности извлечь уроки из истории, ДРК (и континент в целом) по-прежнему регистрирует больше обязательств, чем активов; и это отражается в разочаровании в том, как работает либеральная демократия с ее упором на периодические всеобщие выборы.

сродни попытке квадратуры кругов. В своих размышлениях об идеальном типе политического сообщества, Жан-Жак Руссо однажды задумался:

Если Спарта и Рим погибли, то какое государство может надеяться существовать вечно? Если мы хотим, чтобы конституция, которую мы установили, сохранялась, давайте не будем поэтому искать сделать его вечным. . . Политическое тело, как и человек, начинает умирать, как только рождается, и несет в себе причины собственного разрушения. Но и то, и другое может быть устроено более или менее прочно, чтобы сохраняться дольше или дольше.

более короткое время (Руссо 1994, 172).

Не пора ли, если не давно, чтобы конголезский политический орган, а также его добросовестные доброжелатели взяли пример с выводов Руссо, изложенных выше? В третьей книге своей «Политики» Аристотель описывает три формы правления и три их искажения: тиранию как отклонение от монархии, олигархию от аристократии и демократию от политии (politeia).

Аристотель постулирует, что тирания — это правление одного человека в интересах монарха, олигархия — для богатых и демократия — для бедных. Следовательно, ни один из этих форм правления («конституций»), по Аристотелю, служат общему благу. Однако, когда множество правит для общего блага,

она называется именем , общим для всех конституций, то есть политией.

Примечательно, что, как показали последние три эксперимента с выборами в ДРК, использование бюллетеней, а не пули, не является гарантией того, что будет достигнуто восстановление твердого политического порядка, не говоря уже о вежливости . А Современный конголезский политический класс глубоко укоренился в убеждении относительно решения политической загадки страны. Несмотря на политические разногласия, кажется , существует явное согласие в отношении обращения к проведению всеобщих выборов по сценарию либеральной демократии. Более того , как члены политических партий , так и активисты гражданского общества согласны с предполагаемыми огромными возможностями либеральной демократии, как это определено авангардными государствами так называемого международного сообщества во главе с Соединенными Штатами . Тем не менее, как пронизательно заметил Хантингтон (Huntington, 1968), когда американца просят создать правительство, он или она придумывает письменную конституцию , законопр права, разделение властей, система сдержек и противовесов, федерализм, регулярные выборы, конкурирующие партии — все это отличные средства для ограничения власти. Далее Хантингтон указывает, что локковский американец настолько фундаментально настроен против правительства , что отождествляет правительство с ограничениями правительства: его или ее общая формула состоит в том, что правительства должны основываться на свободных и честных выборах. Возможно, стоит задуматься над вопросом , действительно ли эта формула соответствует особенной истории ДРК и современным политическим обстоятельствам.

По крайней мере, три последовательных эксперимента с выборами в ДРК, рассмотренные в этой главе (второй и третий в большей степени , чем первый), наглядно демонстрируют , что практика всеобщего избирательного права на пост президента и в законодательные органы была неправильной расстановкой приоритетов по политическим вопросам. список дел _ политически хрупкая страна. После удушения подлинно демократического выбора сразу после обретения им независимости (с благословения и постоянного интереса самопровозглашенного демократического Запада) укоренившаяся авторитарная политическая культура при тридцатидвухлетнем режиме Мобуту и десятилетние опустошительные вооруженные конфликты после падения Мобуту вкуче с вопиющим абсентеизмом государства в распределении общественных благ, проведение всеобщих выборов в ДРК в соответствии с еще не историчным, неконтекстуальным и глубоко аполитичным либерально-демократическим сценарием , и до сих пор сродни наложению повязки на сломанную конечность, для которой требуется серьезное хирургическое вмешательство .

Действительно, западные политологи, как лаконично выразился Ван Рейбрук , часто страдают от «электорального фундаментализма» точно так же , как макроэкономисты из МВФ и Всемирного банка не так давно коллективно страдали от рыночного фундаментализма: они считают, что выполнения формальных требований системы достаточно , чтобы даже в самой барренская пустыня. Для страны, которая с момента своего основания в современном

времен, почти всегда находившейся на грани полного краха и до сих пор преимущественно характеризующейся непрекращающимися очагами политической борьбы и гражданских беспорядков, организация всеобщих выборов сама по себе в стремлении к демократическому политическому порядку по иронии судьбы душит все возможности для «демократии снизу». Таким образом, в лучшем случае настойчивость в отношении либеральной демократии, проявляющаяся главным образом в периодической предвыборной агитации, была препятствием для установления прочного демократического политического порядка в ДРК.

Характерный тип выборов «победитель получает все» (о чем свидетельствовали три предыдущих конголезских опроса) может только способствовать ухудшению и без того плохой послевоенной ситуации. Стремление к либеральной демократии (сведенное к «электрократии») становится вопросом жизни и смерти, игрой с нулевой суммой, в которой избранное правительство сосредотачивается на систематическом уничтожении побежденной элиты вместе с избирателями (реальными или предполагаемыми), которые поддерживают их. В конечном счете, сценарий либеральной демократии по иронии судьбы действует против истинно демократического порядка: жажда

свободные и честные выборы в конце концов приводят лишь к появлению властолюбивой политической элиты, характерно враждебной понятию демократии, которое когда-то практиковалось древними афинянами. Это, в некотором смысле, становится величайшим парадоксом либеральной демократии.

Таким образом, в контексте ДРК буквальное следование сценарию либеральной демократии только кажется антиисторическим, неконтекстуальным и глубоко аполитичным. Это _ следует иметь в виду, что с момента своего первого проведения в 1957 г. выборы в ДРК были, в основном, в лучшем случае типично элитарным мелкобуржуазным делом, и фасад в худшем случае. Выборы 1957 и 1959 годов, которые были ограничены городскими настройками иллюстрируют прежнюю характеристику, в то время как опросы 1970 и 1977 гг. характеризуется изъятием бюллетеней для кандидатов от оппозиции.

показания последнего.

Кроме того, с 2006 года, по - видимому, последовала гнусная комбинация исключительных мелкобуржуазных дел и фиктивных упражнений в проведении выборов. Конечно, ни продолжение старых должностных лиц, ни введение новых через «электрократию» может предвещать фундаментальные изменения подлинно демократического порядка в сегодняшней ДРК. Следовательно, как никогда прежде, на конголезцах ложится бремя политического воображения, выходящее за рамки шаблона бинарного мышления, характерного для либерально - демократического проекта. Такое политическое воображение должно положить начало усилиям конголезцев - какими бы трудными они ни были - превратить нынешнюю проблему в возможность управлять собой, свободным от условий, налагаемых на них сценарием либеральной демократии. В конце концов, нет лучшей конкретизации *politia*, чем когда люди управляют сами собой, а не управляются захватившей их политической элитой, независимо от того, являются ли они результатом ритуализированных «свободных и честных» выборов.

Безусловно, кажется, что нет лучшей возможности для реального стремления к «демократии снизу» в ДРК, чем сегодня, поскольку нынешнее растущее недовольство (как внутри страны, так и за ее пределами) декабрьскими событиями 2018 г. разворачиваются опросы. Озабоченность дихотомическими рассуждениями (новые должностные лица против старых) только затуманивает понимание истинного потенциала этой благоприятной возможности заключить договор о лучшем управлении.

Макивер кратко резюмирует этот императив:

Даже после того, как правительство создано, оно остается скорее гарантом, чем создатель закона. _ Структура порядка в любом обществе — дело довольно сложное. Это результат длительного приспособления между человеком и человеком. и окружающая среда. (Макивер 1965, 47)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аке, Клод. 2000. Осуществимость демократии в Африке. Дакар: Книги CODESRIA.

Аристотель. 1998. Политика. Рив, CDC пер. Индианаполис: Hackett Publishing Co.

Бекое, Дорина А. 2012. «Введение: объем, характер и характер избирательных Насилие в странах Африки к югу от Сахары». Бекое, Дорина А. изд. Голосование в страхе: насилие на выборах в странах Африки к югу от Сахары. Вашингтон, округ Колумбия: USIP Press, стр. 1–14.

Берхану, Кассахун. 2007. «Конституционная инженерия и выборы как источники легитимности в Африке после холодной войны». Дж. Олока-Оньянго и Н.К. Муванга, ред.

Новые модели управления в Африке: форма и содержание обсуждения. Кампала: Фонтан Издатели, стр. 101–21.

Боос, Мортен. 2012. «Либерия: выборы — быстрое решение для миростроительства». Новые маршруты, Vol. 17 № 1, стр. 15–17.

Фукуяма, Фрэнсис. 2019. Идентичность: требование достоинства и политика возмущения. Нью-Йорк: Пикадор.

Ганди, Мохандас К. 1921. Хинд Сварадж; или индийское правило. Гуджарат: Индийское мнение.

Гима-Боади, Эммануэль. 2007. «Политические партии, выборы и покровительство: случайные мысли о неопатримониализме и африканской демократизации». Базедау, Матиас, Г. Эрдманн и А. Мелер, ред.

Голоса, деньги и насилие: политические партии и выборы в странах Африки к югу от Сахары. Скоттсвилл: University of KwaZulu Natal Press, стр. 65–81.

Горовиц, Дональд Л. 2001. Смертельный этнический бунт. Беркли: Издательство Калифорнийского университета.

Хантингтон, Сэмюэл П. 1968. Политический порядок в меняющихся обществах. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета.

Международная кризисная группа. 2017. «Время для согласованных действий в ДР Конго». Доклад по Африке, № 257, 4 декабря 2017 г. <https://www.crisisgroup.org/africa/central-африка/демократическая-республика-конго/257-время-согласованное-действие-д-р-конго>.

Лумумба-Касонго, Тукумби. 2005. « Проблема либеральной демократии и демократического процесса: уроки деконструкции и построения африканских демократий». Лумумба-Касонго, Тукумби изд. Либеральная демократия и ее критики в Африке: политическая дисфункция и борьба за социальный прогресс. Дакар: Книги CODESRIA, стр. 1–25.

Макивер, Роберт М. 1965. Правительственная сеть, исправленное издание. Нью-Йорк: Свободная пресса.

Мбаву, Винсент М. 2011. Revitaliser un Congo en panne: un bilan 50 ans après l'независимость. Женева: Globalethics.net.

Нзонгола-Нталя, Жорж. 1987. Революция и контрреволюция в Африке: Эс говорит в современной политике. Лондон: Зед Букс.

Олока-Оньянго, Джозеф. 2007. « Еще не демократия, еще не мир! Оценка риторики и реальности в современной Африке». Олока-Оньянго, Джозеф и Н.К.

Муванга ред. Новые модели управления в Африке : форма и содержание обсуждения. Кампала: Fountain Publishers, стр. 230–50.

Олукоши, Адебайо. 2007. «Оценка новых моделей управления в Африке». Олока Оньянго, Джозеф и Н.К. Муванга, ред. Новые модели управления в Африке : обсуждение формы и содержания. Кампала: Fountain Publishers, стр. 1–25.

Прюнье, Жерар. 2009. От геноцида до континентальной войны: «Конголезский» конфликт и кризис современной Африки. Лондон: Херст и Ко.

Рид, Стюарт. 2018. «Большой человек в Конго: разговор с Джозефом Кабилой».

Министерство иностранных дел, 14 декабря 2018 г. <https://www.foreignaffairs.com/interprosмотры/2018-12-14/big-man-congo>.

Рейнтгенс, Филип. 2009. Великая африканская война: Конго и региональная геополитика, 1996–2006 гг. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.

Руссо, Жан-Жак. 1994 [1762]. Общественный договор. Беттс, К. пер. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.

Stearns, Jason K. 2011. «По мере распространения критики выборов время для оппозиции истекает». [http://congosiasa.blogspot.com/search?updated-max=2011-12-13T04:18:00 -08:00&максимальные результаты=7](http://congosiasa.blogspot.com/search?updated-max=2011-12-13T04:18:00-08:00&максимальные результаты=7).

Штраус, Скотт и Чарли Тейлор. 2012. «Демократизация и насилие на выборах в странах Африки к югу от Сахары, 1990–2008 годы». Бекое, Дорина А. изд. Голосование в страхе: насилие на выборах в странах Африки к югу от Сахары. Вашингтон, округ Колумбия: USIP Press, стр. 15–38.

Силла, Лансине и Артур Голдхаммер. 1982. «Преемственность харизматического лидера : гордиев узел африканской политики». Дедал, Том. 111 № 2, стр. 11–28. <http://www.jstor.org/stable/20024783>.

Тордофф, Уильям и Ральф Янг. 2005. «Избирательная политика в Африке: опыт Замбии и Зимбабве». Тордофф, Уильям и Ральф Янг, ред. Правительство и оппозиция. Лондон: Издательство Блэквелл.

Тернер, Томас. 2007. Войны в Конго : конфликт, миф и реальность. Лондон: Зед Букс.

Увин, Питер. 2002. « Взаимосвязь между развитием и миростроительством : типология и история смены парадигм». Журнал миростроительства и развития, Vol. 1 № 1, стр. 5–24. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15423166.2002.979203266676>.

Ван Рейбрук, Дэвид. 2014. Конго: эпическая история народа. Гаррет, С. пер. Лондон: Четвертое сословие.

Вамба-диа-Вамба, Эрнест. 1994. «Африка в поисках нового режима политики». Химмельstrand, Ульф, Кабиру Киньянджуи и Эдвард Мбуругу, ред. Африканские взгляды на развитие: противоречия, дилеммы и открытия. Лондон: Джеймс Карри, стр. 249–61.

Уиллам, Жан-Клод. 2011. «Ebullitions électorales au Congo: de Charybde en Scylla» <http://www.revuenouvelle.be/Ebullitions-electorales-au-Congo-de> - Харибда-ан.

п искусство 2

CRITIQUE OF THE
«АФРИКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ» PROJECT

глава еПт я е

Демократия как ложь Видеть К но До Н О Т Бывший пЭК футов до яй Донна Пидо

У философов есть замечательные, хорошо продуманные идеи о демократии, которые стимулируют мышление и дискуссию, направляя наши цивилизации. У антропологов несколько разные точки зрения, выраженные в меняющихся исторических тенденциях на местах и в антропологической теории. Разрушительные силы колониализма, культурное высокомерие со всех сторон и ослабление западной гегемонии способствовали современным усилиям Восточной Африки по стабилизации культуры и управления демократическим путем с помощью риторики и популярного дискурса.

Однако само стремление к «африканским», «современным», «21 веку» или любым другим демократическим моделям содержит элемент лжи по причинам, связанным с биологией и историей человека. В этом стремлении культурные факторы мешали нашей способности распознавать, анализировать и использовать местные модели.

В частности, несмотря на всю риторику об обратном, патриархат фактически вывел из строя чисто демократическую практику.

Моя цель в этой главе — критически, но оптимистично взглянуть на запредельную ложь чистой демократии и других так называемых «демократических моделей».

Мой тезис состоит в том, что независимо от того, что мы, люди, делаем, говорим или планируем, наше сиюминутное понимание ограничено из-за языка, эпистемологических границ, биологического программирования и мельчайших деталей наших собственных культур и историй. Мой аргумент, в конечном счете окрашенный феминистской приверженностью, завершается межкультурной критикой «демократии» и попытками операционализировать эту концепцию в реальности.

Я начну с введения в концепцию демократии с антропологической точки зрения, а затем опишу вопросы, имеющие отношение к концепции демократии.

«либеральная демократия», возникающая в рамках четырех традиционных подполей антропологии как дисциплины, а именно: лингвистики, археологии/палеоантропологии, биологической антропологии и культурной/социальной антропологии. Далее следует _

резюме и заключение , которое включает рассмотрение постмодернистской теории в области антропологии.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АРГУМЕНТ _

ОТ НЕФИЛОСОФА

R

Две области, которые я разделяю, почти полностью основаны на эмпирических данных, иногда помещаемых в абстрактные теоретические рамки. Как антрополог /разработчик конкретных практических продуктов, основанных на эмпирических данных, и систем , основанных на наблюдениях, я всю свою взрослую жизнь провел, устанавливая новые связи, что является основной методологией как антропологов, так и дизайнеров . Как участвующий наблюдатель, я обладаю некоторыми эмпирическими знаниями о том, как демократия работает и не работает . Дизайнеры знают , что их работа заключается в том, чтобы брать разрозненные элементы и соединять их воедино. связным и пронизательным образом. Эта глава частично посвящена развенчанию пропагандистского использования понятия «власть народа». Для этого мы должны вернуться к самым истокам представления о том, что политические образования могут эффективно управлять народом, толпой, сообществом, элитой или любой другой категорией людей .

Используя комбинацию парадигмы замысла — широкого сбора данных для творческого решения проблем — и изучения четырех разделов антропологического исследования, а именно лингвистики, археологии, биологической и культурной антропологии , я могу оставаться на надежной основе в междисциплинарном исследовании. контекст. Хотя я принял во внимание постмодернистскую теорию , если есть теоретическая основа или основа этой работы, то это феминизм. Именно эта всеохватывающая парадигма останавливает нас, женщин, на пути всякий раз, когда мы испытываем искушение безоговорочно принять патриархальные формы, интерпретации, пропаганду и мои теории . Анекдотический характер многих моих примеров и цитат может натолкнуть некоторых читателей на мысль, что они не отражают большого количества подобных событий примерно за пятьдесят лет включенного наблюдения в Кении . Действительно, накопленные анекдоты представляют собой «данные» в этнографическом описании и анализе культур.

ЯЗЫК

«Власть народа » звучит хорошо, но древние , придумавшие этот термин , никогда не когда-то воображал, что «люди» могут включать женщин, детей, безземельных или порабощенных . На протяжении тысячелетий философы и другие ученые уточняли это определение и во многих отношениях усложняли его (Christiano 2006).

Мы можем идентифицировать слова, эквивалентные по значению греческой терминологии и системе верований, а также другим европейским концепциям демократии в других европейских языках. До сих пор я не нашел терминологии, связанной с концепцией «демократия» во многих языках за пределами индоевропейской орбиты. Священный словарь, составленный Бывшим межтерриториальным языковым комитетом Восточной Африки в 1930-х годах, определяет «демократию» описанием того, что она собой представляет, а не одним термином на суахили (Johnson 1939, 141). Kiswahili *demokrasia* явно является прямым заимствованием из английского языка.

Если мы хотим отличить «демократию» от других форм правления, важно отметить, что существуют демократические механизмы, формализованные и институционализированные в незападных системах. Это подводит нас к определениям, которые исторически применялись к формам правления, которые часто претендуют на демократичность, но таковыми не являются. Сегодня это не должно удивлять мировое сообщество. Мы можем перечислить множество описательных терминов, которые говорят нам, кто на самом деле контролирует ситуацию. Среди них олигархия (правление небольшой группы), плутократия (правление богатых), фаллократия (власть мужчин), геронтократия (правление стариков), клептократия (власть воров), «лутократия» (кенийское разговорное вариант клептократии), аристократия (правление социальной или наследственной элиты), меритократия (управление профессионально достойными) и теократия (правление религиозного института). Есть некоторые гипотетические, такие как демонократия (правление дьяволов, хотя политическая оппозиция часто считает, что правящие партии - дьяволы), или желательные, такие как ювенократия (правление молодежи) и охлократия (правление толпы). Есть также те, которым обычно не придают значения, такие как альбократия (правление белых людей). Затем есть два, о которых мы редко слышим и которые редко появляются в печати, кибер

пространство или речь. Один из них — гинократия или гинекократия (правление женщин), а другой — негрократия (правление чернокожих) — термин, который действительно появляется в Интернете, но с различными локализованными определениями. Такие термины, как «правило большинства» и «радужная нация», часто маскируют негрократию из-за страха и возможного бегства других сообществ. Каждое из этих слов определяет сегмент «демо», который фактически находится под контролем, тем самым говоря нам, что «чистая демократия» не обязательно является реальной вещью.

Затем мы можем рассмотреть повторные комбинации некоторых из этих терминов, которые в дальнейшем квалифицировать понятие Демократия. Среди них парламентская демократия, представительное правительство, конституционная монархия и президентская демократия. Наконец, есть особенно запоминающийся термин, использовавшийся на Кубе в 1970-е годы для описания политической структуры этой страны: ее называли «Диктатура пролетариата», несмотря на фактическую самодержавную диктатуру, существовавшую в то время (Андрес Перес1). , личное общение).

Читая между строк все эти модифицированные термины для демократии, мы видим, что есть некоторая ясность в понимании людьми своих собственных

систем, и что есть некоторое признание того, что чистой демократии может и не быть. Обучение школьников тому, что они действительно будут иметь право голоса в управлении своими странами и учреждениями, когда вырастут, является первоначальным пропагандистским использованием рекомбинации терминологии и понятий. Это происходит везде и во все времена. Продолжение пропагандистской пропаганды концепции демократии привело нас всех к различным историческим политическим катастрофам, подобным той, что развернулась в Соединенных Штатах во второй половине второго десятилетия нашего века. Риторика, бравата и фальсификация выстроили представление об американском величии и исключительности в манипулировании структурами, которые были созданы для того, чтобы быть демократическими, поставив во главе государства демагогического, честолюбивого самодержца. Такое может произойти где угодно.

АРХЕОЛОГИЯ

Если мы сможем включить древнюю историю в археологию, мы узнаем, что концепция правления народа возникла за несколько столетий до Клизфена, который считается ее отцом в 508 г. до н. э. (Davies 1993). В то время в состав демоса не входили женщины, дети, иностранцы, безземельные или рабы. Примерно в то же время римляне основали республику, но просуществовала она всего несколько лет. Мы можем наблюдать ранние греко-римские религии, в которых фигурировали личные боги, семейные боги, общинные боги, конкретные боги по задачам или интересам, а также верховный бог со своей семьей. В них мы видим систему, допускающую значительную свободу интерпретации и применения на всех уровнях. Эта модель рассредоточенной и персонализированной власти, основанной на семье, хорошо работала на относительно сдерживаемых греческих и итальянских полуостровах. В течение последних шестисот лет или около того европейцы знали о религиях западноафриканских народов, в частности йоруба и дагомеи, которые основаны на той же парадигме. Когда Римская империя стала слишком обширной, чтобы управлять ею эффективно, император принял христианство в качестве государственной религии отчасти потому, что оно было основано на абсолютной централизованной власти. По иронии судьбы, распространение йоруба и других жителей Западной и Центральной Африки по всему Западному полушарию в качестве рабов охватило гораздо большую территорию и позволило увековечить первоначальную модель, замаскированную под централизованную авторитарную парадигму. Как будет показано ниже, конкретные свидетельства восточноафриканской демократии редко, если вообще появляются в археологических источниках, поэтому мы не можем сказать, или его там не было. Однако мы можем почерпнуть некоторые сведения из палеоархеологии и палеонтологии человека. Мы должны рассматривать как главный фактор в нашей настоящее существование, огромное значение риска хищников (Джек Харрис,

личное общение). Мы не можем сбрасывать со счетов сегрегацию/защиту самки и разделение труда по половому признаку в связи с групповой защитой от хищников. Например, если менструирующая женщина будет участвовать в охотничьей экспедиции, риск для всех охотников возрастет, потому что хищникам легче учуять ее запах, чем обнаружить неменструирующую женщину .
женщина или мужчина.

Многие из наших стратегий создания укрытий и нашей социальной организации связаны с уменьшением, предотвращением или устранением риска хищников . Самые ранние постройки, воздвигнутые очень ранними людьми, имели форму полумесяца, низкие ряды камней, воздвигнутые на месте, возможно, для защиты от ветра, но определенно для обеспечения позиции, с которой можно стоять. Женщины, которые могли размножаться, и дети были бы защищены за этими каменными барьерами. Защитников-мужчин можно заменить, а производителей-женщин - нет (Howell, 1966).

Жизнь в пресловутой пещере давала преимущество уменьшенного хищника . риск для жителей, особенно если снаружи была охрана, запах которой с меньшей вероятностью привлекал хищников. В местах, где опасность хищников все еще очень реальна, люди знают, что запах дыма на теле и одежде после выход из человеческого дома является сдерживающим фактором для хищников видов, которые, как правило, научились держаться подальше от добычи, которая пахнет людьми. В наши дни дикие животные усвоили от своих предшественников, что запах дыма от домашнего костра сигнализирует им о большей опасности, чем стоит рисковать. Мудрые путешественники в глухие сельские районы Кении обязательно проведут некоторое время в доме с дровами, прежде чем прогуляться по «кустам».

Конкретные археологические данные, какими бы длинными и широко распространенными они ни были, мало что дают нам . ключи к тому, как управлялись общества, помимо существования и остатков дворцов для правителей, трупов для демоса и мест публичных собраний. Модели расселения, даже существующие сегодня, могут больше рассказать нам об экономической и классовой дифференциации, чем о том, кто на самом деле находится у власти.

Однако разительные различия в распределении пространства и качестве жилье может дать некоторые сильные предложения относительно распределения власти и влияние. К сожалению, физические структуры редко раскрывают мельчайшие детали управления .

Примером может служить Римский форум, на котором размещался Сенат (от латинского корня, дающего нам слово «старческий», означающее старый и изношенный). В этом здании, которое стоит до сих пор, размещалась группа сенаторов, руководивших правительством. Структура не говорит нам о том, что сенаторы назначались из аристократии . Это также не говорит нам о том, что они поддерживали тесные отношения с населением, окружавшим сенат на обширных рынках и в общественных зданиях Форума . В среде постоянной застройки мы можем идентифицировать палаты парламентов во многих странах, но их эффективное использование в демократических процессах не всегда ясно. Огромные храмы и другие места поклонения

в первую очередь к массовому собранию для поклонения, но не обязательно говорит нам, что еще, кроме молитвы, происходило или происходит в их стенах. Только в нескольких местах отправления культа видно, что мужчины и женщины были отделены друг от друга или что женщин вообще не пускали. У нас нет возможности узнать, какие другие категории людей были полностью исключены.

С момента изобретения письма и использования рисованных, живописных и скульптурных изображений у нас есть множество свидетельств того, что общества последних десяти тысяч лет или около того (с момента развития оседлого земледелия) были централизованными, патриархальными и авторитарными, даже несмотря на то, что пантеоны были гендерно-инклюзивными. Во многих исторических государствах и империях царь так или иначе связан с Богом либо как посредник, потомок или как само божество. Эта модель характерна для многих политических образований от Японии через Европу, Азию и Африку до Мексики и Перу. Когда централизованной властью является женщина, она часто символически изображается как мужчина, как в случае с египетской царицей Хатшепсут, которую изображают с накладной бородой.

БИОЛОГИЯ

Биологически у всех нас, людей, есть ближайшие родственники двух других видов приматов: шимпанзе, с которой у нас 98 процентов ДНК, и горилла, с которой у нас 97 процентов.

Большинство изменений от низших к высшим приматам, включая прямохождение, прямохождение и ловкость (использование рук и пальцев), произошли в Восточной Африке, особенно в Северной Кении и Эфиопии, за последние 2 миллиона лет (Johanson 1981; Leakey 1994).). Некоторыми источниками ценных идей являются постоянно растущие кадры кинематографии дикой природы, посвященные поведению приматов, и быстро растущая литература, как научная, так и популярная, о языке человеческого тела и социальной организации малых групп (Morris, 1977; Pease, 2004). Базовая модель среди высших приматов состоит в том, что группы формируются вокруг старшего доминирующего самца, который контролирует и направляет самок и детей, в то время как более старые молодые самцы и молодые взрослые самцы покидают стаю, по крайней мере временно (Jolly, 1972, 91–121).; Дэвидсон, 1996).

Эти млекопитающие образуют семьи, расширенные семьи, отряды, и мы, люди, все три. Это процесс формирования войск и его результаты, которые информируют меня. понимание демократии. С 1988 по 2013 год я служил в различных несколько раз в качестве администратора и научного консультанта программ студенческого обмена в Кении. Группы, с которыми я работал, состояли из студентов из Соединенных Штатов, которые интересовались Африкой и особенно Кенией. Они были набраны из разных университетов и колледжей, которые входили в состав нескольких

программы на один или два семестра, организованные конкретными учреждениями Кении. В результате студентов со схожими интересами впервые столкнули вместе либо в аэропорту, когда они вылетали в Кению, либо во время своего путешествия .

первый день в стране. Около восьмидесяти процентов этих студентов были женщинами, а около пяти процентов были либо «небелыми» , либо неамериканцами. Сталкивание новых лиц вместе с составом экстремального пола и дисбаланс меньшинства , вероятно, вызвали демократические или недемократические ответы, которые мы, администраторы, видели.

То, что мы смогли наблюдать, было строем , похожим на отряд, с линиями доминирования, подчинение, исключение и социальный рейтинг прочно утвердились в течение первых часов после того, как студенты собрались вместе. Базовая структура состояла из альфа-самца, субдоминантного самца, а также подчиненных самцов и самок, которые следовали за альфа -самцом. Вариации на эту тему и то, как они повлияли на наше администрирование программы, были столь же интересны, как и наблюдение за тем, как разыгрывается основная структура .

Наш самый трудный административный опыт был с женской группой, потому что они постоянно ссорились и беспокоили администраторов.

Следующий самый сложный административный опыт был с группой , где честолюбивый субдоминантный мужчина не мог ни поделить, ни захватить власть .

от, Альфа. В одной редкой группе было два равноправных доминантных самца, которые плавно и дружно делили принятие решений и контроль. В другой группе был субдоминантный мужчина , чьи неудачные попытки взять под контроль группу , по-видимому, были источником разочарования в группе. Часто была доминирующая женщина , которая присоединялась к Альфа-самцу, чтобы держать подчиненные отряды женщин в узде . В другой группе был один мужчина , который хорошо руководил шоу, но исключал доминирующую женщину из вопросов , касающихся группы ; было видно, что он не может терпеть ее. Она покинула программу в середине семестра . Мы не знали, почему она ушла. Что мы знаем

динамики войск заключается в том, что члены могут временно или навсегда исключить членом, но в этом случае исключенные должны были остаться в связи с институциональной структурой их программ. Наконец, одна группа распалась на небольшие группы из-за властного поведения одной женщины , которой удалось вырвать контроль и стать Альфой. Несколько фрагментов фактически объяснили администраторам, что они покинули большую группу, чтобы уйти от нее и ее небольшой лояльной группы , в которую входили как женщины, так и очень покорный мужчина.

Дело в том, что, несмотря на то, что мы заявляем, мы, люди, склонны концентрироваться вокруг доминирующего мужчины со многими вариациями базовой структуры. Одним из институтов, из которых произошли группы, управляли квакеры , использующие квакерские принципы равенства и консенсуса. Хотя все студенческие группы имели якобы демократические компоненты в своих программах,

было особенно интересно наблюдать за теми, кто принадлежал к квакерским группам — они действовали в рамках своего равенства и консенсуса, в то же время часто борясь в континууме доминирования /подчинения как среди мужчин, так и среди женщин. В момент вызова Альфы в группе квакеров мы смогли наблюдать феномен «чирлидеров», когда самки разбивались на небольшие группы и физически располагались позади соревнующихся самцов в борьбе, к нашему большому удивлению и к нашему большому удивлению. Эллисон Джолли (1972, 188).

КУЛЬТУРНАЯ/СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Наблюдательный и письменный анализ поведения человека и других приматов, включая наши материальные останки и наши языки, может быть принят во внимание, когда мы изучаем, хотя и не очень подробно, крошечную верхушку социального и культурного айсберга. Работа с социальными и культурными аспектами «демократии» потребовала бы целой библиотеки и нескольких жизней изучения и написания многих ученых. Позвольте мне сосредоточиться на демократических формах на моей родине в Соединенных Штатах и в Кении как на примерах того, как концепция демократии работает и не работает.

Англоязычные народы очень гордятся моментом в истории, когда злой король Иоанн был вынужден подписать Великую хартию вольностей в 1215 году, документ, который провозгласил его разделение власти и власти с дворянами. Они редко упоминают о том, что власть разделялась лишь с относительно небольшой аристократией и несколькими церковниками, к постоянному пренебрежению демосом.

Столь преданными были англоязычные и многие другие европейцы мягченную и социально иерархическую форму парламентской демократии, которую они навязали всем народам, которые они колонизировали, даже тем, у которых уже были королевства. Там, где они сталкивались с небольшими королевствами, как в Западной, Центральной и Южной Африке, они включали их в более крупные колониальные образования, позже ставшие национальными государствами. Это причиняло нескончаемое горе народам, у которых была лишь слабая королевская власть или вообще не было ее, но которые были сметены одной и той же метлой в придуманные современные национальные государства, ярким примером которой является Уганда.

Американцы, разрабатывая свою конституцию, мудро взяли на себя инициативу народа ирокезов, приняв федеральную систему — модель, неизвестную Европе в 1700-х годах. Это дало нашим государствам, большинство из которых больше по территории, чем большинство национальных государств Европы, некоторую степень автономии внутри с прочной связью со всей федерацией, которую они называли Соединенными Штатами Америки. Работая с британской унитарной системой для много лет кенийцы в своей конституции 2010 года приняли некоторые аспекты

американской структуры путем передачи власти и наделения определенной степенью автономия на уездах , вновь преобразованных из старых округов.

Почему все это важно для кенийцев? Ответ заключается просто в том, что во многих восточноафриканских обществах существовали и до сих пор существуют демократические структуры , которые , как и неафриканские демократии, игнорируют или исключают большие слои населения , функционируя структурно, популярно и публично демократически . Самая большая исключенная группа — это женщины — те , кто может де -юре иметь доступ к власти , но де - факто практически не имеет права голоса или участия в принятии любых решений, и кто ограничен традициями, которые лишают их права на духовную, экономическую или социальную независимость.

Если, оставив в стороне дефицитный статус женщин, мы можем рассматривать демократию и централизации как диаметральных противоположностей, мы можем наблюдать постоянное напряжение между рассредоточением власти и полномочий против их концентрации в руках одного лица или очерченной группы.

Чтобы продемонстрировать существование и характер структурных демократических форм в Восточной Африке, я сосредоточусь на племенах масаи, проживающих в настоящее время в округах Нарок и Каджиадо и большей части Северной Танзании (Jacobs, 1965; Galaty, 1977; Klumpp, 1987; Pido, 1989).

Несколько столетий назад люди , которым предстояло стать масаи, конституировали себя устно и структурно, чтобы предотвратить централизацию власти и контроля , защищая при этом свою территориальную, культурную, социальную, экономическую, экологическую и индивидуальную целостность. Они сделали это по общему согласию при разделении территории на Энайпошу, прохладное влажное нагорье, и Ол Капутей, жаркую сухую низменность. Затем они разделили огромные пространства пастбищ на территории , предназначенные для их основных политических единиц, которые назывались Секциями по-английски, Илошон по-маа. Ол Капутей и Энайпоша сформировали коалиции Илошон , что означает «плато или пастбищные территории», обозначенные белым и черным цветами . Хотя эти политические образования (Илошон) действуют независимо друг от друга, они объединены в две коалиции, Энайпоша и Ол Капутей, точно так же, как пять ирокезских наций (Beauchamp 1905) и пятьдесят штатов Соединенных Штатов сейчас . Политическое и географическое разделение требовало механизмов гибкой унификации и рассредоточения. Было сформировано пять экзогамных кланов , от которых требовалось послать членов в каждый из одиннадцати илошонов, таким образом рассеяв родственников по всей стране Масай. Любой масаи, отправляясь в любую другую часть страны масаи, может определить членов клана и рассчитывать на их поддержку.

Кланы не могли изолировать себя и накапливать власть внутри какого-либо Олошо, потому что они должны были быть экзогамными. Таким образом, происходит постоянное смешение людей , принадлежащих к клану отца, но также знающих, кто их род.

члены клана матери (Klumpp 1987, 55).

В качестве дополнительной меры по обеспечению нецентрализации и неконцентрации власть , ранние масаи, у которых, безусловно, существовала система возрастных категорий.

заранее, теперь установлены корпоративные, ограниченные по времени возрастные наборы. В отличие от самбуру и многих других общин, которые иницируют непрерывный поток мальчиков в воинское звание, масаи устанавливали временные рамки, которые разграничивали, закрепляли и называли наборы молодых людей, которые оставались юридическими лицами до конца своей жизни. Это гарантировало, что даже если путешественник не мог найти члена клана, который мог бы ему помочь, он обязательно находил бы мужчин своего возраста, которые разделяли бы его членство в одном, четко определенном возрастном наборе. Полномочия и власть принимать решения для всего подразделения — Клана, Секции или Коалиции — были возложены на сидячую группу Старших Старейшин и подкреплялись их наблюдением за церемониальным циклом, посредством которого последующие поколения набирались и готовились к работе. корпоративное лидерство (Klumpp 1987, 59).

Эта система очень хорошо работала в защите целостности, экосистем и жителей территории масаи вплоть до того дня, когда какие-то невежественные злоумышленники из конституционной монархии ворвались в поисках короля, королевы или другого главы централизованного государства. Они не могли справиться с рассредоточенной властью, поэтому относили масаи к категории «дикарей», хотя они также, несомненно, были «благородными». Потом, культурно привязанные, этноцентричные и нуждающиеся в узнаваемой иерархии, назначали «начальников», а остальное — известная история.

Первоначально демократическое поведение среди масаев было разработано ими самими, добровольно, целенаправленно и структурно, как по вертикали, так и по горизонтали. Это была демократия, в которой доминировали личности по жизни и горизонтали в пространстве. Это была демократия, в которой доминировали старшие мужчины, уравновешенные и децентрализованные за счет пространственно-латерального распределения их власти. Эта система была усилена консенсусом старым и молодым, и экономическими санкциями (лишение скота), а также сверхъестественными санкциями против тех, кто не подчинился. Он также исключал женщин как де-юре, так и де-факто.

Резко контрастируя со структурной демократией одного восточноафриканского сообщества, мы можем также рассмотреть более громкую, неистовую и открыто активную демократию Соединенных Штатов, построенную на долгой истории участия печатных СМИ в политике и системе образования. Разработанные для того, чтобы усилить изощренные суждения электората, но которые на самом деле используются для того, чтобы убаюкать их и заставить подчиниться, дополнительные электронные средства массовой информации позволили американцам уже более века поднимать шум при выборе своих лидеров.

В школе нас учили, что коллегия выборщиков была создана для защиты сельских штатов с небольшим населением от господства урбанизированных штатов с большим населением. После выборов 2016 года даже самые легковверные американцы теперь знают, что коллегия выборщиков была создана для сохранения господства белых расовых меньшинств в штатах с многочисленным, недавно эмансипированным черным населением.

ОБСУЖДЕНИЕ

Можем ли мы сейчас поступить так, как это сделали масаи, и построить структуры, которые обеспечат более справедливое распределение власти, авторитета и участия?

Религия масаи защищает целостность экосистемы пастбищной саванны во всех ее вариациях. Все усилия по внедрению горизонтальных черт в кенийскую демократию посредством передачи полномочий округам все еще находятся на стадии проверки. Могут ли граждане различных самопровозглашенных демократических стран обеспечить защиту будущих поколений, которая предотвратит захват власти демагогами или группами хулиганов? Например, как мы в Кении можем предотвратить развитие укоренившейся аристократии, как это произошло давным-давно в Европе? Нужна ли нам для этого сверхъестественная санкция?

Само существование сверхъестественной санкции заслуживает исследования.

Люди следуют пагубным правилам из-за страха за судьбу своей души после смерти или из-за страха перед наказанием предков своим последующим поколениям.

Когда сверхъестественная власть рассеяна, есть некоторая свобода действий, чтобы договориться о вечном проклятии, но когда она едина и бескомпромиссна, у людей мало выбора. Как все это может работать в поисках истинной демократии в Африке? Например, мы знаем, что, согласно широко распространенному среди нилотов, банту и других верований, женщины и дети рискуют подвергнуться всевозможным сверхъестественным разрушениям, если осмелятся есть цыплят или яйца, те вкусные небольшие упаковки белка, которые мужчины едят только для того, чтобы предотвратить их от пропадать.

Когда нам придется столкнуться с крайне антиженскими системами Восточной Африки, мы также вынуждены смотреть на антиженскую дисфункцию неафриканских систем. Мы можем связать эту антиженскую дисфункцию со структурой отряда приматов.

и к моему наблюдению за смешанными и однополыми группами американские студенты. Мы также должны напомнить себе, что только у двух приматов виды делают самцов повсеместно и постоянно преследуют самок без видимых причин.

Причина, кроме генетики. Один — шимпанзе, другой — мы, люди (см.

Nat Geo nd). Примечательно, что у всех народов и во все времена правила

набор, который эффективно исключает женщин из политического участия с

самое хлипкое из оправданий. Египетский парламент принял закон несколько раз

лет назад, когда женщинам разрешалось участвовать только в «общественной жизни»

после того, как они позаботятся о своих семьях. Для мужчин не существует параллельного закона. Я

провел некоторое время с соседом в Лемеке, район Нарок, который был

изнасилована двумя мужчинами по дороге домой с церемонии. Когда она взяла

дело для ее местных геронтократов, они решили, что она была пьяна, так что

было в порядке, и что она не сказала "нет" правильно, так что на самом деле это не было

изнасилование. Старейшины изменяли традиционную систему в пользу

нападавшие на женщину. Если геронтократы не могут относиться к женщинам справедливо

в результате телесных повреждений,

как мы можем ожидать их включения в политические процессы?

Обратите внимание, что многие из тех, кто решил не голосовать за Хиллари Клинтон в 2016 году, были либеральными женщинами-членами Демократической партии. Чтобы понять это явление, мы можем вернуться к динамике войск и склонности женщины-люди выделяют одного из своего числа для жестокого преследования в ущерб всем (Jolly 1972). Это явление широко освещается в различных национальных СМИ, в том числе в Кении, и широко обсуждалось в средствах массовой информации после президентских выборов в США в 2016 году. Это хорошо задокументированное и широко известное явление полигамных семей.

1 мая 2017 года в новостях телеканала «Аль-Джазира» был показан сюжет о женщине из Уганды по имени Фатума, баллотировавшейся на пост президента. Смешанная мужская и женская группа полицейских насильно раздели ее догола на публике. Сколько кандидатов-мужчин кто-либо из нас когда-либо видел или слышал, кого раздели догола только за то, что он баллотировался на государственную должность?

Женщины, которые преуспевают или занимают высокие посты, часто обвиняют в сексуальных домогательствах. Многие из нас помнят увольнение Иди Амином своего министра по делам Министерства иностранных дел Элизабет Багая, потому что он утверждал, что она занималась сексом с французским дипломатом в общественном туалете в одном из аэропортов под Парижем. В Кении, в соответствии с широко распространенной и проверенной временем традицией, женщины-политические кандидаты подвергаются физическому и сексуальному насилию и обвиняются в сексуальных домогательствах — обвинения, которые редко, если вообще когда-либо, озвучиваются кандидатам - мужчинам.

Высоко мотивированных и конструктивно активных кенийских женщин обычно называют «малайя», что на языке суахили означает «проститутка».

Мерилом женской компетентности в общественной жизни является обвинение, нашептываемое уткой «знающими людьми», что такая-то и такая-то имеет привычку заниматься сексом в общественных туалетах. Мы знаем, что женщина должна быть превосходна в ней работе, когда ее обвиняют не только в сексе в общественных туалетах, но и в сексе «с незнакомцами» в общественных туалетах. Как ни парадоксально, женщин, занимающих руководящие должности в семье, обществе или нации, часто обвиняют в развращении мужской сексуальности. Термин для такого типа женщин на нью-йоркском идише — «баллебуста», что означает «разрушитель яиц». В отличие от таких уничижительных описаний, в английском и ряде других языков человек, выдающийся в лидерстве, называется «герой».

Исключение женщин не всегда делается сознательно. Первый в Кении полнометражный драматический фильм «Колормаск» был выпущен в декабре 1985 года, всего через несколько дней до смерти С. М. Отиено вызвал общенациональный самоанализ роли и статуса женщин. Написанный, спродюсированный и снятый кенийцем Сао Гамба, фильм был полемикой о превосходстве мужчин, но сам Гамба был уверен, что речь идет о хорошем и плохом в людях, независимо от их

расы или культуры. Он рассматривал свой фильм как демонстрацию и защиту африканской культуры (Сан-Гамба: личное сообщение).

Конституция Кении 2010 года требует, чтобы ни один из полов не занимал более двух третей назначаемых и выборных должностей на национальном уровне и уровне округов. В частичном соответствии с этим положением правительство назначило на высокие государственные должности ряд компетентных женщин. Однако из-за того, что в парламенте подавляющее большинство составляют мужчины, конституционное положение еще не введено в действие посредством подзаконных актов. Пагубное влияние парламента, в котором доминируют мужчины, также было наглядно продемонстрировано, когда в 2014 году законодатели попытались принять Закон о браке с положением, позволяющим кенийским мужчинам жениться на любом количестве жен, даже не информируя никого из них о существовании других.

Тем не менее, позже это положение было пересмотрено и разрешило многоженство только для исламских и африканских традиционных браков (Republic of Kenya 2014). Если не вдаваться в детали антифеминизма и всех его коварных вариаций в «демократиях», то именно это ограничение и исключение делает абсолютной ложью любые притязания кого бы то ни было на демократию. По крайней мере, церкви пытаются доказать, что история Адама и Евы не является обвинением женщин, и убеждают своих прихожан в том, что Бог дал женщинам особый статус и особые полномочия, которые были слишком хороши или велики, чтобы их можно было использовать в процессе принятия решений или в управлении делами. лидерство в своих общинах.

Без полного включения женщин не может быть ничего, что мы осмелились бы назвать «демократия». Вся пропаганда и убедительная риторика, которые могут использовать наши коллеги -мужчины, могли работать только тогда, когда у женщин не было альтернатив из-за мужского контроля над средствами производства. Те дни закончились. Даже угроза сверхъестественной санкции в виде Бога и /или предков больше не работает.

Сказав это, те из нас, кто достаточно взрослый или наблюдательный, знают о быстрой эрозии традиционных прав женщин с передачей документов о праве собственности мужчинам и особенно о разрушении тайных женских обществ, которые обеспечивали симметрию власти с мужчинами, если не полное равенство с ними.

Они все еще известны в Западной Африке (Jedrej 1990; Phillips 1995), но очень редко упоминаются или признаются в Кении. В первые несколько десятилетий существования национальной женской организации Maendeleo ya Wanawake (MYWO) во многих кенийских общинах все еще было что-то подобное. Наблюдатели, которые не могли понять, почему MYWO процветала в одних частях страны, а увядала в других, не могли понять ее функции как наложения на ранее существовавшие структуры, которые функционировали для защиты неприкосновенности и прав женщин в их этнических общинах в глубокая история. Колониальная неспособность признать эти сдержанные, но очень влиятельные организации была основана на их отсутствии в европейских культурах. Только благодаря чрезвычайному упорству западноафриканских _

женских обществ, которые я когда-либо думал искать их в Восточной Африке или экстраполируя их существование на основании данных наблюдений и множества словесных упоминаний, собранных в течение длительного времени и незаметно проверенных пожилыми женщинами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пропаганда кнута и пряника, концептуальный социальный маркетинг привлекательных идей, приписывание вины женщинам или людям с более темной кожей — все это произвольно и используется, чтобы заставить массы поверить в то, что они имеют некоторый контроль. Хотя массы могут участвовать, было бы трудно найти национальное государство, в котором действительно диктовал бы пролетариат. Если мы рассматриваем демократию и централизацию как диаметрально противоположности, мы можем наблюдать постоянное напряжение между распылением власти и власти против концентрации в руках одного человека или очерченной группы. Существует также постоянное напряжение между включением и исключением. Кроме того, идет постоянный поток

пропагандистская риторика на всех уровнях, направленная на то, чтобы заставить людей поверить в то, что место, которое они занимают, является правильным, и что все, что они делают, способствует их интересам.

Я выбираю все концепции демократии, а не только африканские.

Африканские модели демократии не более и не менее демократичны, чем другие.

Некоторые авторы выступают за то, чтобы «культурные реалии» учитывались при разработке альтернатив либеральной демократии для Африки двадцать первого века.

Для читателя женского пола это пахнет мужскими усилиями угнетать женщин с улыбкой на лицах, что и сделал Гамба в Колормаске, сам того не осознавая. Конечно, вполне возможно, что «культурные реалии» означают, что вступление многих женщин в демократическое участие на всех уровнях, от домашнего хозяйства до верхушки, стимулирует более инклюзивное мышление и созерцание у наших коллег-мужчин.

Суть в том, что мы биологически запрограммированы быть авторитарными, фаллократическими и иерархическими. Все наши усилия по созданию и поддержанию демократических, гендерно-нейтральных и неиерархических организаций — это борьба против биологии. Иногда мы выигрываем, а иногда проигрываем, но никогда не сможем отказаться от нашей борьбы за то, чтобы стать такими людьми, какими нам нравится себя считать.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Андрес Перес был моим кубинским однокурсником в Колумбийском университете в середине 1970-х, который был глубоко предан китайско-кубинской коммунистической модели.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бошан, Уильям Мартин. 1905. История нью-йоркских ирокезов. Олбани: Департамент образования штата Нью-Йорк.

Кристиано, Том. 2006. «Демократия». Залта, Эдвард Н. изд. Стэнфордская энциклопедия философии. <https://plato.stanford.edu/entries/democracy/>.

Дэвидсон, Брюс. 1996. Горная горилла: Разрушенное королевство. документальный фильм. Лондон: Источник ITN.

Дэвис, Дж. К. 1993. Демократия и классическая Греция. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.

Галати, Джон. 1977. «В пастырском образе: символическая динамика идентичности масаи». Кандидат наук. Диссертация, Университет Макгилла, Монреаль.

Хауэлл, Ф. Кларк. 1966. Ранний человек. Нью-Йорк: Книги Time-Life.

Джейкобс, Алан. 1965. «Традиционная политическая система пастырских масаев». Кандидат наук. Диссертация, Колледж Наффилд, Оксфорд.

Джедрей, МС 1990. «Структурные аспекты западноафриканского тайного общества». *Ethnologische Zeitschrift*, Vol. 1, стр. 133–42.

Весело, Эллисон. 1972. Эволюция поведения приматов. Нью-Йорк: Компания Macmillan.

Йохансон, Дональд и Мейтленд Эди. 1981. Люси: Начало человечества. Сент-Олбанс: Гранада.

Джонсон, Фредрик. 1939. Стандартный суахили-английский, англо-суахили словарь.

NP: Бывший межтерриториальный языковой комитет Восточной Африки.

Клампп, Донна. 1987. «Искусство и общество масаи: возраст и пол, время и пространство, деньги и скот». Неопубликованная докторская степень. Диссертация в Колумбийском университете, Нью-Йорк.

Лики, Ричард Э. 1994. Происхождение человечества. Серия «Мастера науки». Нью-Йорк: Основные книги.

Моррис, Десмонд. 1977. Человек смотрит. Нью-Йорк: Гарри Абрамс.

Nat Geo Wild. и «Дикое Конго».

<https://www.youtube.com/watch?v=B363LoZneiE>. Пиз, Аллан и Барбара Пиз.

2004. Полная книга языка тела. Лон

дон: Orion Books Ltd.

Филлипс, Рут. Б. 1995. Представление женщины: Санде Маскарадес Менде Сьерра-Леоне. Лос-Анджелес: Музей истории культуры Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Пидо, Донна. 1989. «Этническая идентичность и цветовой код: центр масаи и периферия». Доклад представлен на Восьмом трехгодичном симпозиуме по африканскому искусству, Вашингтон.

округ Колумбия, 15–17 июня.

Республика Кения. 2014. «Закон о браке». Найроби: Государственная типография.

глава е старший икс

Гендерно-чувствительное сопровождение

в Айке

Т. Се ве оф у г анда Робина С.

Накабо

В дискуссиях о демократии преобладает лидерство , а не последователи . Легко указать пальцем на тех, кто занимает руководящие посты, как на причину всех неудач в работе демократии, но это игнорирует другую сторону медали — последователей. Особенно в Африке последователи ставят своих лидеров выше всех остальных людей и в большинстве случаев выше закона.

то, что вытекает из социализации. Это подрывает такие либерально- демократические принципы , как подотчетность, участие и верховенство права . Таким образом, мы можем предположить, что либеральная демократия не подходит для Африки, и поэтому разумно оглянуться назад в поисках того, что является подлинно африканской демократией. Однако как выглядит африканская демократия после всех вмешательств и межкультурных обменов? И на последователей , и на лидерство неизбежно повлияют изменения в образовании, технологические достижения и нынешний огромный объем информации, которые катализируют межкультурный обмен.

В этой главе я утверждаю , что пренебрежение последователями во многих патриархальных африканских обществах является недостающим звеном в усилиях по решению проблем демократизации на континенте. Я разделил главу на два основных раздела. В первом из двух, который следует за этим вводным , я размышляю о значении последователей, классификации последователей и решающей роли последователей в усилении демократизации в Африке. Во второй я исследую социализацию последователей в Африке, уделяя особое внимание Уганде. Я пришел к выводу , что Уганде в частности и африканским государствам в целом не нужно отказываться от либеральной демократии в двадцать первом веке, а скорее воспитывать образцовых последователей , учитывающих гендерные аспекты .

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ: ЗНАЧЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, РОЛИ И ПОДГОТОВКА К ОБСЛУЖИВАНИЮ

OCR С

Литература о последователях и лидерстве в основном исходит из признания того, что последователями пренебрегали (см., например, Vjugstand, 2006; Kelley, 1988; 2008). Некоторые авторы настаивают на том, чтобы дискуссии о лидерстве проводились параллельно с дискуссиями о последователях, поскольку их разделение приводит к неполному описанию обоих. Например, Юнг и Цай (2013) называют последователей зеркальным отражением лидерства. Grit (2011) утверждает, что ресурсы тратятся впустую, если основное внимание уделяется созданию «идеального» лидерства, но поддержанию «несовершенных» последователей.

В своем обзоре книги Келлермана «Последователи: как последователи создают изменения и меняются лидеры» (2008) Харле (2009) подчеркивает симбиотическую связь между последователями и лидерством. Социальные психологи сообщают нам, что даже когда группы желают быть без лидеров, просто возникают последователи и лидеры (Vugt 2006). Это достаточная причина, чтобы совместно поразмыслить над ними — у них общая цель, и вместе они продвигают институты вперед (Чалефф, 1995; Джерри II, 2013). В предисловии к книге «Искусство следования» (ред. Риджио, Чалефф и Липман-Блюмен, 2008 г.) МакГрегор

Бернс отмечает, что бифуркация последователей и лидерства никогда не необходим. В своем психоаналитическом обсуждении разницы между последователями и лидерами Клули (Cluley, 2008) утверждает, что разница между этими двумя терминами иллюзорна. Таким образом, целесообразно совместно рассматривать подчинение и лидерство с четкими ролями (Kelley 2008), способностями и реакцией (Maroosis 2008), чтобы адаптироваться к новым временам (Chaleff 1995; Howell 2008; Rost 2008; Stech 2008).

ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬСТВА __

Последователи обычно имели негативный оттенок. В результате некоторые организации сосредотачиваются на лидерских качествах и прилагают значительные усилия для развития и укрепления лидеров (Kellerman, 2008). Последователи и лидерство не идут параллельно друг другу; скорее, они взаимосвязаны, часто меняя роли (Howell & Mendez 2008; Stech 2008). Слово «Последователь», происходящее от древневерхненемецкого слова *Follazionhan*, этимологически означает «помочь, помогать или служить» (Eui-Jung 2012, 9). Пытаясь прояснить значение слова «последователи», Рост (2008) отличает его от последователей. Он отмечает, что, как и большинство слов с суффиксом «корабль», оно обозначает непрерывный процесс: «Следование — это то, что делают последователи, когда они следуют» (Рост, 2008, 54). Тем не менее, Рост (2008) отмечает, что такой взгляд на последователей

состоит в том, чтобы поддерживать индустриальный взгляд на последователей и лидерство. Поэтому он утверждает: «Следование — это устаревшая концепция, которая является дисфункциональной и даже разрушительной в постиндустриальном мире. Последователи как концепция не связаны с миром, в котором мы живем» (Рост 2008, 56). Из-за того, что многие из его респондентов негативно воспринимали «следование», Рост решил использовать вместо него «сотрудничество».

Роста о том, что последователи — это нефункциональная и устаревшая концепция, одна из подрывной в постиндустриальную эпоху, бросает вызов африканским контекст. В отличие от контекста Роста, большинство африканских стран находятся в процессе индустриализации. Если это так, то оправдано ли для них присоединиться к изгнанию последователей как концепции? Какой ценой Африка продолжает придерживаться индустриального взгляда на последователей и лидерство? Как это влияет на качество лидерства? Готовы ли африканские народы принять идею о том, чтобы подвергнуть сомнению промышленный взгляд на последователей и лидерство? Что означало бы для африканских лидеров признание того, что последователи — это коллаборационисты? Совместимы ли различные африканские культуры с этой точкой зрения? Необходимы исследования, чтобы исчерпывающе ответить на эти вопросы. В любом случае необходимо изучить африканское понимание последователей и то, как оно может повлиять на рост демократического лидерства, к которому стремятся многие африканцы. Дело в том, что лидерство без последователей приводит к разочарованию.

Для Барбары Келлерман (2008) последователи так же важны, как и лидеры, если не важнее. Тем не менее, Келлерман (2008) также рассматривает последователей как Реакция подчиненных на указания руководителя. Это несовместимо с важность, которую она придает последователям; ибо если следование так же важно, как лидерство, или даже важнее, то между лидерами и последователями не может быть подчиненных отношений. Я согласен с Келлерманом в отношении решающего места последователей, потому что природа последователей оказывает прямое влияние на лидерство, потому что, если последователи предпочитают оставаться в стороне или изолировать себя, лидерства быть не может. Последователи должны присутствовать физически и психологически, чтобы значимые отношения последователей и лидерства процветали. Тем не менее, с лидерством или без него, общие интересы могут мотивировать людей действовать сообща. Таким образом, точка зрения Келлермана о том, что последователи являются реакцией на директивы лидера, очень ограничена. Я также не согласен с Келлерманом в том, что качество последователей зависит от качества лидерства. Более правильное положение, на мой взгляд, состоит в том, что диалектическое отношение между ними формирует их обоих.

Последователь задает темп лидерству, потому что каждый новый лидер, сформированный в определенном контексте как последователь, пробует свои или ее стиль руководства с большим интересом к тому, как реагируют те, кто занимает положение последователей. Таким образом, лидер подобен человеку, проверяющему глубину

бассейн с водой , опустив ногу, насколько позволяет вода . Он или она может дать отдых своей ноге только в том случае, если бассейн обеспечивает опорную поверхность. Может показаться, что человек превосходит неодушевленную воду, но вода обладает силой убить его или ее, если он или она неосторожно войдет в нее. Вода здесь олицетворяет природу следования — тот, кто берет на себя лидерство , должен сначала изучить искусство следования — его контекст и то, как слушать его сообщение. Смерть здесь может быть не физической, а скорее психологической, моральной или социальной.

Суть аналогии с лужей воды в предыдущем абзаце заключается в том, что, хотя по привычке ума многие люди склонны воспринимать подчинение как нечто более низкое , чем лидерство, оно обладает неявной силой , не имеющей себе равных ни у одного неквалифицированного лидера , — у него есть своя собственная сила . неуставленные правила (которые могут быть контекстуальными) , которые нельзя игнорировать. Таким образом, успешное лидерство — это то , что хорошо научилось интерпретировать общение последователей. В отличие от мнения , согласно которому лидеры добиваются успеха , когда учат своих последователей как вести, так и следовать, я разделяю точку зрения , согласно которой «лидерство — это свойство и следствие сообщества , а не свойство и следствие отдельного лидера» (Grit 2011, 7). Сообщество здесь представляет последователей , которые создают и поддерживают лидерство.

Согласно Maroosis (2008, 21), «последователи действуют правильно и хорошо в данной ситуации». Конечно, «правильно», «хорошо» и «ситуация» могут быть определены относительно, и это, вероятно, порождает двусмысленность , но через эти термины Марузис подчеркивает, что следование не должно характеризоваться пассивностью . Марусис, как и Чалефф (1995 и 2008), также отмечает, что, как и лидерство, последователи должны обладать определенными способностями, которые катализируют как эффективное подчинение, так и лидерство. Например, Чалефф пишет, что и последователи , и лидеры должны быть смелыми, потому что быть лидером может быть привлекательно , но чтобы доверять кому-то достаточно, чтобы следовать за ним или за ней, требуется смелость, и, следовательно, более почетно следовать, чем вести. . Другими словами, для автономных лиц, позволяющих другим принимать решения от их имени.

требует значительной внутренней силы, поскольку это предполагает подчинение своей воли его или ее воле. Из-за присущего смирения более почетно следовать , чем вести.

Более того, Аттридж утверждает, что «хорошее подчинение более важно для демократии , чем чрезмерное лидерство» (Attridge 1949, 12; цитируется по Yung 2013, 48). Действия, вытекающие из мужества как последователей , так и лидеров, подготавливают их к взаимному обмену знаниями между ними (Холландер

1992, цит. по Yung 2013, 48). Maroosis (2008, 18) относится к желательным качествам, которые помогают как последователям , так и лидерам правильно делать то, что требуется в различных ситуациях, как «способности к ответу». Они помогают последователям и лидерам делать «сначала самое главное », что в данном контексте является « нравственными вещами» (Maroosis

2008, 21). Марусис утверждает, что последователи и лидеры должны делать правильные вещи (то, что эффективно и действенно) и говорить правильные слова (Марусис, 2008).

Вину больше нельзя возлагать только на лидерство: у последователей есть моральный долг создавать благоприятную среду для здоровых отношений между последователями и лидерами. В своем заключительном слове на конференции, на которой эта глава был представлен впервые, ведущий конференции, доктор Реджинальд Одуор, обратил внимание делегатов на точку зрения Этьена де ла Боэти о том, что тирании придет конец, если те, кто подчиняется ей, перестанут поступать так (Oduor 2017). Замечания д-ра Одуора были в контексте полного освобождения Африки от западного империализма, подчеркивая тот факт, что западный империализм присваивает все, что он использует для эксплуатации Африки, из самой Африки. Тем не менее, его наблюдение имеет отношение к предмету этой главы, а именно, что если, в либеральной демократии лидеры не выполняют того, чего от них ожидают, а последователи являются соучастниками неудач.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬСТВА _

Теоретики последователей предложили различные способы классификации последователей на основе их поведения и моделей мышления. Келли (2008) указывает, что личности последователей, культура, воспитание, образование, давление сверстников, а иногда и контекст — все это способствует формированию, хотя и не определяет индивидуальные стили последователей. Келли (2008) классифицирует последователей следующим образом:

1. Овцы, пассивные, зависимые и некритичные мыслители;
2. Да люди, всегда на стороне вождя, готовые на все – конформисты, зависимые и некритичные;
3. Отчужденные (изолированные), которые чувствуют себя ущемленными, но могут мыслить независимо и критически;
4. Прагматики, которые сначала подсчитывают выгоды от совершения действия, прежде чем принять решение за или против него;
5. Звездные последователи, которые думают независимо, активны и заинтересованы, ставят под сомнение и критикуют лидерство. Некоторые называют их Образцовыми последователями (Kellerman 2008) или смелыми последователями (Chaleff 1995; 2008).

Келлерман (2008) классифицирует последователей на изолированных (похожих на «отчужденных»), сторонних наблюдателей (просто наблюдающих без каких-либо действий), участников (вовлеченных), активистов (могут усердно работать за или против лидеров) и негибких (фанатиков, которые могут добровольно излагать отдать свои жизни за своих лидеров).

Однако необходимо критически изучить различные классификации последователей с учетом культурных и гендерных различий. Например, должны ли мы рассматривать те же самые классификации в африканских контекстах? А как насчет женщин и мужчин в африканских обществах? Можно ли их классифицировать таким же образом, если мы примем во внимание тип социализации в различных культурных условиях?

Если мы хотим понять, почему либеральная демократия проблематична в Африке (и я согласен, что это так), нам нужно сместить акцент с черт лидерства на черты последователей в африканском контексте в надежде поднять уместные вопросы, касающиеся постоянной проблемы. Роли, которые играют последователи, варьируются от партнеров, сотрудников, информаторов, формирования хорошего лидерства и, когда это необходимо, до вызова лидерства. Согласно Чалеффу (1995, 1), «лидеры редко разумно и эффективно используют свою власть над

длительные периоды, если только они не поддерживаются последователями, которые имеют статус, чтобы помочь им в этом». Эта помощь приходит через общение, особенно через обратную связь с руководством. Во введении к книге «Искусство следования: как великие последователи создают великих лидеров и организации» Бенис решительно пишет: «Если бы мне пришлось свести обязанности хорошего последователя к одному правилу, это было бы говорить правду власти» (Benis in Riggio, Chaleff and Lipman-Blumen (ред. 2008 г., стр. xxv). На сегодняшний день это представляется решающей ролью

последователи. Однако, если окружающая среда не способствует тому, чтобы последователи играли эту роль, все, что мы можем ожидать, это «овцы» и «да-люди», которые позволяют диктатуре вместо того, чтобы держать ее под контролем, чтобы процветала либеральная демократия. Таким образом, Чалефф (2008, 67–87) выступает за смелое следование, чтобы противостоять лидерству, напоминающему стиль Саддама Хусейна, который он (Чалефф) использует для иллюстрации своей точки зрения.

ПОДДЕРЖКА ЛИБЕРАЛЬНО - ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Можно было бы задаться вопросом, почему в достижении либеральной демократии наблюдается сдвиг от сосредоточения внимания на лидерстве к следованию за ним. Келли (2008) отмечает, что сосредоточение внимания на лидерстве хорошо работало в индустриальную эпоху, когда это было просто необходимо повиновение в том, что проявляет послушание при выполнении поставленных задач. После в своей более ранней работе «Похвала последователям» (1988 г.) и Келли (1992 г.) вновь подчеркнул важность последователей, привлекая внимание к опасности чрезмерного сосредоточения внимания на лидерстве. Келлерман (2008) разработала для нее курс последователей. программа обучения лидерству на том основании, что лидерство нуждается в последователях, а последователи могут обойтись без лидерства.

Тот факт, что последователи могут обходиться без лидеров, проиллюстрирован в книге «Отважный последователь: противостояние нашим лидерам и за них» (Чалефф, 1995).

инсценировано в фильме под названием «Миньоны» (Гроб и Балда, 2015), в котором показаны маленькие существа, отчаянно нуждающиеся в герое — существе, отличном от них, чтобы стать их лидером. Ирония заключается в том, что в своих попытках идентифицировать такое существо они успешно самоорганизуются, но настаивают на том, чтобы найти кого-то, кто не похож на них, тем самым подтверждая, что эффективное следование приводит к эффективному лидерству. Миньоны овладевают искусством следования ...

они так хотят следовать за ними, что лидерство спонтанно возникает среди них самих. Прислужники иллюстрируют тот факт, что последователи не вращаются вокруг лидерства, а последователи и лидеры вращаются вокруг одной цели. Действительно, миньоны в конечном итоге сами убивают лидеров (неосознанно, конечно), что указывает на власть, которую последователи имеют над лидерством.

Другие авторы напоминают нам о культурно-плюралистическом характере современных обществ, что делает старые модели лидерства неактуальными. Например, Чалефф (1995, 2) отмечает, что нам необходимо выйти за пределы «авторитарных моделей, которые лишают последователей ответственности». В то время как лидеры жизненно важны для повседневного управления организациями, представить себе, что остальные должны следовать за ними, не задавая вопросов, проблематично. Это происходит из-за того, что последователи претенциозно закрывают глаза на ошибки, которые совершают лидеры, и успехи их лидеров несоизмеримы. С продвижением в потоке информации, здоровый обмен между последователями и лидерами является обязательным.

Что означает пренебрежение последователями для Африки? Различные комментаторы африканской политики жалуются, что либеральная демократия не работает (Amukugo 2013) или что она не предназначена для африканцев (Tag 2010). Действительно, конференция, для которой я первоначально написал эту главу, была созвана для поиска коренных африканских моделей демократии, поскольку якобы либеральная демократия чужда африканцам. Однако я считаю, что проблема заключается в том, что Африка не осознала тот факт, что проблема может заключаться не в лидерстве, а скорее в подчинении, что лидерство — это то, во что его превратило подчинение. Cluley (2008) пришел к выводу, что именно психология внутри групп (последователей) заставляет лидеров казаться индивидуалистами из-за групповых процессов идеализации и идентификации. По-видимому, эти два процесса

важны для удержания последователей вместе, поскольку они идеализируют лидера и отождествляют себя с ним или с ней. Однако лидеры африканских стран преднамеренно злоупотребили это явление, чтобы дегуманизировать своих последователей.

Тем не менее, в провале либеральной демократии в Африке не следует винить исключительно руководство, потому что его последователи являются соучастниками злоупотреблений. Почему, например, мы должны обвинять Мобуту Сесе Секо, правившего Конго более тридцати лет? (Леон 2010, 2). Почему мы должны осуждать действующего президента Уганды Йовери Мусевени, который также правил более тридцати лет, а в 1990-х годах его приветствовали

за осуждение африканских президентов за то, что они слишком долго остаются у власти ? Если у таких лидеров есть последователи, что они (последователи) делают? Являются ли они просто «овцами» или «поддакивающими людьми» — без независимого и критического ума? Почему Африке не удается собрать сильных, независимых и критически настроенных последователей , чтобы держать африканское лидерство под контролем, тем самым способствуя развитию либеральной демократии? В следующем разделе я попытаюсь дать возможные ответы на эти вопросы, хотя это явление требует дальнейшего изучения .

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬСТВА В АФРИКЕ :

АСЭ ОЃАНДА F

Чтобы понять , почему в Африке пренебрегают последователями , нам нужно внимательно изучить семью, формальное образование, культуру и политику. Именно в семье происходит наиболее неформальное обучение молодежи. Кроме того, большинство африканских обществ построено на патриархальной идеологии, что означает, что мальчики растут в семьях , где они имеют более высокий статус, чем девочки. В то время как мальчики социализируются, чтобы быть лидерами с независимым и критическим складом ума , которые помогают им принимать важные решения, девочки социализируются, чтобы быть последователями, зависимыми и говорить «да» директивам. Поэтому не случайно такие простые вещи, как дисциплинированное вождение, становятся сложными, создавая ненужные пробки в африканских городах. Хотя могут быть и другие причины пробок, такие как увеличение числа людей, владеющих автомобилями, без соответствующего расширения дорог, одной из основных причин пробок является то, что многие водители -мужчины выходят из своих домов с отношением, что они более важны , чем другие участники дорожного движения, что приводит к столкновению эго и, как следствие, к забитым дорогам.

Именно в семьях вводится и конкретизируется феминизация последователей . Девочек и женщин приучают верить, что они просто пассивные последователи — их вознаграждают , когда они не возражают своим.

мужей, или когда они не показывают своим мужьям, что знают лучше во многих, если не во всех, ситуациях. Многие не осмеливаются ничего сказать, обнаружив, что их мужья заблуждаются, или даже принимать решения, касающиеся их сексуальности и здоровья, потому что общество отводит эту роль мужчинам. Таким образом, хотя иерархия в семье имеет некоторое преимущество в том, что она поддерживает мир, этот мир близорук, если он лишен моментов , когда говорят правду. Эта феминизация последователей в Африке приводит к тому , что лидерство в равной степени ошибочно. Если жена не может активно участвовать в сдерживании власти мужа , результатом становятся такие болезни , как нежелательная беременность, венерические заболевания, экономические кризисы в семье , дети-сироты, беспризорники, жестокое обращение с детьми и насилие в семье. Исследование Мортон и соавт. (2012) о влиянии стилей семейного лидерства и

Диетическое поведение подростков указывает на то, что к лидерству на этом уровне следует подходить с большой осторожностью, поскольку оно оказывает значительное влияние на способность детей принимать решения, когда они становятся взрослыми. Таким образом, воспитание слепых последователей происходит в семье. Ориентация на лидерство за счет подчинения тормозит рост демократических семейных отношений и переносится на другие уровни общества.

Если большинство семей в Уганде воспитывает более половины своего населения как «овцы» или «да» последователи, а остальные как потенциальные лидеры, однозначно есть проблема с последователями и, следовательно, лидерством, тем самым мешая либеральной демократии укорениться в стране. Это потому, что мощные голодные, эгоцентричные мужчины соревнуются за несколько доступных руководящих должностей. С женщинами как матерями, женами или сестрами, просто наблюдающими за происходящим, ситуация совсем не улучшается. Это не означает, что нет женщин, которые преодолели это отношение слепого подражания, но патриархальная природа африканских обществ не поощряет активное участие женщин в жизни общества. Роли, стереотипно отведенные девочкам по мере их взросления, не могут способствовать развитию независимости и критического мышления, которые являются составляющими смелого, звездного или образцового подражания. Те немногие женщины, которых вырастили лидерами, перенимают эту мужскую эгоцентрическую модель вместо того, чтобы придумывать особый стиль для женщин, смягчающий мужской эгоцентризм, чтобы держать друг друга под контролем. Таким образом, социализация на уровне семьи должна быть преобразована, чтобы привести ее в соответствие с текущими потребностями.

Однако ситуация постепенно меняется: мы видим, что многие семьи начинают воспитывать девочек-лидеров. Тем не менее, хотя женщины-лидеры выгодны, социализировать всех детей, чтобы они стали лидерами, проблематично. Всех детей следует сначала воспитывать как последователей. Быть последователем не очень-то восхищают, потому что это связано с негативными стереотипными женскими характеристиками, которые не ценятся в патриархальной среде. Stech (2008) выделяет ряд синонимов слова «следовать», в том числе «зависеть», «быть ниже», «подчиняться», «соответствовать» и «уступчивый».

которые обозначают нежелательные черты для тех, кто считает себя прирожденными лидерами. Однако семья должна обеспечивать, чтобы и мальчики, и девочки были звездными последователями. Нынешние феминистские дебаты также должны сместить акцент с расширения прав и возможностей девочек, которые отдают предпочтение одному полу, на расширение прав и возможностей образцового последователя демократии в семьях. Это может показаться утопией, но это можно опробовать с помощью практических исследований и оценки (Patton 2002), и путешествие уже началось, хотя и за пределами Африки, как я ранее указывал в работах Chaleff (1995), Kelley (2008) и Келлерман (2008) и др.

Дело в том, что мы все последователи. Как отмечает Келлерман (2008), все начинают как последователи, даже если мы этого не осознаем. Уильямс и Миллер (Williams and Miller, 2002, цит. по Bjugstad 2006, 304) обнаружили, что многие руководители

на самом деле являются последователями, хотя и не признают этого из-за клейма, связанного с последователями. Даже лидеры преследуют какую-то цель, которую они должны разъяснить своим последователям, чтобы вместе они могли помогать друг другу. преследовать его (см., например, Chaleff 1995; Stech 2008; Maroosis 2008).

Уоррен Бенис правильно заметил, что «момент, когда каждый из нас осознает, что он или она в основном является последователем, а не лидером, является настоящей вехой в развитии» (Бенис, 2008 г., стр. xxiii-xxiv).

Кроме того, поскольку руководство берет лишь горстку от всего населения, не лучше ли сначала развить образцовое следование, после чего из него может выйти лидерство? Проблема в Африке заключается в том, что многие из тех, кто прокладывает себе путь к лидерству, с детства были мини-лидерами и понятия не имеют, что такое последование. Дегуманизированные с детства, они вырастают с негативным отношением, которое влияет на различные аспекты их жизни с пагубными последствиями. Возможно, дети, воспитанные как последователи, имеют больше шансов стать хорошими лидерами, а также переключиться обратно на роль последователей, когда того потребует ситуация, с минимальными конфликтами.

Ситуация с формальным образованием в Уганде также проливает свет на стили последователей в Африке. Нынешняя система образования в Уганде не поощряет самостоятельное и критическое мышление учащихся. Учитель рассматривается как кувшин, из которого учащиеся должны быть «открыты» для получения. Это не то образование, за которое выступали такие мыслители, как Сократ (Платон, 2002 г.), Руссо (1889 г.) или Фрейре (2005 г.). Проблемы, с которыми сталкиваются учителя, такие как ограниченное финансирование, плохие условия труда и большое количество учащихся всеобщего начального образования (ВНО) и всеобщего среднего образования (ЕГЭ), мешают учителям использовать стили преподавания, которые приводят учащихся к самостоятельности и критическое мышление (Wabule 2017). Кроме того, качество самих учителей оставляет желать лучшего (Мэнди, 2005).

Тот факт, что преподавание как профессия не привлекает квалифицированных кадров из-за низкой оплаты, может быть основной причиной того, что система образования Уганды совершенно неадекватна. Поэтому нетрудно понять, почему система образования страны штампует пассивных или «да» людей в качестве последователей. Таким образом, даже несмотря на то, что в Уганде существует всеобщее начальное и среднее образование, в результате получается не образцовое подчинение, которое может осмысленно взаимодействовать с преобладающим руководством.

На культурном уровне преобладает конформизм и преклонение перед вышестоящих вплоть до догматического следования за теми, кто занимает руководящие должности, или теми, кто «кажется» сильным. Это не означает, что начальников не следует уважать, а скорее то, что широко распространенное уважение не способствует образцовому подчинению. Такое уважение легко превращается в страх, когда люди не могут спросить «почему» или бросить вызов своим лидерам, даже

когда они ясно видят, что принимают фатальные решения. Во многих культурах Уганды дети превращаются в напуганных взрослых, не имеющих права конструктивно критиковать старших и других людей, наделенных властью. Однако страх сам по себе является возможностью для человека, чтобы развить смелость предпринять позитивные действия (Чалефф 2008, 21).

Я использую психоаналитическую идею Зигмунда Фрейда о принципе реальности через глазами Клули (2008), чтобы объяснить эту культурную ситуацию в Уганде. Согласно Клули, прежде чем люди смогут отделить внутренние и внешние нарциссические желания, желания легко удовлетворяются внутренне без осознания внешних сил, которые способствуют их удовлетворению. Это меняется в тот момент, когда человек осознает, что его желания иногда могут быть удовлетворены только с помощью внешних факторов. Это осознание и есть то, что Фрейд называл « принципом реальности» (Cluley 2008, 206). Первичные нарциссические тенденции

затем подавляются, чтобы индивидуум соответствовал внешней среде. Через наказания и награды человек учится переделывать свои желания, чтобы они соответствовали приемлемым стандартам желаний в обществе. Если принцип реальности Фрейда и то, как он действует, верен, многие культуры в Уганде, особенно на семейном уровне, несут ответственность за создание и взращивание боязливых, пассивных и конформистских последователей. Это культура уступчивости, похожая на то, что Чалефф (2008, 68) говорит о последователях Саддама Хусейна. Чалефф рассказывает содержание документального фильма о приходе Саддама Хусейна к власти в Ираке в 1979 году (Чалефф 2008, 68) и о том, как он со слезами на глазах произносил речь о предательстве некоторых из своих офицеров. Одно за другим были зачитаны их имена, и каждого вывели на расстрел. Мужчины, оставшиеся сидеть, были слишком робкими, чтобы что-либо предпринять, и только вздыхали с облегчением всякий раз, когда зачитывали имена, которые не были их собственными.

В отличие от многих африканских культур, культура китайцев восходит к философии Конфуция, и это в значительной степени способствовало их нынешнему уровню развития. В то время как в большинстве африканских культур люди воспитываются таким образом, что это не приводит к образцовым последователям, китайцы воспитываются таким образом, который поощряет их к самообразованию (Конфуций, 1963; Дхакхва, 2008). Фактически, после того, как Уганда обрела политическую независимость, возобладали оппортунизм, так что многие жители Уганды усердствовали культуру накопления богатства практически без усилий (Hansen & Twaddle 1988). Привычка прибегать к колдовству (Шабал 1999)

или религия широко распространена среди угандийцев — если некого винить в то, что сложно и необъяснимо, подтолкнуть к невидимому!

При минимальном желании воспитывать ум, настойчивом эгоистическом лидерстве и феминизации последователей образцовое следование не может возникнуть.

Принцип реальности побуждает людей к пораженческим установкам, которые отражаются в стилях последователей и лидерства. Тем не менее угандийцы в частности и африканцы в целом могут трансформировать свои культуры, чтобы сделать их

конкурентоспособна на глобальном уровне, а либеральная демократия является требованием это должно материализоваться (Teson 1999). Это связано с тем, что либеральная демократия обещает основные свободы для всех членов общества, позволяя людям реализовать свой потенциал. Тем не менее, поскольку в большинстве африканских стран либеральная демократия была незаконно присвоена, связанные с ней проблемы более очевидны, чем выгоды, которые она может принести. Следовательно, необходимо тщательно изучить условия, которые позволяют либеральной демократии процветать в других местах и которых может не хватать в Африке, прежде чем полностью отвергать ее.

Опираясь на Collins (2012), я нахожу, что модели последователей-лидеров в уровень управления страной в основном получают свое направление от семейных структур. Хотя она писала из другого контекста, соотношение иерархии в государственных учреждениях и семьи. Если семья является основной ячейкой общества, подкрепляется рекомендация воспитывать образцовых последователей при социализации детей (Kelley 2008; Kellerman 2008; Chaleff 2008). Вместо того, чтобы следовать тем же старым путем, пытаясь избавиться от лидерства, стратегии для формирования образцовых последователей должны быть сформулированы прямо в семье, отсюда и название Коллинза «Все в семье» (Collins 2012). В связи с этим Grit and Holt (2011) правильно заметили: «Жалобы на лидеров и призывы к большему или лучшему лидерству происходят с такой регулярностью, что было бы простительно предположить, что было время, когда хорошие лидеры были вездесущи. К сожалению, просмотр архивов лидеров не обнаруживает золотого прошлого, но, тем не менее, всепроникающую тоску по такой эпохе» (Grit and Holt 2011, 6).

Социализация, как она происходит в популярной культуре через Интернет и другие каналов коммуникации, смешивается с элементами коренных угандийских культур и передается детям в школах. Некоторые из этих коренных элементов не терпят никакой конфронтации со стороны детей в их взаимодействии со взрослыми; но поскольку эта смесь порождает внутренние противоречия, а не согласованность, она, скорее всего, вызовет внутренние конфликты у тех, кто ей подвергается. Например, в то время как фильм, созданный в Америке, представляет собой возвращение индивидуальной инициативы и творчества, которые проистекают из значительного уровня независимости, в Уганде все еще существует уважение к коллективному мышлению и нежелание позволять взрослым вести независимую жизнь.

Тем не менее, дети должны быть социализированы, чтобы эффективно общаться и иметь значительный уровень независимости мыслей и действий, поскольку это некоторые из ценных характеристик образцового подражания. Родители должны позволить этому свободному общению детей проявиться, пока дети все еще окружены любимыми, в рамках подготовки к общению на других уровнях.

Язык также может быть инструментом для развития образцового подражания. В связи с этим Чалефф (2008, 68–75) предлагает поощрять язык, который развивает последователей. Например, он предлагает называть ситуацию терпимости к угнетению трусостью, лидерства — заботой об интересах других людей, а следование — партнерством с лидерством для достижения цели. Джон Дьюи в книге «Демократия и образование» (1916 г.) делает упор на язык в социальном обучении. Идеалы и ценности общества легко выражаются с помощью общего языка. Члены общества должны запретить вознаграждать тех, кто скрывает несправедливость, чтобы защитить своих лидеров. Так же, как и все другие развивающиеся привычки, например использование сленга среди молодежи, привычка некритического молчаливого согласия может быть сконструирована или деконструирована посредством использования языка. Дьюи в книге «Как мы думаем» (1910) объясняет, как

новые привычки могут заменить старые, если мы только приложим усилия для их последовательного выполнения.

Гендерная динамика, присутствующая на всех уровнях, рассмотренных в предыдущих абзацах, — семье, образовании, культуре и политике — такова, что везде, где женщин, существует, по-видимому, естественная склонность думать, что они занимают второе место. Однако теперь, когда формальное образование становится доступным для большего числа женщин наряду с доступом к информации через Интернет, должны ли мы ожидать, что лидерство останется прерогативой мужчин? С большим проникновением современной культуры через популярную музыку, фильмы и другие художественные творения, насколько возможно участвовать в дискурсах, напоминающих о политических организациях, которые в основном исключали женщин? Африканские женщины все чаще выходят из кухонь и спален за стол для дискуссий, и они ожидают, что их услышат так же, как и их коллеги в других местах, что не одобрялось во многих коренных африканских обществах. Молодежь, как женщины, так и мужчины, также требует более активного участия в руководстве, и все же руководство коренных африканцев в целом было геронтократическим.

Библейское утверждение о том, что «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей» (Бытие 2:24) имеет философское обоснование, которое многие упускают из виду. Согласно этой поговорке, мужчины цепляются, и все же это часто удобно переворачивать или переворачивать. «Права» мужчины награждают себя, в то время как женщины заботятся обо всех остальных, но сами скрывают уязвимость мужчин. То же самое относится и к политическому лидерству в Африке. Поскольку политические обозреватели обвиняют элиты в манипулировании политическими институтами в корыстных целях, они (комментаторы) не обращают внимания на тот факт, что, пренебрегая участием в процессах управления, последователи создают для лидеров среду для этого. Богатые используют закон

манипулировать властью, чтобы подчинить себе других. Руссо на самом деле выразился правильно, когда заметил, что «самый сильный никогда не бывает достаточно сильным, чтобы всегда быть господином, если он не превращает силу в право, а повиновение в долг».

(Руссо 1762, 4). Вот почему я подчеркиваю, что женщины частично виноваты в своем подчинении из-за их психологической склонности «материть» все и вся, как их приучает к этому социализация. В том же духе последователи, как женщины, так и мужчины, жалуются на неудачное руководство и либеральную демократию, отказываясь от своей ответственности за критическое и независимое мышление, что приводит к их бездействию.

Оглядываясь назад с ностальгическим стремлением к тому, что является подлинным для Африки с точки зрения демократии, может быть так же сложно, как пытаться обеспечить средство для лидерства, игнорируя последователей. При обсуждении вопросов демократии в Африке следует учитывать все изменения, которые произошли и которые должны произойти в связи с быстро меняющимися обстоятельствами на глобальном, региональном и местном уровнях. Поэтому я убежден, что африканская политика может быть революционизирована и оживлена, если акцент будет смещен на развитие образцовых последователей, которые будут освобождены и автономны. На самом деле постмодернизм призывает к новому способу интерпретации реальности и поведения (Lyotard). Женщинам следует взять на себя ответственность за свою жизнь, а не чрезмерно зависеть от мужчин. Это включает в себя участие в процессах принятия решений, которые могут повлиять на них. Именно идеализированные модели лидерства с пассивными и конформистскими последователями ответственны за исторические трагедии, от которых африканцы до сих пор залечивают раны. Гендерная динамика всегда будет проявляться во всех политических дискурсах, так что все, что пытается подорвать достижения женщин, будет оспорено во всем мире, создавая изолированных или отчужденных последователей. Следовательно, внимание должно быть направлено на развитие образцовых последователей, чтобы либеральная демократия процветала в Африке. Это непростая задача, но она стоит усилий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникают вопросы о том, могут ли последователи подвергаться критическому осмыслению наряду с лидерством, и может ли новая культура образцовых последователей могут быть построены вдали от существующей культуры (Riggio, Chaleff and Lipman-Blumen eds. 2008). Стремясь повысить качество __ последователей в Уганде, в частности, и в Африке в целом, я подчеркнул необходимость перестроить социализацию и изменить стили образования, чтобы поощрять независимое и критическое мышление. Обучение образцовому следованию имеет решающее значение, особенно посредством неформального образования. В связи с этим социализация на уровне семьи имеет решающее значение в формировании мировоззрения личности. Если то, что обнаружил Фрейд, верно, что вся психология, включая нарциссизм, в первую очередь основана на социальном взаимодействии (как цитируется Cluley 2008, 202), мы должны знать о влиянии социальной среды на развитие ин-

индивидуальный. Таким образом, Руссо (1889) был прав, предложив переместить Эмиля, своего гипотетического ученика, из города в деревню, чтобы он получил образование с минимальным перерывом в общении с уже зрелыми людьми.

В общем и целом, первым шагом в развитии образцового служения является признать, что ретроспектива должна быть ограничена оценкой ошибок в чтобы устранить их и усилить любые прошлые успехи. Оглядываясь назад на Коренное прошлое Африки с точки зрения последователей-лидеров, несправедливость, которая расстраивала не только женщин и молодежь, но и мужчин, которые предпочитали жить легко, если только общество предоставило им свободный выбор того, как вести свою жизнь. Глубоко ошибочно думать, что всем мужчинам нравится брать на себя инициативу в различных сферах жизни. Тем не менее, общество быстро осуждает тех, кто ведет себя вопреки его ожиданиям, — не только женщин, проявляющих интерес к лидерству, но и мужчин, которые не ценят руководящие должности. Неужели все мужчины годятся на роль главы семьи и ни одна женщина не может взять на себя эту ответственность? В современном мире последователи как женщин, так и мужчин должны быть обновлены, чтобы противостоять растрате лидерства, чтобы процветала либеральная демократия или любая другая предпочтительная политическая модель. Поэтому я считаю, что, несмотря на призывы и поиски местных африканских моделей

Демократия придет на смену либеральной демократии на континенте в двадцать первом веке, либеральная демократия не является проблемой в Уганде в частности или в Африке в целом: проблема заключается в отсутствии образцовых последователей, учитывающих гендерные аспекты.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амукуго, Элизабет. 2013. «Либеральная демократия, образование и социальная справедливость в Африке». Журнал исследований в области гуманитарных и социальных наук, Vol. 2 № 1, стр. 144–57. www.researchgate.net/publication/282326483_liberal_democracy_educacia_i_socionalna_spravedlivost_v_Afrike.
- Балда, Кайл и Пьер Коффин (кинорежиссеры). 2015. Миньоны. <https://www.timeout.com/london/film/minions>.
- Беннис, Уоррен. 2008. «Введение». Риджио, Рональд Э., Ира Чаллеф и Джин Липман-Блюмен, ред. Искусство последователей: как великие последователи создают великих лидеров и организации. Сан-Франциско: Джосси-Басс, стр. xxiii–xxvii.
- Бьюгстанд, Кент, Элизабет Тач, Карен Томпсон и Алан Моррис. 2006. «Свежий взгляд на последователей: модель соответствия стилей последователей и лидерства». Журнал поведенческого и прикладного менеджмента, Vol. 7 Вып. 3. С. 304–319. <https://wenku.baidu.com/view/acc0f4362af90242a895ec.html>, https://www.researchgate.net/publication/252457195_A_Fresh_Look_at_Follower_Matchship_A_Model_for_Matching_Followership_and_Leadership_Styles.
- Шабаль, Патрик и Жан-Паскаль Дало. 1999. Африка работает: беспорядки как политический инструмент. Блумингтон: Издательство Индианского университета.

Чалефф, Ира. 1995. *Отважный последователь*. Сан- Франциско: Издательство Берретт-Келер .

———. 2008. «Создание новых способов следования ». Риджио, Рональд Э., Ира Чалефф и Джин Липман-Блюмен, ред. *Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и организации*. Сан- Франциско, Калифорния: Джосси-Басс, стр. 67–87.

Клули, Роберт. 2008. « Психоаналитические отношения между лидерами и последователями». *Лидерство*, Том. 4 вып. 2, стр. 201–212. <https://doi.org/10.1177/1742715008089638>.

Коллинз, Патрисия Хилл. 2012. «Все в семье: пересечение пола, расы и нации». Хейс, Цессиди Дж., изд. *Философия и гендер: критические концепции философии*. Нью -Йорк: Рутледж, стр. 260–78.

Конфуций. 1963. *Справочник по китайской философии*. Чан, Винг-Цит пер.

Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета .

Дьюи, Джон. 1910. *Как мы думаем*. Чикаго: Издательство DC Health and Co.

———. 1916. *Демократия и образование*. Нью- Йорк: Компания Macmillan.

Дхахва, Суджита и Стейси Энрикес. 2008. «Актуальность конфуцианской философии для современных концепций лидерства и последователей». *Журнал идей и исследований Osprey* , все тома (2001–2008 гг.) , Статья 5, стр. 1–13. http://цифровойmons.unf.edu/ojii_volumes/5.

Эй-Юнг, Сух. 2012. «Сила подписчиков : восемь советов , как сделать подписчиков звездами». *Weekly Insight*, 5 ноября , стр. 9–12. <http://www.seriworld.org/03/wldKetFileDown.html?mn=E&mncd=0302&seriid=&eng=&nextpage=LzAzL3dsZEtldEwuaHRtbD9zb3J0PUMmc2VjdG5vPTMmcF9wYWdlPTU=&gbn=02&key=db20121105001&секция=3>.

Фрейре, Пауло. 2005. *Педагогика угнетенных , издание к 30-летию*. Рамос, Майра Бериман пер. Нью- Йорк: Континуум.

Грит, Кит и Клэр Холт. 2011. «Последователи в NHS».

http://www.kingsfund.org.uk/publications/articles/leadership_papers/nhs_followersh_ip.html.

Хансен, Хольгер Бернт и Майкл Тваддл. 1988. *Уганда сейчас: между упадком и развитием*. Лондон: Издательство Университета Огайо .

Харле, Тим. 2009. «Барбара Келлерман, Последователи: как последователи создают изменения и меняют лидеров». *Лидерство*, Том. 5 Выпуск 2, стр. 284–87. <http://Journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1742715009102941>.

Холландер, ЕР 1992. «Лидерство, последователи, я и другие». *Лидерство* Ежеквартальный , Vol. 3 № 1, стр. 43–54.

Хауэлл, Джон П. и Мария Дж. Мендес. 2008. «Три взгляда на последователей». Риджио, Рональд Э., Айра Чалефф и Джин Липман-Блюмен, ред. *Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и организации*. Сан-Франциско, Калифорния: Джосси-Басс, стр. 25–39.

Джерри, Роберт Х. II. 2013. «Лидерство и последователи». *Репозиторий юридических стипендий UF* , стр. 345–54. <http://ssrn.com/abstract=2689243>.

Келлерман, Барбара. 2008. *Последователи: как последователи создают изменения и меняют лидеров*. Бостон, Массачусетс: Harvard Business Press.

Келли, RE 1988. «Во славу последователей». Гарвардский бизнес- обзор, Vol. 66 № 6, стр. 142–48.

———. 2008. «Переосмысление последователей». Риджио, Рональд Э., Ира Чаллеф и Джин Липман-Блюмен, ред. Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и организации. Сан -Франциско: Джосси-Басс, стр. 5–15.

Леон, Тони. 2010. Состояние либеральной демократии в Африке: возрождение или отступление? Вашингтон, округ Колумбия: Центр глобальной свободы и процветания.

Лиотар, Жан-Франсуа. 1984. Постмодернистское состояние : отчет о знаниях.

Манчестер : Издательство Манчестерского университета .

Мэнди, Фагил М. 2009. Основные секреты воспитания вашего ребенка. Кампала: MPK Graphics Ltd.

Марусис, Джеймс. 2008. «Лидерство: партнерство во взаимном следовании». Риджио, Рональд Э., Ира Чаллеф и Джин Липман-Блюмен, ред. Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и организации . Сан-Франциско, Калифорния: Джосси-Басс, стр. 17–24.

Мортон, Кэти Л., Лиза С. Перлмуттер, Александра Х. Уилсон и Марк Бошан.

2012. « Стили семейного лидерства и поведение подростков в отношении питания и физической активности: перекрестное исследование». Международный журнал поведенческого питания и физическая активность, Vol. 9 Выпуск 1, стр. 1–9. <https://ijbnpa.biomedcentral.com/статьи/10.1186/1479-5868-9-48>.

Одуор, Реджинальд М.Дж. 2017. «Стипендия на службе Африке». Заключительное выступление на международной конференции «Помимо либеральной демократии: поиск моделей демократии коренных народов Африки для двадцать первого века», организованной Департамент философии и религиоведения , Университет Найроби и Совет по исследованиям в области ценностей и философии (RVP), Вашингтон , округ Колумбия, США, 22–22 года. 23 мая.

Паттон, Майкл Куинн. 2002. Качественные методы исследования и оценки. Тау-Сэнд-Оукс, Калифорния: Sage.

Платон. 2002. Мено. Холбо, Дж. и Б. Уоринг пер.

<https://www.staff.ncl.ac.uk/joel.wallenberg/contextsjoeGeooff/meno.pdf>.

Риджио, Рональд Э., Ира Чалеф и Джин Липман-Блюмен, ред. 2009. Искусство быть последователем: как великие последователи создают великих лидеров и организации. Сан -Франциско: Джосси-Басс.

Рост, Джозеф. 2008. «Последователи: устаревшая концепция». Риджио, Рональд Э., Ира Чалеф и Джин Липман-Блюмен, ред. Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и великие организации. Сан-Франциско, Калифорния: Джосси Басс, стр. 53–64.

Руссо, Жан-Жак. 2002 [1762]. Общественный договор, или Принципы политического права. Коул, GDN пер. Нью- Йорк: Dover Publications, Inc.

———. 1889. Эмиль, или Об образовании. Уортингтон, Элеонора пер. Бостон: DC Heath & Company.

Стеч, Эрнест Л. 2008. « Новая парадигма лидерства-последователей ». Риджио, Рональд Э., Ира Чалеф и Джин Липман-Блюмен, ред. Искусство последователей : как великие последователи создают великих лидеров и организации. Сан-Франциско, Калифорния: Джосси-Басс, стр. 41–52.

- Тар, Усман А. 2010. «Информационное общество и справедливость». Общество и справедливость, Vol. 3 № 2, стр. 81–94. <https://www.scribd.com/document/373606505/ИнформацияОбществоИСправедливость-v3n2-p81-94-pdf>.
- Тесон, Фернандо. 1999. «Защита либеральной демократии для Африки». Кэмбридж Обзор международных отношений, Vol. 13 № 1, стр. 29–40. <https://doi.org/10.1080/09557579908400270>.
- Вугт, Марк Ван. 2006. «Эволюционные истоки лидерства и подчинения». Обзор личности и социальной психологии, Vol. 10 № 4, стр. 354–71. <https://pdfs.semanticscholar.org/0a95/bbec75c7d8a6f414ee97ebee2292a69cd2a3.pdf>.
- Вабуле, Алиса. 2017. Профессиональная честность учителей в Уганде: практические стратегии действий. Гронинген: Исследования глобализации.
- Вибе, Пол Д. и Коул П. Додж. 1987. После кризиса: проблемы развития в Уганде. Кампала: Институт социальных исследований Макереке / Crossroads Press.
- Юнг, Чен Цун и Чен Кван Цай. 2013. «Последователи: важный партнер лидерства». Горизонты бизнеса и управления, Vol. 1 № 2, стр. 47–55. www.macrothink.org/journal/index.php/bmh/article/download/4233/3502.

Искусство 3

ПРЕДЛОЖЕНИЯ
АФРИКАНСКИЙ КОНТЕКСТ

МОДЕЛИ ДЕ КРАСНО

глава е^{старший}евен

Кооперативная коллегиальная демократия

Ан Африкан Сна^{бывший}-Релевант

Говорен Мсе од^{эль}Эмефиена

Эзеани

Либеральные демократы, похоже, убедили большую часть мира в том, что либеральная многопартийная демократия является наиболее «цивилизованной» моделью управления, поскольку она якобы влечет за собой наилучший метод как выбора руководства, так и формирования правительства. В этом свете Фрэнсис Фукуяма классно заявил, что мы достигли «конечной точки идеологической эволюции человечества с универсализацией западной либеральной демократии», которая, как он также утверждал, была «последней формой человеческого правления», и, таким образом, лучшая из всех демократических модели (Fukuyama in Cunningham 2002, 27; см. также Fukuyama 1989; 1992). Тем не менее, его утверждения требуют более тщательного пересмотра учеными и государственными деятелями, особенно в национальных государствах, где либерально-демократическая модель потерпела неудачу. Если бы Фукуяма утверждал, что демократия без приставки либеральная представляет собой последнюю фазу политической истории человечества, возможно, он был бы недалеко от истины. Без сомнения, демократия — лучшая форма человеческого правления по сравнению с монархией или олигархией и «наиболее подходящая форма правления для человеческого роста и совершенствования» (Менампарампил 2017, 1).¹ Что вызывает споры в теоретическом предположении Фукуямы, так это «либеральная демократия». Вопрос, который должен волновать умы ученых и государственных деятелей, заключается в следующем: оказалась ли либеральная демократия (разновидность демократии рода), характеризующаяся институционализированной оппозицией, формированием партий, политической конкуренцией и борьбой за власть, лучшей формой правительством во всех обществах, в которых оно практикуется?

Хотя на поставленный выше вопрос нельзя ответить утвердительно, многие люди, включая африканских и западных политологов и политических философов, поддались ереси о том, что западная либеральная демократия является «последней формой человеческого правления». Именно такое мышление подчеркивает настойчивое утверждение Запада о том, что демократизация для африканских государств просто означает «чистое» принятие либеральной многопартийной модели.

Учение об универсальности либеральной демократии является в такой же степени политическим заблуждением, поскольку это интеллектуальное суеверие. Как предупредил Менампарампил (2017), признавая достоинство либеральной демократии как таковой, благоразумно принять во внимание определенные ограничения ее абсолютизации, поскольку «западные модели демократии сильно различаются между собой» и «существует множество изъянов в работе различных демократических систем на самом Западе». Кроме того, «те страны Восточной Европы, Латинской Америки или других частей света, которые в спешке переняли западные модели, испытывают трудности с тем, чтобы заставить их работать... и качество управления упало в некоторых из тех стран, которые утверждают, что они действительно демократичны» (Менампарампил 2017, 1).

Одуор (2017, 3) делает важное наблюдение: «Несмотря на принятие либеральной демократии или даже, возможно, благодаря ее принятию, структура постколониального государства во многих случаях оказалась столь же тиранической, как и колониальная. Поэтому ему необходимо радикально измениться, чтобы превратиться из тирана в слугу».

Современное африканское общество также страдает от смертельной политической догмы о том, что политика — это «захват, консолидация и использование государственной власти». (Nnoli 1986, 3) — концепция, сводящая понятие политики к борьбе за власть. Однако фактическое значение слова «политика» происходит от его греческого корня, polis («город» или «государство») и techne («навык» или «метод»), следовательно, политика (polis techne) означает умение или метод управления государством.

Значительное число африканских университетов стало свидетелем передачи от поколения к поколению всех вышеупомянутых ошибочных и регрессивных политических теорий, практика которых в значительной степени ответственна за социально-политическую отсталость и кризисы во многих африканских государствах. Это видно из вышеперечисленных политических и эпистемологических аберраций, можно было бы оценить значение конференции Университета Найроби 2017 года на тему: «Помимо либеральной демократии: поиск моделей демократии коренных африканцев для 21 века». Это свидетельствует о том, что некоторые современные африканские ученые начинают понимать, что здоровое политическое и экономическое положение африканских наций не может быть гарантировано безудержной институционализацией западной либеральной политической системы. Кастельс (1998, 359) считает, что «наиболее фундаментальное политическое освобождение состоит в том, чтобы люди освободились от некритической приверженности теоретическим или идеологическим схемам (и) построили свою (собственную) практику на основе своего опыта, используя при этом любую информацию». Им доступен анализ из различных источников». Все это указывает на тот факт, что демократия как система правления зависит от контекста. Следовательно, эта глава руководствуется сильной стороной, присущей контекстно-зависимой теории, и, защищая кооперативную коллегиальную демократию (CCD), стремится предложить решения ограничений, присущих либеральной модели демократии.

Таким образом, в этой главе я постараюсь ответить на следующие вопросы:

- Нет ли лучшего способа вербовки политических лидеров, чем конкурентная система политических партий, характеризующаяся мошенничеством, колоссальной растратой денег, межрелигиозной и межэтнической напряженностью и насилием?
- Каковы решения проблем, поставленных перед африканской политикой, управлением и развитием либерально-демократической многопартийной моделью?
- Какая политическая структура обеспечила бы избрание людей, которые больше всего заботятся об общем благе народа, — лидеров, которые большую часть времени думают не о следующих выборах, а о предстоящих выборах?
- развития общества на благо нынешнего и будущих поколений?

В следующем разделе подчеркивается чуждый характер западной либерально-демократической модели в африканском контексте с акцентом на негативном влиянии партийной системы, политической конкуренции и институционализированной оппозиции на консолидацию демократии на континенте. За этим следует раздел, в котором я представляю концепцию и практику кооперативной коллегиальной демократии (CCD) как альтернативную демократическую модель, применимую в африканском контексте. В заключительном разделе я представляю краткий обзор некоторых из моих основных теоретических аргументов.

WESTERN LIBERAL DEMOCRACY: A CRITICAL ANALYSIS ИНОСТРАННАЯ МОДЕЛЬ В АФРИКАНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Западная либеральная демократия имеет два лица — красивое (демократическое) и уродливое (раскольническое). Красивое лицо заключает в себе такие демократические ценности, как справедливость, равенство, свобода, верховенство закона/справедливости и народное признание того, что правительство происходит от народа, в то время как лицо, вызывающее разногласия, включает, среди прочего, формирование партий, институционализированную оппозицию, этническую принадлежность, политики, борьба за власть, политическая нечестность и политическая агрессия или насилие.

Кажется, что лишь немногие африканцы имеют «привилегию» осознавать злое лицо либеральной демократии на континенте. Среди них был покойный генерал Муртала Мухаммед, тогдашний военный глава государства Нигерия, который 4 октября 1975 года учредил комитет по разработке конституции в составе пятидесяти членов и, обеспокоенный пагубными последствиями партийной системы, обратился к членам комитет, чтобы посмотреть, смогут ли они найти какой-нибудь другой

«средства, с помощью которых правительство может быть организовано без участия политических партий» (цит. по Osaghae 1998, 87). Мухаммед понял, что

традиционно политические партии в Нигерии существовали скорее как частные ополченцы, деятельность которых на избирательной арене была равносильна «войне» с сопутствующими аномальными последствиями (Momo and Adejumo 1999, 114). Как и ученые, организовавшие конференцию «Помимо либеральной демократии» в Университете Найроби в мае 2017 г., Мухаммед прекрасно осознал

пагубные последствия либеральной демократии в этнически многообразном африканском государстве.

На протяжении десятилетий различные африканские государства управлялись с использованием конкурентной западной либеральной политической системы, которая оказывала минимальное положительное влияние на жизнь граждан, если вообще оказывала, в то время как привилегированные, эксплуататорские и неумелые политические элиты обладают непропорциональной властью и богатством. Вместо улучшения жизни практика западной модели демократии продолжает подвергать опасности жизни людей, вызывая конфликты по этническому, религиозному, экономическому и политическому признаку. Кроме того, будучи конкурентоспособной моделью, противоборствующие группы, эвфемистически называемые «политическими партиями», борются друг с другом, чтобы получить

контроль государственной власти.

Во многих африканских государствах политическая конкуренция не только порождает враждебность, но и также препятствует экономическому прогрессу, так как политики проводят большую часть своего времени и энергии на стратегии по захвату или сохранению государственной власти. Хорошее количество _ Африканские политические лидеры проводят большую часть первой половины своего президентского срока, формулируя стратегии по накоплению богатства для себя и своих приспешников, а большую часть второй половины планируют, как победить на следующих выборах, и у них остается мало времени для выполнения своих основных обязанностей. люди. Например, Чима роке Ннамани, бывший губернатор штата Энугу в Нигерии, рассказывает, как его отношения с бывшим президентом Олусегунем Обасанджо были прочными, но испортились, когда уже в 2000 году встал вопрос о третьем президентском сроке (Nwodo 2009, 1). Следовательно, в течение года во время своего первого срока Обасанджо больше всего беспокоился о том, как реализовать свои амбиции на третий срок на посту президента Нигерии, будучи убежденным, что его второй срок уже обеспечен.

Обасанджо был военным главой государства (1976–1979) и дважды гражданским президентом (1999–2003 и 2003–2007). Таким образом, большинство африканских государств в конечном итоге имеют высокопоставленных чиновников в качестве лиц, чьи основные политические амбиции состоят в том, чтобы занимать почетные места и славу и приобретать богатство, а не оказывать службу своему народу. Платон в «Государстве» называет этот тип правления «тимократией» (Plato 1987).

Одной из основных проблем, возникающих в результате навязывания либеральной демократии постколониальным африканским государствам, является невежество граждан. Например, на парламентских и президентских выборах 1997 г. в Кении часть Кенийские избиратели считались неграмотными и невежественными, и им «приходилось просить помощи у официальных лиц» (Orr 1997, 9), что является обычным явлением в большинстве африканских стран. Это напоминает наблюдение Платона о том, что часто бывает так, что

обычными людьми манипулируют или запугивают навязываемый самим себе образ политиками, и эти знания необходимы для принятия правильных решений.

Кроме того, в многопартийной системе люди не имеют свободы выбирать, кого они хотят быть своими представителями, но вынуждены выбирать из различных политических партий конкурентов, которые выбрали себя, были выбраны их партиями или спонсировались политическими крестными отцами. Или крестных матерей, или под прикрытием деловых интересов. Кроме того, партийные съезды по отбору

кандидаты часто представляют собой не более чем базары, где номинацию побеждает тот, кто больше заплатит. Таким образом, утверждение о том, что западная либеральная партийная демократия с ее изначально раскольнической природой объединяет людей и способствует их благосостоянию, явно неверно.

Еще одна серьезная проблема в отношении многопартийной демократии связана с государственной безопасностью в странах Африки, Азии и Латинской Америки с непростыми политическими договоренностями. Политическая партия в этих странах — это легкий путь к иностранным державам для дестабилизации государства. Например, Запад может отстранить от должности президента африканского государства, резко критикующего Запад, предоставив финансовую и материально-техническую поддержку оппозиционной партии. В то время как иностранная власть может пройти через военный истэблшмент, существование политические партии предоставляют ему альтернативный образ действий.

Наибольшую озабоченность вызывает тот факт, что либеральная демократия усугубляет конфликты в обществе. Понятия борьбы и конкуренции стали определяющими идеями современной политики. Соревнование, являющееся фундаментальным элементом партийной системы, передает идею свободы — ценности, к которой стремится почти каждый в обществе. Таким образом, термин «политика» теперь обычно понимается как борьба или соперничество за власть. Тем не менее, элемент

«борьба за власть» поздно появилась в понимании политики как искусства, навыка или метода управления, она была добавлена либерально-демократическими теоретиками с восемнадцатого века и далее (Held 1999, 81). В псевдodemократиях преобладает обращение к недобросовестному использованию конкуренции. Многопартийное соревнование напоминает «соревнование костей» среди орды

псы, и в обоих королевствах цель оправдывает даже несправедливые средства.

Мваура (1997) указывает на определенную связь между этническим конфликтом и политической, и особенно президентской, преемственностью. Слияние этнической идентичности и политики, по его мнению, гораздо более выражено в многопартийной системе, особенно там, где этнизация политики стала движущей силой, и в этих местах потенциал насильственного межэтнического конфликта также минимален. скорее всего увеличится. Например, в Нигерии бросить вызов президенту Мохаммату Бухари или его политической партии Всепогрессивный конгресс (ВПК) сродни броску вызовов мусульманам и народности хауса-фулани в Северной Нигерии.

Имеются неопровержимые доказательства того, что конкуренция между политическими партиями в Африке усиливает напряженность, что приводит к более широкому использованию насилия для достижения политических целей. Например, после оспариваемых выборов в Кении 2007/2008 гг., по сообщениям, более 1200 человек были убиты, а 350 000 человек были перемещены (The Universe, UK, Sunday, April 5, 2009, 12). Почти десять лет спустя репортеры британской независимой газеты Том и Торчиа (2017, 1) отметили, что выборы в Кении в августе 2017 года приняли зловещий оборот, поскольку в столице и других местах вспыхнули насильственные протесты после того, как лидер оппозиции Раила Одингга заявил о мошенничестве, а кенийские полиция открыла огонь по людям, протестующим против результатов выборов. Точно так же в Нигерии многие люди погибли во время выборов 1962, 1965, 2003, 2007, 2011, 2015 и 2019 годов по всей стране, а также во время послевыборного кризиса 2011 года в Северном регионе.

Многopартийная политика постоянно терпела неудачу в различных африканских государствах, в том числе в Нигерии, Конго и Судане. Почему «демократическое дерево» посаженный в Нигерии и других африканских странах, не пророс, а там, где он пророс, не превратился в куст через 50 лет, достаточно, чтобы вызвать фундаментальные философские вопросы и интенсивные академические дебаты. За пределами Африки в результате аналогичного инцидента более пятидесяти пакистанцев погибли во время ожесточенных протестов против убийства бывшего премьер-министра Беназир Бхутто, лидера оппозиции на президентских выборах в Пакистане в 2008 г., во время политического митинга (Fisher 2008). В Соединенных Штатах президентские выборы между Элом Гором и Джорджем Бушем в 2000 году и между Хилари Клинтон и Дональдом Трампом в 2016 году также подвергли либерально-демократическую модель испытанию. Все эти случаи вмешательства, фальсификаций, безрезультатности выборов, дефицита доверия, насилия и убийств по всему миру во имя демократии поднимают серьезные вопросы о желательности либеральной демократии не только в Африке, но и в других частях света. мир.

Согласно Cunningham (2002, 61), поскольку конкуренция может усугубить конфликт, остается возможность преобразования конкурентных обществ в кооперативные «в соответствии с либерально-демократической социалистической альтернативой». Однако трудно понять, как это было бы возможно в обществе, в котором действует многopартийная демократия. Могут ли члены партии в такой системе претендовать на руководящие посты без конкуренции друг с другом? Как может быть эффективно политическое сотрудничество, являющееся значительным демократическим капиталом или

значение, которое может быть достигнуто в многopартийных демократиях? Могут ли оппозиционные партии легко поддерживать политику, инициированную действующей партией, исходя из их достоинств? Ставя эти вопросы, я также не хочу отстаивать однопартийность. Тем не менее кооперативное общество было бы обществом, демократия которого не зависит от партийной политики с ее институционализированной оппозицией.

Говоря более ясно, нельзя избежать того факта, что партийная система стала бичом либеральной демократии, особенно в африканской политике.

навязчивая идея вырвать власть у действующей политической партии часто приводила к тому, что оппозиционные партии мешали беспрепятственному управлению и реализации проектов действующей властью. Часто бывает, что оппозиционные партии больше озабочены очернением и саботажем усилий правительства, чем работой на общее благо. Таким образом, несостоявшаяся администрация, по мнению этих оппозиционных партий, является лучшим способом получить власть на последующих выборах.

В этой главе меня особенно беспокоит тот факт, что либеральная демократия, прочно построенная на многопартийной системе, чужда африканскому мировоззрению, которая на протяжении многих веков действовала на основе коллегиальной или кооперативной демократии, основанной на принципах равенства и справедливости. Это корень популярной _ политическое изречение среди игбо, а именно: «Игбо Энве Эзе (Ни один человек не может быть признан королем всей нации игбо)». Увидев эгоистичные и эксплуататорские наклонности монарха, игбо как нация отказались от централизованной монархической системы правления, но на городском уровне прибегли к коллегиальной демократии, построенной по принципу политического колледжа Нзе на Озо2.

Как указал Умех (2017, 252), «древних королей игбо звали Оби, Оба, Идуу или Идуу на Оба3 — это были традиционные королевские титулы, а королев звали Эзе Нваньи4. до того, как они были заменены Нзе на Озо под названием Олигархия [так в оригинале], которая превратила общество игбо в общество без королей и самую раннюю демократию в мире». Здесь к каждому члену Нзе на Озо обращаются как к королю в выбранных им титульных именах, и ни один король не считается более великим, чем другой. Это также применимо ко всем политическим единицам, составляющим общество игбо: ни одна деревня не превосходит другую, независимо от ее численного состава. Это заключено в пословице игбо Eze aka ibe ya (Ни один король не больше другого). Членство в этом колледже (Nze na Ozo) снова бесплатно для всех мужчин-членов общества игбо, которые полностью соответствуют требованиям, особенно с моральной точки зрения (проявляя трудолюбие и честность). Эти обладатели титула могут только вести общественные дела и разрешать споры.

Кроме того, среди игбо вопросы, касающиеся благополучия общества обсуждаются на Совете Умунна (Родственников), где каждому члену предоставляется возможность внести свой вклад в благополучие своего общества. Женщины также имеют отдельный совет под эгидой Умуада (родственницы), а молодежь организована под крылом Оту Огбо (возрастная категория). Эти различные группы обсуждают общественные дела и предлагают свои резолюции на сессии Нзуко (Генеральная ассамблея). Эта Генеральная ассамблея снова называется Nzuko onye kwuio uche ya (сессия, на которой все могут высказать свое мнение). умы). Таким образом, понятие парламента, слово, состоящее из двух разных слов, как «Parler» (по-французски — говорить) и «Mens» (по-латыни — Разум), которое

вместе взятые переводится как «высказать свое мнение» предполагает, что игбо могли завещать эту древнюю практику западному миру, который теперь говорит о «парламентской системе правления».

Различные форумы среди игбо, описанные выше, подчеркивают тот факт, что Африка воспринимает нацию как семью, а ее политическая структура смоделирована по образцу разделения семьи на отца (Умунна - родственники), Мать

(Умуада — родственницы) и дети (оту O gbo — возрастная категория). При таком раскладе идея разделения на правящую партию и оппозиционные партии, позже завещанный африканцам западной колониальной администрацией, был немыслим для доколониального африканца.

В местной африканской демократии каждый человек неизбежно вовлечен в политика своего общества, при этом каждая политическая единица пользуется существенной степенью автономности. Кроме того, равные права и возможности, свобода и справедливость предоставляется всем политическим единицам, а также всем членам общества. Вопрос о борьбе за власть и унижении со стороны как партии власти, так и оппозиции отсутствует. Это опять-таки потому, что каждый видит политику сообщества не как возможность для

самообогащение, а как священный долг — семейное дело, — в котором человек обязан делать все возможное для благополучия своего общества.

Эта африканская концептуализация нации как большой семьи проявляется в мысли первого президента Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере, которую он называл словом Ujamaa на языке суахили, что переводится как «семейство» (Nyerere 1966; Schraeder in Gordon and Gordon eds. 1996, 143). Ни одна здравомыслящая семья не преследует какой-либо коллективной цели или не получает представителя, предварительно формируя противоборствующие группы или партии; не отказывают в серьезном рассмотрении и взглядам молодых членов семьи. Напротив, мудрые (старейшины) всегда следили за тем, чтобы дух сотрудничества сохранялся среди членов семьи на общее благо. Поэтому, когда члены семьи начинают бороться за власть или за большую часть богатства, завещанного им их предками, семья обречена.

Не является ли тот факт, что вышеуказанная контекстуальная политическая норма игнорировалась? Главная причина, по которой конкурентная партийная демократия является катастрофой в Африке? Ситуация усугубляется, когда представители разных этнических групп в государстве («члены семьи» в приведенной выше аналогии) соревнуются за власть.

Таким образом, модель либерально-демократической партии существенно противоположна местной африканской демократии. Он разрушил краеугольный камень африканской культуры, исказив африканскую систему социальных отношений и поощряя политическую лояльность по этническому и религиозному признаку, тем самым облегчив людям без моральной честности и/или необходимых навыков управления подняться на руководящие должности. лидерство. Это напоминает мудрость Будды о трех причинах упадка и упадка любого общества, а именно: (i) неудача

восстановить то, что было потеряно, (ii) отказ от ремонта того, что было повреждено, и (iii) возвышение до руководства людей без морали или обучение (Buddha in Blaug & Schwarzmantel eds. 2004, 431). Одуор (2017, 2) проводит уместную аналогию: «Либеральная демократия в Африке подобна мужчине в костюме -тройке в полдень жаркого дня в Кисуму»⁵. Это одна из причин, по которой в своем интервью нигерийцу Газета Sun, профессор Пэт Утоми обращается к нигерийцам: «Давайте разрушим эту демократию. . У нас есть фундаментальная проблема. Мы должны полностью разрушить эту систему и перестроить ее» (цит. по Алешинлое-Агбула 2011, 1). Позиция Утоми основывается на следующем аргументе: «Эта демократическая система — всего лишь гангстерская схема для извлечения экономической ренты из системы. Не работает» (Утоми в Алешинлое-Агбула 2011, 1).

Тем не менее, африканцы, как правило, кажутся очень оптимистичными, цепляясь за любой западный материальный и идеологический продукт, так что большинство из них продолжают надеяться, что в будущем все будет лучше: «в конце концов, — говорится в аргументе, — потребовались американцы и их демократия». более двухсот лет, чтобы прийти к тому, где они находятся сегодня». Африканским либерально-демократическим оптимистам Пит Устинов (2004) сказал бы, что смысл быть оптимистом заключается в том, чтобы быть достаточно глупым, чтобы верить, что лучшее еще впереди, даже если члены общества не предпринимают необходимых изменений для его достижения.

Кроме того, значительное число африканских политических теоретиков и комментаторов считают, что вместо того, чтобы работать над моделью управления, соответствующей контексту, акцент следует делать не на структуру учреждения, а скорее на характер и деятельность его практиков. Исходя из этого, они пришли к выводу, что африканцев и их политиков следует переориентировать, просветить и научить понимать, что цель политической должности — служение, и что голосовать за кого-то из-за денег или этнической принадлежности неправильно.

Однако проблема не в недостатке образования, а скорее в отсутствии политико-правовых структур, способных изменить постколониальную политическую культуру народа и не допустить, ab initio, некомпетентных и недобросовестных лиц к получению государственной власти. От этого зависит значение контекстно-релевантной политической модели, которая является частью основного направления данной работы. Политическая система, которую я буду предлагать, как и любая другая, должна быть проверена, чтобы определить ее пригодность или непригодность.

Уянне в одном из своих материалов в социальных сетях в ноябре 2019 года убедительно утверждал, что партийная демократия, будучи игрой чисел, успешно использовалась некоторыми для поддержания превосходства над другими, а также для этого и других целей. причин, он поддерживает, что «партизанская демократия является изнасилованием реальной демократии». Ввиду того факта, что партийная политика постоянно терпела неудачу у африканцев, Уянне (1994, 17) ранее поднял следующий вопрос: если однопартийная структура равносильна вооружению сумасшедшего автоматическим оружием, является ли многопартийная система

не Вавилонская башня , где никто не понимает другого? Точно так же Барбара Кингсолвер в своем романе «Библия Ядовитого леса» выделяет одну из главных препятствия на пути плодотворной реализации демократии в плюралистическом африканском государстве, таким образом:

«Двести разных языков , — сказал он [Анатолий] , — на которых говорят внутри границ так называемой страны, придуманной бельгийцами в гостиную. Вы могли бы также поставить оградить овец , волков и кур и велите им вести себя по- братски». Он обернулся и внезапно стал похож на проповедника: «Фрэнк, это не нация, это Вавилонская башня , и она не может проводить выборы». (Король-решатель 1998, 167)

Таким образом , сохраняющаяся нездоровая политическая ситуация в африканских странах требует срочная замена либерально-демократической системы политической моделью, которая адекватно удовлетворяет потребность в методе вербовки политических лидеров без состязательности, характерной для многопартийной политики . В «Государе » Никколо Макиавелли представляет общепринятую реалистическую картину человека как по существу эгоистичного, глубоко агрессивного и чрезвычайно стяжательного (см. Machiavelli 2011) . Однако это не всегда так , потому что есть люди , которые по своей сути альтруистичны, мягки и великодушны. Тем не менее, эгоизм, агрессивность и стяжательство — это черты, которые должны обуздать эффективные политические и правовые структуры.

В отрыве от релевантной для контекста политической структуры эгоизм и стяжательство (коррупция), а также агрессивность (насиловственная политическая конкуренция) в людях становятся экспоненциально выраженными. Следовательно, африканские политологи и политические философы должны выйти за рамки экзотических учебников теоретических функций и преимуществ политической партийной системы и вместо этого сосредоточиться на постколониальной африканской среде.

Для процветания демократии в африканском государстве необходима модель управления , учитывающая исторические обстоятельства страны, культуру и сильные этнические разногласия . Такая модель должна быть полной противоположностью западной либеральной модели , которую африканские государства до сих пор применяли с небольшим успехом или вообще без успеха. Точнее, она должна быть свободна от конкуренции и вместо этого характеризоваться сотрудничеством, и именно к такой модели мы сейчас и обратимся.

КООПЕРАТИВНАЯ КОЛЛЕГИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ : АЛЬТЕРНАТИВА

THE NON COMPETITIVE MODEL

Кооперативная коллегиальная демократия (CCD) представляет собой систему правления , структурированную , организованную и регулирующую по пирамидальной схеме с поэтапным методом выбора руководства и формирования правительства . Основные единицы,

например, деревни, города или районы в стране являются отправными точками для формирования и организация правительств, как показано на рисунке 1 ниже. В этой системе фактическая обязанность выбирать главных государственных чиновников передается коллегиям граждан, избираемых или избираемых людьми на разных политических уровнях. Совокупность лиц, избранных или избранных таким образом и обычно признанных представителями народа, составляют органы управления («коллегии») на разных политических уровнях. Роль различных наборов _____ представители (колледжи) двойки: выбор или избрание фактических политических лидеров (например, председателя местного самоуправления, губернатора штата или президента) из своей среды и выполняющие функции, аналогичные функциям советов местного самоуправления, палат собраний штатов и национального собрания. Рисунок 7.1 ниже иллюстрирует, где и как происходит отбор или выборы, и как формируются правительства на разных уровнях в CCD.

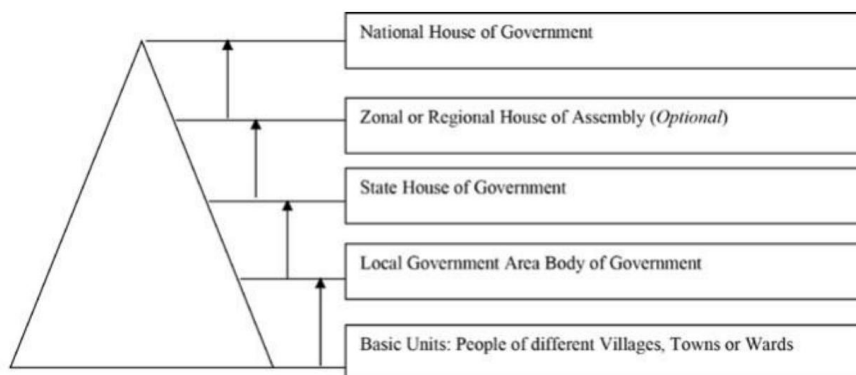

Рисунок 7.1. Кооперативная пирамидальная демократическая структура. Источник: адаптировано из Ezeani (2013, 152).

Рисунок 7.1 выше показывает, что в кооперативной коллегиальной демократии (CCD) правительство возникает, организуется и регулируется по пирамидальной схеме. Начало избирательного процесса с базовых единиц предотвращает появление политики, не избранной народом, но претендующие на роль его представителей или лидеров. Такие политики не чувствуют себя подотчетными народу, поскольку на самом деле они были выбраны или избраны не ими, а их соответствующими политическими партиями. В модели CCD люди избирают на местном уровне тех, кого они знают и кто, в свою очередь, подотчетен им (Ezeani 2013, 152 ff.).

Коренные жители разных деревень выбирали своих представителей для формирования Деревенского собрания; приехали представители всех деревень

вместе , чтобы сформировать городское (или общинное) собрание. Затем представители всех городских собраний на территории местного самоуправления собирались вместе , чтобы сформировать собрание местного самоуправления . Представители всех собраний местного самоуправления соберутся вместе, чтобы сформировать собрание штата , из которого выйдут губернатор штата , заместитель губернатора и спикер собрания штата , а представители всех собраний штатов соберутся вместе .

сформировать Зональную или Региональную Ассамблею . Представители всех региональных ассамблей сформируют Национальную или Федеральную ассамблею, которая будет избирать или выбирают из своей среды президента страны, а также некоторых других должностных лиц , таких как вице-президент и председатель Сената. В других

Другими словами, все эти собрания были бы коллегиями выборщиков для различных политических должностей на разных уровнях власти.

Кооперативная коллегиальная демократия (CCD) имеет метод фильтрации выбора , известный как «Демократический избирательный фильтризм» (DEF) или как « Процесс прохождения через игольное ушко», который является одним из наиболее важные различия между либерально-демократической многопартийной моделью и CCD.

Демократический электоральный фильтр (DEF), как главная особенность CCD , представляет собой поэтапный процесс проверки, гарантирующий, что основные политические должностные лица, такие как законодатели, губернаторы штатов и глава государства (страны), проходят тщательную оценку в различных избирательных уровнях, прежде чем они займут высокий пост. Таким образом, он отсеивает неквалифицированных политических игроков.

В зависимости от рассматриваемой политической должности тот, кто преуспевает на первом этапе отбора в базовой единице, должен пройти другие этапы отбора (уровни) — город, район местного самоуправления , штат, регион и федеральный уровень (Ezeani 2013, 150 ff) . .). Демократический электоральный фильтризм также призван действовать как механизм предотвращения коррупции для людей , стремящихся захватить крупные

политические посты с использованием денег или обращения к крестным отцам. При наличии этой меры было бы трудно подкупом пройти все этапы отбора . Кроме того, поскольку на каждом политическом уровне (деревня, город или округ, район местного самоуправления , уровень штата и федеральный округ) каждый член коллегии выборщиков будет выбирать кандидата от каждой из составляющих политических единиц, будет очень трудно обеспечить «успех». "подкупом". Более того, возводя на престол справедливость и равенство, эта модель сведет к минимуму этническую напряженность при осуществлении выбора , тем самым устранив напряженность между этническим меньшинством и большинством, которая была главным бедствием в этнически плюралистических африканских государствах.

В соответствии с демократической культурой коренных народов Африки справедливость и равенство частью отличительного признака кооперативной коллегиальной демократии (CCD) вместо соразмерность и мажоритаризм. В дополнение к вышеупомянутым положительным качествам CCD , общая стоимость его эксплуатации значительно ниже.

чем непомерно высокая стоимость демократических кампаний и выборов либеральной партии.

Что еще более важно, с CCD жизнь и имущество людей защищены .

потому что политически индуцированное насилие предотвращается во время выборов государственных служащих .

Кооперативная коллегиальная демократия (CCD) похожа на консоциационализм, поскольку оба признают опасность политики «победитель получает все» и институционализацию постоянного меньшинства , чья политическая функция в обществе состоит в том, чтобы просто противостоять, и оба они структурированы, чтобы предотвратить это. Лейпхарт объясняет свою консоциативную модель следующим образом : «В консоциативной демократии центробежным тенденциям, присущим плюралистическому обществу, противодействует кооперативное отношение и поведение лидеров различных слоев населения . Элитное сотрудничество является основной отличительной чертой

консоциативная демократия» (Lijphart in Hering 1998, 7). Однако, в то время как консоциационализм работает как коалиция или брак по расчету между небольшим числом групповых или высших партийных лидеров, то есть «правительство элитными картелями» (Lijphart 1968, 26), CCD не допускает никакой формы партийной системы, но скорее рассматривает государство как «единую партию» или «родителя» с различными политическими отпрысками (единицами) в соответствии с философией уджамаа (кисвахили для «семьи») — африканской концепцией сообщества как большой семьи (Nyerere 1966; Schraeder в Gordon and Gordon eds. 1996, 143).

Независимо от того, практикуется ли западная либеральная демократия в президентской или парламентской форме, она поощряет институционализированную политическую конкуренцию и заметно отличается от консоциативной демократии , которая является ее усовершенствованием. Тип консоциативной демократии Лейпхарта , основанный на контекстуальной политической теории (которая утверждает, что демократия бывает разных форм и что она также чувствительна к социально-политической среде, в которой она действует), лучше, чем модель либеральной партии . Действительно, в Нидерландах это хорошо работает . Однако вряд ли она будет эффективно работать в африканских государствах, потому что, как правильно признает Лейпхарт, нет двух одинаковых культур, а демократия также зависит от контекста.

Более того, несмотря на достоинства консоциативной демократии Лейпхарта , его модель, в отличие от КХД, допускает политические партии, которые, как мы уже отмечали ранее, непригодны для этнически многообразных постколониальных африканских государств. Кроме того, консоциационная модель Лейпхарта не в состоянии адекватно решить важный вопрос демократической практики, а именно необходимость гарантировать избрание заслуживающих доверия и компетентных кандидатов: может ли эта политическая ответственность быть эффективно реализована массой людей , которые , скорее всего, не осознают качества и способности людей, за которых они голосуют ? Это одна из областей, в которой CCD расходится с консоциационализмом Лейпхарта .

Логика CCD заключается в том, что небольшая группа представителей гораздо больше подходит для выявления потенциальных талантов в своих рядах и поэтому жизненно важна для них .

Следовательно, кооперативную коллегиальную демократию (ККД) и консоциативную демократию

Лейпхарта можно сравнить с тропическим яблоком и

умеренный

яблоко соответственно: африканские тропические яблоки не могут процветать в западноевропейском климате, а западноевропейские яблоки либо завянут, либо будут останавливаться в росте на африканской почве. Кингсолвер (1998) так пишет о миссионерской семье из Америки в Конго: «Они несут с собой все, что, по их мнению, им понадобится из дома, но вскоре обнаруживают, что все это — от садовых семян до Писания — катастрофически трансформируется на африканской земле». (авторская зарисовка). Некоторые африканские семена также подверглись бы подобной трансформации на американской почве. Проблема не в почве и не в семени, а в несовместимости. Вот почему либеральная партийная демократия также «катастрофически трансформировалась на африканской земле».

Я стремился показать, что демократия сама по себе не означает политической конкуренции или борьбы за власть и не равнозначна политической агрессии. Скорее, это процесс, используемый для борьбы за власть в либеральной демократии (создание политических партий, кампании и выборы), который может быть хаотичным и восприимчивым к насилию. По сравнению с партийным методом выбора политических лидеров кооперативно-коллегиальная демократия не склонна к насилию.

поскольку исключается конкуренция, порождающая напряженность и насилие. Я не предполагаю, что CCD является идеальной демократической парадигмой, а скорее политической системой, которая, говоря языком Миллса, «сочетает в себе наибольшее количество добра с наименьшим количеством зла» (Mill 1956, 109) по сравнению с другими известными моделями демократии, и особенно по сравнению с либеральной демократией. Ниже приведена краткая иллюстрация процесса набора руководства в CCD.

На примере Нигерии с шестью геополитическими зонами в таблице 7.1 ниже приведен список всех трех лиц, представляющих каждую из шести геополитических зон на федеральном уровне, из которых выйдут президент штата и другие федеральные исполнительные должностные лица.

Используя бюллетень для голосования, оформленный в соответствии с таблицей 7.2, каждый из зональных представителей выбирает по одному человеку от каждой из шести геополитических зон. Те, кто набирает наивысшие баллы в своих зонах, формируют федеральный исполнительный орган власти. В случае ничьей окончательный выбор определяется жребием (*lucky dip*). Этот, казалось бы, непопулярный метод имеет как минимум два замечательных преимущества. Во-первых, экономятся человеческие и материальные затраты на организацию еще одного избирательного мероприятия. Во-вторых, жребий представляется самой короткой, простой и справедливой процедурой в данном контексте. Шесть человек, набравших наибольшее количество голосов в своих зонах, станут членами Исполнительной коллегии и выберут из своей среды президента страны, *primus inter pares* («первый среди равных»), первого вице-президента, второй вице-президент и другие должностные лица, каждый из которых имеет право вето в отношении любого решения, принятого на федеральном уровне. Остальные двенадцать членов Федерального колледжа образуют законодательную ветвь правительства.

Кооперативная коллегиальная демократия как модель набора лидеров впервые была опробована в 2016 и 2017 годах на уровнях 300 и 400. Политология.

Таблица 7.1. Образец списка CCD членов Федерального колледжа с результатами голосования . _ _ _
Федеративная Республика Нигерия — президентские выборы. Список зональных представителей : _
Федеральный колледж

Серийное №	Имя	Код №	Геополитический Зона	Квалификация	Количество голосов _	Общий
1	Ахмед	NW102	Северо- Запад	бакалавр (история)	5	6
2	Сануси	NW103	Северо- Запад	кандидат социологических наук		9
3	Юсуф	NW104	Северо- Запад	(Недоступен)		3 18
			ОБЩИЙ			
4	Белло	NE001	Северо- Восток	магистр (экономика)		
5	Догара	NE002	Северо- Восток	бакалавр наук	5	
6	Аиша	NE003	Северо- Восток	(Математика)	18	8
			ОБЩИЙ	Магистрант (философия)		5
7	Якубу	NC201	Северо -Центральный	бакалавр наук	18	
8	Укпай	NC202	Северо -Центральный	(Математика)	18	3
9	Очефу	NC203	Северо -Центральный	бакалавр (история)		10
			ОБЩИЙ	МА (пол. Наука)		5
10	оффор	SE300	Юго- Восток	кандидат наук (пол. Наука)	18	7
11	Нгози	SE301	Юго- Восток	МА (право)	18	6
12	Мбакве	SE302	Юго- Восток	Бакалавр наук (С. Инженерия)		5
			ОБЩИЙ			
13	Она	SS401	Юг Юг	магистр (экономика)	18	1
14	Эневали	CC402	Юг Юг	МА (Химия)		10
15	Эффионг	SS403	Юг Юг	кандидат социологических наук		7
			ОБЩИЙ		18	
16	Уоле	SW500	Юго- Запад	бакалавр (история)	7	4
17	Тунде	SW501	Юго- Запад	кандидат наук (Бухгалтерский учет)		7
18	Фумилайо	SW502	Юго- Запад	кандидат наук (английский)		7
						18

студенты Федерального университета Ндуфу Алике Икво (ФУНАИ) в штате Эбони, Нигерия. Большинство участников придерживались мнения, что это также будет более упорядоченная и эффективная парадигма для избрания президентов студенческих союзов и других должностных лиц в университетах , где политические единицы университета состоят из программ (курсов), кафедр, факультетов. , так и университета в целом.

Таблица 7.2. Образец избирательного бюллетеня CCD . _ Федеративная Республика Нигерия— _
Форма президентских выборов для членов Федерального колледжа _ _

	Имя представителя	Код №	Геополитическая зона
Имя избирателя	Ахмед	NW102	Северо- Запад
Сделанный выбор			
(Имена)			
1 2	Юсуф	NW104	Северо- Запад
3 4	Догара	NE002	Северо- Восток
5 6	Очефу	NC203	Северо-Центральный
	Нгози	SE301	Юго- Восток
	Эффионг	SS403	Юг Юг
	Фумилайо	SW502	Юго- Запад

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я утверждал , что подлинная демократия по существу заключается в утверждении свободы, равенства и справедливости для всех, независимо от дихотомии меньшинства или большинства или любых других сильных или слабых сторон различных групп в обществе. При этом мажоритарная либерально-демократическая практика исключения партий, проигравших выборы , от власти равносильна исключению групп меньшинств и их интересов из правительства и управления. Такое исключение противоречит основному смыслу демократии, также понимаемой как возможность быть адекватно представленным в процессе принятия решений . Кроме того, такое исключение обычно свидетельствует о гегемонии. Тем не менее, при наличии соответствующих институциональных механизмов в государствах с этническим или религиозным плюрализмом может быть стабильность . Это политического лидерства коренных африканцев влечет за собой включение большинства и меньшинств в сплоченные государства. Эскалация нестабильности, вызванная политической напряженностью в этнических и Религиозно многообразные африканские государства являются убедительным свидетельством неосуществимости в этих государствах западной либеральной демократии с ее партийной системой и мажоритарным принципом. Таким образом, мнение Фрэнсиса Фукуямы о том , что западная либеральная демократия является «последней формой человеческого правления» (Fukuyama 1989; 1992), игнорирует тот факт, что «демократическое семя», посеянное в африканских странах , не проросло во многих из них спустя более пятидесяти лет . , а там, где он пророс, не достиг значительного роста. Это связано с тем , что либеральная демократия, характеризующаяся конкуренцией через политические партии, не оказалась эффективным инструментом институционализации демократии в этнически плюралистических африканских государствах. Принятие гипотезы Фукуямы как категорического императива , таким образом, помешало бы ученым , государственным деятелям и государственным деятелям в различных незападных странах, включая африканские, приступить к задаче создания соответствующих

Консоциативная демократия Аренд Лейпхарт (Lijphart 1968), практикуемая сегодня в некоторых странах, показывает, что либеральная демократия, в конце концов, не является окончательной формой человеческого правления.

Следовательно, я привел доводы в пользу кооперативной коллегиальной демократии (CCD) для этнически множественных африканских государств. Это модель демократии, в которой «противостоящие» группы (любого типа) выбирают своих представителей, которые объединяются с представителями других групп, образуя коллегии на различных политических уровнях. Затем члены каждой из коллегий выбирают или избирают из своей среды лиц, занимающих руководящие должности. CCD не предусматривает борьбы различных групп за политическую власть. В частности, он эффективно способствует разрешению конфликтов в этнически плюралистическом государстве, потому что он свободен от подхода «правительство против оппозиции», типичного для либеральной партийной демократии. В результате ни одна часть общества не лишена права голоса в управлении. CCD - это беспартийная демократическая модель. Он основан на убеждении, что политическое сотрудничество является структурным императивом для этнически или религиозно многообразного африканского государства. В отличие от либеральных форм демократии, это сотрудничество, а не конкуренция. Он также является коллегиальным, поскольку вместо того, чтобы использовать массы для избрания отдельных лиц на политические посты, как это практикуется в либеральной демократии, он работает с группами лиц («коллегиями»), состоящими из представителей народа. Он также демократичен в истинном смысле этого слова, потому что именно люди, начиная с низших слоев общества, избирают своих представителей, из которых формируется правительство. Неспособность принять такую соответствующую контексту демократическую модель управления будет и впредь препятствовать консолидации демократии во многих африканских государствах, тем самым навсегда превращая их в дисфункциональные государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обновленная версия представлена в виде главы в другом месте этого тома.
2. В каждом городе игбо, обычно состоящем из нескольких деревень, обладатели самых высоких традиционные титулы вместе известны как Nze na Ọ zọ («Nze» = «обладатель титула», «па» = «и», «Ọ zọ» [произносится как «озо»] = «группа обладателей титула»; так Nze na Ọ zọ буквально союзник = «владелец титула и группа обладателей титула», но динамически переводится просто как «группа обладателей титула»). Именно из этой группы каждое село выбирает себе представителей в Королевский дворец (центральное правительство города, состоящее из представителей всех деревень, составляющих город), становясь, таким образом, членами Королевского кабинета. Их обычно считают людьми высокой нравственной честности, которые никогда не пойдут на компромисс со справедливостью или правдой — добродетели, которые они дали клятву соблюдать во время церемонии инициации. Важно отметить, что у игбо как нации нет одного короля или королевы, но в большинстве, если не во всех, городах есть короли. Традиционные города игбо состоят из деревень, а каждая деревня, в свою очередь, состоит из различных уму-нна (кланов), где

клан – это группа семей, имеющих общего предка. Таким образом, игбо как нация имеют следующую организационную структуру: нация игбо — города — деревни — кланы — домохозяйства, т. е. семейные единицы.

3. У игбо много диалектов, что объясняет, почему слово «король» по-разному упоминается как оби, аба, идуу, игве и т. д. в разных общинах игбо.

4. Эзе Нваньи буквально означает женщина-король, то есть королева.

5. Кисуму — кенийский город на берегу озера, известный своей палящей жарой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алешинлоэ-Агбула, Мариам. 2011. «Давайте разрушим эту демократию». Солнце (Нигерия), воскресенье, 13 марта 2011 г. <http://www.sunnewsonline.com/webpages/news/national/2011/mar/13/national-13-03-2011-001.htm>.

Блауг, Рикардо и Джон Шварцмантель, ред. 2004. Демократия: читатель. Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета.

Кастельс, Мануэль. 1998. Конец тысячелетия. НП: Издательство Блэквелл.

Каннингем, Фрэнк. 2002. Теории демократии: критическое введение. Новый Йорк: Рутледж.

Эзеани, Эмефиена. 2013. Кооперативная коллегиальная демократия для Африки и многонациональных обществ: демократия без слез. Серия «Африка в развитии», Vol. 13.

Оксфорд: Международное академическое издательство Питера Ланга.

Фишер, Мэтью. 2007. «Выборы под вопросом, поскольку Пакистан приспосабливается к жизни без Бхутто». Национальная почта онлайн. <http://nationalpost.com/news/elections-in-doubt-как-пакистан-приспосабливается-к-жизни-без-бхутто/wcm/4d0c2b79-be67-4405-87ea-a6d6f0882d4e>.

Фукуяма, Фрэнсис. 1989. «Конец истории?» Лекция, прочитанная в Центре Джона М. Олина Чикагского университета. <https://ps321.community.uaf.edu/files/2012/10/Фукуяма-Конец-истории-статья.pdf>

———. 1992. Конец истории и последний человек. Лондон: Книги пингвинов.

Держись, Дэвид. 1999. Модели демократии, 2-е издание. Кембридж: Политическая пресса.

Геринг, Мартин. 1998. «Консоциационная демократия в Канаде». <http://archiv.ub.uni-marburg.de/sum/84/sum84-6.html>.

Кингсолвер, Барбара. 1998. Библия Ядовитого леса. Нью-Йорк: HarperCollins Издатели.

Лейпхарт, Аренд. 1968. Политика приспособления, плюрализма и демократии в Нидерландах. Лос-Анджелес: Издательство Калифорнийского университета.

Макиавелли, Никколо. 2011. Принц. Лондон: Классика пингвинов.

Менампарампил, Томас. 2017. «Укрепление ценностей коренных народов для содействия Возникновение подходящих форм демократии». Доклад, представленный на международной конференции «Помимо либеральной демократии: поиски коренных африканских моделей демократии для двадцать первого века», Университет Найроби, Кения, организованной Департаментом философии и религиоведения Университета Найроби, Кения и Совет по исследованиям в области ценностей и философии (RVP), Вашингтон, округ Колумбия, 22–23 мая 2017 г.

Милль, Джон С. 1956. О свободе и соображениях о представительном правительстве. Оксфорд: Бэзил Блэквелл.

Момах, Абубакар и Саид Адеджумоби. 1999. Нигерийские военные и кризис демократического перехода: исследование монополии власти. Лагос: связи с гражданской свободой Организация.

Мваура, Чарльз Н. 1997. «Политическая преемственность и связанные с ней конфликты в Кении». Документ, подготовленный для конференции USAID «Разрешение конфликтов на Большом Африканском Роге», состоявшейся в гостевом доме методистов, Найроби, Кения, 27–28 марта 1997 г.

<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.540.5512&rep=rep1&ty>

п=пдф.

Нноли, Оквудиба. 1986. Введение в политику. Лондон: Лонгман.

Нводо, Оквесилиезе. 2009. «Обасанджо не имел права быть кандидатом от НДП в 1999 году». *Nigerian Vanguard*, 25 июля 2009 г. <http://www.vanguardngr.com/2009/07/25/obasanjo-was-not-qualified-to-be-pdp-candidate-in-1999-okwesilieze> - нводо.

Ньерере, Юлий. 1966. «Демократия и партийная политика». Свобода и единство: подборка произведений и речей, 1952–1965 гг. Дар -эс- Салам: Издательство Оксфордского университета.

Одуор, Реджинальд М.Дж. 2017. «Стипендия на службе Африке: заключительные замечания». Выступление на международной конференции «Помимо либеральной демократии: поиск моделей демократии коренных народов Африки для двадцать первого века», Найроби, Кения, организованной Департаментом философии и религиоведения Университета Найроби, Кения, и Советом для исследований в области ценностей и философии (RVP), Вашингтон, округ Колумбия, 22–23 мая 2017 г.

Орр, Дэвид. 1997. «Насилие, мошенничество и наводнения на выборах в Кении». *Времена* (Лондон), 30 декабря 1997 г., стр. 9–10.

Осаге, Эгоса Э. 1998. Нигерия после обретения независимости: искалеченный гигант. Лондон: Hurt & Company.

Платон. 1987. Республика, второе издание. Ли, Десмонд пер. Лондон: Книги пингвинов.

Шредер, Питер Дж. 1996. «Африканские международные отношения». Гордон, Эйприл А. и Дональд Л. Гордон, ред. Понимание современной Африки, 2-е издание. Лондон: Lynne Rienner Publishers Inc.

Умех, Джон Аненечукву. 2017. Марш цивилизации игбо, Vol. I. Saar brucken: Lambert Academic Publishing.

Устинов, Петр. 2004. «Может ли наука объяснить, почему я пессимист?» *Новости BBC*. www.bbc.co.uk/news/magazine-23229014.

Уянне, Фрэнк Узочукву. 1994. «Международные границы и демократизация в Африке». Демократизация в Африке: итоговый отчет конференции, конференция, организованная ИТЦ и Глобальной коалицией для Африки, Энскеде, Нидерланды, 6 марта–18, 1994, стр. 12–23.

глава 8 Восемь

Тадиналнф Root о

Демократическая словесная дисциплина В знак

Фром й Акан Эммануэль Ифеани Ани

Практика многопартийной системы демократии в Африке привела к появлению многочисленных форм словесной агрессии, особенно оскорбительных выражений, в борьбе за власть. Это угрожает самим основам мира, на что указывает исследование с участием 6002 человек, в котором Ян Стец обнаружил, что вербальная агрессия вызывает физическую агрессию, причем причинно-следственная связь не просто положительная, но значимая (Стец 1990, 508; см. также Ани 2015, 150). Из западных попыток вербальной дисциплины мало чему можно научиться, так как многие западные общества в этом отношении едва ли находятся в лучшем положении. Стоит отметить, что важность дисциплины в использовании языка выходит за рамки многопартийной системы: нам по-прежнему потребуется словесная дисциплина для любой будущей формы демократии, которую мы хотим развивать. Некоторые традиционные культуры Африки, такие как культура акан Гана, придают большое значение лингвистической дисциплине и создали сеть норм, препятствующих словесной агрессии. Нормы в культуре акан кристаллизуются в принципе, согласно которому то, как мы что-то говорим, так же важно, как и то, что мы говорим. В этой главе я экстраполирую эти принципы на современную практику демократии. Я делаю предположения о том, как социальная политика может сделать для современного общества то, что культура сделала для некоторых традиционных обществ в отношении словесной дисциплины.

Общее обоснование состоит в том, что пока есть стремление к власти, некоторые участники будут испытывать отчаяние, а отчаяние без словесной дисциплины может привести к словесной агрессии. Поэтому я хочу обратить внимание на наше современное использование языка, поскольку это важная переменная в очищении нашей практики демократии в Африке и имеет решающее значение для любой модели демократии, которую мы хотим практиковать в будущем. Таким образом, я не ставлю целью в этой главе обсуждение фундаментальных различий между мажоритарной и консенсуальной демократией или между любыми другими формами демократии. Также целью этой главы не является предложение альтернативы

к либеральной демократии. Моя цель — отстаивать умеренность в использовании языка в любой системе демократии, которую мы хотим практиковать. Это потому, что аргумент остается незаменимым для политики. Кроме того, борьба за власть является неотъемлемой частью любой системы управления, которую мы хотим практиковать; торги за власть выходят за рамки многопартийности, и единственной альтернативой ей является монархия (наследственность и отсутствие торгов). Тем не менее, торги за власть ведут к отчаянию, которое ведет к вербальной агрессии, и поэтому нам нужна вербальная дисциплина.

В первом разделе я описываю (с примерами) вербальную агрессию, наблюдаемую в практике многопартийной системы демократии в некоторых африканских странах. Во втором я описываю традиционные табу, которые Акан связывают со словесной агрессией во многих ее формах. В третьем я выделяю три принципа, которые, на мой взгляд, лежат в основе запрета Акан на вербальную агрессию.

В четвертом и последнем разделе я размышляю об общем применении указанных принципов к современной практике демократии в африканских странах.

СЛОВЕСНАЯ АГРЕССИЯ И МНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

О ДЕМОВАКРАЦИИ

Никто не будет отрицать, что многопартийная система предназначена для поощрения борьбы за власть между соперничающими группами людей. Основные исследователи демократии, такие как Роберт Даль (1971, 3–9), Йозеф Шумпетер (1976, 269) и Сэмюэл Хантингтон (1984, 196), согласны с тем, что двумя столпами либеральной демократии являются оспаривание и участие (см. также Ajei 2016, 452). Принцип участия является общим знаменателем различных моделей демократии, таких как мажоритарная и консенсуальная системы. Однако аспект

Борьба за власть решительно противостоит некоторым исследователям консенсуальной демократии как «квинтэссенции отказа от сотрудничества» (Wiredu 2011, 1061). Многопартийная система институционализирует оппозицию таким образом, что оппозиция становится необходимой для получения власти, и получение власти становится более насущным, чем желание исправить заблуждающееся правительство, вызывая критику со стороны оппозиции, которая часто носит скорее обструктивный, чем конструктивный характер: это политический эквивалент того, чтобы попросить двух гладиаторов сразиться на виду у всех. аудитории. Разница в том, что это должен быть конкурс идей о том, как лучше управлять гражданами, улучшать экономику и обеспечивать безопасность, среди прочего. Состязание и участие сформировали мажоритарную демократию, которая стала «наиболее широко практикуемой формой демократии в западном мире. Его практикуют Соединенное Королевство и Франция, которые вместе колонизировали более 90 процентов стран Африки, в которых в настоящее время установлены конституционные демократии» (Ajei 2016, 452).

Эмпирическое исследование того, как идея многопартийности показала себя на практике в Африке показывает смешанные результаты. По этому поводу Мартин Аджеи пишет:

С 1990-х годов некоторые выборы в Африке демонстрировали некоторую терпимость к подлинный политический плюрализм и конкуренция. Но с 2000 г. по октябрь 2015 г. результаты 26 из 103 президентских выборов, проведенных на континенте, были оспариваются. Одиннадцать из этих спорных выборов спровоцировали зверское насилие и потери жизни, имущества и безопасности людей. (Аджеи 2016, 453)

Если эти статистические данные верны, результаты неоднозначны, потому что довольно большое количество выборов было бесспорным. Тем не менее, 26 из 103 — это 25 процентов — четверть всех выборов, что мотивирует нас продолжать думать о том, как улучшить качество наших выборов.

Более фундаментальным является беспокойство по поводу того, что многопартийная система поощряет словесную агрессию. Верно, что стремление к власти универсально: мы находим его в монархии, диктатуре, аристократии, олигархии и любой другой системе правления. Однако многопартийность пытается приручить стремление к

власть, заимствуя идею конкуренции из классической либеральной экономики: идея состоит в том, что конкуренция снижает цены, повышая качество. В случае с демократией она якобы делает это, создавая несколько партий для борьбы за власть. Идея тогда состоит в том, что проступок одной стороны станет преимуществом другой стороны, и победителями всегда будут люди. Тем не менее у этой политической договоренности есть свои проблемы. Больше всего беспокоит то, что не всегда легко вести здоровую конкуренцию за власть. Как раньше

отмечается, что практика многопартийной системы демократии в Африке привела к появлению многочисленных форм словесной агрессии в борьбе за власть.

Здесь я приведу примеры из Ганы, где проработал несколько лет.

Когда Традиционная народная партия Кваме Нкрумы (КНП) победила на выборах в Гане в 1954 году, оппозиция во главе с Абрефой Бусиа приняла воинственной позиции, предлагая альтернативные системы правления (например, федерализм в сочетании с этническими партиями), и это побудило сторонников НПК охарактеризовать их как «ярких реакционеров, политиков сезона какао» (Кукубор 2011, п. 7). В ответ недавно созданная партия Бусиа, Национально-освободительное движение (НОД), охарактеризовала НПК как «тех, кто не принадлежит ни к какой семье или клана, тех, кто является чужаком, не обученным должным образом ценить ценность истинные и благородные аканы» («Освободитель», 20 декабря 1955 г.; цитируется по Кукубору). 2011, п. 8). Оппозиция, возглавляемая Бусиа, также охарактеризовала комитет, состоящий из нескольких парламентариев НПК, как состоящего из «бродяг» и «шакалов» (Liberator, 20 декабря 1955 г.; цитируется по: Кукубор 2011, п. 8).

Совсем недавно два бывших президента Ганы вступили в открытый обмен оскорблениями. Кукубор пишет:

[Джон] Агьекум Куфуор называл Джерри Джона Роулинга на языке акан «Сасабонсам» — дьявол, и как «То Вещь», которой не должно было быть как президент Ганы. Джерри Джон Роулинг также ответил, сравнив Агьекум Куфуор с Атта Айи, известному вооруженному грабителю. . . в тюрьме за свое преступление деятельность. Между 1992 и 1996 годами покойный профессор Аду Боахен открыто заявил что он назвал свою собаку в честь Роулинга, потому что он утверждал, что его собака очень упрямый, как Роулинг. (Кукубор 2011, п. 12)

Что касается еще более недавнего периода в политике Ганы, следующий отчет из Кукубора вызывает значительную тревогу в отношении практики демократии :

Совсем недавно политический ландшафт был осажден такими словами, как «Куку асэ Курасени» [нецивилизованный сельский житель], воры, фруктовый пирог, кокаиновые бароны, человеко-животное-дерьмоедение, бабник, паразит-наркоман, шимпанзе, война торговцев, мелкий курильщик, тупой дурак, поджигатель, гомосексуалист, нездоровый президент, профессор Литтл и «сбитый с толку президент с завязанными глазами, который ходить по лесу без направления». Эти оскорбления в основном обменивались НДЦ и АЭС. (Кукубор 2011, п. 13)

1

Преемник президента Джона Куфуора, президент Джон Эванс Атта-Миллс (профессор права), выразил обеспокоенность по поводу углубления культуры оскорбления, которые, по его мнению, подрывают национальное развитие. Он заметил, что это развращает молодое поколение и может привести к катастрофе (см. Baf foe 2010, пар. 1). Точно так же Ларби-Одей заметил, что в последнее время в политике Ганы преобладают оскорбления :

На выборах 2012 года оскорбительные/оскорбительные комментарии, необоснованные обвинения и провокационные высказывания стали тремя наиболее часто употребляемыми видами нецензурных выражений в адрес политических оппонентов из списка из 10 таких выражений. Там было СМИ ежедневно регистрируют в среднем четыре (4) непристойных выражения Фонд для Западной Африки (MFWA) с апреля по декабрь. За девятимесячный период мониторинга было прослушано 2850 передач на 31 радиостанции. Всего в этих программах было закодировано 509 непристойных выражений. с 404 неприличными выражениями со стороны членов политических партий. (Ларби-Одей 2016 г., пп. 11–12)

Подобные события происходят и в западных демократиях. Дональд Трамп, который, кажется, является ведущим пользователем вульгарных выражений, охарактеризовал сотрудничество между двумя своими соперниками (Джебом Бушем и Марко Рубио) как «политическую чушь» и сказал толпе: «Вы ставите свою задницу», что он возродит водную доску как техника допроса (Flegenheimer and Haberman 2015, пар. 9). Он часто называл своих политических оппонентов «неудачниками», «придурками», «клоунами» и «придурками» (Dryer 2017). Около четырех десятилетий назад президент Ричард Никсон

известен как богохульный и непристойный: он часто использовал непристойные и скатологические слова (Rothman 2016, пар. 5).

Именно эта грубая вербализация угрожает самим основам мира .

Это связано с тем, что, как я указывал ранее, эмпирические исследования показали , что физической агрессии обычно предшествует словесная агрессия (Stets 1990, 508; см. также Ani 2015, 150). Позвольте мне процитировать мое собственное резюме выводов Стета :

Вывод состоял в том, что практически нет никого , кто проявлял бы физическую агрессию без также проявляли вербальную агрессию , что приводит к выводу , что люди обычно физически агрессивны только после того , как они стали вербально агрессивными. Хотя временная задержка между ними не определена, ясно, что вербальные агрессия вызывает негативные чувства , которые тлеют до тех пор, пока не найдут выражение либо в дальнейшая словесная агрессия или физическая агрессия . (Ани 2015, 150)

Исследование Стета было сосредоточено на вербальной и физической агрессии в браке, но его результаты имеют те же последствия для социального взаимодействия в целом, поскольку Fagan et al. (1983) обнаружили, что те , кто агрессивен по отношению к членам семьи , также агрессивны по отношению к нечленам семьи (см. также Stets 1990, 505). Вербальная агрессия не только опасна для политической практики : она также имеет последствия для здоровья. Некоторые ученые связывают психопатию с историей физической (и, в конечном счете, вербальной) агрессии (см. Weiler and Widom, 1996, 253–57; Lang et al., 2002, 93, 96–99; Ani 2015, 151).

Многopартийность поощряет словесную агрессию, особенно со стороны отчаянных политиков . Тем не менее, принимая во внимание опасный потенциал вербальной агрессии , способной вызвать физическую агрессию, изучение способов борьбы с ней в нашей демократической практике является стоящим академическим предприятием. Кроме того, как я Как уже отмечалось ранее , важность словесной дисциплины выходит за рамки многопартийной системы , потому что словесная дисциплина все равно будет нужна в любой будущей форме демократии , которую мы решим развивать. Позвольте мне теперь обратиться к освежающему изучению словесной дисциплины в традиционной системе Акан.

АКАНСКАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Самуэль Обенг сообщает, что акан Ганы считают, что то, как мы говорим, так же важно, как и то, что мы говорим (Obeng 1994, 41). Эта этническая группа считает, что в разговоре следует руководствоваться «максимой манер » (Obeng 1994, 38; Ani 2015, 151). Кофи Агьекум также отмечает , что, по мнению

Акан, мы усваиваем язык свободно, но наше использование его «ограничено и обусловлено социологическими нормами, ценностями и условностями общества » .

(Агьекум 2010, предисловие). В «Вербальных табу акан» он подробно описал вещи, которые, по мнению акан, мы никогда не должны говорить. Объявив эти вещи табу,

Акан поднял их до уровня сакральной негативности, важнейшим наказанием которой является социальная потеря лица. Акан считают, что когда мы обсуждаем проблему с другими людьми, мы должны «сохранять свое лицо», а для этого мы также должны «сохранять лицо» тех, с кем взаимодействуем. Попытка «стереть их лицо» также интерпретируется как потеря собственного лица. Агъекум приводит пример этого, когда сообщает, что если кто-то использует аканскую брань «woye bo nini (ты бесплоден)», что негативно влияет на чувства жертвы, «говорящий теряет уважение перед публикой и позорит себя и, возможно, всю его семью» (Агъекум 2010, 13). Далее он сообщает, что в обществе акан люди проявляют интерес к тем, «кто обычно показывает свое положительное лицо в общении, поскольку это предполагает использование соответствующего языка в социальном контексте с учетом желаний адресата (адресатов)» (Агъекум). 2010, 13).

Акан особенно относился к использованию оскорблений как к табу:

Инвективы иногда принимают форму лингвистической войны между участниками коммуникативная ситуация. Участники — это бойцы, а оружие — это язык, который они используют, чтобы психологически оскорбить и ранить чувства друг друга. Нецензурные выражения бросают психологические бомбы в сердца противников и повредить их эмоциям. Обвинения бросают тень на сотрудничество между людьми. Именно антагонистическая природа словесных выражений и их воздействие на мы стараемся избегать. Вот почему они считаются словесными табу. (Агъекум 2010, 109–110)

Далее Агъекум пишет об Акане:

Инвективы подрывают мир в обществе. Чтобы установить мир, необходимо языковое разоружение. Разоружение принимает форму запрета, торможения и ограничения некоторых выражений . . . эти запреты, запреты и ограничения — это запрещенные табуированные выражения, которые мы обозначили как *atennidie*, «инвективы». (Агъекум 2010, 110)

У акан есть различные способы определения инвектив. Во-первых, они обычно определяют выражения, направленные на очернение или унижение адресата. Во-вторых, они считают определенные выражения более оскорбительными, когда они произносятся публично. Уместность или неуместность таких выражений также зависит от типа присутствующих людей и общего социального контекста (Agye kum 2010, 110). В-третьих, Акан определяет как инвективы те выражения, которые имеют целью показать, что адресат отклоняется от нормы. Обычно такие выражения считают инвективами, когда предполагаемое отклонение от нормы преувеличено (Agye kum 2010, 110).

В-четвертых, бывают случаи, когда индивидуум приписывает свойство животного человеку. Примером может служить обращение к человеку как к собаке: хотя собаки — очень хорошие домашние животные, они также считаются многообещающими.

хитрые, и они воруют, а также сварливые и жадные (Agyekum 2010, 112). У других животных есть свои отрицательные качества (которые Агьекум подробно документирует, но не может здесь перечислить), и в равной степени табу относится к человеку с точки зрения этих других животных.

В-пятых, существуют выражения, относящиеся к лицам с точки зрения некоторых заболеваний, которые были «табуированы, потому что они причиняют адресату душевную боль» . (Агьекум 2010, 118). Сюда входят ссылки на такие состояния, как бесплодие, туберкулез и эпилепсия, или предположения о дисфункции или неправильном использовании интеллект человека, например, ссылки на глупость или безумие (Agyekum 2010, 118–21). Столь же табуированы уничижительные ссылки на характеристики человека, такие как этническая принадлежность, пол, возраст, раса или генеалогия (Agyekum 2010, 122–28).

В-шестых, акан принимает к сведению выражения, направленные на то, чтобы очернить адресата. или физическое строение цели или личное поведение. Поскольку наше физическое и поведенческие признаки различаются, «всякая попытка сравнить себя с адресатом в стремлении унижить его и принизить его личность расценивается как оскорбление» (Агьекум 2010, 128). Сюда входят нападки на «интеллект, способности и достижения человека в обществе, его профессию, религию и семейные связи» (Agyekum 2010, 128). Каким бы плохим ни был человек, запрещается называть его или ее «никчемным» человеком.

Также оскорбительно унижать мужчину, называя его женщиной или «тот, кто не идет на войну» (Агьекум 2010, 130). Это очень оскорбительно, особенно когда женщина направляет его на мужчину, и это берет свое начало с тех времен, когда мужчины уходили на войну, оставляя женщин дома для домашней работы. Обращение к мужчине как к женщине имеет ряд традиционных коннотаций, в том числе «трусость, бессилие, неспособность чего-то добиться и безответственность» (Agyekum 2010, 131). Агьекум объясняет, что в игре с шариками, если кто-то боится выдвигать свои шарик из - за боязни

потеряв их, возникает искушение назвать его женщиной, а если он в ответ также называет женщиной нападавшего, «они оба немедленно исключаются из соревнования» (Agyekum 2010, 131).

В-седьмых, для акан существуют оскорбления, направленные на то, чтобы нанести ущерб моральному авторитету адресата. Агьекум сообщает, что в суд Асантехеммы (королевы-матери ашанти) было подано дело, в котором одна женщина назвала другую женщину злодейкой. Он приводит следующие постановления старейшин: «Это серьезное оскорбительное выражение (акоуе атенниде кость). Это равносильно изгнанию человека из дома. Овца должна быть зарезана, чтобы искупить этот поступок.

Слово busueni, «злодей», на нашем диалекте асанти означает, что человек дьявольский, опасный и вредный» (Агьекум 2010, 138). Кроме того, называть людей «дьяволом» или «ведьмой» — табу. Произносящий и адресат должны были либо пойти к знахарю или знахарке, где

говорящий приносил бы присягу, чтобы подтвердить правдивость своего утверждения, или перед традиционным судом, где говорящий был бы сурово наказан, если бы он или она не доказывали свое утверждение (Agyekum 2010, 138).

В-осьмых, среди акан запрещено уничижительно относиться к браку, роду занятий или религии адресата. Также запрещены уничижительные упоминания частей тела, такие как *wo nkonto* (кривоногий человек), *wonni aninton* (у вас нет век), *wo se a asaisai* (ваши смещенные зубы), *wo nto trawa* (ваши плоские ягодицы), *nsansia* (ты шестипалый человек) и так далее (Агьекум 2010, 132).

Тем не менее некоторые формы вербальной агрессии иногда допускаются в определенные игры (например, игра между сверстниками, называемая *абореме*, что означает копать или искать), и в некоторых праздниках. Здесь я привожу пример *Ароа* («очищение» или «изгнание») фестивали района Бронг Ахафо:

В эти периоды любой может оскорблять короля или вождя без каких-либо санкции. Считается, что это времена, когда внимание правителей

могут быть привлечены к некоторым недостаткам их администрации, так что они могут начать принимать корректирующие меры для исправления недостатков в обществе после праздник (Агьекум 2010, 140).

В более общем смысле в этих контекстах разрешены оскорбления, чтобы люди могли дразнить друг друга. Эти оскорбления используются осторожно, так как они могут привести к реальным конфликтам, в которых оскорбления вновь обретут свой табуированный статус и потребуются наказание (Agyekum 2010, 139–140). Как только фестиваль или игра закончены, табу возвращаются на место.

У акан есть определенные общепринятые взгляды, формирующие философскую основание их неодобрения вербальной агрессии. Я упомянул, что один из таких взглядов состоит в том, что манера речи так же важна, как и то, что человек хочет сказать (см. Obeng 1994, 41). Позвольте мне немного подробнее рассказать об этой точке зрения. Действительно, они считают, что «человек, который использует грубые выражения вместо эвфемизма (предположительно в потенциально провокационных ситуациях) считается неспособным хорошо говорить» (Saah 1986, 369; слова в скобках в исходном тексте). Вторая точка зрения состоит в том, что ущерб, нанесенный словесными оскорблениями, является психологически необратимым. Это нашло отражение в популярных Аканская пословица *Ase m tese kutwa*, *wopera a, e nko* (Речь подобна шраму: она никогда не исчезает, даже когда ее протирают или чистят). Следовательно, акан избегает словесных нападок (возможно, даже больше, чем физических). По этому поводу Обенг отмечает:

Произносимое слово настолько мощно и «смертоносно», что участники разговора применять различные стратегии, чтобы не наступать друг другу на пятки и не угрожать друг другу в лицо... участники разговора используют, по отдельности или вместе, такие эффективные коммуникативные стратегии, как демонстрация нежелания, нерешительности или

задержитесь с «хорошо» , чтобы сигнализировать о том, что предстоящее движение угрожает лицу.
(Обенг 1994, 40)

Акан также создал несколько инструментов, чтобы притупить резкость критики , если ее необходимо передать . К таким выражениям относятся «тера wo куе w (прошу вас)» или «mesere meka (прошу сказать)» . Считается , что попрошайничество перед тем, как критиковать, показывает адресату, что говорящий имеет добрые намерения . Эти выражения могли использоваться и для предупреждения адресата о готовящейся ненормативной лексикой непристойное использование языка , чтобы заранее успокоить его или ее и, как минимум, создать у него или нее впечатление, что язык не является злонамеренным (см. Yankah 1991, 56 и Obeng 1994, 41). Акваси Гьян-Апентенг делает то же самое , когда отмечает: «Во всех ганских культурах у нас есть выражения, которые предшествуют использованию «плохих слов» в качестве предварительной детоксикации для плохое поведение» (Gyan-Apenteng 2016, пар. 3). Акан также признают, что в определенных ситуациях мы должны быть прямыми и откровенными в своих взглядах (как видно из Басса, 1961 и Берковица, 1962), но считают, что если мы считаем эти взгляды угрожающими , мы должны быть немного непрямыми в своих взглядах . язык (Обенг 1994, 64). Такой косвенный язык включает использование метафор, пословиц, эвфемизмов, иносказания, гипербол, инсинуаций и т. д. (Obeng 1994, 64).

Поэтому очевидно, что акан создали целую систему правил , чтобы постоянно контролировать вербальную агрессию . Они понимают, что вербальная агрессия «вынуждает жертву ответить более оскорбительными словами » (Agye kum 2010, 111). Агьекум цитирует Клайна следующим образом: «Слова , выбранные из «сильных» на конец лексического поля, скорее всего, ответят другими словами с этого конца, при этом один собеседник попытается уничтожить другого» (Clyne 1987, 90; цитируется по Agyekum 2010, 111) . Вот почему вербальная агрессия приводит к вербальным конфликтам (см. , например , Grimes 1977).

ТРИ ПРИНЦИПА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ _

В этом разделе я попытаюсь выделить три принципа, которые, по моим наблюдениям, лежат в основе отношения акан к вербальной агрессии в социальном контексте. Первый принцип — это то , что я бы назвал аффективно-нейтральным подходом к несогласию. Согласно этому принципу, объектом критики является аргумент оппонента , а не сам оппонент . Идея, лежащая в основе этого принципа, состоит в том, чтобы совместить проект отказа или пересмотра позиции оппонента с отношением полного уважения к нему или к ней. Этот принцип учит, что мы должны разделять их и никогда не смешивать. Этот принцип жизненно важен для поддержания здоровья общества даже в разгар самых страстных разногласий.

Существует западная параллель с принципом, согласно которому для обсуждения позиций важны аргументы нашего оппонента, а не личность нашего оппонента.

Западная версия принципа четко не очерчена, но мы видим ее в виде «табуирования» нарушения принципа. Это табу проявляется в логике, когда мы определяем *ad hominem* как ошибочное нападение на личность оппонента, а не на его аргументы. Можно заметить, что акан выходят за рамки западной логики в том смысле, что они фактически разрабатывают и классифицируют атаки личности, чтобы не оставлять сомнений относительно различных способов, которыми они могут происходить (см. предыдущий раздел).

Второй принцип заключается в том, что самая откровенная критика (там, где она быть резким) можно произнести без впечатления оскорбительного или очерняющий. Это, несомненно, сложная задача сама по себе, но акан придумали простой способ быть откровенным с противником, не выказывая при этом неуважения. Для этого нужно просто начать с известных нам уважительных предложений (некоторые из которых мы уже видели в культуре акан), таких как «Прости меня.

...», «Если бы я мог, ...» или «Простите ...». Чтобы увидеть, как

могли бы быть эффективными эти оговорки, мы могли бы рассмотреть их на практике.

Возьмем любое выражение, способное задеть чувства адресата, а затем просто поставим перед ним одно из этих предложений, и станет ясно, что наличие этого предложения лишает критику некоторой остроты. Мы все знакомы с западной версией такого подхода к критике. Согласно западной версии, мы начинаем с такого пункта, как «При всем уважении, ...» или «Я надеюсь, вы извините меня, если я

и ...». Такие положения являются нейтрализаторами напряжения. Человек учится, как когда говорить. используйте их, так как они позволяют откровенно выражать свое мнение, не теряя при этом коллегиальности адресата.

Третий принцип заключается в том, что коллективный мир важнее индивидуальной победы. Когда акан беспокоятся о том, как разговаривать друг с другом (что, очевидно, они делают из-за своих словесных табу), это указывает на то, что они больше заботится о коллективном мире, чем о личных победах в дебатах или словесные конфликты. Позвольте мне здесь добавить, что не только побежденный несет ответственность за укрепление коллективного мира при рассмотрении дальнейших вариантов: победитель также разделяет обязательство по укреплению общественного мира, сопротивляясь искушению злорадствовать по поводу своей победы. Это позволяет побежденным воздерживаться от действий, которые могут еще больше нарушить мир. Таким образом, общая идея, лежащая в основе этого принципа, заключается в том, что мы должны отказаться от определенных аргументов, если знаем, что они потенциально могут помешать общественному спокойствию. Недавнее современное выражение этого принципа было представлено в петиции на президентских выборах в Гане в 2012 г., в которой Новая патриотическая партия (НПП) обвинила правящую Национально-демократическую коалицию (НДК) в фальсификация президентских выборов 2012 года. Народное мнение тогда было такое

NDC не мог победить на выборах и использовать власть действующего президента, чтобы манипулировать ими, но суд вынес решение в пользу NDC. Это был самый близкий случай, когда Гана подошла к гражданскому конфликту в своей истории. Однако НПП (партия, в которой доминируют аканцы) заявила своим сторонникам, что мир в стране важнее их недовольства. Они напомнили своим сторонникам о своей любви «к Матери-Гане». Их кандидат в президенты, Нана Аддо Данкуа Акуфо Аддо, сказал в широко разрекламированной речи, что, хотя он не согласен с решением, он принял его ради мира в стране.

страна. 2 Он победил на следующих президентских выборах (в декабре 2016 г.) с убедительным большинством голосов.

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕНЕАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ F VE BAL O R ДИСЦИПЛИНА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Очевидно, что система словесных табу Акан немного устарела. В самом деле, многие из используемых сегодня ругательств гораздо более изощренны, как показывают приведенные нами ранее случаи из современной Ганы и Соединенных Штатов. Как мы видели, большинство оскорблений, беспокоивших акан, были вызваны межличностным общением между людьми. Тем не менее, оскорбления, вызывающие озабоченность сегодня, - это оскорбления, нанесенные в традиционных и социальных сетях. Тип канала обычно определяет виды оскорблений. В случае с современными СМИ вербальная агрессия, как и ожидалось, стала более изощренной, менее грубой, но столь же разрушительной.

Пример одного из наиболее часто используемых ругательных слов в контексте сегодняшней многопартийной враждебной демократии состоит в том, чтобы охарактеризовать общественность депутатов как «некомпетентных». Это слово употребительно потому, что члены оппозиционных партий обусловлены своим стремлением к власти представить членов правящей партии неадекватными для задачи управления, в то время как члены правящей партии в равной степени вынуждены своим желанием остаться у власти оппозиционные партии как нежизнеспособные альтернативы. Слово «некомпетентный» само по себе не обязательно является оскорбительным, поскольку его цель действительно может быть некомпетентной. Что оскорбительно, так это описывать своего оппонента как некомпетентного, не предлагая никаких доказательств в поддержку этого заявления. Большинство политиков думают, что им может сойти с рук подтасовка репутации их противников.

Чтобы проиллюстрировать мысль, изложенную в предыдущем абзаце, давайте на мгновение перейдем от политики государства к политике университета: предположим, что на собрании факультета преподаватель описывает конференцию, недавно организованную его коллегой, как «некомпетентно организованную». Почувствовав нечестную игру, кто-то на собрании просит его предоставить доказательства своего утверждения. Сначала он потерян для словами, но чуть позже на собрании предлагает явно неправдоподобные основания

за его претензию. Делать оскорбительные заявления и поддерживать их правдоподобными доводами — значит критиковать, но делать это без убедительных оснований — значит просто нападать на человека, а не на его или ее позицию или действие. Предположим далее, что, размышляя о возможном мотиве заявления злоумышленника, мы помним что нападавший до последней конференции был единственным, кто организовывал конференции в отделе в последнее время. Следовательно, мы мог сделать вывод, что мотивом нападавшего, вероятно, было желание прослыть единственным человеком в отделе, который мог компетентно организовывать конференции. Приведенный выше пример показывает, что критика может возникать из нечистых мотивов. В контексте современной многопартийной демократии критика деятельности оппонента может быть законной, но с двумя оговорками.

Во-первых, требования должны быть обоснованы. Критика обычно является аргументом, и аргумент содержит утверждение (вывод) и представление доказательств

для поддержки претензии по крайней мере в однойсылке. Оформление претензии без предоставление доказательств в поддержку этого не является аргументом; и если требование не поддерживается, оно особенно несправедливо, если оно также носит дискредитирующий характер. Примеры _ предпосылками, поддерживающими обвинение в некомпетентности, может быть то, что рассматриваемое правительство не смогло улучшить экономику (с соответствующей статистикой, как части помещения), не повысил безопасность (с примерами), не эффективно справиться с международным кризисом и так далее. Эти предпосылки позволяют аудитории определить, имеет ли смысл обвинение в некомпетентности.

Действительно, иногда почетнее предложить помещение, не предлагая

любые выводы, пусть зрители делают выводы сами! В

другими словами, правильнее критиковать конкретные действия и программы, а не обзывать оппонента по имени. Во-вторых, критика должна не сопровождаться оскорбительными выражениями. Здесь мне не нужно добавлять

к разработке, которую Акан уже предоставил. В течение

администрации президента Нигерии Гудлака Джонатана, его предшественник, Олусегун Обасанджо, открыто раскритиковал правительство.

письмо за неспособность эффективно бороться с Боко Харам (Obasanjo 2013).

Президент Джонатан ответил письмом, также обнародованным, в котором он упомянул «вряд ли оригинальную идею Обасанджо о моркови и палка» в отношении Боко Харам (Джонатан 2013, пар. 20).

Важно, чтобы мы не прибегали к оскорблениям, даже когда чувствуем себя серьезно оскорбленными. Научный сотрудник Университета Макерере, доктор Стелла Ньянзи, некоторое время назад была в новостях за то, что назвала президента Уганды Йовери Мусевени на своей странице в Facebook «парой ягодиц» (Shaban 2017). Можно подумать, что глава государства Уганды заслуживает этого прозвища из-за своего долгого и драконовского правления. Тем не менее, две ошибки не составляют права: его вполне можно эффективно критиковать, не прибегая к такому языку.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мы видели сложную систему словесных табу, созданную аканами для смягчения межличностных взаимодействий в их обществе с целью сделать его мирным. Поскольку мир является необходимым условием прогресса, возникает вопрос, не является ли он одним из решающих факторов исторического величия королевства Ашанти. Очевидный вопрос сейчас заключается в том, эффективна ли система словесных табу в современном обществе акан. Живя и работая в Гане уже несколько лет, я думаю, что его эффективность несколько уменьшилась из-за капризов западной цивилизации. Однако в то же время замечаются попытки восстановить святость традиционных ценностей, особенно когда в современном обществе дела обстоят совсем не так.

Например, традиция, по-видимому, вдохновила некоторые наблюдательные органы (например, Фонд СМИ для Западной Африки) начать составлять списки самых жестоких политиков во время каждого избирательного сезона в Гане (как мы видим в Ньяборе). 2016), политики, делавшие оскорбительные и оскорбительные комментарии (Фонд СМИ для Западной Африки, 2016, 5-6), провокационные высказывания (Фонд СМИ для Западной Африки, 2016, 6), высказывания в поддержку насилия (Фонд СМИ для Западной Африки, 2016, 6).) и необоснованные обвинения (Media Foundation for West Africa 2016, 4-5).

В заключение, необходимо с помощью политики и законов добиться того, что выполнено по нормам. Где Акан использовал потерю лица в качестве наказания инструмент, мы могли бы наказать наши обычные штрафы и тюремные сроки. Люди могут в наши дни нельзя терять лицо из-за словесной агрессии, но терять деньги и время больно, а попадание в тюрьму может привести к современной потере лица. Демократия допускает энергичные дебаты. Дело, однако, в том, что граждане не должны прибегать к словесной агрессии, то есть высказываниям, направленным на унижение или оскорбление адресата. Они бывают в общих формах либо прямых оскорблений, либо порочащих заявлений, сделанных без обосновывающих предпосылок. Странам следует разработать политику сдерживания такой словесной агрессии. Обычная проблема при разработке политики для этой цели состоит в том, чтобы избежать ограничения свободы выражения мнений, поскольку эта свобода занимает центральное место в практике любой демократии. Тем не менее, я думаю, что эти виды вербализации можно было бы изолировать и запретить без такой угрозы свободе слова.

выражение. Обнадеживает то, что уже существуют криминальные формы вербализации, однако мы не считаем, что их криминализация ограничивает нашу свободу выражения мнений. Такая вербализация включает в себя уголовное запугивание, клевету и клевету. В частности, при формулировании этой политики мы должны руководствоваться острым осознанием того, что вербальная агрессия может причинить тяжкий вред отдельным людям и обществу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. НДК (Национально- демократическая коалиция) и НПП (Национально-патриотическая партия).

2. Доступно для просмотра по этой ссылке на YouTube : <https://www.youtube.com/watch?v=rFzjGGpqOUs> .

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агьекум, Кофи. 2010. Словесные табу Акан . Аккра: Издательство университетов Ганы .
Аджей, Мартин. 2016. « Консенсуальная демократия Кваси Виреду : перспективы для практики в Африке » . Европейский журнал политической теории, том 15, № 4, стр. 445–66. <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1474885116666451> .

Ани, Эммануэль И. 2015. «Конфликт и диалог с точки зрения социальных изменений: взгляды африканской культуры» . Философия: Международный философский журнал , Vol. 16 № 2, стр. 140–57. https://www.researchgate.net/profile/Emmanuel_Ani/publication/286463808_Conflict_and_dialogue_perspectives_to_social_change_Insights_from_an_African_culture/links/5847caf708ae8e63e632388e.pdf .

Баффо, Майкл. 2010. «Ганская политика и личные оскорбления» . Ганавеб, 2 ноября 2010 г. <http://www.ghanaweb.com/GhanaHomePage/NewsArchive/Ghanaian-Politics-and-personal-insults-196510> .

Берковиц, Леонард. 1962. Агрессия: социально- психологический анализ. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл.

Басс, Арнольд. Н. 1961. Психология агрессии . Нью-Йорк: Джон Уайли и сыновья.

Клайн, Майкл. 1987. «Роль лингвистики в исследованиях мира и конфликтов » . Австралийское обозрение прикладной лингвистики, Vol. 10 № 1, стр. 76–97. <http://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/ara1.10.1.05cly> .

Даль, Роберт А. 1971. Полиархия: участие и противостояние. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета .

Сушилка, песок. 2017. «Политическая ненормативная лексика и грубая креативность на следах предвыборной кампании в США » . Блог Oxford Word (In) Оксфордские словари. <http://blog.oxforddictionaries.com/2016/02/politic-profanity/> .

Фэган, Джеффри. А., Дуглас К. Стюарт и Карен В. Хансен. 1983. «Жесткие мужчины или жесткие мужья? Фоновые факторы и ситуационные корреляты» . Финкельхор, Дэвид, Ричард Дж. Геллес, Джеральд Т. Хоталинг и Мюррей А. Штраус , ред. Темная сторона семей: текущие исследования семейного насилия . Беверли-Хиллз, Калифорния: Sage, стр. 49–67.

Флегенхаймер, Мэтт и Мэгги Хаберман. 2015. «Материться и гордиться этим на предвыборной тропе '16 » . Нью -Йорк Таймс, 27 ноября 2016 г. https://www.nytimes.com/2015/11/28/us/politics/2016-candidates-are-cursing-more-and-_по_назначению.html?_r=0 .

- Граймс, Ларри М. 1977. «Лингвистическое табу: примеры из современного мексиканского испанского языка» . Двухязычный обзор, Vol. 4, стр. 69–80. http://www.jstor.org/stable/25743710?seq=1#page_scan_tab_contents .
- Гьян-Апентенг, Акваси. 2016. «Оскорбления и ложь не побеждают на выборах» . Graphic Online, 21 февраля 2016 г. http://www.graphic.com.gh/features/opinion/insults_and-lies-don-t-win-elections.html.
- Хантингтон, Сэмюэл П. 1984. «Станет ли больше стран демократическими?» Ежеквартальный журнал «Политология» , Vol. 99 № 2, стр. 193–218. http://www.jstor.org/stable/2150402?seq=1#page_scan_tab_contents .
- Кукубор , Кофи Б. 2011. «Демагогизм: анализ политики оскорблений в Гане» . MC Modern Ghana, 29 декабря 2011 г. <https://www.modernghana.com/news/369413/demagoguism-an-analysis-of-politics-of-insults-in-ghana.html>.
- Ланг С., Бритт Аф Клинтеберг и П.О. Алм. 2002. «Взрослая психопатия и агрессивное поведение у мужчин с ранним пренебрежением и жестоким обращением» . Acta Psychiatrica Scandinavica, Vol. 106 № 412, стр. 93–100. https://www.researchgate.net/profile/Бритт_КлинтеБерг/публикация/11302927_Взрослая_психопатия_и_насильственное_поведение_у_мужчин_with_early_neglect_and_abuse/links/09e4150e830b082660000000.pdf.
- Ларби-Одей, Эбигейл. 2016. «Оскорбления, ложные утверждения доминировали в политическом дискурсе на выборах 2012 года: будет ли 2016 год другим?» Радость Онлайн, 7 марта 2016 г. <http://www.myjoyonline.com/opinion/2016/April-7th/insults-false-claims-dominated-political-discourse-in-2012-elections-will-2016-be-Different.php> .
- Обасанджо, Олусегун. 2013. «Пока не поздно » . Vanguard (Headlines), 12 декабря 2013 г. <https://www.vanguardngr.com/2013/12/obj-blasts-jonathan-in-18-page-письмо/>.
- Обенг, Самуэль. 1994. «Вербальная косвенность в неформальном дискурсе акан » . Журнал прагматики, том 21, стр. 37–65. https://www.researchgate.net/profile/Самуэль_Obeng/publication/222863102_Verbal_indirection_in_Akan_formal_discourse/ссылки/53ff46f50cf21ac8791d45e9.pdf.
- Фонд СМИ для Западной Африки. 2016. «Мониторинг непристойного языка агитации на радио: результаты за период 16–31 мая 2016 г.» . <http://www.mfwa.org/wp-content/uploads/2016/06/MFWA-Language-Monitoring-Report-for-May-16-31-2016.pdf>.
- Нябор, Джонас. 2016. «НДП, НПП — список самых оскорбительных политических партий» . City 93.3 fm: citifmonline, 25 октября 2016 г. <http://citifmonline.com/2016/10/25/ndc-npp-топ-список-самых-оскорбительных-политических-партий/>.
- Ротман, Лили. 2016. « Краткая история проклятий в американской политике» . Time (онлайн-журнал) History Feature, 16 февраля 2016 г. <http://time.com/4225553/donald-kozyr-rugan-rugan-president/>.
- Саах, Кофи К. 1986. « Использование языка и отношения в Гане» . Антропологическая лингвистика , Vol. 28 № 3, стр. 67–77. http://www.jstor.org/stable/30027963?seq=1#page_scan_tab_contents.
- Стетс, январь 1990 г. «Вербальная и физическая агрессия в браке» . Журнал брака и семьи, Vol. 52 № 2, стр. 501–14. http://www.jstor.org/stable/353043?seq=1#page_scan_tab_contents .

Шабан, Абдур Раман Альфа. 2017. «Правительство Уганды требует психиатрического осмотра университетского дона, оскорбляющего президента» . Africanews (Уганда), 10 апреля 2017 г. <http://www.africanews.com/2017/04/10/uganda-gov-t-wants-psychiatric-checkup->

[за-университетский-дон-кто-оскорбил-президента//](http://www.africanews.com/2017/04/10/uganda-gov-t-wants-psychiatric-checkup-).

Шумпетер, Джозеф А. 1976. Капитализм, социализм и демократия. Лондон: Джордж Аллен и Анвин.

Вейлер, Барбара Лунц и Кэти Спац-Уидом. 1996. «Психопатия и агрессивное поведение у молодых людей, подвергшихся насилию и пренебрежению» . Преступное поведение и психическое здоровье, Vol. 6, стр. 253–57. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cbm.99/full>.

Виреду, Квази. 2011. «Государство, гражданское общество и демократия в Африке» . Лауэр, Хелен и Кофи Анидохо , ред. Восстановление гуманитарных наук и гуманитарных наук с точки зрения Африки, Vol . II. Легон-Аккра: издательство к югу от Сахары , стр. 1055–66.

Янках, Квеси. 1991. «Ораторское искусство в обществе Акан » . Дискурс и общество, Vol. 2, с.

47–64. <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0957926591002001003>.

глава 9 Девять

Призыв к коммунитаристу _

Модель Джима Кракоу Мунамато Чемхуру

Западная либеральная демократия сейчас очень часто воспринимается как еще одно выражение цивилизации и политической порядочности (Offor 2006: 120). Однако в постколониальной Африке попытки реализовать его привели к множеству социальных , политических и экономических проблем, включая нищету, коррупцию, диктатуру, фальсификацию результатов голосования, спорные выборы, гражданские войны, геноцид, государственные перевороты, а также исключение и отчуждение этнических меньшинств через многопартийность . Такие страны, как Нигерия, Кения , Демократическая Республика Конго, Уганда, Судан, Руанда и Зимбабве пережили многие из эти проблемы.

Мой вклад в дискуссию о поиске коренных африканских моделей демократии в двадцать первом веке влечет за собой предложение о политической парадигме, которая резонирует с политической историей и культурным контекстом континента . Я утверждаю, что для адекватного решения текущих социальных, экономических и политических проблем , с которыми сталкивается постколониальная Африка, необходимо пересмотреть традиционные африканские коммунитарные системы демократии , а не продолжать полагаться на западные либерально-демократические принципы, которые не только чужды социальных и политических условий на континенте, но они также в значительной степени потерпели неудачу в большей части современной Африки, потому что они не служат чаяниям большинства граждан и поэтому напоминают колониальное наследие. Когда Кваси Виреду сетует на « очевидную добровольную приостановку веры в африканские политические традиции» среди африканцев, он приходит к выводу, что «в равной степени очевидно, что Африка невыразимо пострадала от политического наследия колониализма. К сожалению, в этой сфере она продолжает прямо или косвенно страдать от политической опеки Запада » . (Виреду 1996, 143).

Мое представление в этой главе представляет собой интерпретацию африканской коммунитарной демократии , которая, за исключением недавней критической работы Бернара

Матолино (2018 г.) в нынешних дискуссиях о моделях демократии коренных африканских народов уделялось минимальное внимание — идея, которая была инициирована Кваси Виреду. Возможно, это могло бы решить проблему кенийского философа Реджинальда М. Дж. Одуора по поводу того, что «пришло время взглянуть на наше политическое наследие коренных народов и использовать его для построения общества, ценности которого находят отклик у наших народов» (Oduor 2017).

Соответственно, я сначала начал с изучения некоторых недостатков

Западная либеральная демократия в постколониальном африканском контексте. Затем я перехожу к аргументам в пользу приемлемости африканской коммунитарной демократии в качестве разумной основы для эффективного управления и миростроительства в Африке. критически сравните ее с западной либеральной демократией. В целом, мой аргумент в этой главе основан на том, что Мартин Одей Аджеи (2016, 447) рассматривает как «продолжающийся процесс концептуальной деколонизации африканской мысли и практики» .

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И АФРИКАНСКАЯ _

ПОСТ-КОЛОНИАЛЬНАЯ ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Сегодня в большинстве стран мира западная либеральная демократия считается единственным средством политического спасения для стран, стремящихся отстаивать такие политические идеалы, как права человека, справедливость, равенство, справедливость и эффективное управление. Ближе к концу прошлого тысячелетия Фрэнсис Фукуяма утверждал, что «по мере того, как человечество приближается к концу тысячелетия, двойной кризис авторитаризма и социалистического централизованного планирования оставил только одного конкурента, стоящего на ринге как идеологию потенциально универсального действия: либеральную демократию, доктрина индивидуальной свободы и народного суверенитета» (Фукуяма 1992, 42). Точно так же Франсис Оффор заметил, что «более двух третей всех суверенных независимых государств в мире согласились... либеральной демократии и восприняли эту форму правления как наилучший путь к решению проблем экономического развития и политической организации» (Offor 2006, 124).

Постколониальные африканские государства не избежали этого явно триумфального шествия либеральной демократии, «учитывая тот факт, что к 2004 году большинство африканских государств [приняли] либеральную демократию в качестве своей системы управления» (Лумумба-Касонго 2005, 1). Таким образом, в большинстве африканских стран демократия, как она понимается в западной либеральной традиции, считается мерилом хорошего управления. Поэтому неудивительно, что, когда африканские государства не соблюдают некоторые западные либерально-демократические принципы, такие как проведение периодических многопартийных выборов, или не защищают основные права человека¹ в рамках своих конституций, они исключаются из важнейших экономических, медицинских, и военная помощь, и подверглись другим строгим политическим и экономическим санкциям со стороны могущественных стран Запада. Как

в результате большинство постколониальных африканских государств стараются избегать местных форм управления, проистекающее из коммунитарного² мировоззрения, типичного для доколониальных африканских культур, и заменить их чуждыми либерально- демократическими системами управления, предписанными их бывшими колониальными хозяевами.

Кроме того, широко распространенное мнение о том, что доколониальные африканские общества не были демократическими, — это нарратив, популяризированный для оправдания сохранения западной либеральной демократии в постколониальном африканском государстве. Вот почему Эрнест Вамба-диа-Вамба считает, что «мы должны деконструировать колониальное наследие и жесткость традиций (традиции, изобретенные или воображаемые колонизаторами, которые утверждали, что они африканские, и были приняты как таковые африканцами); эти традиции используются для оправдания и укрепления постколониального государства, которое мы должны деимпериализовать » (Wamba-dia-Wamba 1992, 32). Действительно, Али Мазруи признает центральную роль демократии в доколониальной Африке и обвиняет западную либеральную демократию в постколониальной Африке в убийстве африканской демократии. Мазруи даже вводит термин «демократия» (Mazrui 2016, 17–35).

Ряд африканских политических мыслителей первого поколения в первые десятилетия независимости, такие как Кваме Нкрума, Леопольд Седар Сенгор и Джулиус Ньерере, выступали за необходимость пересмотра традиционного африканского политического наследия в форме африканской коммунитарной демократии. Хотя некоторые из

их аргументы в поддержку однопартийной системы нельзя рассматривать как жизнеспособную альтернативу либеральной демократии, эти мыслители хотели, чтобы недавно созданные постколониальные африканские государства признали и уважали коммунитарные структуры традиционных африканских обществ. Однако их призывы не были услышаны, поскольку большинство постколониальных африканских государств хотели найти подходящее место в предполагаемой глобальной деревне под эгидой западных либерально- демократических принципов.

Более полувека политической независимости в большинстве африканских стран характеризовались в основном чуждыми моделями управления и, главным образом, западной либеральной демократией, которая противоречит традиционным африканским демократическим принципам, которые Gyekye (1992, 241–55) придерживается в разум. Именно в этот период мы наблюдаем вырождение вновь созданных демократий западного типа в гражданские и военные диктатуры. Например, когда он подводит итоги

история военных переворотов в постколониальную эпоху в Африке в результате провал западной либеральной демократии, Али Мазруи отмечает, что «к 1966 году в Нигерии, африканском гиганте, произошел первый переворот. Через месяц в Гане был свергнут Кваме Нкрума, икона panaфриканизма. Затем последовала череда других переворотов » (Мазруи 2016, 23). Эти и другие формы диктатуры, плохого управления и коррупции в постколониальной Африке оставляют желать лучшего в отношении либеральной демократии в Африке. Следовательно, Геке правильно замечает, что «политические институты, которые были завещаны африканскому народу его колониальными хозяевами — институты, созданные по образцу институтов

их правители не функционировали должным образом» (Gyekye 1992, 241).

Лумумба-Касонго (2005, 7) правильно заметил, что «либеральная демократия — это прежде всего продукт западной политической мысли и эволюции западных обществ посредством буржуазных и технологических революций в Англии, Франции и Соединенных Штатах» . Следовательно, я согласен с Oduor (2017)

что «либеральная демократия не является синонимом демократии» , а в остальной части этого раздела подчеркиваются некоторые недостатки либеральной демократии в том виде, в каком она понималась и практиковалась в постколониальной Африке.

С самого начала греческого слова demos («народ») и krateia («правление»), demokratia (демократия) означало власть народа (Gyekye 2013, 240). Со временем демократия почти повсеместно стала пониматься как «правительство народа, осуществляемое народом и для

люди". Этот традиционный западный взгляд на демократию, исходящий от американского отца -основателя и шестнадцатого президента США Авраама Линкольна, в значительной степени сформировал понимание и применение демократии как формы правления , в основном информированной населением и ориентированной на продвижение интересы этой массы населения. Действительно, демократия, в конечном счете, связана с защитой интересов людей , усилением, а не ограничением их свободы определять свою судьбу посредством политических действий.

Однако в постколониальном африканском контексте под демократией часто понимали либерализм (учение о превосходстве личности и ее прав над требованиями общества). Это объясняет , почему идея либерализма принималась и продолжает приниматься в качестве меры демократии в постколониальной Африке. И все же эти два понятия явно не тождественны: вполне возможна демократия , не разделяющая доктринерский западный либерализм . Вот почему я считаю разумным мнение , что, хотя доколониальные африканские сообщества были по своей сути демократическими, они были по существу коммунитарными, а не либеральными.

Проводя различие между либерализмом и демократией, Фукуяма правильно подчеркивает индивидуалистический характер идеи либерализма в противоположность демократии:

Либерализм и демократия, хотя и тесно связаны между собой, являются отдельными понятиями. Политический либерализм можно определить просто как верховенство права , признающее определенные индивидуальные права и свободы от государственного контроля . . . [в то время как демократия] . . . правильно _ всеми гражданами считается, что они имеют долю политической власти, то есть права всех граждан голосовать и участвовать в политике. (Фукуяма 1992, 42)

Я возражаю против западной либеральной демократии в Африке как минимум по пяти причинам. Во-первых, либеральная демократия в основном пропагандируется как подходящая система управление континентом державами , которые ранее колонизировали большие участки Африки , а именно Великобританией, Францией, Португалией, Германией и Италией. Тем не менее,

Конец демократии сегодня легче увидеть в таких социал- демократиях , как Дания, Норвегия и Швеция, — странах , не участвовавших в колониализме, — чем в этих империалистических державах . Кроме того, социал-демократия более совместима и ближе к коммунитарным социальным устройствам , характерным для доколониальных африканских государств , чем либеральная демократия.

Во-вторых, либеральная демократия делает непропорциональный акцент на индивидуальных свободах — акцент, который преуменьшает социальную природу человеческой личности . Хотя его внимание сосредоточено на современных западных либеральных обществах, в этом отношении уместно замечание Майкла Уолцера , а именно, что либеральные общества «дом радикально изолированных личностей , рациональных эгоистов и экзистенциальных агентов, мужчин и женщин, защищенных и разделенных своими неотъемлемыми правами» (Уолцер 1990, 7). В отличие от коммунитарной демократии, либеральная демократия делает акцент на свободах личности, таких как свобода ассоциации , передвижения и вероисповедания, некоторые из которых противоречат африканским коммунитарным ценностям. Поскольку она основана на политических идеалах человеческого равенства и прав человека, либеральная демократия совершает то, что я бы назвал универалистской ошибкой, то есть ошибкой, предполагающей, что все люди разделяют одни и те же социальные, этические и политические ценности. Как выразился Лумумба-Касонго , «универсализм , спроецированный либеральной демократией, полностью расширенный поддерживаемыми Западом правозащитными организациями, действительно европоцентричен» . (Лумумба-Касонго 2005, 20).

Кроме того, в африканском контексте идея свободы личности , поддерживаемая западной либеральной демократией, на практике предоставила больше свобод отдельным политикам, чем населению в целом. Следовательно, культура безнаказанности³ была определяющей характеристикой постколониальных африканских лидеров, поскольку они стремились консолидировать свою личную власть , богатство и военную мощь . В этом стремлении они манипулируют различными демократическими процессами.

Например , при Роберте Мугабе Зимбабве внесла несколько поправок в свою конституцию о независимости, прежде чем заменить ее новой в 2013 году.

Таким образом, подтверждается утверждение Фукуямы о том, что «демократические процедуры могут манипулироваться элитами и не всегда точно отражают волю или истинные личные интересы людей» (Фукуяма 1992, 43).

В-третьих, либеральная демократия в постколониальной Африке уделяет чрезмерное внимание многопартийной политике и периодическим выборам представителей в различные институциональные структуры, такие как местные органы власти, парламент, пост президента или премьер-министра. Обоснование такой политической структуры заключается в том, что те, кто избран на указанные должности, будут представлять волю людей в этих различных учреждениях. Однако трудно представить себе основания, на которых воля народа могла бы выражаться и осуществляться в «реальных и конкретных условиях » (Gyekye 1992, 244).

Например, при определенных обстоятельствах выбранные представители могут быть недостаточно знакомы с проблемами, которые

противостоять людям изо дня в день. Вот почему люди должны активно и непосредственно участвовать в определении наилучшего возможного курса действий по любому конкретному фундаментальному вопросу посредством коммунитарной демократии.

Кроме того, хотя многопартийная политика и периодические выборы являются необходимыми составляющими либеральной демократии, они остаются чуждыми фундаментально коммунитарному африканскому контексту. Приводя доводы в пользу беспартийной консенсусной демократии, Квази Виреду правильно отмечает, что «многим демократия кажется синонимом многопартийной системы. . . Тем не менее, эта политическая

доктрина кажется явно противоположной философии управления, лежащей в основе традиционного [африканского] государственного управления» (Wiredu 1996, 143). Более того, многопартийная политика порождает и продолжает порождать нетерпимость между гражданами в конкурирующих политических партиях. Такая нетерпимость часто выражалась в клеветнических кампаниях и даже в ожесточенных столкновениях, а в некоторых случаях — в военных свержениях действующих правительств. Вот почему Али Мазруи считает западную либеральную демократию в постколониальной Африке уязвимой в той мере, в какой она подвергает африканские страны политической нестабильности (Мазруи 2016: 24).

В-четвертых, либеральная демократия в большинстве случаев основывается на мнении большинства по тому или иному вопросу, особенно когда речь идет о голосовании за политических лидеров или принятии важных решений на референдумах. Следовательно, либеральная демократия в постколониальной Африке интерпретируется как правление большинства. Однако, как замечает Wiredu, «само по себе мнение большинства не является достаточно хорошей основой для принятия решения, ибо оно лишает меньшинство права на отражение своей воли в данном решении» (Wiredu 1996, 186).

В-пятых, в постколониальном африканском контексте либеральная демократия и политическая коррупция кажутся переплетенными, так что возникает вопрос, какова может быть связь между ними. Согласно Геке, политическая коррупция означает «незаконное, неэтичное и несанкционированное использование своего политического или официального положения для личной выгоды или выгоды. . . политическая коррупция, таким образом, представляет собой коррупционный акт, совершаемый против государства и его органов лицом, занимающим официальную должность в погоне за личной или личной выгодой» (Гекье 1992, 83). Некоторыми примерами такой коррупции являются воровство из государственной казны, мошенничество, кумовство и фаворитизм на других основаниях. характерна для большинства постколониальных африканских государств в двадцать первом веке. По словам Геке, «постколониальная Африка, несомненно, является одной из худших жертвы политической коррупции» (Gyekye 1992, 82).

Одним из последствий политической коррупции в постколониальном африканском государстве является удушение либерально-демократических принципов. Согласно Геке, политическая коррупция «несомненно, является самой распространенной причиной военного свержения гражданских правительств в Африке с последующим нарушением демократического процесса: таким образом, это величайшая и самая серьезная болезнь правительств в Африке» (Gyekye 1992), 82). Когда он обратился к нац.

Foundations Dialogue Initiative в Йоханнесбурге, Южная Африка, бывший президент ЮАР Кгалема Мотланте рассмотрел историю постколониальных африканских демократий и пришел к выводу, что « в основе дефицита демократии лежит отсутствие подотчетности перед народом» (Motlanthe 2017) . .

ДЕЛО ДЛЯ АФРИКАНСКОГО КОММУНИТАРИАТА _

МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО АС

Коммунитаризм, как правило, понимался как способ жизнь коренных или традиционных африканских общин в доколониальную эпоху. Однако его потенциальному вкладу в развитие реальных систем управления для постколониальных африканских государств не уделялось должного внимания. Тем не менее, как верно замечает Кваме Гьекье, « традиционная система правления имела некоторые демократические черты , из-за которых новая политическая система может извлечь выгоду» (Gyekye 1992, 241). Следовательно, далее я утверждаю , что традиционный африканский коммунитаризм является прочной основой для моделей демократии в постколониальной Африке.

В целом на африканскую коммунитарную философию в основном повлиял ряд мыслителей , в том числе Леопольд Седар Сенгор (1964), Кваме Нк Рума (1964), Джулиус К. Ньерере (1968), Джон С. Мбити (1969), Ифеаньи Мен кити (1984). ; 2004), Кваме Геке (1992) и Кваси Виреду (1996) и других. Несмотря на воздействие различных социальных и политических условий, все эти мыслители придерживаются мнения , что традиционные африканские общества обычно уделяют большое внимание совместному существованию членов своей группы . Джон С. Мбити классно выразил эту уверенность в метафизическом и этическом смысле коллективного существования в своем изречении : «Я есть, потому что мы есть, а поскольку мы есть, значит, я есть» (Mbiti 1969, 106). Точно так же Менкити ссылается на коммунитарную ориентацию в своем утверждении , что « что касается африканцев , реальность общинного мира имеет приоритет над

реальность индивидуальных жизненных историй, какими бы они ни были» (Menkiti 1984, 171) .

Знаменитое изречение Линкольна о том , что «демократия — это правление народа, осуществляемое народом и для народ» будет изменено, чтобы заявить, что демократия — это правление сообщества , сообществом и для сообщества. Подразумевается, что о качестве управления следует судить по степени, в которой ценности солидарности , такие как коллективные блага культуры и прав человека , гарантируются в данном социальном и политическом контексте. Другими словами , основное внимание уделяется благополучию общества , а не свободам индивидуума как индивидуума . В отличие от западной либеральной традиции предполагается, что если

благополучие общества поощряется, интересы личности также будут учитываться. С этой точки зрения пространство для индивидуальных человеческих свобод, как это поддерживается западным либеральным взглядом на демократию, значительно сужается. Тем не менее, в то время как африканская коммунитарная демократия может быть неправильно воспринята как «нежелание принимать индивидуалистическое оправдание защиты прав человека» (Hellsten 2004, 69), она основана на коллективных демократических идеалах, от которых каждый человек может извлечь выгоду наравне со всеми другими людьми.

Важной чертой африканской коммунитарной демократии является акцент на участие людей в принятии решений по вопросам, влияющим на их благосостояние. С другой стороны, в западной либеральной демократии, в основном основанной на предвыборной агитации и мажоритаризме, мало места для значимое участие граждан в принятии повседневных решений. По этой причине Аджеи отмечает, что «политической проблемой, стоящей перед конституционными демократиями в Африке, является отсутствие адекватного представительства и участия в демократических процессах и институтах» (Ajei 2016, 445). Единственный раз, когда люди участвуют в политическом процессе, это во время выборов, когда они выбирают несколько человек во имя представительства. Таким образом, Геке справедливо утверждает, что «разумеется, недостаточно, чтобы люди включались — и участвовали — только в периодических выборах тех, кто должен управлять и издавать законы для государства» (Гёке 2013, 238).

В отличие от западной либеральной демократии, которая в целом является мажоритарной, Африканская коммунитарная демократия основана на решениях, которые в основном принимаются консенсусом всех личностей. Согласно Wiredu, «преследование консенсус был преднамеренной попыткой выйти за рамки решения, принятого большинством» (Wiredu 1996, 186). Другими словами, даже «меньшинство», которое может изначально не соглашаться с большинством, будет убеждено принять ту или иную точку зрения путем достижения консенсуса. По сути, такой подход к принятию решений способствует достижению компромисса, в отличие от подхода «победитель выбирает все» в мажоритарной демократии. Соответственно, хотя Матолино видит некоторые серьезные проблемы в «Консенсусе как демократии в Африке», он отмечает, что «мажоритаризм привел к политическому недовольству проигравших и вызвал устойчивые разногласия между различными политическими партиями» (Matolino 2018, p.xi).

Важно подчеркнуть, что коммунитарная демократия также уважает права личности. Он предлагает коллективистский взгляд на фундаментальные человеческие ценности, такие как право на жизнь, собственность и самовыражение. Согласно ему, если эти фундаментальные ценности понимаются и уважаются с коллективистской точки зрения, они почти всегда переходят к индивидуальному. Это контрастирует с западным либеральным представлением о демократии, в котором такие фундаментальные ценности понимаются почти исключительно с точки зрения отдельного человека. Так, Уолцер (Walzer 1990, 9) правильно указывает, что либеральные так-

общество «на практике представляет собой фрагментацию, а сообщество — полная противоположность, дом связности, связи и повествовательной способности».

В отличие от либеральной демократии, в коммунитарной демократии нет четких различий между государством, правителями и гражданами в целом. По этой причине коммунитарная модель демократии развивает у людей чувство гражданской ответственности. Гьекье лаконично выражает этот момент, сравнивая традиционные африканские коммунитарные политические взгляды с характерными для либеральной демократии в Африке после колониализма:

Следует отметить, что как колониальные, так и постколониальные государственные системы в Африке создала дистанцию между правительством и управляемыми. Это, в свою очередь, породило отношение безразличия и равнодушия к делам государства со стороны управляемых. Следовательно, общее отношение граждан заключалось в том, что можно нанести ущерб государству, не нанося вреда себе, отношение открывших шлюзы взяточничества, коррупции, безразличия к государству собственности или государственные предприятия и другие антиобщественные действия. Однако традиционная идеология положительно утверждала, что любой вред, причиняемый сообществу в целом, непосредственно вредит человеку. (Гьекье 1992, 254)

Одним из возможных возражений против моей защиты африканской коммунитарной демократии является вопрос о том, возможно ли отделить либерализм от демократии. Мой ответ на этот вопрос утвердительный, потому что демократия в правильном понимании не чужда Африке: чужды западные либеральные идеи, несовместимые с африканской политической историей и культурой. Даже Фрэнсис Фукуяма, известный сторонник либеральной демократии, разделяет то же мнение, замечая, что «хотя либерализм и демократия обычно идут рука об руку, теоретически их можно разделить» (Fukuyama 1992, 43). Хотя Фукуяма считает, что нелиберальная демократия не защищает права отдельных лиц и меньшинств, его позиция согласуется с моей в утверждении, что существует возможность для страны быть демократической, не обязательно будучи либеральной, и наоборот (см. также Фукуяма 1992, 44).

Например, доколониальные традиционные африканские формы правления были по своей сути коммунитарные демократии, которые нельзя было считать либеральными в западном понимании. В то же время, вопреки тому, во что нас уверял Фукуяма, такие демократии не обязательно попирали права отдельных лиц и меньшинств. Действительно, в своем изложении свой умеренный взгляд на коммунитаризм, Геке отмечает:

[Африканский коммунитаризм] позволяет приспособиться к общественным ценностям, а также к ценностям индивидуальности, к социальным обязательствам, а также к обязанностям внимания к себе. Даже в своей основной направленности и заботах он придает большое значение обязанностям. по отношению к сообществу и его членам, оно не может — не может — поступать так с

ущерб индивидуальным правам , существование и значение которых оно признает или должно признать , и по уважительной причине. (Гекье 1992, 121)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Oduor (2017) призывает нас не ограничивать наше понимание систем знаний коренных народов Африки такими областями, как сельское хозяйство и здравоохранение, а применять их также в социальной и политической сферах . Именно это я и пытался сделать в этой главе. Хотя некоторые из структур , которые служили основой для традиционных африканских систем управления, больше не существуют, еще не поздно изменить доколониальное африканское традиционное политическое наследие для наши постколониальные контексты , не обязательно являясь анахронизмом. В то время как в центре внимания Самканге и Самканге (1980, 10) находится философия хунхуизма . или убунтуизм⁴ , их предостережение против анахронизма здесь уместно : «Мы

· . не упускать из виду, что мы живем сегодня, а не в железном веке должен . наши деды , но в усохший век многонациональных компаний, сверхзвуковые путешествия и спутниковая связь» . Тем не менее, это мой считают , что если постколониальные африканские государства не примут по существу местные и/или традиционные африканские системы управления, они продолжают сталкиваться с теми же проблемами , с которыми они столкнулись со времен достижение политической независимости на сегодняшний день .

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта глава была написана во время моего творческого отпуска в Большом зимбабвийском университете , когда я был постдокторантом GES на философском факультете гуманитарного факультета Университета Йоханнесбурга (2017 г.). Я хочу поблагодарить профессоров Х. П. [Хенни] Лоттера и Таддеуса Метца за их полезные комментарии к более ранним проектам этой главы. Я также благодарю двух анонимных рецензентов и редактора Реджинальда М. Дж. Одуора за их полезные предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акцент на «лицах» предназначен для того, чтобы подчеркнуть ориентацию прав человека на отдельного человека , если понимать их с западной либеральной точки зрения, в то время как африканская точка зрения в значительной степени коммунитаристская , уделяющая на коллективное благо.

2. Термины «коммунитаризм» и «коммунализм» часто используются взаимозаменяемо в отношении «коммунитарного мышления» или «коммунитарной философии». Однако в этой главе я использую «коммунитарное мышление», «коммунитарную философию» или «коммунитарную модель». Я делаю это, чтобы избежать экстремистского взгляда, который обычно обозначается использованием «измов», таких как «коммунитаризм» и «коммунализм» (см. также Ramose 2004, 150).
3. Эразм Маситера (2011) также формулирует этот актуальный вопрос, касающийся постколониального африканского государства, с особым упором на зимбабвийский контекст.
4. Я использовал термины хунхуизм или убунтуизм в том смысле, в каком они используются Самканге и Самканге (1980) для обозначения африканской философии унху / убунту. Термины, происходящие из языков нгуни, в основном относятся к африканской концепции гуманного и относительного существования, которая в основном формируется пониманием человека как неотъемлемой части сообщества.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Фукуяма, Фрэнсис. 1992. Конец истории и последний человек. Нью-Йорк: Свободная пресса.

Геке, Кваме. 1992. «Традиционные политические идеи: их значение для развития в современной Африке». Ред. Wiredu, Kwasi и Kwame Gyekye. Человек и сообщество. Вашингтон, округ Колумбия: Совет по исследованиям ценностей и философии, стр. 241–55.

———. 2013. Философия, культура и видение: африканские перспективы. Аккра: Издательство к югу от Сахары.

Хеллстен, Сиркку Кристина. 2004 г. «Права человека в Африке: от коммунитарных ценностей к утилитарной практике». Обзор прав человека, Vol. 5 № 2, стр. 61–85. <https://doi.org/10.1007/s12142-004-1003-7>.

Лумумба-Касонго, Тукумби. 2005. «Проблемы либеральной демократии и демократического процесса: уроки деконструкции и построения африканских демократий».

Лумумба-Касонго, Тукумби изд. Либеральная демократия и ее критики в Африке: политическая дисфункция и борьба за социальный прогресс. Претория: Издательство Южно-Африканского университета, стр. 1–25.

Маситера, Эразм. 2011. «Создание культуры безнаказанности в Зимбабве: пример философского вклада в вопросы развития». Африкана, Том. 5 № 2, июнь/июль 2011 г., стр. 98–122. <http://africanajournal.org/wp-content/uploads/AFRICANA-Том5-№2.pdf>.

Матолино, Бернар. 2018. Консенсус как демократия в Африке. Грэмстаун: NISC (Pvt) Ltd.

Мазруи, Али Аламин. 2016. «Демократия: кто убил демократию в Африке? Подсказки прошлого, заботы о будущем». Мазруи, Али Аламин и Фрэнсис Виаф-Амоако, ред.

Африканские институты: вызовы политическим, социальным и экономическим основам Развития Африки. Лэнхэм: Роуман и Литтлфилд, стр. 17–35.

Мбити, Джон С. 1969. Африканские религии и философия. Нью-Йорк: Даблдей.

- Менкити, Ифеани. 1984. «Человек и сообщество в традиционной африканской мысли» . Райт, Ричард изд. Африканская философия: введение . Лэнхэм: University Press of America, стр. 171–80.
- . 2004. «О нормативной концепции человека » . Wiredu, изд. Квази. Компаньон к африканской философии. Молден: Блэквелл, стр. 324–31.
- Мотланте, Кгалема. 2017. «Вступительное слово» , Инициатива «Диалог национальных фондов» , Йоханнесбург, 5 мая 2017 г.
- Нкрума, Кваме. 1964. Сознание: философия и идеология деколонизации. Лондон: Книги Панаф .
- Ньерере, Юлий. 1968. УДЖАМАА: Очерки социализма. Нью-Йорк: Издательство Нью-Йоркского университета .
- Одуор, Реджинальд МДЖ 2017. «Демократия, свободная от гегемонии» . Вступительное слово на Международной конференции «Помимо либеральной демократии: поиск моделей демократии коренных народов Африки для двадцать первого века » , Найроби , Кения, организованной Департаментом философии и религиоведения Университета Найроби , Кения , и Советом по исследованиям в области ценностей и философии, Вашингтон, округ Колумбия, США, 22–23 мая 2017 г.
- Оффор, Фрэнсис. 2006. «Демократия как проблема африканской философии » . Оладипо, Олусегун, изд. Основные вопросы африканской философии . Ибадан: публикации надежды, стр. 120–34.
- Рамос, Могобе Бернар. 2004. «В поисках африканской философии образования » . Южноафриканский журнал высшего образования , Vol. 18 № 1, стр. 138–60. <https://www.ajol.info/index.php/sajhe/article/view/25487>.
- Самканге, Стэнлейк и Томми Мари Самканге. 1980. Хунхуизм или убунтуизм: политическая философия коренных народов Зимбабве . Солсбери: Издательство Грэм.
- Сенгор, Леопольд Седар. 1964. Об африканском социализме. Кук, Мерсер пер. Нью-Йорк: Прегер.
- Уолцер, Майкл. 1990. «Коммунистическая критика либерализма» . Политическая теория, Vol. 18 № 1, стр. 6–23.
- Вамба-диа-Вамба, Эрнест. 1992. «Помимо элитной политики демократии в Африке» . Квест: Философские дискуссии, Vol. 4 № 1, стр. 28–43.
- Виреду, Квази. 1996. Культурные универсалии и особенности: африканская перспектива . Индиана: Издательство Индианского университета .

глава 9 Тен

Элементы коренных африканцев _ _

Модель Дж. Кракоу
Джозеф Ситума, Кисемей Мутися,
и Кристин Булума

Мы в конце истории? Фрэнсис Фукуяма (1992) классно утверждал, что после холодной войны мир оказался в конце истории .

Его утверждение родилось из предположения, что история в содержательном смысле слова происходит только там, где есть противоречия на идеологическом уровне. Эта концепция истории перекликается с Кантом, Гегелем и Марксом.

Для Фукуямы «последний выживший» после тысячелетий конфликта — это либеральная демократия и капитализм. Фукуяма утверждает это в своем утверждении , что «государство, возникающее в конце истории, является либеральным, поскольку оно признает и защищает через систему законов всеобщее право человека на свободу, и демократическим, поскольку оно существует только с согласия управляемых » . (Фукуяма 1992, 20). Таким образом, в этом смысле, когда есть только либеральная демократия, то есть когда нет альтернативных систем, способных бросить вызов либеральной демократии, все противоречия разрешаются .

Фукуяма (1992) вслед за Кожевом (1969) утверждает, что после окончания холодной войны Западная Европа является воплощением либеральной демократии , задуманной во Французской революции и гегелевской «Феноменологии духа» (Hegel 1807). Другой части мира также якобы находятся на пути к реализации либеральной демократии, которая, по мнению Фукуямы , является наиболее совершенным способом человеческого существования. Итак, по мнению Фукуямы, развивающиеся страны в Африке и других местах в конечном итоге придут к неизбежной цели человечества — к либеральной демократии и капитализму.

В этой главе мы предлагаем некоторые элементы, заимствованные из коренных африканских способы управления , которые постколониальные африканские государства могут использовать для сделать их более жизнеспособными, чем они есть в настоящее время. В следующем разделе мы предлагаем критический анализ тезиса Фрэнсиса Фукуямы. после этого мы анализируем отношения между либеральной демократией и капитализмом и утверждаем, что либеральная демократия принципиально противоречит человеческой реализации . Это ведет к

четвертый раздел, в котором мы предлагаем предварительные социально-политические элементы, взятые из представлений и практик коренных африканцев, для включения в структуры управления постколониальных африканских государств. Тезис главы состоит в том, что эти элементы, используемые вместе с некоторыми элементами западной мысли, предлагают альтернативу, которая более жизнеспособна для современной Африки, чем либеральная демократия и капитализм.

КРИТИКА ТЕЗИСА ФУКУЯМЫ _

Утверждения Фрэнсиса Фукуямы спорны во многих отношениях. Можно ли говорить, как это делает Фукуяма, об универсальной культуре и универсальном наборе ценностей? Как примирить этот тезис с реальностью мультикультурного мира? Разве западная цивилизация не является просто одной из многих в мире? Также возникает вопрос, не имеют ли развивающиеся страны, такие как африканские государства, другого выбора, кроме как следовать как либеральной демократии, так и капитализму. Так, Левин (2011, 85) ставит вопрос: «Является ли демократия положительным фактором экономического роста и развития?» Принимая во внимание траектории экономического роста и развития восточноазиатских тигров, Индии и Чили, Левин утверждает, что «демократия не является ни достаточной, ни необходимой для роста и развития» (Lewin 2011, 85). Тем не менее весьма вероятно, что диктаторский режим будет заниматься хищнической эксплуатацией национальных ресурсов и перераспределением бюджетных ассигнований, в случае чего экономический рост будет асимметричен человеческому развитию (Lewin 2011, 85; Conceicao and Kim 2009, 2).

Книга Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» (1993 г.) — это решительный ответ на смелые утверждения Фукуямы и поучительное исследование цивилизаций. Хантингтон не только представляет правдоподобные аргументы и отчеты об исторических событиях после «холодной войны», чтобы оспорить апокалиптический вывод Фукуямы, но и предостерегает от тенденции мыслители упрощенно интерпретируют действительность. Кроме того, к нашему поиску местных моделей демократии имеет отношение его мнение о том, что «по всей Африке племенная идентичность широко распространена и интенсивна, но африканцы также все больше развивают чувство африканской идентичности, и, возможно, страны Африки к югу от Сахары могли бы объединиться в самобытную цивилизацию». (Хантингтон 1993, 47). В равной степени правдоподобно общее представление Хантингтона о цивилизациях в его утверждении, что «пока цивилизации существуют, они также развиваются. Они динамичны; они поднимаются и опускаются; они сливаются и делятся; и... они также исчезают и погребаются в песках времени» (Huntington 1993, 43).

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И КАПИТАЛИЗМ

Независимо от того, является ли либеральная демократия конечной целью всех обществ или просто этапом эволюции западной цивилизации, необходимо разъяснить ее принципы и экономическую систему, в которой она развивалась. Либеральная демократия направлена на защиту основных прав граждан посредством системы сдержек и противовесов, обеспечивающей подотчетность руководства, и посредством проведения регулярных выборов (Plattner 2010: 84). Кроме того, для либеральной демократии права личности имеют приоритет над общими благами, и, следовательно, точка зрения Ролза что справедливость превосходит другие ценности и имеет над ними приоритет (Rawls 1985, 235). Индивидуалистический взгляд либеральной демократии на людей предполагает, что общество должно быть второстепенным измерением человеческой жизни, иначе оно будет склонно к репрессиям. Он утверждает, что наибольшая потребность человека состоит в том, чтобы быть защищенным от социальных помех, и что это основная функция государства. С личной свободой связана необходимость терпимости, которая возникает из-за современного акцента на ролях, а не на характере, до такой степени, что большинство людей в либеральном обществе не имеют характера в реальном смысле этого слова (MacIntyre 1981, 23–35).

Концептуально либерализм уравнивает свободу и равенство, но в действительности всегда напряженность между ними, потому что стремление к свободе нарушает равенство и наоборот. Еще более уместным является тот факт, что баланс свободы и терпимости всегда находится под угрозой. Поппер схватывает суть этого дисбаланса в своем парадоксе терпимости: «Неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Если мы распространим безграничную терпимость даже на нетерпимых, если мы не будем готовы защищать толерантное общество от натиска нетерпимых, то толерантные будут уничтожены, а вместе с ними и толерантность» (Поппер, 1945, 226). Реальность и проблематика этого парадокса лежат в основе нынешней нетерпимости к неевропейским иммигрантам в Европе и США. Даже предсказание Фукуямы о Европе, состоящей из государств, менее озабоченных суверенитетом и идеологией, не оправдалось: сейчас, более чем когда-либо, идея универсальности прав человека считается сомнительной (Namli 2018; Norpood 2014; Posner 2014; Brown 2007).

На самом деле, история здесь, с нами, в «тенденциях и практиках, которые, как многие считали, стерты: произвольные казни, попытки уничтожения этнических и религиозных меньшинств, аннексия территории и массовое перемещение беженцев и перемещенные лица» (Уэльс, 2016 г.). Фукуяма просто верно следует по стопам Гегеля в классификации Африки в соответствии с его тезисом. В то время как в По мнению Гегеля, Африка не была частью истории, потому что для него там не происходило ничего значительного, а Европа была очагом истории (Hegel 1956, 99). Фукуяма считает, что в эпоху после окончания холодной войны Африка (и страны третьего мира в целом) являются «погрязла в истории», а Европа вне истории

(Фукуяма 1989, 16). Предположительно, для Фукуямы признаком прогресса для общества является то, что оно находится вне истории, как якобы являются Западной Европой и Соединенными Штатами. Позиции Гегеля и Фукуямы являются примерами того, как теоретики интерпретируют реальность в соответствии со своими ограниченными интересами.

Интересно, что Фукуяма заключает, что «конец истории будет очень печальным».

время. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради

чисто абстрактная цель, всемирная идеологическая борьба, требующая отваги, мужества, воображения, идеализма, будет заменена экономическим расчетом, бесконечным решением технических проблем, забот об окружающей среде и удовлетворением изощренных потребительских запросов» (Фукуяма, 1989, 17).). Далее он утверждает, что после реализации полноценной либеральной демократии экзистенциальное состояние людей — это скука и печаль (Фукуяма, 1992, 21). Теперь, если это прогресс, достигнутый западным миром, тогда обществам в Африке и других местах следует попытаться спасти и укрепить свои

культуры, чтобы использовать их в качестве транспортных средств для достижения лучших целей.

В любом случае африканские национальные государства были сотрясены военными переворотами, политическим угнетением, этническими распрями и экономической деградацией (Skinner 1998, 20). Это связано с тем, что, независимо от идеологии, которую африканские государства приняли при обретении независимости, их экономика, как правило, находилась в состоянии упадка, что приводило к повсеместному недовольству. Ученые объясняют несостоятельность постколониальных африканских национальных государств, среди прочего, следующими факторами: сохранением первобытных уз (Gertz, 1963); маргинализация сообществ (Horowitz 1985); чуждая природа государства (Skinner 1998); поверхностное принятие либеральной демократии и идеологий (Sardan 1999; Situma 2010); политика этнической принадлежности, клиентелизм и покровительство (Bayart 1989; Berman, Eyoh & Kymlicka 2004; Njeru 2007). Эти факторы создали политическую среду, в которой пороки процветают на всех уровнях общества¹, а апатия и отчаяние захлестывают граждан².

Реакция постколониального африканского государства на кризисы была разной.

С одной стороны, африканские лидеры с опозданием попытались прислушаться к совету Питера Ллиода «переключить лояльность масс с этнических групп на государство и с их традиционных правителей на парламентских лидеров» (цит. по Skinner 1998, 19). Восстановление Йовери Мусевени традиционных монархий в Уганде, по-видимому, ведет к обратному, но рассчитано на то, чтобы обеспечить опору на

традиционные лидеры в национальном правительстве. В Кении политические лидеры научились искать благословения у традиционных лидеров

этнических групп в попытке выиграть или сохранить политические посты во время выборов.

Однако политики использовали таких лидеров только в символических целях и, следовательно, разрушили престиж таких лидеров, точно так же, как колониальная администрация использовала некоторых традиционных этнических лидеров и тем самым уничтожила их (Skinner 1998, 19).

С другой стороны, были институциональные и законодательные ответы на Крах постколониальных африканских национальных государств . В качестве примера можно привести Кению , которая обнародовала новую конституцию в 2010 году, возвестив об учреждении Управления омбудсмана, большем разделении властей между исполнительной , судебной и законодательной властью , положении о судебных разбирательствах в интересах общества и расширенном законопроекте о правах, в том числе. Конституция Кении 2010 г. также заложила правовую основу для передачи полномочий при создании правительств 47 графств. Многие в стране надеялись, что конституция станет противоядием от угнетения и несправедливости, имперского президентства, несправедливого распределения государственных ресурсов и маргинализации.

Однако спустя более десяти лет после эйфорического обнародования конституции и сопутствующего учреждения новых институтов оказывается, что слова Бермана , Эйхоа и Кимлики (2004, 2) по-прежнему применимы к Кении: « Материальные заботы и персоналистические характер патронажных сетей , которые являются проводником этнической политики, по-прежнему сводит на нет актуальность

формальные институты, идеология и политические различия в организации более широкой гражданской политической арены» .

Как правило, восприятие гражданами результатов институциональных , правовых и политических преобразований , как правило, разделяется по линии этнического разлома, когда преобладают те, кто обладает властью и определяет распределение власти .

национальные ресурсы, с одной стороны, и те , кто находится в маргинальном положении, с другой. Таким образом , хотя представления и являются полезными индикаторами результатов социальных , политических и экономических вмешательств, они ограничены (Nouvel 2016). Кроме того, вряд ли существует « согласие среди африканцев относительно значения демократии » .

(Скиннер 1998, 21). Действительно, даже в западном дискурсе либеральная демократия является лишь одной из различных версий демократии (Smit and Oosthuizen 2011; Coppedge and Gerring 2011; Nussbaum 1997). Однако « африканские ученые все чаще настаивают на том, что в то время как западные идеи о демократии конкретно укоренены в понятии политических и социальных прав для отдельных лиц, реальность Африки такова, что «коллективы» или «этнические» группы , а не отдельные лица требование социальной справедливости» (Skinner 1998, 21).

Стоит также отметить, что либеральная демократия и капитализм ниспровергли некоторые аспекты коренных африканских ценностей, включая трудолюбие , щедрость , честность и уважение. Взгляд на подрыв этих аспектов был получен в ходе опроса личных убеждений кенийской молодежи в 2016 году: «50 процентов опрошенных молодых людей считают, что не имеет значения, как человек зарабатывает деньги, если он не попадает в тюрьму; 47% восхищаются теми , кто зарабатывает деньги всеми правдами и неправдами (в том числе торгуя3); 30 процентов считают, что коррупция выгодна» (Авити и Скот, 2016, 2). В отчете сделан вывод о том, что выраженное молодежью стремление к предпринимательству несовместимо с высокой терпимостью к коррупции, уклонению от уплаты налогов и желанием зарабатывать деньги любыми способами. В

В отличие от результатов опроса, в коренных африканских обществах тяжелая работа ценится как надлежащий способ зарабатывать средства к существованию и бороться с бедностью. Именно на этом фоне мы обращаемся к коренным африканским способам социального существования с целью рассмотрения того, что можно извлечь из них для создания более жизнеспособных социально-политических образований вместо нынешних, которые в значительной степени созданы по образцу чужеродных традиций, а отчасти результат искажений, возникших, в частности, из-за насильственных и унижительных конструкций работорговли и колонизации.⁴

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ _

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ FROM КОРЕННЫЕ АИАМ ЕС F R C N O D

При рассмотрении элементов местной африканской модели демократии другие чем участие граждан в написании конституции своей страны и в избрании ее лидеров, мы частично согласны с формулой Кэмпбелла для определения качества демократии: «Качество демократии = (свобода + другие характеристики политической системы) + (производительность неполитических аспектов)» (Campbell 2008, 3). Наше согласие является частичным, потому что либеральная демократия придает неполитическим аспектам человеческого существования меньшее значение, чем политическим. Он придает меньшее значение таким неполитическим аспектам, как мораль, общность и культура, считая их сверхобязательными. 5 В

самом деле, либеральная демократия не придает существенного значения этим аспектам, которые являются фундаментальными для мысли коренных африканцев. Демократический рейтинг Кэмпбелла определяет шесть отдельных аспектов (верховенство закона, участие, подотчетность, равенство, свобода и производительность) и оценивает каждый из них по шкале от 1 до 100, не принимая во внимание влияние идеологических рамок (Кэмпбелл). 2008, 5). Опросный инструмент Кэмпбелла является логическим следствием предположения либерализма о том, что идеология имеет меньшее значение в свободных обществах, как это очевидно у Ролза (1971) и Фукуямы (1992).

Джордж Эйитти (1991) и Элизабет Исичей (1997) изучили местные африканские институты во всем их разнообразии и пришли к выводу, что Африка сложна и разнообразна, с демократическим и деспотическим наследием руководства. Таким образом, в местных африканских учреждениях предлагаются как желательные, так и нежелательные практики. В настоящем разделе мы стремимся определить желательную практику этих институтов для включения в системы управления современных африканских государств.

Африканские культуры были разнообразны в доколониальную эпоху, и они продолжают быть разнообразными и сегодня. Тем не менее в их политической практике есть определенные общие элементы, обладающие большим потенциалом для повышения качества управления в современной африканской политике.

ЛИДЕРЫ КАК РОДИТЕЛИ _

В доколониальной Африке существовали как сегментированные или децентрализованные сообщества, так и централизованные. У последних были хорошо развитые политические, социальные и экономические системы, где король или вождь вместе со старейшинами поддерживали закон и порядок. Руководители таких политических образований несли ответственность не только за безопасность, но и за содействие процветанию общества путем развития торговли и сельского хозяйства. Децентрализованные сообщества не имели постоянной армии, но, как отмечает Кобба, во время войны члены расширенных семей попадали «в иерархию, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование и выживание общины» (Кобба 1987, 324). Старейшины в таких общинах пользовались уважением, потому что они несли ответственность за заботу обо всех членах клана. Эта всеобъемлющая ответственность отражалась в старейшине, который был отцом/опекуном всего, а не просто патриархом всего.

его усадьба. Даже в централизованных сообществах короли, королевы и вожди были (в довольно сильном смысле) отцовско-материнскими фигурами за пределами своих поместий. Это важный элемент, который может стать одним из столпов местной африканской модели демократии в двадцать первом веке, в отличие от бедной модели либеральной демократии, в которой лидеры ведут себя так, как если бы они были исполнительными директорами безличных поставщиков коммунальных услуг. (Найт 1998, 227).

Вообще, с точки зрения сострадания к тем, кем они руководят, современные африканские лидеры не в лучшую сторону отличаются от традиционных, будь то в централизованных или децентрализованных традиционных сообществах. Современные африканские лидеры проявляют эгоцентрические и нарциссические тенденции, которые разрушают все жизни, кроме тех, что живут в их домах. Есть случаи, когда лидеры проявляют заботу о членах своих кланов, что в плюралистических государствах равносильно кумовству. Если этот местный элемент должен использоваться в качестве опоры демократии в нынешних многоэтнических государствах, мы должны прислушаться к совету Эмеакарочи:

Африканец должен нести идеалы своего сообщества в более широкое сообщество... Ценности, лелеемые в его сообществе, должны дать ему понять, что другой человек брат как человек. Поэтому пословица игбо гласит: «Не смейся над далекой лодкой, брошенной волнами, в ней может быть твой брат»; теперь должно быть: «Не смейтесь над далекой лодкой, которую качает волна, человеческий бытие в нем». (Эмеакароча, 2002 г.)

Другими словами, необходимо широкое сострадание, которое позволило бы гражданам и лидерам иметь чувство соотечественника, даже если они по-прежнему осознают свою этническую идентичность. Соотечественничество напрямую требует приверженности справедливости, которая исключает нарушения, подобные тем, которые были засвидетельствованы в африканских национальных государствах при либеральной демократии.

КОСМОПОЛИТАНИЗМ ЭТО ИЛИ КОММУНИТАРНАЯ ОСНОВА

Предполагая, что виновниками величайшей несправедливости в африканских национальных государствах являются лидеры, культивирование местного понятия отечества или родины определенно изменило бы взгляды граждан на их обязанности и права. Стоит отметить, что представления коренных африканцев об отцовстве, материнстве, братстве и сестринстве были шире атомистических представлений либерализма. Большая проблема, которую необходимо решить в этом отношении, состоит в том, как оправдать и реализовать родственную пристрастность в национальных рамках, и даже более того, как оправдать и реализовать соотечественную пристрастность в космополитических рамках (Bascara 2016). В качестве отправной точки широко распространенное представление о справедливости, согласно которому «убийство родственника ... это преступление, но и мерзость. . . . Но если убивают чужака, преступление приобретает иное измерение и рассматривается с меньшей степенью серьезности» (Emeakaroha 2002), должно быть реконфигурировано в соответствии с реальностью. Может ли Ubuntu 7 дать ключ к перенастройке исконно африканского представления о справедливости на национальном и даже глобальном уровнях? Основное понятие ubuntu состоит в том, что человек является человеком через других людей. Десмонд Туту уместно выражает это в своем утверждении, что «Ubuntu говорит, что я человек только потому, что вы человек. Если я подрываю вашу человечность, я дегуманизирую себя» (цитируется по Wilson 2001, 9). Понятие человечества во всей своей полноте заключается не в единообразии человеческой деятельности и выбора, а скорее в признании разнообразных человеческих ценностей и норм и доступности их для нашего присвоения посредством принятия или адаптации. Кроме того, утверждение Туту означает, что подлинное человеческое удовлетворение является плодом сострадательных устремлений и усилий. В этом вопросе существуют противоположные взгляды двух лиц: человек X пропитан добродетелями и остается приверженным добродетельной жизни даже при решении самых непреодолимых задач, а человек Y ничем не привержен и поэтому сильно склонен отказаться от любых своих занятий при малейшей трудности. Человек Y — постисторический человек Фукуямы или женщина; ибо, как мы отмечали ранее, Фукуяма утверждал, что благородные аспекты мужество, воображение и идеализм будут вытеснены экономическим расчетом, озабоченностью техническими аспектами, заботой об окружающей среде и потребительством (Fukuyama 1992, 17). Гуманистический взгляд на людей состоит в том, что они являются продуктом их выбора и действий, как индивидуальных, так и коллективных. Бесчеловечные усилия отдельных людей, этнических групп и классов неизбежно ведут к несчастью, разочарованию и потерям. Коммунистическая планка в человеческой реализации означает, что либеральная демократия с ее упором на почти безудержную свободу личности не является жизнеспособной моделью.

Другие элементы, которые будут лежать в основе местной африканской модели Демократия двадцать первого века включает децентрализованные политические системы и партисипативную демократию, но они не могут решить проблемы, преследующие африканские страны, без культивирования коммунитарных гражданских добродетелей и консенсусного подхода к разрешению конфликтов, которые были бы полезны в некоторых случаях. где интересы меньшинства могли быть подавлены мажоритарным подходом (Norris 1997, 6). В то время как большинство африканских стран перешли от колониального правления к независимости с мажоритарной избирательной системой, есть свидетельства того, что такой подход отчуждает некоторые этнические группы, тем самым разжигая нестабильность и разжигая шумиху в пользу отделения. Тот факт, что либеральная демократия предполагает оправдание статус-кво, усугубляет проблему, поскольку этническая группа, контролирующая государственный аппарат, также имеет ресурсы для манипулирования политическими процессами и результатами. Короче говоря, демократия не предлагает быстрого решения этой либеральной головоломки, но, если она будет принята, обеспечит постепенный выход из нее. Политическая элита, которая отталкивает, угнетает и эксплуатирует некоторые группы, является наследником либеральной демократии. Они не думают, что есть что-то плохое в том, что некоторые люди находятся на обочине капитала и государства, считая это просто этапом, который будет пройден позже в истории. Проблема в том, что маргиналы не читают этот сценарий, а вместо этого ставят под сомнение легитимность государства. Децентрализация или децентрализация без моральной и культурной трансформации не являются решением, потому что тогда маргинализация передается округам. Должен быть капитальный ремонт мировоззрения, ценности и нормы людей; и это концептуальная революция.

ВЫСОКАЯ ПРЕМИЯ ЗА АФРИКАНСКОЕ ВЗГЛЯД НА СЕМЬЮ

С африканской общинной ориентацией непосредственно переплетается место семьи в общем африканском мировоззрении. Тот факт, что «африканцы ценят жизнь выше всего остального» и что «африканское мировоззрение помещает человека в континуум мертвых, живых и еще не родившихся» (Emeakaroha 2002), означает, что политические процессы формировали мировоззрение африканцев будет наполнено большим значением, чем это когда-либо может произойти в либеральной демократии. Существует резкий контраст между взглядами и действиями «пустой» человек и человек, который должен взвешивать свое поведение с точки зрения живых мертвецов и еще не родившихся, не говоря уже о живых. Африканская семья, самый важный институт в африканском мировоззрении, на самом деле представляет собой сообщество ценных отношений, которое хорошо осознает свою историю, а также простирается до потомства. В модели демократии, высоко ценящей семью, граждане более склонны проявлять должную осмотрительность при избрании своих лидеров, а также при принятии других решений. Это контрастирует

с балансированием на грани войны, а также с корыстным и хищническим поведением как граждан, так и лидеров в либеральной демократии.

Кроме того, значение сообщества занимает гораздо более высокое место выше автономии и достоинства личности. Так, Кобба замечает, что «в таком обществе, как Акан, стремление к человеческому достоинству не связано с отстаиванием права любого человека перед миром. Африканское понятие семьи ищет подтверждение общественного благополучия. Отправной точкой является не индивидуум, а вся группа, включая живых и мертвых» (Кобба, 1985, 322). Это воплощено в африканской пословице: «Благосостояние одного человека не делает город богатым. Но процветание города делает людей богатыми» (Eteakaoha 2002). С экономической точки зрения, африканские национальные государства должны включать меры процветания, которые

включая всех граждан, даже когда они производят расчеты ВВП.

КОРЕННАЯ АФРИКАНСКАЯ МОРАЛЬ

В обширном исследовании суахили восточного побережья Африки Кай Крессе заметил, что центральным аспектом их морального мировоззрения является «изречение Mtu ni watu, «Человек есть человечество»». Поговорка суахили отражает повсеместное распространение убунту в Африке, о чем свидетельствует ван Бинсберген (2001, 53).

Большое значение для наших размышлений о морали имеет замечание Крессе о том, что «в суахили концепция человечества семантически связана с нравственностью, являющаяся исключительно человеческим качеством» (Крессе 2007, 139). Если на самом деле дело в том, что «уту» [кисвахили для «человечества»] имеет мораль и добро как первичные коннотации» (Kresse 2007, 139), то это, вероятно, является решающим элементом, который может изгнать наглые грабежи и разрушения общественные учреждения. Важность уту (кисвахили для «человечества») в коренных африканских моделях демократии также объясняется тем, что нет такого состояния, как «плохая человечность» (Kresse 2007, 145). Когда люди потеряли свою человечность, они изгнаны из «царства человечества (уту) в сферу животных, скотства (уньяма)» (Крессе 2007, 145). Это может показаться, что динамика либеральной демократии подорвала гуманные аспекты людей с Запада. Либеральная демократия и ее моральная теория и социология добились этого, уничтожив «всякое подлинное

Различие между манипулятивными и неманипулятивными социальными отношениями» (Макинтайр 1981, 23). В либеральной демократии эпохи после «холодной войны» различие между mtu (кисвахили для «человека») и kitu (кисвахили «вещь») стирается, а со стиранием приходит потеря человечества. Поэтому модели демократии коренных африканских народов для двадцать первого века должны восстановить и сохранить эту разницу.

ВАЖНОЕ МЕСТО СОЦИАЛИЗАЦИИ _ _

В свете наших предложений , изложенных в предыдущих параграфах, возникает вопрос : как африканские государства могут культивировать эти местные элементы до уровня, который может привести к переходу от либеральной демократии к моделям демократии коренных народов Африки ? Колберг (1981), Макинтайр (1999), Крессе (2007), Ситума (2015) и Ситума, Одиемо и Мутиса (2017) утверждают, что социализация имеет решающее значение для нравственного развития, а нравственное развитие — это приобретение добродетелей . Кроме того, Аджиболосоо утверждает, что «во многих случаях программы повышения производительности и качества терпят неудачу, потому что они игнорируют тот факт, что длительный успех, разработка человеческого фактора должна стать основным ядром этих программ » (Adjibolosoo 1996, 83; см. также Adjibolosoo 2004).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышеприведенных размышлений становится очевидным, что культуры динамичны , и ввиду встречи африканцев с другими культурами задача определения и восстановления жизнеспособных элементов демократического управления из коренных африканских культур является обременительной. Прэг указывает , что одной из проблем построения политических процессов на основе гуманизма является возникновение опасных событий , которые сводят на нет ценные основополагающие аспекты, такие как произошло в Южной Африке в 2012 году, когда, несмотря на заявленную приверженность Убунту, правительство высвободило агентов безопасности. на демонстрантов, убив десятки их. Прэг справедливо характеризует это событие как момент , когда «Существование сводится к случайному результату расчета мимолетных интересов . . . Из Конечно, есть реальный смысл, в котором политическое всегда является именно таким расчет» (Praeg 2014, xii). Другими словами, даже когда народ привержен гуманизму, он должен постоянно противостоять искушению прибегнуть к целесообразности. Гуманизм, выраженный в различных культурах, требует постоянного самоанализа в попытке понять, что влечет за собой быть человеком. Это то, что Прэг понимает как «долговременную итерацию основополагающего намерения , решимость оставаться привязанной к чувству цели, которое впервые объединило коллектив как «Мы» » (Praeg 2014, xii).

Кроме того, процесс возрождения общинных ценностей Африки может эффективно справиться с когнитивными кризисами, вызванными колонизацией и унаследованной либеральной демократией, только в том случае, если школьные программы постепенно и систематически включают такие ценности . Это предложение вытекает из нашего более раннего аргумента в пользу культивирования туземного понятия отечества или родины , чтобы переориентировать взгляды граждан на их обязанности и права, реконфигурируя их представления о справедливости, чтобы привести их в соответствие с реальностью .

жизни в мультикультурном государстве и укоренении в них идеи уту (кисвахили для «гуманности»), а именно, что, если они подрывают человечность других людей, они дегуманизируют самих себя. Привитие этих и других ценностей должно быть непрерывным на протяжении всего продвижения учащихся в системе образования и должно быть организовано последовательно. Это инженерно-человеческое измерение, которое предлагает Аджиболосоо (1996; 2004). Ввиду _

тот факт, что колониальное государство было по определению навязано африканским обществам (Young 1994, 3), и поскольку институты и практики многогранны, процесс восстановления коренных африканских ценностей и практик должен быть междисциплинарным. Только после выявления и переосмысления соответствующих ценностей и обычаев коренных африканцев можно будет приступить к реализации проекта по воспитанию граждан с патриотизмом вместо местничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробное описание коррупции см. в Sardan, JP Olivier de, 1999. «A Moral Economy of Corruption in Africa», The Journal of Modern African Studies, Vol. 37 № 1 и ответ U4Expert, Transparency International: Глобальная коалиция против коррупции, www.transparency.org.
2. См. Берман, Брюс Дж. 2010 г. «Этническая принадлежность и демократия в Африке». Рабочий документ JICA-RI № 22, ноябрь 2010 г., Исследовательский институт JICA.
3. Это сленг для использования незаконных или неформальных средств для достижения результата.
4. Это стремление не исключает использования некоторых ценных аспектов других традиций, в том числе западных и восточных.
5. «Сверхобязанность» относится к акту превышения того, что морально требуется от человека или учреждения.
6. Соотечественничество – чувство товарищества между людьми, являющимися гражданами одной страны. С другой стороны, патриотизм – это чувство твердой отождествленности с интересами своей страны.
7. Мы используем ubuntu в том же смысле, что и Praeg (2004), «для обозначения живой практики («настоящих форм африканской социальной жизни»)», но также и для обозначения африканского мировоззрения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аджиболосоо, Сеньо. 1996. «Образование и обучение для эффективного развития лидерства и управления производительностью и качеством в Африке». Adjibolosoo, Senyo изд. Человеческий фактор в развитии Африки. Вестпорт: издательство Praeger, стр. 83–98.
 ———. 2004. «Процесс разработки человеческого фактора: подготовка людей к задачам и задачам управления». Проблемы и перспективы управления

мент, Том. 2 № 2, стр. 149–64. <https://businessperspectives.org/component/zoo/the-человеческий-фактор-инженерный-процесс-подготовки-людей-к-задачам-и-чallenges-of-management>.

Авити, Алекс О. и Брюс Скотт. 2016. Отчет об опросе молодежи . Найроби: Университет Ага Хана.

Айитти, Джордж. 1991. Институты коренных народов Африки . Лейден: Мартинус Нийхофф.

Баскара, Рэйчел. 2016. «Пристрастность соотечественников и космополитическая справедливость: можем ли мы оправдать пристрастность соотечественника космополитической концепцией?» Этик и Практис: Северный журнал прикладной этики, Vol. 10 № 2, стр. 27–39. <http://dx.doi.org/10.5324/cip.u10i2.1921>.

Берман, Брюс Дж. 2010. «Этническая принадлежность и демократия в Африке» . Рабочий документ JICA-RI № 22, ноябрь 2010 г. Исследовательский институт JICA .

Берман, Брюс, Диксон Эйо и Уилл Кимлика. 2004. Этническая принадлежность и демократия в Африке. Огайо: Издательство Университета Огайо .

Браун, Крис. 2007. «Всеобщие права человека: критика» . Международный журнал прав человека , Vol. 1 № 2, стр. 41–65. <https://doi.org/10.1080/13642989768406666>.

Кэмпбелл, Дэвид Ф. Дж. 2008. «Основная концепция демократического рейтинга качества демократии» . Рейтинг демократии , Вена. http://democracyranking.org/downloads/basic_concept_democracy_ranking_2008_A4.pdf.

Кобба, Джозия А. 1987. «Дебаты об африканских ценностях и правах человека : африканская точка зрения» . Ежеквартальный журнал по правам человека , Vol. 9 № 3, стр. 309–31. <http://www.jstor.org/stable/761878> .

Консейсао, Педро и Намсук Ким. 2009. «Асимметричное влияние колебаний роста на человеческое развитие: данные корреляции замедления и ускорения роста» . Журнал развивающихся регионов, Vol. 48 № 3, стр. 31–

45. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2001534.

Коппедж, Майкл и Джон Герринг и др. 2011. «Концептуализация и измерение демократии» . Исследовательские статьи, Vol. 9 № 2, стр. 247–67. <http://128.197.153.21/jgerring/documents/MeasuringDemocracy.pdf>.

Эмеакароха, Эмека. 2002. «Африканские культурные ценности» . www.emeka.at/африканский_culture_vaules.pdf.

Фукуяма, Фрэнсис. 1989. «Конец истории ?» The National Interest, № 16, стр. 3–18. <http://www.jstor.org/stable/24027184>.

———. 1992. Конец истории и последний человек. Нью-Йорк: Свободная пресса.

Гегель, Георг Вильгельм. 1807. Феноменология духа. Миллер, AV пер. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

———. 1956. Философия истории . _ Сибри, Джон пер. Нью-Йорк: Dover Pub.

Хопгуд, Стивен. 2014. Конец прав человека . Итака, Нью-Йорк: Издательство Корнельского университета .

Хантингтон, Сэмюэл. 1996. Столкновение цивилизаций и переделка мирового порядка . Нью -Йорк: Саймон и Шустер.

Исичей, Элизабет. 1997. История африканских обществ до 1870 года. Кембридж : Издательство Кембриджского университета .

- Кольберг, Лоуренс. 1981. Очерки нравственного развития , Vol. 1: Философия нравственного развития. Сан -Франциско, Калифорния: Harper & Row.
- Кожев, Александр. 1969. Введение в чтение Гегеля: лекции по феноменологии духа. Итака: Издательство Корнельского университета .
- Кресс, Кай. 2007. Философствование в Момбасе: знания, ислам и интеллектуальная практика на побережье суахили . Лондон: Издательство Эдинбургского университета .
- Левин, Майкл. 2011. «Успех Ботсваны : эффективное управление, правильная политика и удача» . Чухан-Поул, Пунам и Манка Ангвафо , ред. Да, Африка может: успех Истории с динамичного континента. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк.
- Макинтайр, Аласдер. 1981. После добродетели: исследование теории морали . Нотр-Дам: Издательство Университета Нотр-Дам .
- Намли, Елена. 2018. «Критика универсализма прав человека » . Стенмарк, Микаэль, Стив Фуллер, Ульф Закариассон, ред. Релятивизм и постправда в современном обществе: возможности и вызовы. НП: Пэлгрейв Макмиллан.
- Норрис, Пиппа. 1997. «Выбор избирательных систем: пропорциональные, мажоритарные и смешанные системы» . Международный обзор политических наук, Vol. 18 № 3, стр. 297–312.
- Нуссбаум, Марта. 1997. Феминистская критика либерализма : лекция Линдли. Канзас-Сити: Канзасский университет .
- Платтнер, Марк. 2010. «Популизм, плюрализм и либеральная демократия» . Журнал демократии, Vol. 21 № 1, стр. 82–92.
- Поппер, Карл. 1945. Открытое общество и его враги. <https://www.andrew.cmu.edu/~пользователь/jksadegh/A>.
- Познер, Эрик. 2014. Сумерки закона о правах человека . Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
- Прег, Леонхард. 2014. «Предисловие» . Прег, Леонхард и Сифокази Магадла , ред. Ubuntu: курирование архива. Питермарицбург: Издательство Университета Квазулу-Наталь.
- Скиннер, Эллиот П. 1998. «Африканские политические культуры и проблемы правительства» . Ежеквартальные исследования Африки , Vol. 2 № 31, стр. 16–25. <http://www.africa.ufl.edu/asq/v2/v2i3a3.pdf>.
- Смит, Мариус Х. и Изаак Остуизен. 2011. «Улучшение управления школами посредством демократии участия и закона» . Южноафриканский журнал образования, Vol . 31 № 1, стр. 55–73.
- Ван Бинсберген, Вим. 2001. «Ubuntu и глобализация южноафриканской мысли и общества» . Квест: Африканский философский журнал , Vol. XV № 1–2, стр. 50–90. https://www.researchgate.net/publication/270013273_The_Bewaji_Van_Binsbergen_and_Ramose_debate_on_'Ubuntu'.
- Уэльс, Дженнифер. 2016. Возвращение истории : конфликт, миграция и геополитика в двадцать первом веке. Торонто: Дом Anansi Press .
- Уилсон, Ричард А. 2001. Политика правды и примирения в Южной Африке: легитимация государства после апартеида . Кембридж: Издательство Кембриджского университета .
- Янг, Кроуфорд. 1994. Африканское колониальное государство в сравнительной перспективе. Нью-Хейвен, Коннектикут: Издательство Йельского университета .

глава ^{е р} ^{одиннадцать} Демократия и

Право _ _

Mindit in Afr cā

Моисей Олударе Адерибигбе

В современном мире демократия стала наиболее приемлемой формой правления , главным образом из-за ее идеалов, утверждающих право людей на участие в социальных, экономических и политических делах своих стран .

Тем не менее принцип верховного права большинства , лежащий в основе выборов в западной либерально- демократической традиции, сводится к тому, что большинство навязывает свою волю меньшинству, тем самым узаконивая бесправие меньшинств в государстве. В этой главе я утверждаю, что, учитывая склонность значительной части африканцев голосовать в соответствии со своей этнической, культурной и/или религиозной идентичностью, демократия должна означать гораздо больше , чем голосование на выборах. Следовательно, я согласен с позицией Prempeh (2005, 814) о том, что глобализованная демократия и права человека требуют новой интерпретации и применения в различных культурных контекстах за узкими рамками западных либеральных ценностей. Я защищаю ценность рационального консенсуса , который уважает разнообразие, тем самым гарантируя, что все голоса будут услышаны посредством «диалогической конфронтации» в попытке прийти к единодушным решениям по вопросам , затрагивающим все общество. Этот толерантности, позволяющий гражданам с разными мнениями трезво рассуждать по вопросам, представляющим общий интерес, способствовал бы решению наших многогранных проблем. Моя цель — подчеркнуть необходимость того, чтобы процесс принятия решений перешел к местным единицам, таким как линии преемственности и расширенные семьи. Это способствовало бы социальной стабильности за счет вовлечения тех , кто в противном случае был бы исключен из доли власти и связанных с ней выгод страны, тем самым заручившись их доброй волей.

Я разделил главу на три основных раздела: в первом разделе представлены общий обзор концепции и идеалов демократии . Во втором,

Я утверждаю , что, поскольку либеральная демократия является лишь одной из моделей демократии среди другие, Запад не имеет права навязывать его Африке . В третьем я

следуйте за Kwasi Wiredu (1995) в защите беспартийной , основанной на консенсусе демократической системы правления в современных африканских государствах.

ДЕМОКРАТИЯ И ЕЕ ИДЕАЛЫ

В настоящее время почти общеизвестно , что демократия происходит от двух греческих слов: demos («народ») и kratein («правление»), так что буквально означает «народ правит» . Однако под «народом» , в понимании древних афинян , обычно связываемым с истоками западной демократии , понимается совокупность граждан , состоявшая в основном из взрослых свободных мужчин туземного происхождения . Таким образом, иноземные жители, женщины, дети и рабы были лишены права участвовать в делах полиса («города-государства»). Народное правление было прямым, в том смысле, что законодательные решения принимались народом на массовых собраниях (Irele 1998, 83). Кроме того, как объясняет Фредерик Кеньон, выборные должности заполнялись по жребию:

Был . . . быть советом, состоящим из четырехсот одного члена, избранного по жребию из числа лиц старше тридцати лет ; и никто не мог занимать должность дважды, пока не наступит очередь всех остальных , после чего они должны были бросить жребий заново. Если кто-либо из членов совета не явился на собрание заседания совета или собрания он уплатил штраф . . . Собор в Ареопаге был блюстителем законов и следил за магистратами , чтобы они исполняли свои обязанности в соответствии с законодательством. (Кеньон 1952, 554)

Кроме того, все свободнорожденные афиняне мужского пола были равны перед законом и пользовались свободой, предусмотренной законом . Они имели равное право быть услышанными в суверенном собрании государства, прежде чем оно могло принять решение. Кроме того, все важные процессы проходили в народных судах , члены которых выбирались по жребию (Irele 1998, 83).

Таким образом, по существу, афинская демократия позволяла народу делать свое дело. собственные решения о том, как ими управлять , а не небольшая группа людей , принимающих решения от их имени. Однако на протяжении столетий понятие демократии приобрело разнообразие интерпретаций . Например, во время холодной войны как ведущие западные и восточные державы, так и их сателлиты претендовали на то, что они исповедуют подлинную демократию. Таким образом, существует очевидная трудность в достижении научного консенсуса относительно точного определения «демократии» . Мы также должны серьезно относиться к предостережению Джорджа Оруэлла:

Такое слово , как демократия, не только [имеет] . . . согласованного определения нет , но попытка дать его встречает сопротивление со всех сторон. Почти повсеместно считается , что когда мы называем

страна демократическая , которую мы хвалим : следовательно, защитник всякого рода режим утверждает , что это демократия , и опасается , что им, возможно, придется прекратить использование слово , если бы оно было привязано к какому-то одному значению. (Оруэлл 1968, 132-33)

Тем не менее, в погоне за определенной ясностью, давайте рассмотрим некоторые определения демократии , предложенные учеными.

Вслед за Робертом Далем Окунаде (1998, 129) определяет демократию как систему правления , в которой право осуществлять власть исходит из воли народа . По его словам, демократия «максимизирует возможности как для политической борьбы, так и для политического участия » . С этой точки зрения демократия очень отзывчива ко всем гражданам. Точно так же Иреле следует концепции демократии Дюркгейма в рамках диалога (Иреле 1998, 16; Дюркгейм 1957, 91). Дюркгеймовский анализ демократии основан на убеждении, что вопросы, волнующие демократическое политическое сообщество, должны стать предметом коллективного обсуждения и тщательного изучения (Durkheim, 1957) .

Клод Аке (1992, 1) рассматривает демократию как народную власть, то есть правление демоса:

Это была концепция греков , которые «изобрели» теорию и практику демократии . Таково было значение демократии во время Французской революции, которая является повальной бабкой современной демократической практики . Это остается классическим определением демократии , которое с пронзительной простотой переформулировал известный американец как «правительство народа , осуществляемое народом и для народа» . (Аке 1992, 1)

Можно задаться вопросом: стали ли эти демократические идеалы общественной практикой? Возьмем, к примеру, идеал демократии как правления народа: существуют ли государства , в которых все люди управляют собой, активно участвуя в повседневном управлении делами своего государства ? Представляется , что ответ на этот вопрос отрицательный. Среди государств, которые часто считаются в высшей степени демократическими, вряд ли можно найти такое, в котором народ управляет собой напрямую. Как я уже отмечал ранее, единственным государством , которое в значительной степени приближалось к этому идеалу , был древний афинский город-государство с его формой прямой демократии меньшинства, а именно свободнорожденных взрослых граждан мужского пола. Однако в большинстве либеральных демократий существует форма непрямая система управления, при которой представители избираются путем периодических выборов.

Тем не менее, есть некоторые принципы и идеалы, которые являются необходимыми чертами демократии . Они находят практическое выражение в законах и институтах общества и дают указания о том, как члены общества должны работать для его улучшения. Согласно Бусиа (1975, 453), демократия основана на уважении к каждому человеку, что подразумевает приверженность расовому равенству. Широкое согласие в отношении этого принципа проявилось в единомышленном

осуждение африканскими государствами меньшинств европеоидных правительств в Южной Африке, бывшей Южной Родезии (ныне Зимбабве) и португальских колониях Анголы и Мозамбика, во всех из которых существовала напряженность между теми, кто пользовался полными правами, и теми, чьи права были лишены (Бусиа 1975, 453).

Кроме того, в демократическом государстве должна быть свобода слова, когда граждане могут свободно выражать свое мнение о политике правительства и о чем бы то ни было. Остальное касается их как отдельных лиц и их общества в целом. Также должна быть свобода печати и вероисповедания. Все эти свободы предполагают равенство всех граждан. Однако понятие равенства влечет за собой ряд идеи, применимые к различным контекстам и включающие политическое равенство, равенство перед законом, равенство возможностей, экономическое равенство и социальное равенство. Самым важным из них является равенство в системе голосования, которая требует, чтобы каждому голосу придавалось одинаковое значение, без дискриминации кого-либо по таким признакам, как пол, раса, религия или экономический статус (Irele 1998, 86). Кроме того, императивом демократии является то, что правительство должно быть подотчетно народу: те, кто занимает государственные должности, обязаны отчитываться за свою политику и программы.

В свете идеалов демократии, перечисленных выше, можно сделать вывод, что, хотя, как я уже отмечал ранее, трудно прийти к общеприемлемому определению демократии, любая система управления, приверженная этим идеалам, может считаться быть демократичным.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: МОДЕЛЬ СРЕДИ ДРУГИХ

В настоящее время наиболее популярной формой демократии в значительной части мира является либеральная демократия. Согласно Wingo (2004, 451), в Соединенных Штатах и во многих европейских странах свадьба между либерализмом и демократией состоялась около двухсот лет назад. В этом союзе были некоторые уступки демократии политическому либерализму и либерализма демократии. Таким образом, в Соединенных Штатах политический либерализм и демократия образуют органическое целое до такой степени, что мы даже не видим, что они произошли от разных традиций (Wingo 2004, 452).

Либеральная демократия делает упор на верховенстве закона, разделении властей и гарантии прав людей на достижение счастья по своему усмотрению. Кроме того, Макферсон (1965, 29) подчеркнул рождение на Западе собственнический индивид Томаса Гоббса и артикуляция двух взаимодополняющих концепций человеческой личности, а именно атомарного индивидуума как (а) потребителя полезностей и (б) максимизатора своих способностей. На Западе человек стал рассматриваться как личность, наделенная

право на свободное накопление имущества. Ивучукву (1997, 87) объясняет, что эта точка зрения породила новую форму правления с сильным акцентом на: (а) народном участии, даже если посредством представительства, и (б) классовой/партийной политике, которая отражает лежащий в основе класс борьба, и эта форма правления стала известна как либеральная демократия. Он был либеральным, потому что делал акцент на правах личности, и демократическим, потому что содержал элементы, которые способствовали самоуправлению и которые присутствовали в древнегреческой демократии.

Однако существуют формы демократии, противостоящие либеральной модели. Например, существует марксистская модель, которая, как поясняет Макферсон, «содержит идеал человеческого равенства, не просто равенства возможностей подняться по классовой лестнице, а такого равенства, которое может быть полностью реализовано только в обществе, где ни один класс не мог доминировать или жить за счет других» (Macpherson 1965, 24). Таким образом, марксистский подход делает акцент на экономическом положении граждан. Согласно Марксу, чтобы любое общество было демократическим, оно должно быть бесклассовым, со средствами производства, находящимися под контролем рабочих. Таким образом, для Маркса без экономического равенства всех граждан посредством устранения экономических классов не может быть истинной демократии (Маркс и Энгельс, 1977, 398).

Еще одна модель демократии — это модель, которую Макферсон (1965, 28) выделил как подходящую для развивающихся стран Африки и остальных стран. третий мир. Эта модель делает акцент на свободе от голода и невежества и подчеркивает участие широких масс и коллективное принятие решений в среде, свободной от классовой борьбы. Центральное место в этой модели демократия — это однопартийная форма правления, которая, с точки зрения западной либеральной демократии, является недемократической. Однако оценка либеральной демократией этой модели управления не учитывает истинного смысла демократии. По этому поводу Макферсон заметил: «однопартийное правительство можно с полным правом назвать демократическим, если существует полная внутрипартийная демократия, если членство в партии открыто, и если цена участия в партии не является большей степенью активности, чем можно разумно ожидать от среднего человека» (Macpherson 1965, 28).

Кроме того, хотя из-за истории колониализма в Африке люди в континент в основном знаком с либеральной демократией, Западная Европа также породила социал-демократию, которая встречается в скандинавских странах (Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция и Исландия). В этих странах есть конституционные монархии в качестве церемониальных глав государств и премьер-министры, наделенные исполнительной властью. Они имеют однопалатные парламенты и используют пропорциональное представительство в своих избирательных системах. Кроме того, в каждом из них действует многопартийная система и имеется множество политических партий. В результате нередко ни одна партия не имеет шансов захватить власть в одиночку, что дела

необходимы коалиционные правительства, что, в свою очередь, ведет к сотрудничеству между партиями.

Хотя между моделями управления скандинавских стран есть некоторые различия, все они придают большое значение социальному обеспечению с целью поощрения равенства и солидарности. Их модели управления под охраной наборов ценностей, которые актуализируются через государственную политику. В результате различия между классами и регионами в каждой из стран значительно сократились. Как отметил Торбен Инверс (1998, 59), скандинавская социал-демократия представляет собой одну из наиболее систематических попыток сформировать экономические институты и политику в интересах равенства и занятости.

Так, Noralv Veggeland (2020, 135) отмечает, что скандинавские страны имеют долгую историю и пережили сходное социальное и экономическое развитие. Веггеланд продолжает замечать, что наиболее распространенной чертой их

систем является хорошо развитым государством всеобщего благосостояния, характеризующимся его универсализмом, что означает, что все граждане имеют право на основные социальные льготы и защиту занятости, а государственная политика каждой из стран характеризуется высокими социальными расходами, высокими налогами и большим общественным сектор.

В свете разнообразия моделей демократии бывшие западные колониальные державы не имеют права навязывать Африке либеральную демократию. Это для по этой причине мы теперь переходим к исследованию местной модели демократии, подходящей для африканских государств двадцать первого века.

ДЕМОКРАТИЯ ПО СОГЛАСОВАНИЮ ДЛЯ АФРИКИ:

ЕГО УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТИ

Одной из причин провала демократии в Африке сегодня является тот факт, что многопартийная модель демократии в западном стиле, практикуемая на континенте, не соответствует культурной ориентации ее народов.

Либеральная демократия может быть уместна в некоторых культурных контекстах, но она не гарантирует социально-политического и экономического прогресса народам Африки, потому что, вопреки мировоззрению коренных африканцев, она маргинализирует и лишает возможности меньшинства вместо того, чтобы способствовать исчерпывающим обсуждениям с целью достижения при консенсусе. Одним из шагов в правильном направлении был бы пересмотр коренных африканских ценностей с целью их надлежащего включения в существующие политические структуры для решения современных проблем управления.

Тогда возникает вопрос, существовали ли какие-либо системы политические партии в коренных африканских политических формированиях. За прошедшие годы ученые предприняли несколько попыток ответить на этот вопрос, но каждый ответ во многом зависел от идеологических взглядов каждого мыслителя.

Таким образом, с одной стороны, согласно мнению Джулиуса Ньерере, африканцы управляли партийными системами, но они не были многопартийными системами, как на Западе, где партии возникли в результате существующих социальных и экономических разделений и из-за необходимости бросить вызов монополии политической власти аристократических или капиталистических групп (Nyerere 1969, 479). Действительно, Ньерере защищал однопартийную систему управления на том основании, что, согласно африканскому мировоззрению, «общество» является продолжением основной семейной ячейки, к которой мы все принадлежим. Для него эта точка зрения является прочной основой как социализма, так и демократии в Африке:

Мы, в Африке, нуждаемся в «обращении» к социализму не больше, чем в «обучении» демократии. И то, и другое уходит корнями в наше собственное прошлое, в традиционное общество, породившее нас. Современный африканский социализм может черпать из своего традиционного наследия признание «общества» продолжением основной семьи _ единица. (Ньерере 1977, 12)

С другой стороны, согласно Ситхолу (Sithole, 1959, 459), если африканские политические институты прошлого что-то и говорят нам, так это то, что они были беспартийными системами. Точно так же Wiredu (1995, 59), исходя из политической системы ашанти, утверждал, что не существовало партийной системы в смысле слова «партия», который является основой мажоритарной демократии. Однако для Wiredu партиями можно назвать родословные, к которым принадлежали люди, которые были участниками проекта хорошего правительства. Молодежь, например, объединилась в организованную партию под руководством признанного лидера, и партия имела право обращаться непосредственно в соответствующий совет по всем вопросам, представляющим общественный интерес, поскольку партия не была членом совета. Единственная разница заключалась в том, что ни одна из группировок не организовалась с целью получить власть и тем самым лишить ее других. Для Wiredu это аспект традиционных африканских политических систем, к которым апеллировали сторонники однопартийной системы в своих попытках доказать ее африканское происхождение и подлинность. Поэтому Wiredu выступает за беспартийную систему управления, сформированную на основе консенсуса избранных представителей, которые становятся своего рода коалицией — не партий, а скорее граждан (Wiredu 1995, 61).

Следуя Wiredu, я придерживаюсь мнения, что для процветания демократии в Африке необходимо вернуться к беспартийной системе управления. Тот факт, что традиционные африканские вожди пришли к власти без выборов, свидетельствует о том, что беспартийная система может процветать в Африке. Согласно Теффо (2004, 445), было бы недальновидно настаивать на том, что единственный способ, которым короли, вожди и кто-либо еще могут легитимно получить политическую власть, — это выборы. На протяжении тысячелетий и даже до наших дней монархии (короли и королевы) во всем мире, как правило, приобретали свой конституционный статус не путем выборов. Тем не менее их статус не считался обязательно противоречащим

подлинность демократических форм правления. Например, монарх Англии не избирается, и тем не менее сторонники демократии не относятся с пренебрежением к британской демократии. Следовательно, даже в современной Африке возможно развитие демократической системы управления, при которой легитимная политическая власть достигается без выборов.

Я также разделяю мнение Wiredu о том, что консенсус является ответом на политические проблемы современных африканских государств. Это связано с тем, что коренная африканская социальная организация основывалась на принципе солидарности, то есть характеризовалась общинным духом и, следовательно, была ориентирована на людей. Таким образом, решение на основе консенсуса часто было порядком день. Согласно Wiredu (1995, 62), консенсус — это не просто необязательный бонус; скорее, это необходимо для обеспечения существенного или того, что также можно было бы назвать решающим, представительства для представителей народа и, через них, для граждан в целом, и это не что иное, как фундаментальное право человека.

Кроме того, Wiredu утверждает, что как минимум усилия должны быть сделаны для того, чтобы убедить каждого представителя в практической необходимости каждого решения. По мнению Wiredu, если бы дискуссия была хотя бы умеренно рациональной и если бы дух был духом уважительного согласия со стороны всех сторон, сохранившиеся оговорки со стороны меньшинства не помешали бы признанию того, что если сообщество хочет идти вперед, должна быть принята определенная линия действий. Это, по Wiredu, не следует путать с принятием решений на основе принципа верховного права большинства: в этом случае большинство преобладает не над меньшинством, а скорее над меньшинством — они уговаривают его принять рассматриваемое предложение, а не просто жить с этим, последнее является основным бедственным положением меньшинств при мажоритарной демократии. Более того, по вопросу о консенсусе Вамала (2004, 439) убедительно утверждает, что традиционная африканская система правления на основе консенсуса была эффективной и действенной. По его словам, у Баганды была монархическая система скорее ограниченного, чем абсолютного типа. Монарх правил через совет глав кланов, а на разных уровнях общества были главы, подглавы и вожди. В любых дебатах цель состоит в том, чтобы достичь консенсуса. Если после должного обсуждения совет достигал консенсуса, для монарха было табу выступать против него или отвергать его. Вот почему, по Вамале, монархия была «ограниченной» разновидностью; по этой же причине монархический характер системы был совместим с ее демократичностью.

Принимая во внимание вышеизложенные размышления, я считаю, что африканским государствам нужны демократические системы, основанные на принятии решений на основе консенсуса, а не нынешние мажоритарные. Безусловно, у системы консенсуса есть свои проблемы, особенно там, где решающее решение должно быть принято без единогласия. В таких случаях обсуждения будут проводиться на основе обязательств.

умение уважать различные и расходящиеся мнения с целью достижения

решение, с которым могли бы жить те, кто придерживается мнения меньшинства .

Одной из ценностей, которая может сделать демократию в Африке устойчивой, является терпимость.

Английское слово «терпимость» происходит от латинских терминов *tolerare* и *tolerantia*, которые означают терпеть, терпеть, терпеть и терпеть. Древнегреческие термины, которые, возможно, также повлияли на западное философское мышление о терпимости, включают форетос («выносимый» или «терпимый»), форео (буквально «нести») и анектикос («терпимый» , «выносимый» или «терпимый») от апехо («держат») (Fiala 2017, 1). Appadorai (1975, 21) определил императивные условия для жизнеспособности любой демократии, а именно широко распространенную привычку к терпимости и компромиссу среди членов сообщества , чувство

«давать и брать» , предоставление индивидууму адекватных возможностей для реализации его или ее потенциальных возможностей, а также надлежащая организация и лидерство.

Члены этнически или религиозно плюралистических обществ, таких как в большинстве постколониальных африканских государств, должны научиться терпеть друг друга.

Что касается терпимости, Бусиа (1975, 453), сравнивая проблемы демократии в традиционном и современном африканских обществах, предположил, что демократия не может работать, если те , кто стремится осуществлять свободы , соответствующие достоинству человеческой личности, не признают равные права . других , чтобы осуществлять их тоже. Другими словами , они должны подтверждать право других думать и делать выбор по- другому . В традиционных африканских обществах большая часть членов придерживалась одних и тех же религиозных верований, разделяла одни и те же ритуалы и придерживалась одних и тех же взглядов на вселенную. Таким образом, высоко ценяемая солидарность этих обществ основывалась на конформизме. Тем не менее, в современных плюралистических африканских обществах нереально надеяться на достижение солидарности на основе конформизма. Таким образом, одной из важнейших характеристик плюралистического демократического общества является толерантность . Кроме того, как я уже отмечал ранее , партийная политика западного образца с сопутствующим ей правом голоса один человек в сочетании с мажоритарной ориентацией ведет к доминированию

меньшинства большинством, вызывая напряженность в современной африканской политике.

Таким образом, принятие идеала терпимости позволит различным группам терпеть друг друга в ходе обсуждения, пока не будет достигнут консенсус .

Это обеспечит значимое участие всех групп в делах государство.

Перспектива жить вместе как сплоченное общество и укреплять

политические структуры , чем то, что мы имели до сих пор, не является иллюзией. Мы будем твердо стоять на пути к достижению этого , когда пересмотрим наши системы ценностей с

целью реструктуризации наших политических систем таким образом , чтобы каждый

участвовал в составлении дорожной карты для нашего коллективного благополучия. Чтобы

это произошло, мы должны заново посвятить себя таким добродетелям, как честность,

уважение друг к другу, отстаивание человеческого достоинства, святость человеческой жизни ,

целостность, справедливость и представление о государстве как о большой семье, которая является центральным нервом нашего коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своем традиционном культурном наследии Африка имеет все необходимое, чтобы быть независимой и самодостаточной. В предыдущих размышлениях я выступал за модель демократия, основанная на африканском политическом наследии, чтобы гарантировать права меньшинств, устраняя тем самым их страх перед вечным господством.

Высшее право большинства, отстаиваемое в современных политических системах западного типа, лишает меньшинства их гражданских прав. Следовательно, я согласен с Wiredu в том, что ценность рационального консенсуса, основанного на принципе солидарность, характерная для местной африканской социальной организации, была ориентирована на человека и является ответом на политические проблемы современных африканских государств.

В том же духе ценность терпимости, которая поощряет чувство «отдавать и принимать» среди членов общества, обеспечивает индивидууму возможность актуализировать свои потенциальные возможности и обеспечить надлежащую организацию и лидерство среди членов этнически или религиозно многообразных обществ, таких как в большинстве постколониальных африканских государств. Наконец, такие ценности, как справедливость, честность и уважение друг к другу, лежащие в основе демократической культуры, во многом помогут заложить основу для устойчивых демократий в Африке XXI века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аке, Клод. 1992. Осуществимость демократии в Африке, № 1. Ибадан: Центр исследовательской документации и университетского обмена.

Аппадорай, Ангадипурам. 1975. Сущность политики. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.

Бусиа, Кофи Абрефа. 1975. «Демократия и однопартийная система». Мутисо, Гидеон Сайрус и С.В. Рохио, ред. Чтения африканской политической мысли. Лондон: Хайнеманн, стр. 462-67.

Дюркгейм, Эмиль. 1957. Профессиональная этика и гражданская мораль. Лондон: Рутледж и Кеган Пол.

Фиала, Эндрю. 2017. «Толерантность». Физер, Джеймс и Брэдли Дауден, ред. Интернет-энциклопедия философии. www.iep.utm.edu/tolerati/.

Иреле, Дипо. 1998. Введение в политическую философию. Ибадан: Издательство Ибаданского университета.

Иверсен, Торбен. 1998. «Выбор скандинавской социал-демократии в сравнительной перспективе». Оксфордский обзор экономической политики, Vol. 14 № 1, стр. 59-75.

Ивучукву, Оливер. 1998. «Демократия и региональные онтологии» . Огеджиофор, Дж. Оби, изд.

Африканская философия и связи с общественностью. Энугу: Публикации Дельты, стр. 82–93.

Кеньон, Фредерик. 1952. «Афинская Конституция» . Хатчинс, Роберт изд.

Работы Аристотеля, Vol. II. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Макферсон, Кроуфорд Б. 1965. Реальный мир либеральной демократии. Торонто: публикации СВС .

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1977. Избранные произведения, Vol. 3. Москва: Прогресс Издатели.

Ньерере, Юлиус К. 1977. Уджамба: Очерки африканского социализма. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Окунаде, Байо. 1998. «Демократия и права человека в контексте Африки двадцать первого века» .

Оладипо, Олусегун, изд. Преобразование Африки: вызовы двадцать первого века. Ибадан: Публикации Надежды , стр. 127–44.

Оруэлл, Джордж. 1968. «Перед твоим носом : 1945–1950» . Оруэлл, Соня и Ян Ангус, ред. Собрание эссе, журналистики и писем Джорджа Оруэлла Том . 4.

Нью-Йорк: Harper & Row, стр. 132–33.

Премпе, Эдвард Осей Квадво. 2005. «Глобализация демократии и прав человека» . Канадский журнал политических наук, Vol. 38 № 3, стр. 814–15. <https://www.cambridge.org/core/journals/canadian-journal-of-politic-science-revue-canadienne-de-science-politique/article/div-classtitleglobalizing-democracy-and-отдел прав человека/EDC53FA9C145BBC8DEA3E574908B12A4>.

Ситхоло, Ндабанинги. 1959. «Одно/двухпартийная система» . Мутисо, Гидеон-Сайрус и SW Рохио ред. Чтения африканской политической мысли. Лондон: Heinemann, стр. 459–61.

Теффо, Джо. 2004. «Демократия, королевская власть и консенсус: точка зрения Южной Африки» .

Wiredu, изд . Кваси . Компаньон к африканской философии. Оксфорд: издательство Blackwell Publishing, стр. 443–49.

Веггеланд, Норальв. 2020. Демократическое управление в Скандинавии: события и проблемы для регулирующего государства. Швейцария: Springer Nature Switzerland.

Вамала, Эдвард. 2004. «Правительство на основе консенсуса: анализ традиционной формы демократии» . Wiredu, изд . Кваси . Компаньон к африканской философии.

Оксфорд: издательство Blackwell , стр. 435–42.

Винго, Аджуме. 2004. «Ассоциация стипендий как фонд либеральной демократии в Африке» . Wiredu, изд . Кваси . Компаньон к африканской философии . Оксфорд: издательство Blackwell Publishing, стр. 450–59.

Виреду, Кваси. 1995. «Демократия и консенсус в традиционной африканской политике: призыв к беспартийной политике» . Концептуальная деколонизация в африканской философии: 4

Очерки. Выбрано и представлено О. Оладипо. Ибадан: Публикации Надежды, стр. 53–63.

глава е р Две I ve

Кри тические размышления в ес фр т о Монолитная демократическая альтернатива _

Libe al Dec an Af sa y o i Тайо Рэймонд Эзекиэль Иганлуси

Многие научные работы концептуализируют демократию как универсальную по своей природе. Путаница , возникающая при использовании слова « универсальный» , происходит от двусмысленных концептуализаций. Одним из них является понятие идеальной демократии , предполагающее эзотерический универсализм, как в платоновской концепции универсального в его теории форм (Plato 1997, 363–370), в которой он понимает идеи как постоянные и невидимые сущности . из которых материальные вещи в мире получают свою природу.

Несмотря на осуждение Платоном демократии, его концептуализация Форм не исключает демократии . Это означает, что существует универсальная (монолитная) демократия, а также частные демократии, то есть демократия, применимая в глобальном масштабе, в отличие от демократии, привязанной к культуре . Либеральная демократия стала самой известной версией частной демократии. К сожалению, она приобретает кажущийся монолитный характер и фактически навязывается остальному миру . Кроме того, в некоторых культурах , пытавшихся внедрить его, отсутствует необходимая этическая и эпистемологическая ориентация, которая способствовала бы его практическому применению. Таким образом, либеральная демократия часто терпит неудачу в незападных регионах мира, таких как Африка и Азия.

В свете вышеизложенного я ставлю под сомнение возможность монолитной (универсальной) альтернативной африканской (культурной) концепции демократии , как это предполагает поиск альтернативной демократической модели для Африки. В этой главе я утверждаю, что в отношении поиска альтернатив либеральной демократии африканскими учеными и африканцами важны три соображения . Во-первых, это (онтологические) дебаты , касающиеся универсальной демократии в сравнении с отдельными демократиями. По сути, демократия специфически связана с культурой: ее нельзя практиковать изолированно от культур людей , и какую бы концептуализацию ни имела каждая культура, нельзя назвать универсальной , но частной. Следовательно, чтобы предложить всеобъемлющую демократическую

192 критических размышления о поисках монолитной демократической альтернативы

модель для Африки иллюзорна. Во-вторых, в своих дискуссиях ученые-демократы часто принимают многовалентную идентичность Африки как нечто само собой разумеющееся. Учитывая разнообразие идентичности и опыта африканских народов, предпочтение любой концептуализации демократии из любого региона может быть воспринято другими

Африканские общества как навязывание культуры. В-третьих, хотя западный империализм часто справедливо обвиняют в провале либеральной демократии в Африке, моральные недостатки, вызвавшие крах систем управления

доколониальные африканские общества также способствовали провалу либеральной демократии в современной африканской политике. В прошлом различные пороки, влиявшие на социально-политические и экономические отношения в африканских общинах, формировали традиционные структуры управления и вызвали протесты людей против деспотического правления (Owusu 1992, 377-96; David and Ugochukwu 2013, 2). Эти же недостатки являются одной из причин провала либеральной демократии в Африке сегодня.

Размышляя над вышеуказанными вопросами, используя концептуальные и исторические методы, я развенчиваю поиски универсальной демократической модели для Африки, учитывая культурное разнообразие континента, и утверждают, что различные африканские государства должны заглянуть в свои культуры, чтобы определить и конкретизировать демократию способами, которые им подходят. В следующем разделе я очерчу ключевые элементы либеральной демократии в широких рамках западной либеральной традиции. Далее я размышляю о дебатах между универсалистским и партикуляристским подходами к демократии в Африке. За этим следует раздел, в котором я оцениваю известные африканские взгляды на провал либеральной демократии. После этого я сосредоточусь на разнообразии африканских идентичностей по отношению к либеральной демократии. Затем я обсуждаю важность конкретизации демократии в Африке, после чего резюмирую свои основные аргументы.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Несколько обществ практиковали либеральную демократию с восемнадцатого века н. э. Такие писатели, как Дьюи (2001), Макферсон (1977), Хелд (2006), МакГрю (2003), Каннингем (2002) и множество других исследовали различные модели демократии от афинской демократии до появления либеральной демократии. В то время как многие из этих современных писателей обсуждают точки зрения, которые концептуализируют демократию как имеющую универсальную природу, другие подчеркивают ключевую роль ее культурного контекста. Макферсон придает демократии особый оттенок, признавая коммунистическую демократию, либеральную демократию и демократию третьего мира тремя моделями демократии в эпоху холодной войны. Хотя события в значительной степени превзошли классификацию Макферсона в том, что касается коммунистической демократии,

либеральная демократия и демократия третьего мира продолжают процветать, и я буду уделять им значительное внимание.

Либеральная демократия происходит из либерализма — представления о том, что люди имеют право свободно преследовать цели, направленные на самореализацию, без препятствий со стороны других членов общества. Для либерализма индивидуальная свобода и социальный прогресс имеют приоритет над любой формой авторитаризма. Классический либерализм имеет три фундаментальных аспекта — политический, моральный и экономический (Locke 1980, 9–51; Smith 2008, 359–62).

Классический либерализм делает акцент на свободе личности, а некая свобода в области политики и экономики. Исходя из размышлений о классическом либерализме, либерализм благосостояния утверждает, что, хотя люди имеют право преследовать свои цели, приоритет должен отдаваться заботе об интересах менее привилегированных членов общества. Со своей стороны, экономический либерализм фокусируется на принципах свободного рынка и права на частную собственность (Фридман, 1962, 132–136; Джордж, 1980, 45–46, 286–87; Ролз, 1972, 55–65; Дональдсон, 1989, 80–80). В то время как экономическое ядро либерализма подчеркивает право человека владеть собственностью и делать выбор в отношении своего имущества без препятствий со стороны государства, а моральное ядро подчеркивает важность основных прав и достоинства человека, политический либерализм считает, что свобода личности должна быть в центре внимания государственных действий. Таким образом, основные права человека, такие как право на жизнь, свободу слова, свободу ассоциаций и право собственности, подкрепляют убеждение в том, что правительства должны существовать для защиты личной свободы путем ограничения ее ограничений. Таким образом, исходя из идеала права

индивидуумов для создания правительства, которое защищает их свободы как индивидуумов на основе коллективной воли членов их общества, либеральная демократия является кульминацией политического либерализма.

Макферсон (1977) утверждает, что либеральная демократия обладает характеристиками, необходимыми для продвижения самоуправления и идеалов либеральной капиталистической экономики. Это означает, что идеалы либеральной демократии и либерального капитализма переплетаются. Хелд (2006) рассматривает либеральную демократию как модель, которая процветает благодаря механизмам защиты прав отдельных лиц, развившимся как реакция на «абсолютизм» в Европе.

Принимая во внимание принципы либеральной политической теории, свободной торговли и права на самоопределение, Хельд утверждает, что либеральная демократия имеет два направления, а именно: защитную либеральную демократию и либеральную демократию развития. Первый, согласно взглядам Гоббса и Локка, — это тот, при котором люди с их согласия отказывались от своих прав на самоуправление и формировали правительство для защиты своей свободы, в то же время наделяя правительство равными полномочиями для защиты «социального и политического порядка». (Проведено в 2006 г., стр. 60). Последнее, в соответствии со взглядами Джона Стюарта Милля (1994, 11–21), заключается в том, что участие в

194 критических размышления о поисках монолитной демократической альтернативы

политика необходима для защиты интересов личности, а также для обеспечения его развития и просвещения .

Либеральная демократия извлекла выгоду из различных моделей демократии со времен афинской демократии более двух тысяч лет назад. Написание __ Великая хартия вольностей, а также Американская, Французская и Английская революции усилили агитацию за личную свободу, популяризовав тем самым либерально-демократические идеи. Действительно, подъем либеральной демократии был мотивирован желанием актуализировать права на самоопределение, и они были приоритетнее наследственных прав королевских семей, что подрывало участие масс в управлении (Locke 1980; Montesquieu 1914, 71-95; Paine 2003, 8-35; de Tocqueville 1994, 41-52; Wollstonecraft 2011, 1-48).

Кроме того, либеральная демократия часто концептуализируется как (i) универсальная по своей природе или (ii) имеющая универсальное применение. В первом смысле кажется, что культурные обертоны приукрашиваются, в то время как такие идеалы , как терпимость, равенство, справедливость и права человека (такие как право на жизнь, а также религиозная , экономическая и политическая свобода) выдвигаются на первый план. универсальная сущность либеральной демократии . Второй смысл, который зависит от первого, рассматривает либеральную демократию как всеобъемлющую или монолитную систему управления , которая устраняет все культурные барьеры и которую , следовательно, должен практиковать каждый. Этот ход мыслей , кажется, упускает из виду тот факт, что демократия связана с культурой. Африканские политические теоретики часто создают впечатление, что замена либеральной демократии должна быть универсальной (монолитной). Возможна ли такая альтернатива? Сомневаясь в ее достижимости, я рассматриваю вышеупомянутые вопросы , касающиеся концептуализации либеральной демократии, в перспективе в размышлениях ниже.

ВСЕМИРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ

ПАРИЖА ДЕМОКРАТИИ

Как я отметил в конце предыдущего раздела, в работах значительного числа африканских политических мыслителей принято говорить о приходе к африканской теории демократии (Fayemi 2009, 103) или африканской альтернативе демократии (Wiredu 1995) . , 62-63). В первом смысле африканцы видят надежду в реформировании либеральной демократии, а во втором - ищут ее полную замену. Именно в отношении этих двух позиций по либеральной демократии Файеми (Fayemi , 2009, 104) отметил, что вопросы, касающиеся устойчивости демократии, важности демократии для развития в Африке и желательности

либеральную демократию или ее африканскую замену можно разделить на три школы мысли : универсализм, традиционализм и эклектизм.

Универсалисты считают , что либеральная демократия является лучшей формой правительства из-за его стремления объединить все человечество без серьезного

учитывая их культурное происхождение и другие факторы, вызывающие разногласия. Один из ее основных сторонников, Фрэнсис Фукуяма, заявил, что период после окончания «холодной войны» ознаменовал собой «конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления» (Фукуяма 1989, 4). Он также утверждал, что возникающие после «холодной войны» либеральное государство, «универсальное однородное государство» (Фукуяма 1989, 8, 10, 11, 17), возвестило о конце истории и юридически и повсеместно защищало свободу, права человека, достоинство и демократические идеалы, позволяя народному согласию восторжествовать, и был уверен, что либерально-демократическая идеология в долгосрочной перспективе будет управлять материальным миром (Фукуяма 1989, 4).

Со своей стороны, традиционализм, вслед за такими учеными, как Вамба (1990, 127–30), Эбох (1990, 167–68), Офор (2006, 121–22) и Виреду (1995, 57–61), считает, что либеральная демократия не может решить многих проблем

на африканском континенте и что существует потребность в «местной демократической системе... более естественной для африканской культуры» (Fayemi 2009, 109). В этом смысле Вамба видит дихотомию между «демократией в Африке и демократией для Африки» (цитируется по Fayemi 2009, 114). Исходя из этого различия, «демократия для Африки» является неприемлемым колониальным навязыванием, в то время как «демократия в Африке» допускает эмансипацию, самоопределение и повышение благосостояния людей.

Что касается эклектики, то она выступает за слияние универсализма и традиционализма. как использовать полезные идеи и идеалы в различных культурах для содействия устойчивому развитию в Африке (Gyekye 1997, 43–120; Owolabi 2003, 431–44).

На критической ноте, взгляды авторов в каждой из трех школ вышеприведенная мысль не предназначена для того, чтобы рассматриваться как применимая ко всему Африка («вселенская»)? Если да, то что на самом деле имеют в виду такие африканские ученые, когда говорят об универсальной африканской демократии в отличие от демократических особенностей? Какова природа универсальной африканской демократии, пришедшей на смену либеральной демократии? В отношении этих вопросов имеет значение ряд точек зрения.

Во-первых, на чем основано мнение, что либеральная демократия универсальна?

Как правило, одним из пунктов, на котором зиждется притязание либеральной демократии на универсальность, является вопрос об онтологии личности как неприкосновенной. Основываясь на убеждении, что человеческая рациональность универсальна, идея достоинства человеческой личности является фундаментальной для либеральной демократии и составляет основу аргументов в ее пользу для достижения участия граждан, консенсуса, уважения к другим, формирования социальных организаций, выполнения гражданских обязательств и привлечение к ответственности государственных чиновников (Rawls 1999, 56).

Одно из описаний онтологии личности в африканском контексте можно найти в работе Гбадегешина (1998) по социальным, моральным и

196 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

метафизические представления об эниане (человеке) в культуре йоруба. Гбадегешин описал сакральность личности в мировоззрении йоруба, проявляющуюся в восторженном одобрении, которое встречает рождение ребенка, что является празднованием индивидуальности ребенка, поскольку общество признает его или ее личность как «маленькую вещь большой радости» (Гбадегешин 1998, 292). Поскольку йоруба не делают строгих различий между физическими и духовными сущностями, рассматривая младенца как эньяна («личность»), это одобрение считается значимым как онтологически, так и физически (всеобщая святость всех человеческих существ).

Применяя это к идее демократической универсальности, люди имеют право на рычаги для внесения вклада в общее развитие общества через ассоциации, культивирование ценностей достоинства и других добродетелей, которые способствуют общему делу, уважение права других на осуществление их свободу и заниматься своим личным развитием, основанным на страхе перед божествами, страхе старших, боязнь того, что скажет общество, и общее соображение о человечности других.

Онибор (2008, 169) утверждает, что либеральной демократией злоупотребляют, потому что она не «построен на африканской онтологии и мировоззрении, и было мало или совсем не было попыток адаптировать его к африканским реалиям и опыту [так в оригинале]». Относительно природы этой африканской онтологии Онибор писал: «Африканская традиционная онтология» основана на «приверженности принципу естественного права» и наблюдении, что лидеры «традиционного африканского сообщества... призваны богами и предками вести свой народ», получив «ритуальные предметы, символизирующие истину, справедливость и честную игру» в качестве доказательства своей власти. Далее, принимая во внимание значение этих объектов, он ожидает, что «лица, занимающие политические посты», будут «осуществлять политическую власть» посредством «высшей степени чистоты жизни, правды и справедливости, и что политический лидер [так в оригинале] должен обладать высокой степенью смирения, терпения, терпимости и духа прощения», чтобы защититься от карающего правосудия (Онибор 2008, 169–70). При более внимательном рассмотрении обобщение Онибора для всей Африки показывает то, что можно назвать универсальной африканской демократической перспективой в противовес реальности культурная относительность в африканских обществах.

Во-вторых, должны ли рассуждения об универсальной африканской демократии истолковываться в терминах платоновского понимания универсальности и особенности (Plato 1997: 363–400)? Должны ли они быть концептуализированы в соответствии со взглядами на демократический универсализм, которых придерживаются Фрэнсис Фукуяма (1989) и Амартья Сен (1999) соответственно?

Для Фукуямы (1989) окончание холодной войны дало политическое господство либеральной демократии как единственной универсальной политической системе, оставшейся человечеству. Хотя Хантингтон (1993) считал эту точку зрения нереалистичной, амбициозной и

В отсутствие соответствия реальным событиям смысл утверждения Фукуямы об универсальности демократии состоит в том, что она господствует или широко распространена .

Со своей стороны, Сен (1999) считает, что универсальная привлекательность демократии зависит от того , насколько она ценна для всех. Он приводит доводы в пользу «инструментальной важности политических стимулов для обеспечения ответственности и подотчетности правительств » и « конструктивной роли демократии в формировании ценностей и в понимании потребностей, прав и обязанностей» (Sen 1999, 8–9).

Тем самым он отрицает необходимость согласия при определении основы признания демократии всеобщей и считает основанием всеобщности демократии то, что она обычно воспринимается как идеал , к которому люди стремятся в своей жизни.

признание того факта, что это нужно всем. Хотя отчет Сена затрагивает ряд важных моментов , он охватывает только одну сторону аргумента в пользу универсальности демократии, а именно широко распространенное желание народов мира иметь демократию . Он упускает из виду тот факт, что некоторые события (некоторые столь же старые, как колониализм, и другие, столь же недавние, как победа Америки над Советами после холодной войны и сопутствующее распространение ее идеологии с помощью информационных и коммуникационных технологий в сочетании с показом военной мощи), привели к навязыванию либеральной демократии значительной части мира .

Однако концептуализация как Сена, так и Фукуямы отличается от аргумента Платона относительно универсального существования вещей . По мнению Платона (Plato 1997, 363–400), существуют модели или архетипы каждой существующей вещи в мире Форм. Эти модели заметно отличаются от вещей, имитирующих их в мире повседневного быта. Хотя Платон оспаривал идею демократии как той , что способствует тирании в государстве, позволяя большинству подавлять интересы меньшинства , подразумевается, что существует идеальная демократия и соответствующие ей практики, и такие практики имитируют эту идеальную демократию . Тогда мы можем разумно заключить , что концептуализация и практика демократии различны , причем последняя

получая свою природу от первого. Смысл, в котором это описание отличается от концептуализации Сена и Фукуямы, заключается в том, что Сен и Фукуяма ищут реалистичную демократическую структуру в отличие от рациональных, но недостижимых идеалов платоновских форм.

Поскольку практика демократии имеет для людей большее значение, чем ее концептуализация , даже если она (практика) происходит из концептуализации, я буду истолковывать идеальную демократию как то , что может концептуализировать человеческий разум, а реальную как то, с чем мы имеем дело . на практике. Таким образом, я буду рассматривать универсальную демократию как широко распространенную в окружающ чем универсальная Форма Платона . Это на фоне того , что как африканские, так и неафриканские писатели часто используют термин «универсальный» без необходимого уточнения.

198 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

Ученые должны проводить различие между универсальной демократией и стороны, а отдельные демократии — с другой, в том смысле, что первая трактуется либо как идеал, недостижимый с точки зрения платоновской эзотерической теории форм, или как преобладающий или широко распространенный идеал, который подлежит адаптации на практике в каждой культуре, причем последний фокусируется на моделях управления, характерных для данной культуры. Тенденция ожидать, что конкретные африканские проблемы станут «универсальными», проявилась у Wiredu, когда он упомянул о необходимости синтеза африканских «традиционных философий» со знаниями современных философий в качестве средства, с помощью которого «африканские философы могут внести свой вклад в процветание нашей страны». народы и, в конечном счете, все остальные народы» (цит. по Oladipo 2002, 337). Это похоже на категорический императив Канта: «Поступай так, как если бы максима твоего поступка должна была стать по твоей воле всеобщим законом природы» (Кант 1997, 31).

Кроме того, в соответствии с местной практикой акан Wiredu (1995, 57–61) выступал за консенсус и беспартийную демократию в постколониальных африканских государствах как средство преодоления мнения большинства и заботы о взглядах меньшинства, чтобы избежать «тирании большинства» и «институционализированного недовольства» среди людей. Wiredu (1995, 55–56) просматривал выборы¹, в модели демократии, практикуемой Акан, как простая формальность, ставшая ненужной из-за консенсуса в принятии решений и судебных процедурах.

Согласно Wiredu, даже если монарх может принимать решения, он или она делает это не в одиночку, а скорее в компании вождей или совет советников, так что, когда решение в конечном итоге сообщается сообществу, оно воспринимается как решение короля / королевы в совете, а не чем единоличное решение монарха. Очевидно, что, отстаивая эту идею, Wiredu считает, что ее можно реализовать на практике по всему континенту.

Другими словами, учитывая его сильные и пространственные доводы в пользу консенсусальной демократии и беспартийной политики, он трактует свой рецепт как монолитную демократическую замену либеральной демократии.

LIBERAL DEMOCRACY: AFRICAN CRITICISMS, CONFLICTS AND CONTRADICTIONS

Африканские ученые часто утверждают, что либеральная демократия потерпела неудачу в Африке. Хотя либеральная демократия основана на идеалах, делающих ее в принципе похвальной, как и любую другую систему, ее недостатки проявляются в ходе эволюции. его реализуют. Таким образом, помимо признания дефекта либеральной демократии в продвижении мажоритаризма, Ониибор (2008, 169) утверждает, что «либеральная демократия в Африке — это просто идеологический лозунг, используемый для поддержки взглядов и идей основных этнических групп и экономических интересов немногих богов».

отцы». Из этого мы можем сделать вывод, что для Оньибора провалилась не теория либеральной демократии как таковая, а скорее ее реализация. Поскольку люди несут ответственность за результаты практики либеральной демократии, нельзя сказать, что сама по себе теория либеральной демократии потерпела неудачу. Действительно, теоретические положения — это идеалы, к которым люди стремятся и которые они могут достичь или не достичь. Это относится как к либеральной демократии, так и ко многим африканским политическим системам прошлого, которые их сторонники считали демократическими. Например, согласно их представлениям, монархическая система Ойо Меси 2 и ацефальная политическая система игбо обычно рассматривались как содержащие элементы демократии: первая из-за своей системы управления, предполагавшей определенный уровень разделения властей, на основе сильного консенсуса при принятии решений (Eze, Omeje and Chinweuba 2014, 1315–17). Что касается первого, то алаафин (владелец дворца или король / правитель / император), также называемый Оба (король), обладал всей исполнительной властью, и ему помогала дворцовая стража, которая также была частью полицейского снаряжения. Таким образом, он руководил системой, в которой такие образования, как возрастные группы и охотники, поддерживали закон и порядок в империи. Аареонакаканфо (сокращенно Каканфо, что означает генералиссимус) ожидалось, что они будут подчиняться приказам алаафинов и вести войны империи. В качестве главы исполнительной власти алаафины правили, консультируясь с Ойо-Меси, советом из семи человек из весьма уважаемых семей в империи Ойо, которые составляли государственный совет и служили создателями королей (Johnson 1921, 70).

Теоретически Алаафин или Оба (царь) считался Аласе Экеджи Ориса (тот, кто обладает высшей властью, наместником богов) или

Кабиеси (неоспоримый или обладающий огромной властью).

Однако на практике семь членов Ойо Меси имели право сдерживать эксцессы алаафинов, а он, в свою очередь, сдерживал их. Башорун (вождь Ойо Меси, действовавший подобно современному премьер-министру) проводил ежегодный традиционный ритуал определения того, довольны ли боги алаафином, что было косвенным способом определения того, действительно ли его правило будет продолжаться. Что тогда происходит, когда Башорун ненавидит Алаафина? Разве он не рекомендует прекратить свое правление?

Семь членов Ойо Меси были ex officio членами Огбони (братства или тайного общества) — могущественной группы, которая считалась частью группы сильных духовных заинтересованных сторон сообщества. Огбони, состоявшие из независимых мужчин, поклонявшихся земле и

считался мудрым в принятии политических и религиозных решений, мог сдерживать эксцессы членов Ойо-меси и алаафинов. Несмотря на то, что алаафин по традиции не мог быть свергнут, при таком раскладе его можно было посоветовать или заставить совершить самоубийство, чтобы позволить миру воцариться в стране.

200 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

империя. Это мог сделать башорун, с согласия огбони, преподнеся ему пустую калекбасу или калекбасу, содержащую яйца попугая, со словами: «Боги отвергают вас, люди отвергают вас, земля отвергает вас» (Страйд и Ифека 1971, 299) — способ должным образом сообщить ему, что единственный доступный ему выбор — это смерть, обычно путем отравления самого себя.

(Джонсон 1921, 173).

Однако в некоторых случаях происходили острые конфликты между некоторыми занимающими посты алаафинов (короля) и башорунов (лидера семи человек Ойо Меси). В других случаях возникали конфликты между как канфо (генералиссимусом) и алаафинами (королем). Таким образом, было прискорбно, что, хотя все эти различные лица и должностные лица королевства играли важную роль в поддержании государственного и административного баланса в общих интересах и стабильности империи, игры за власть между ними вылились в серьезные конфликты, которые привели к Структура управления Ойо в некоторых моментах стала нефункциональной и эпилептической на многие годы (Johnson 1921, 274–363). В некоторых случаях открытое и честолюбивое преследование личных интересов и борьба за власть перерастали в серьезные зажигательные конфликты между различными городами империи, которые в конечном итоге привели к ее краху, проложив путь

Британское колониальное господство в регионе.

Со своей стороны, ацефальная система управления игбо, в чем-то похожая на Западная классическая демократическая практика зависела от участия граждан в администрации. Принимая во внимание идею ацефального правления, мысли о царском правлении были чужды сообществу игбо, за исключением сообществ игбо, которые ставили королей на место, подражая близким соседним сообществам, не относящимся к игбо, которые использовали монархические системы управления. Игбо часто использовали диалог как часть процесса принятия решений. Всякий раз, когда нужно было решить неотложные вопросы, решения сначала принимались в каждой умунне (семье). Ндичи (совет старейшин или глав семей) обычно выносит решение каждой семьи на собрание Охана на Эзе (деревенского собрания) для дальнейшего обсуждения или ратификации. Поскольку каждый горожанин был членом умунны, решения на собраниях глав семей или сельсовета считались принадлежащими всем.

Состоявший из всех физически здоровых мужчин, Охана на Эзе был самым могущественным органом, потому что его члены были искусны в ведении войн и поддержании мира. Поскольку Ндичи поддерживали закон и порядок, выполняя законодательные, исполнительные и судебные функции, представитель Ндичи обычно также был представителем Оха на Эзе. Возрастные категории, начиная от младших до старших классов, осуществляли административную и судебную политику сообщества (Айиттей, 2006, 116–118).

Однако, несмотря на похвальный репрезентативный характер, ацефальная политическая система игбо была неполноценной из-за доминирующего мажоритарного подхода к

принятие решений. Обладая теми же недостатками, что и либеральная демократия с ее упором на мажоритаризм, она иногда оставляла место для интенсивной борьбы и стремления к самовыражению, что в сочетании с отсутствием централизованной административной структуры подвергало систему порабощению западным империализмом. Благодаря поощрению иго самовыражения, личных стремлений и выдающихся личных достижений появились сильные и чрезмерно амбициозные люди, которые совершали действия, противоречащие общему благу. Это привело к тому, что такие люди согласились действовать в качестве колониальных прапорщиков, тем самым ослабив ацефальную административную систему (Achebe 2012, 1–11).

Таким образом, допуская, что любая политическая система, в которой работают люди, будет подвержена недостаткам, проистекающим из человеческого характера, реформация или полная замена либеральной демократии находится на уровне противоречия между теорией и практикой либеральной демократии.

Как следует из взглядов Локка и Монтескье, теоретические положения либеральной демократии включают разделение властей между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти при верховенстве конституции (Hague and Harrop 2001, 185–198). Следовательно, всеобъемлющая конституция либерального государства по существу признает права лиц на участие в управлении государством без внешнего принуждения, защиту прав личности, а также признание ответственности личности перед либерально-демократическим государством, в котором она находится. является гражданином. Однако на практике в большинстве африканских государств правительства, основанные на либерально-демократических идеалах, налагают вето на избирательные права, нарушаются процедуры голосования, широко распространена коррупция с целью подрыва системы и совершаются многие другие серьезные нарушения закона.

Чаще всего люди действуют из личных интересов. Это объясняет _

Таким образом, многие африканские режимы, несмотря на их формальную приверженность либеральной демократии, пытаются сохранить власть, нарушая права своих соотечественников посредством политических убийств и других неэтичных действий. Они используют инструменты государства для кражи государственных средств, запугивания людей и совершения других форм несправедливости. Именно с целью борьбы со злоупотреблением властью, которую Локк (1980, 68–113) предусмотрел для граждан, чтобы отозвать членов законодательного органа. В одном или двух случаях право отзыва было признано авторами конституций, как, например, в разделах 69a и 69b Конституции Федеративной Республики Нигерия 1999 года.

Однако во многих африканских государствах, в которых право отзыва закреплено в конституции, оно кажется просто причудливым украшением, поскольку на практике граждане не могут смещать должностных лиц и заменять их теми, кто будет удовлетворить их интересы. На это есть как минимум четыре причины.

202 Критические размышления о поисках монолитной демократической альтернативы

Во-первых, право отзыва ограничено законодательным органом, а представители исполнительной власти защищены. Во многих случаях законодатели, которые могли объявить импичмент членам исполнительной власти, были подкуплены теми, за кем они должны были наблюдать, что ослабляло значимое осуществление их полномочий.

законодательные полномочия.

Во-вторых, в большинстве африканских стран распространена неграмотность, из-за которой граждане не знают положений конституций своих стран и изменений, необходимых в них для эффективного управления. Действительно, не будет преувеличением сказать, что многие африканцы никогда не читали конституций своих стран. Как же тогда они поймут положения этих конституций?

В-третьих, лица, занимающие государственные должности, в своей решимости преследовать свои интересы, беспрепятственно либо подкупать народ, либо строить схемы, чтобы держать его в неведении о причинах, по которым их (должностных лиц) следует отстранить от власти. Во многих случаях большинство людей слишком озабочены тем, как зарабатывать на жизнь, чтобы сосредоточиться на том, кто ими управляет, тем самым ограничивая их участие в принятии решений.

В-четвертых, в этих обществах общественная солидарность важнее таких ценностей, как справедливость, подотчетность, честность и надежность. Следовательно, общинные связи представляют собой большое препятствие для использования силы отзыва в Африке: те, кто хочет противодействовать эксплуататорской деятельности своих представителей, получают предупреждение от своих этнических общин, поскольку их действия истолковываются как помеха интересам их сородичей. или привести к насмешкам над их сообществом.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ, АФРИКАНСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Трудно определить, какой моделью управления можно заменить либеральную демократию из-за различных культурных, социальных, исторических, политических и моральных особенностей и ориентаций африканских народов. Широкий спектр внешних воздействий оказал влияние на мировоззрение различных африканских народов. Эти влияния выходят за рамки политики, образования и торговли. На первый взгляд может возникнуть соблазн считать африканцев однородным народом, но на самом деле эти народы разнообразны (Каппел 1998, 1-93). Под влиянием европейцев и азиатов в сочетании с широким спектром традиционных практик ориентиры разных народов в разных частях континента складываются по-разному. Мы можем предложить лишь краткий очерк разнообразной идентичности Африки, рассматривая ее как четыре региона: Север, Юг, Восток и Запад.

Большинство народов Северной Африки, где преобладают берберы, а также евреи и арабы, исповедуют ислам, говорят по-арабски и по-арабски.

многие диалекты берберского (Marçais et al. 1955, 21–29). На саму берберскую культуру повлияло взаимодействие с римской, арабской, греко-финикийской, нубийской, вандалской и европейской культурами на протяжении многих веков. Хотя люди сочетают свои собственные традиционные культурные элементы с аспектами этих культур, многие из них в основном считают себя арабами и симпатизируют арабским делам.

Народы Западной Африки имеют противоречивые культурные, политические и идеологические ориентации. До появления и распространения христианства и ислама они исповедовали различные традиционные религии, и многие из них исповедуют до сих пор. В то время как ислам доминирует в большей части Северо-Западной Африки, распространившись по транссахарским торговым путям, характеризующимся взаимодействием с жителями Северной Африки, христианство доминирует в большей части юга Западной Африки из-за западной империалистической экспансии, проявляющейся сначала как трансатлантическая работорговля, а потом как колониализм. Кроме того, в обоих субрегионах Западной Африки существуют конфликты ценностей, поскольку их народы смешивают местные африканские религии с исламом и христианством соответственно. Кроме того, колониальные хозяева управляли регионом с различной тактикой и идеологической ориентацией. Одной из них была система непрямого правления в Северо-Западной Африке, развернутая потому, что колониальным хозяевам было трудно доминировать над народами в этой области, в то время как жители юга Западной Африки управлялись напрямую (Mamdani 1996, 145–50; 2000, 43–45).). Последствием этого является то, что различные народы региона придерживаются различных взглядов на социально-культурные, экономические и политические вопросы, при этом согласование ценностей остается труднодостижимым, поскольку этнические и политические интересы поляризуют их, создавая негомогенные общества, даже если они всех называют «западноафриканцами» (Egunlusi 2013, 127–36).

Точно так же народы Южной Африки культурно неоднородны, они расселены по многим странам, таким как Ботсвана, Зимбабве, Намибия, Ангола и Южно-Африканская Республика (Vail 1989, стр. xv–xxii, 1–15).

Экспансия банту несколько столетий назад вытеснила прежние коренные африканские народы в более отдаленные районы региона, так что теперь большинство африканских этнических групп в этом регионе составляют банту (Mufwene and Vigouroux 2009, 6, 22, 26). Европейский колониализм еще больше разделил народы. В эпоху апартеида в ЮАР самая видная из южноафриканских стран, правящая европейская элита, придерживавшаяся идеологии превосходства белой расы, подчинила себе коренные африканские народы, а также народы азиатского происхождения («индейцы») и людей смешанного происхождения. -расовое происхождение («Цветные») (Mathabane 1986, 6–55; Adam and Moodley 1993).

Народы Восточной Африки, находившиеся частично под влиянием Севера и частично под влиянием Юга, были в равной степени первоначально подвержены европейской и арабской культурам из-за торговли. С колониальным господством, следовавшим за работорговлей, семена конфликтов, которые должны были проявиться в более поздние годы, были посеяны как конфликтующие идеологии.

204 критических размышления о поисках монолитной демократической альтернативы

Британские, французские и немецкие имперские интересы доминировали в регионе (Ee gunlusi 2017, 15).

По всей Африке изобилуют конфликты ценностей и идентичностей из-за столкновения местной и внешней культур, что приводит к серьезным нарушениям социальных порядков.

После обретения политической независимости многие африканские страны были втянуты в серию межэтнических столкновений и государственных переворотов.

Деспотическое лидерство во многих странах в сочетании с влиянием западных СМИ привело к тому, что многие люди приняли либерально-демократические ценности.

Однако, как это часто бывает с революциями, попытки избавиться от репрессивных правительств привели к возникновению новых режимов, которые были более обманчивыми и коррумпированными, чем прежние, в результате чего люди оказались в худшем положении, а их так называемые лидеры и представители — в лучшем. Что еще хуже, различные идеологические ориентации и концепции свободы, которые проявляются в таких формах, как исламский фундаментализм и этническая милиция, являются результатом долгосрочных внешних влияний. Следовательно, возникает вопрос, что такое африканское ед

Проблема культурного разнообразия в Африке усугубилась кризисом идентичности после обретения независимости, который стал препятствием для эффективного управления.

Одним из аспектов этих кризисов является вызов личной идентичности.

Моя концепция этого типа идентичности отличается от биологической идентичности³.

Часто обсуждается философами, желающими понять сущностную природу человеческого разума или исследовать, что представляет собой идентичность разума по отношению к функциональности или развитию человеческого тела, среди которых Джером Шаффер (1968, 42–48), Джордж Грэм (1993, 3–132) и Чарльз Тейлор (1970, 231–41).

Запутавшись в спорах об идентичности тело-душа/тело-разум/мозг-разум⁴, эти ученые спорят о существовании разума и о том, как можно приписывать разные личности одному и тому же человеку или предмету в разное время.

В отличие от исследований, упомянутых в предыдущем абзаце, я концептуализирую личную идентичность как индивидуальное самосознание и самопознание (осознание чувства собственного/морального достоинства, развитие естественных способностей и развитие интеллекта), который способствует хорошей жизни, в конечном итоге повышая благосостояние общества. Многие африканцы, по-видимому, не в состоянии достичь такого уровня признания собственной ценности, который может гарантировать целеустремленное существование. Таким образом, они разочаровываются в общении с национальными и международными политическими деятелями. К сожалению, в некоторых случаях, иногда в ответ на действия политических акторов, а иногда из-за потери самообладания, заставляющей их объединяться с политическими акторами, они занимаются коррупцией и живут, не думая о реальной защите долгосрочных интересов для их и для континента (Ачебе 2012, 244–50).

Личная идентичность предшествует другим формам идентичности, потому что она касается собственного самосознания человека, а это предшествует осознанию других вещей.

Обретение самообладания через понимание собственной идентичности и ведение жизни, способствующей развитию общества, устраняет кризис личной идентичности. Кризисы личной идентичности привели к кризисам социальной идентичности во многих африканских странах. Открытие каждым человеком своей личной идентичности и развитие добродетелей, касающихся других, которые способствуют жизнеспособным межличностным отношениям, могут способствовать интеграции обществ и могут сделать людей действительно прибыльными (Fanon 1986, 96–98).

Более того, кризисы личной идентичности часто приводят к ситуациям, в которых конфликты вызываются людьми, стремящимися к достижению личных целей, но выставляющими эти стремления в качестве общих причин, с пагубными последствиями для сообществ.

Например, во время кризиса Группы действий 1962–1966 годов в западной части Нигерии, где преобладают йоруба, конфликты между двумя доминирующими личностями, а именно вождем Иеремией Обафемой Аволово и вождом Самуэлем Ладокком Акинтолой, оказали пагубное воздействие на йоруба. Вождь Аволово был премьер-министром западного региона до Вождя

Акинтола. Конфликты между ними стали проблемой национальной озабоченности в Нигерии и парализовали деятельность в юго-западной части страны.

Когда-то. В результате напряженности между фракциями в Группе действий йоруба разделились, что подорвало их традиционные ценности (отношенческих) целостность, взаимное доверие и коллективная терпимость (Sklar 1967, 210). Последствия кризиса заключались в том, что, помимо политической неопределенности в регионе, он вызвал тревогу по всей Нигерии. На сегодняшний день культурный дисбаланс, возникший в результате кризиса, не позволяет многим нигерийцам разделять такие важные ценности, как лояльность и искренность, даже если они на словах поддерживают их. Таким образом, многим людям трудно отождествить себя с тем, что хорошо для нации и ее корпоративного имиджа. К сожалению, на социально-экономические структуры страны оказываются волновые эффекты, которые также становятся коррумпированными, излишними или полностью нефункциональными (Tuathail et al. 1998, 610–640).

Кроме того, очевидно, что социальные институты Нигерии далеки от идеал, подчеркнутый Ролзом (1972, 7–12), согласно которому справедливость является основой функционирования социальных институтов. В рамках полного системного провала, препятствующего национальному развитию и патриотизму, руководители страны и народы отказываются от своих ролей, углубляя кризис, возникший в результате дефицита национальной целостности. В соответствии с наблюдениями Мартина Бубера (1937, стр. vi-x, 3–34) и Симоны де Бовуар (1994, 790), менталитет Я-Ты/Мы-Ты, усиливающий кризисы межличностных или межличностных -групповая идентичность поглощает нигерийцев в различных сферах существования. Таким образом, исходя из разделяющей ориентации, разные люди или группы действуют в соответствии с тем, что они считают в своих интересах, игнорируя интересы других или работая против них.

другие лица или группы, которые они воспринимают как отличные от них.

206 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

В свете вышеизложенного для любой области или региона

Предписание Африке предпочтительного заменителя либеральной демократии для всего континента можно легко рассматривать как навязывание. Как я показал выше, в Африке существуют многочисленные конфликты, даже внутри отдельных государств. К сожалению, внутренние конфликты в африканских государствах стали более интенсивными, чем в колониальный период. Хотя причины этих конфликтов разнообразны, значительную роль в них играют кризисы африканской идентичности. Манипулятивные и своевольные стратегии и политика колониального управления до обретения независимости создали нестабильную ситуацию в большинстве африканских стран, тем самым посеяв семена интенсивные будущие конфликты (Fanon 1964, 84–85). Однако эти неловкие ситуации усугублялись нашими культурными, историческими и личными разногласиями, и это так поразило континент, что ни одна политическая система не работала для защиты интересов людей. Таким образом, по мере того как различные этнические группы и отдельные лица стремятся защитить то, что они считают своей собственной групповой и личной идентичностью, Африка все больше вырождается в коррупцию и анархию, так что человеческая жизнь находится под угрозой, а истинный panaфриканизм остается неуловимым. Поэтому для африканцев нелегко принять альтернативную монолитную систему управления.

ДЕМОКРАТИЯ В ОБЩИХ ГРАНИЦАХ: НА ПУТИ

ЧАСТИЧНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ I A C R C N R C

Я утверждал, что идея универсальной африканской демократии нереалистична, даже несмотря на то, что ученые, ищущие африканские альтернативы либеральной демократии, часто пишут так, как будто их взгляды должны быть приняты всеми современными африканскими политиками в том смысле, в каком Кант ожидает своего категорического императива. быть универсализированным. Например, ранее я отмечал, что Wiredu выступает за консенсус в принятии решений и судебных процедурах, а также за беспартийную демократическую альтернативу для африканских государств (Wiredu 1995, 53–64); но как африканцы могут достичь этого консенсуса, учитывая их культурное разнообразие, если только они не состоят в более мелких государствах? Классическая греческая модель демократии была успешной на основе консенсуса и участия из-за небольшого размера и. Кроме того, как можно применить на практике предписанное Wiredu управление на основе консенсуса в современных африканских обществах, где люди все больше поглощены индивидуалистическим мировоззрением западной современности? Очевидно, что рецепт Wiredu, основанный на опыте Акан, указывает на тот факт, что демократия связана с культурой, а не является универсальным, монолитным предприятием. Таким образом, попытка применить его рецепты на практике на всем континенте была бы нереалистичной.

Предложение о создании Соединенных Штатов Африки наглядно иллюстрирует нежизнеспособность монолитной модели демократии для культурно различных народов Африки. Предложенный в стихотворении Маркуса Гарви (1924 г.), африканцы начали споры и действия в пользу единства континента под эгидой Соединенных Штатов Африки. У них были намерения построить африканскую империю-государство, наподобие империй прошлого, способную жестко конкурировать с другими силовыми блоками мира. Они заявили о своей приверженности тому, чтобы людские и материальные ресурсы континента использовались на благо его народов (Dutton 2012, 47). Тем не менее нельзя исключать, что политики, выступавшие за panaфриканизм, намеревались получить контроль над

огромная африканская империя, которая предоставит им доступ к своим огромным ресурсам. Проект встретил жесткую оппозицию со стороны многих африканских лидеров, которые считают это нереально. Один из аргументов против него основан на страхе утраты национального суверенитета (Wapmuk 2009, 660–666).

Поэтому сомнительно, что любое предложение об объединении демократической идеи будет встречено во всей Африке. Кроме того, учитывая внутренние и внешние насильственные конфликты в Африке, вызванные расхождением идеалов разных идеологических лагерей и взаимодействием различных частей континента с чуждыми культурами на протяжении многих столетий, столь же сомнительно, чтобы народы могли жить вместе под одним и тем же демократическим зонтиком, не превращая при этом весь континент в кипящий котел зажигательных конфликтов (Addison 2001: 1). Учитывая эти обстоятельства, представляется, что это амбициозный характер

философский аргумент, который побуждает африканских писателей к нереалистичным поискам объединяющей общеконтинентальной альтернативы либеральной демократии. Разве это не лучше затем позволить каждой стране развивать свою собственную демократическую систему в соответствии со своими социальными и культурными особенностями? Другими словами, не должны ли мы направить наши усилия на конкретизацию демократии в Африке? Преодолевая слабости своей нынешней демократической структуры и ища в своей культурной среде хорошо лелеемые идеалы, которые создают учитывающую интересы людей, подотчетную и жизнеспособную альтернативу либеральной демократии, каждая страна должна сосредоточиться на разработке своей собственной концептуальной основы, чтобы гарантировать свою сплоченность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мой главный аргумент в этой главе состоит в том, что ввиду многообразия истории и демографии Африки монолитная африканская демократическая модель как альтернатива либеральной демократии нереалистична. Я утверждал, что ученые, приводящие доводы в пользу универсальной демократической альтернативы либеральной демократии, делают это без адекватного разъяснения термина «универсальный» в противовес партикуляристским ссылкам. В то же время позиция ученых об универсальности, похоже, не принимается.

208 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

осознание самобытности, исторического, идеологического и культурного разнообразия на африканском континенте, которые на сегодняшний день привели к дисфункциональным системам управления. Следовательно, я утверждал, что, поскольку демократия является скорее культурно - обусловленной и партикуляристской, чем универсальной, поиск альтернативы либеральной демократии с точки зрения демократического универсализма приведет лишь к созданию системы, которую многие африканцы сочтут навязыванием определенной

Африканская культура на них. Таким образом, каждая африканская страна должна иметь свободу действий для развития своей собственной альтернативы либеральной демократии в соответствии с делеемыми социальными и политическими идеалами, присущими ее культуре или различным культурам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Wiredu назвал это не «голосованием», а скорее «выборами». Он не санкционировал использование термин «голосование», потому что он утверждал, что оно изначально не было частью культуры акан, но скорее более поздняя чеканка, возникшая в результате современной потребности в этом термине.

2. Ойо-меси была монархической системой народа ойо на юго-западе Нигерии. Это была не абсолютная монархия, а своего рода конституционная. У ойо не было письменной конституции, потому что они не научились читать и писать до своего взаимодействия (сначала) с северными джихадистами (которые приняли ислам в результате взаимодействия с северными африканцами) и (позже) с европейцами.

Алаафин был

Император, в то время как Башорун, своего рода премьер - министр, был главой совета Ойо- Меси, который должен был подчиняться алаафинам, но также давать ему советы и сдерживать любые автократические наклонности в нем.

3. Здесь я имею в виду мыслителей, озабоченных связью между физической природы и психических процессов. Например, они обеспокоены тем, как о вчерашнем школьнике можно сказать, что он является губернатором сегодня: является ли он одним и тем же лицом/организацией в момент времени T1 и в момент времени T2?

4. Я пересмотрел эти пары, чтобы в каждом случае физически звучащий компонент предшествовал явно нефизическому компоненту.

5. Под «национальной целостностью» я подразумеваю ситуацию, в которой граждане государства свободны от коррупции, так что они действуют нравственно честно.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ачебе, Чинуа. 2012. Была страна: личная история Биафры. Лондон: Книги пингинов.

Адам, Хериберт и Когилла Мудли. 1993. Открытие сознания апартеида: варианты для новой Южной Африки. Беркли: Калифорнийский университет Press.

Эддисон, Тони. 2001. «От конфликтов к реконструкции» . UNU-WIDER, Дискуссионный документ 2001/16 , стр. 1–6. <https://www.wider.unu.edu/publication/conflict-reconstruction>.

Аджала, Адереми Сулейман. 2009. «Националистические движения йоруба, этническая политика и Насилие: творение из исторического сознания и социально-политического пространства в Юго-Западной Нигерии» . Гильдия независимых ученых и журнал _ _
Альтернативные перспективы в социальных науках. Рабочий документ № 1, октябрь 2009 г., стр. 1–13. https://publications.ub.uni-mainz.de/opus/frontdoor.php?source_opus=2061&la=en. Проверено 5 декабря 2018 г.

Айитти, Джордж Б.Н. 2006. Учреждения коренных народов Африки . Нью-Йорк: Транснациональные издатели.

Бовуар, Симона де. 1994. «Политические последствия биологических различий» . Штумпф, Сэмюэл Енох, изд. Философия: история и проблемы. Бостон: Макгроу-Хилл.
Бубер, Мартин. 1937. Я и Ты. Смит, Рональд Грегор пер. Эдинбург: Т. и Т. Кларк.

Каннингем, Фрэнк. 2002. Теории демократии . Лондон: Рутледж.

Дьюи, Джон. 2001. Демократия и образование. Манис, Джим изд. Хейзелтон: Университет штата Пенсильвания .

Даттон, Жаклин. 2012. «Перевернуть сценарий будущего Африки в Соединенных Штатах» . Африки Абдурахмана А. Вабери» . Пространства утопии: электронный журнал, 2-е место Серия, № 1, стр. 34–55. <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/10636.pdf>.

Дональдсон, Томас. 1989. Этика международного бизнеса . Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета .

Эбо, Мари П. 1990. «Является ли западная демократия ответом на африканскую проблему?»
Киммерле, Хайнц и Фраз М. Виммер , ред. Философия и демократия в межкультурной перспективе. Амстердам: Родопи.

Эгунлуси, Тайо Р.Э. 2013. «Демократия, федерализм и многоэтническая культура Нигерии» . Журнал философии и развития, Vol. 14 № 1 и 2, стр. 127–46.

———. 2017. «Ментальное отчуждение и африканская идентичность: изучение исторических перспектив в ответ на кризисы африканских обществ» . Открытый философский журнал , Том. 7 № 1, стр. 1–24. https://file.scirp.org/pdf/OJPP_2017012313371436.pdf. Эз, Оконкво К., Пол У. Омедже и Ученна Г. Чинвеуба. 2014. «Игбо: «А Общество без гражданства» . Средиземноморский журнал социальных наук, Vol. 5 № 27, стр. 1315–19. <https://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/5212/0>.

Эз, Р.К. и Джеймс Э. Аджена. 2017. «Атаки ксенофобии: причины и последствия. для отношений между Нигерией и Южной Африкой» . Американский международный журнал исследований в _ Гуманитарные науки, искусство и социальные науки, Vol. 9 № 1, стр. 20–24. <http://iasir.net/AIJRHASSpapers/AIJRHASS17-302.pdf>. Проверено 19 ноября 2018 г.

Фанон, Франц. 1964. К африканской революции: политические очерки. Шевалье, Хокон пер. Нью-Йорк: Гроув Пресс.

———. 1986. Черная кожа, белые маски. Лондон: Плутон Пресс.

Файеми, Адемола Казим. 2009. «На пути к африканской теории демократии» . Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении ,

210 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

Премьерный выпуск, Новая серия, Том. 1 № 1, июнь 2009 г., стр. 101–26. https://www.pdcnet.org/tap/content/tap_2009_0001_0001_0101_0126.

Фридман, Милтон. 1962. Капитализм и свобода. Чикаго: Издательство Чикагского университета.

Фукуяма, Фрэнсис. 1989. «Конец истории» . Национальный интерес, Vol. 16, стр. 3–18.

Гарви, Маркус Мосия. 1924. «Здравствуй! Соединенные Штаты Африки» .

<https://allpoetry.com/Hail!—Соединенные Штаты Африки>. Проверено 14 ноября 2018 г.

Гбадегешин, Сегун. 1998. «Эниан: концепция личности йоруба» . Coetzee, PH и PJ Roux, ред. Чтения по африканской философии. Лондон: Рутледж.

Джордж, Генри. 1980 (1886). Защита или свободная торговля? Нью-Йорк: Фонд Роберта Шалькена Баха .

Грэм, Джордж. 1993. Философия разума . Оксфорд: Издательство Блэквелл .

Геке, Кваме. 1997. Традиции и современность: философские размышления об африканском опыте. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Хейг, Род и Мартин Харроп. 2001. Сравнительное управление и политика: введение . Нью- Йорк: Пэлгрейв.

Держись, Дэвид. 2006. Модели демократии . Кембридж: Политика.

Хантингтон, Сэмюэл П. 1993. «Столкновение цивилизаций» . Иностранные дела, Vol. 72 № 3, стр. 22–49. <https://www.jstor.org/stable/20045621>. Проверено 19 ноября 2018 г.

Джонсон, Сэмюэл. 1921. История йоруба : с древнейших времен до _
Начало британского протектората . Лагос: Книжные магазины CMS .

Канне, Кадияту. 1998. Африканская идентичность: раса, нация и культура в этнографии, panaфриканизме и черной литературе. Лондон: Рутледж.

Кант, Иммануил. 1997. Основы метафизики морали . _ _ Грегор, Мэри пер. и изд. Кембридж: Издательство Кембриджского университета .

Локк, Джон. 1980. Второй трактат о правительстве. Макферсон, Кроуфорд Бро, изд. Индианаполис: Hackett Publishing Company, Inc.

Макферсон, Кроуфорд Бро. 1977. Жизнь и времена либеральной демократии.

Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Мамдани, Махмуд. 1996. «Косвенное правление, гражданское общество и этническая принадлежность: африканская дилемма» . Социальная справедливость, Vol. 23 № 1 и 2, стр. 145–62. <https://www.jstor.org/stable/29766931>. Проверено 2 июля 2013 г.

———. 2000. «Косвенное правление и борьба за демократию: ответ Бриджит О'Лафлин» . Африканские дела, Vol. 99 № 394, стр. 43–50. <https://www.jstor.org/stable/723546>. Проверено 19 ноября 2018 г.

Марсе, Филипп В. 1955. «Народы и культуры Северной Африки» . Анналы Американской академии политических и социальных наук, Vol. 298, стр. 21–29. <https://www.jstor.org/stable/1028703>.

Матабейн, Марк. 1987. Мальчик -кафр : правдивая история совершеннолетия чернокожего юноши в условиях апартеида в Южной Африке. Нью- Йорк: Пингвин.

МакГрю, Энтони. 2003. «Модели транснациональной демократии» . Хелд, Дэвид и Энтони МакГрю, ред. Читатель Global Transformations : введение в дебаты о глобализации. Кембридж: Политика.

Милль, Джон С. 1994. «О свободе» . Дейли, Маркейт, изд. Коммунитаризм: новая общественная этика. Белмонт, Калифорния: Уодсворт.

Монтескье, барон де. 1914. Дух законов . _ Наджент, Томас пер. Лондон: G. Bell and Sons Ltd.

Муфвене, Саликоко С. и Сесиль Б. Вигуру. 2008. «Колонизация, глобализация и языковая жизнеспособность в Африке: введение» . Вигуру, Сесиль Б. и Саликоко С. Муфвене , ред. Глобализация и языковая жизнеспособность в Африке: взгляды из Африки. Лондон: Континуум Пресс.

Оффор, Фрэнсис. 2006. «Демократия как проблема африканской философии» . Оладипо, Олусегун, изд. Основные вопросы африканской философии . Ибадан: Публикации Надежды.

Оладипо, Олусегун. 2002. «Кваси Виреду: Становление философа (переписка с Олусегун Оладипо)» . Оладипо, Олусегун, изд. Третий путь в африканской философии: очерки в честь Кваси Виреду. Ибадан: Публикации Надежды.

Онибор, Марсель И.С. 2009. «Меняющееся применение демократии» . Одимегву, Айк, изд. Нигерийская демократия и глобальная демократия. Авка: Учебная книга FAB.

Оволаби, Колаволе Адерем. 2003. «Может ли прошлое спасти будущее? Местный Демократия и поиск устойчивого демократического управления в Африке» .

Огеджиофор, Дж. Оби, изд. Философия, демократия и ответственное управление в Африке. Нью-Брансуик: Издатели транзакций .

Овусу, Максвелл. 1992. «Демократия и Африка: взгляд из деревни» . Журнал современных африканских исследований, Vol. 30 № 3, стр. 369–96.

<https://www.jstor.org/stable/161164> .

Пейн, Томас. 2003. Сочинения Томаса Пейна , Vol . II. Фонд литературного архива Project Gutenberg . <http://gutenberg.net> <http://promo.net/pg>. Получено 3-е апрель 2017 г.

Платон. 1997. Полное собрание сочинений. Купер, Джон М. изд. Индианаполис: Hackett Publishing Co.

Ролз, Джон. 1972. Теория справедливости . _ Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета .

———. 1999. Право народов. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета .

Сен, Амартия. 1999. «Демократия как универсальная ценность» . Журнал демократии , Vol. 10 № 3, стр. 3–17. https://www.unicef.org/socialpolicy/files/Democracy_as_a

_Универсальное_Значение.pdf. Проверено ноябрь 2018 г.

Шаффер, Джером А. 1968. Философия разума . Энглвудские скалы: Прентис-холл.

Скляр, Ричард. 1967. «Нигерийская политика в перспективе» . Правительство и оппозиция, Том. 2 № 4, стр. 524–39.

Смит, Адам. 2008. «Богатство народов» . Ми, Артур и Джон А. Хаммертон, ред.

Величайшие книги мира 14: философия и экономика. Солт-Лейк-Сити: Фонд архива библиотеки проекта Гутенберга . <http://gutenberg.net> <http://promo.net/pg>.

Проверено 3 апреля 2017 г.

Страйд, Джордж Т. и Кэролайн Ифека. 1971. Народы и империи Западной Африки : Западная Африка в истории 1000–1800 гг. Лагос: Томас Нельсон.

Токвиль, Алексис де. 1994. «Борьба с последствиями индивидуализма» . Дейли, Маркейт, изд. Коммунитаризм: новая общественная этика. Белмонт, Калифорния: Уодсворт.

212 критических размышлений о поисках монолитной демократической альтернативы

Туатейл, Герардид и Сьюзан М. Робертс, ред. 1998. Неуправляемый мир ? Глобализация , управление и география. Лондон: Рутледж.

Вейл, Лерой. 1989. «Предисловие» . Вейл, Лерой изд. Создание трайбализма в Южной Африке.

Беркли: University of California Press, стр. xv – xxi.

———. 1989. «Введение: этническая принадлежность в истории Южной Африки » . Вейл, Лерой изд. Создание трайбализма в Южной Африке. Беркли: University of California Press, стр. 1–15.

Вамба, Эрнест Вамба диам. 1990. «Демократия в Африке и демократия для Африки» .

Киммерле, Хайнц и Фраз М. Виммер , ред. Философия и демократия в межкультурной перспективе. Амстердам: Родопи.

Вапмук, Шаркдам. 2009. «В поисках большего единства: африканские государства и поиск правительства Африканского союза » . Журнал альтернативных взглядов в социальной наук, Том. 1 № 3, стр. 660–66.

Виреду, Квази. 1995. « Демократия и консенсус в традиционной африканской политике: призыв к беспартийной политике » . Обзор столетия, Vol. 39 № 1, стр. 53–64. https://www.jstor.org/stable/23739547?seq=1#page_scan_tab_contents.

Уолстонкрафт, Мэри. 2011. «В защиту прав мужчин » . Интернет-библиотека свободы, стр. 1–148. <http://oll.libertyfund.org/title/991>. Проверено 6 апреля 2017 г.

глава ер Тини Н

Граундсвелл

Ан Унаволямазок ле Дем осы, с й Эсия

Рефин это Тузголю Фуг Спанда.

Одочь Пидо

Размышляя о взаимодействии между африканскими и неафриканскими моделями демократии, мы можем обнаружить, что западная, азиатская, южноамериканская, океаническая и африканская политические культуры имеют компоненты, присущие человеческому состоянию. Мы также можем найти аспекты демократического процесса, которые не признаются в существующих, официально идентифицированных системах. Некоторые из них являются продуктами инноваций, которые нужно внедрять или представлять неконфронтационными способами. Точно так же, как мы можем противопоставить системы де-юре и де-факто, мы можем также противопоставить формализованные и неформализованные. Последний я исследую в деталях с точки зрения дизайна и точки зрения коренных африканцев.

Правительства повсюду и во все времена кровно заинтересованы в воспроизведении статус-кво и модели, которые дали им контроль. Школьные системы и учебные программы специально разработаны для сохранения статус-кво. Кроме того, люди на самых низких уровнях социальной иерархии обычно угнетены и не имеют средств, чтобы настойчиво или радикально изменить существующие системы, и должны быть тонкими новаторами для достижения своих целей. Например, оглядываясь на историю, мы можем увидеть демократическое сохранение римских богов перед лицом христианского навязывания монотеизма: римские праздники были переведены в Рождество, Пасху и Хэллоуин и переданы, казалось бы, безобидным образом через «детскую игру» . .

В современных «либеральных демократиях» те, кто занимает угнетенный слой (женщины, бедные и политически преследуемые) могут делать заявления как противодействие их угнетению через внешне безобидных людей, события и обстановку. Их коллективное послание является результатом процесса, который мы назовем «волной» — изменение и новаторство в результате незапланированного коллективного консенсуса. Свадьба в саду по всей Восточной Африке является примером этого процесса. В выборе одежды, музыки, еды, места проведения и содержания

церемонии невеста, а часто и жених, говорят правительству, церкви и старейшинам, что они меняют парадигму.

Как ученые, мы не должны упускать из виду тот факт, что следование определениям из учебников часто может скрыть важные аспекты окружающей нас действительности. Поэтому мы должны выйти за рамки определений «только для ученых» и постоянно стремиться мыслить «нестандартно», чтобы расширить границы знания. Если мы определяем демократию как правление народа, то мы вынуждены признать, что коллективное выражение общих эстетических предпочтений является своего рода демократией.

Иногда говорят, что творчество оказывает освобождающее воздействие на нас, людей, потому что оно связано с расширением границ контроля. Где творчество и инновации являются ключевыми целями в любом начинании, игроки менее ограничены

условностями и традициями. В то же время существует большая

склонность игнорировать устаревшие парадигмы, создавать новые прецеденты и продвигать горизонты познания. В то время как ученые в нескольких областях, включая политические науки, известно о феномене грунтового повала, они могут не видеть его

проявления явно в стесненных популяциях, находящихся под постоянным угрозой со стороны тех, кто имеет над ними власть. Доктор Фрэнсис Овака из

Университет Найроби напоминает нам, что африканцы, живущие сегодня, могут вспомнить иерархию статусов, установленную колонизаторами, поместившими неафриканских думали и практиковали наверху, а их африканские коллеги наверху.

нижний. Доктор Овака далее отмечает, что в колониальный период

свадьба в белом платье считалась олицетворением «цивилизации», в то время как

традиционные африканские свадьбы не только уменьшились, но и

демонизирован (Owakah 2019).

Groundswell — это совокупность индивидуальных решений, сделанных лично и независимо, результатом чего является установление «общего блага» без первоначального плана или указаний со стороны авторитетного источника. Это спонтанное, согласованное принятие или генерация новых идей и продуктов на обширной территории практически без предварительного планирования. Эта концепция особенно актуальна в индустрии моды и маркетинга для объяснения широко распространенных предпочтений, которые нельзя объяснить иначе (Группа Всемирного банка, 2018 г.).

Примером этого явления было принятие синих джинсов в качестве национальной одежды де-факто в Северной Америке с начала 1950-х годов. В конце концов, киноиндустрия подкупила его, облачив ведущих мужчин, а позже и женщин в джинсы. Журналисты приписали джинсовый феномен Элвису Пресли и Джеймсу Дину, не понимая, что их синие джинсовые костюмы были ответом на уже начавшуюся волну. Несмотря на многочисленные попытки отвлечь публику, у индустрии моды не было иного выбора, кроме как принять джинсы или

к началу 1970-х годов синие джинсы завоевали популярность у именитых дизайнеров.

Джинсы стали глобальными к началу 1980-х годов и сохранились в каждой стране даже в двадцать первом веке.

В этой главе я обращаю внимание на некоторые мелкие, на первый взгляд безобидные заявления о демократических переменах через благоприятный канал публичного празднования, а именно свадьбы в саду. Моя цель состоит в том, чтобы описать и разъяснить социальный подземный вал, который, хотя и назван в честь географического явления (подъем огромной волны в океане), метафорически является демократической силой в человеческих обществах.

Далее я проиллюстрирую, как изменились свадьбы ачоли за последние три десятилетия от явлений, в которых доминируют мужчины и управляются геронтократически, к инновациям, ориентированным на женщин, которые мягко бросают вызов угнетению и неравенству в обществе, правительстве и религии. В этом месте позвольте мне упомянуть два выражения ачоли, связанные с браком, одно из которых указывает на угнетение в прошлом, а другое указывает на нынешнюю свободу. Два выражения «kel dako ma gwoko gang» («жениться на женщине, которая заботится о доме») и «kelo marace ka waci rom» («он женится на плохой жене, утверждая, что все женщины равны»). традиция, которая направляет, а вторая — о свободе выбора и отстаивании своего выбора.

Вторая цель этой главы — внести свой вклад в изучение моего собственного народа, ачоли Северной Уганды. За прошедшее столетие мы были объектом политических, социальных и экономических манипуляций со стороны ряда правительства. Ввиду общего пренебрежения культурой ачоли в социальной научной литературе и сосредоточения внимания на худших аспектах нашей культуры и бедствиях, постигших нас, важно изучить культурные проявления ачоли, которые в настоящее время хорошо задокументированы в социальных сетях, но в значительной степени упускались из виду учеными. Свадьба — это комплексное заявление о личном, социальном, политическом, экономическом и религиозном статусе жениха и невесты, их семей и их общин. В научных публикациях появилось очень мало информации о свадьбах ачоли, в значительной степени из-за нашего травмирующего социального и политического опыта, особенно за последние сорок или около того лет. У социологов и у нас, ачоли, были более неотложные дела. Тем не менее, наши свадьбы в ачоли говорят миру, что мы все еще живы и здоровы, и что мы внутренне приспосабливаемся к новым путям и парадигмам самоопределения.

Тезис этой главы состоит в том, что, как люди, независимо от того, какое несчастье обрушится на нас, мы будем действовать согласованно и простыми способами, которые демократичны и услужливы. Рассматривая земной поток как противоположность дизайну «сверху вниз» или «просачивающегося вниз», мы можем быть уверены, что люди будут «делать свое дело», несмотря на большие трудности. Хотя это может быть мотивировано жадностью, этикой, религией, снобизмом, эстетикой, экономикой или любыми другими факторами, погребение — это бесспорный феномен, в котором мы все принимаем участие, действующий независимо от политических систем. Приехав, как и я, из страны и региона, где понимание демократии не совпадает с тем, как ее понимают в других местах, я

нахожу заслуживающим внимания тот факт, что мы, ачоли, делим землю с людьми во всем мире.

После рассказа о моем личном наблюдении за зыбью я перехожу к описанию ее проявления на одной свадьбе ачоли. Через песню, сочиненную для свадебного торжества и гостей, мы можем увидеть множество заявлений о культурном самоутверждении, возникших за последние пятьдесят лет без инициативы какой-либо военной, политической или административной силы.

Кумулятивные культурные утверждения, которые стали гламурными свадьбами ачолов в двадцать первом веке, сильно отличаются от тех, что были в двадцатом и более ранних веках.

Насильственная революция может быть демократичной, но накопленные, не вызывающие провокаций небольшие изменения в организации, одежде, еде и исполнении могут быть столь же разрушительными, как и широкая улыбка и много веселья.

Чтобы исследовать процесс, проявляющийся в свадьбах в стране ачоли, мы должны сначала рассмотреть переход к «либеральной демократии», которую британские колонизаторы навязали ачоли.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «ДЕМОКРАТИЯ»

ЭВОЛЮЦИЯ В ПРАЗДНИКЕ

ND

Незадолго до обретения Угандой политической независимости в 1962 году ачоли познакомились с демократией западного образца, основанной на партийной политике.

«лидеры», которые ввели такую политику в Ачолиленд, привыкли страстно обсуждают свои партийные манифесты вместо того, чтобы четко формулировать что они имели в виду под «демократией». Следовательно, ачоли тщетно пытались понять смысл «управления народом, им и для народа»; и они смутно понимал это как что-то связанное с партийной политикой и голосованием. Конечная игра заключалась в голосовании, чтобы определить проигравших и решить, какая сторона «получить независимость» и «править» Угандой. Что касается жителей деревни Ачоли, то в стране существовало три партии, а именно Угандийская национальная

Конгресс образован в 1952 г., Демократическая партия образована в 1954 г. (Ламвака 2016, 21) и Независимая партия. Хотя Кабака Йекка (Луганда для «Король один») и Народный союз Уганды также существовали, ачоли были менее осведомлены о них, потому что местные политики почти не говорили о них. Вопрос, который следует задать, состоит в том, понимали ли многие ачолийцы ясно «Один король» как партийный манифест, и каковы некоторые последствия их

Адекватное или неадекватное понимание «King Alone» было. В 1961 году на выборах Ачоли предстояло выбрать одного из пяти соревнующихся мужчин. кандидаты. Каждый кандидат обещал избавить Уганду от «колониализма» и обеспечить независимость и прогресс в случае избрания. Однако жителям деревни Ачоли в Северной Уганде было нелегко сделать рациональный выбор во время выборов, потому что они не понимали колониализма, независимости

и прогресс. Несмотря на обилие политических кампаний, они не помогли людям понять демократию, потому что кандидаты использовали незнакомые и сложные термины, такие как «legiso» (образованное от «Законодательного совета Уганды»). Почти каждый кандидат говорил, что будет бороться и побеждать болезни и невежество; и все же людям было очень трудно понять, как можно бороться и победить что-то столь сложное, сверхмощное и невидимое, как невежество.

Неадекватное понимание проблем политики до обретения независимости, Ачоли придерживались следующих мыслей: «Мы — Национальный конгресс Уганды (UNC), партия Северной Уганды и Партия бедных».

(Ашерсон, 1956). Голосуя, ачоли осуществили свое «демократическое» право, и кандидат от UNC Акера Ананиас победил в моем родном избирательном округе ачоли. Тем не менее, Демократическая партия (ДП) стала национальным победителем, потому что в нем было наибольшее число избранных членов Законодательного совета Уганды. Победа DP разбила сердца ачоли, поскольку они с энтузиазмом поддерживали UNC. Тем не менее, благодаря численному опыту подсчета и подсчета голосов, люди научились ассоциировать демократию с цифрами и победой простого большинства, а не с управлением.

До обретения Угандой независимости в 1962 году случайные прохожие в Акаре, моем родном районе, полагали, что Милтон Оботе «купил» Кабаку Мутесу, короля Буганды (Миссия Китуо Ча Катиба по установлению фактов в Уганде, 2012 г.). Тем самым он способствовал объединению партии Кабака Йекка («Только король») и своего Народного конгресса Уганды (СКП), который ранее назывался Национальным конгрессом Уганды (НК) (Lamwaka 2016, 22). Мысль о том, что Оботе «покупает» Мутесу, вызывала беспокойство, потому что никто не упомянул валюту, которую Оботе использовал для транзакции. Использовал ли он деньги, животных, религию или обещание влиятельного положения? _ Как бы то ни было, существовал союз, который позволил Оботе стать премьер-министром, а Мутесе — президентом. Сделка Оботе-Мутеса предполагала, что демократия предполагает переговоры и «торговлю». Метафорическое выражение ачоли для «торговли» — *otwong wile ki otwong* («корзина обменивается на корзину»). Многие угандийцы считали Оботе национальным лидером, который был красноречивым оратором, убедительным, а иногда остроумным и хитрым. Именно из-за этого восприятия Оботе мы, молодежь ачоли начала 1960-х годов, приняли политику за интриги. Мы также ошибочно принимали переговоры и убеждение за демократию, не понимая, что демократия заключается в управлении людьми, ими и для людей.

В 1966 году Оботе уволил Мутесу и стал президентом

Уганда. Его действия привели к так называемому «Конституционному кризису Уганды» (Musisi and Mahajubu 2018, 14–25). Ученые продолжают предлагать объяснения распада союза Оботе-Мутеса. Некоторые из нас в Ачолиленде считают, что Оботе резко не согласен со снисходительным отношением Мутесы. В

В общем, ачолы согласились с Оботе, потому что в их понимании *laco pe gudu ter wadi* (ачолы означает «мужчина никогда не касается ягодиц другого человека»). человек », что означает, что ни один человек не умаляет другого человека). Помимо отстранения Мутесы от должности, Оботе ввел свой «ход влево» . Западным странам не понравился «переезд» и они стремились отстранить его от должности, причем начали они с обвинения его в двух преступлениях, а именно в «социализме» и «диктатура» . Западные державы в конечном итоге использовали Иди Амин Дада для устранения Оботе от должности в 1971 году не путем голосования, а путем военного переворота. Приход Амина к власти вызвал широкое обсуждение являются ли выборы предпосылкой демократии и независимость. Факт того, что Амин был диктатором, подтвердили он издавал множество указов и безжалостно расправлялся со всеми, кто выступал против него. Как и Амин до него, Йовери Кагута Мусевени заявил сам президент Уганды после военного переворота в 1986 году . безжалостно расправлялся с теми, кто выступает против его руководства, и за прошлые уже тридцать лет проводится то, что правильно можно назвать «выборами» . без выбора» ; а вообще так называемая «защитники демократии» не называют его диктатором.

Во время режима Амина в 1970-х годах парламент Уганды принял закон запрет мини-юбок (Mugabe 2015), и сторонники демократии во всем мире протестовали против запрета. Будучи студенткой бакалавриата по дизайну, недавно переехавшей в Найроби, Кения, я рассматривал запрет как нож в сердце творчества и свободы самовыражения, то есть удушение свободы делать заявления о моде . Запрет на мини-юбки строго соблюдался во время режима Амина . В начале 2017 года «Аль-Джазира» сообщила, что отец Саймон Локодо, министр по этике и этике в администрации президента Мусевени, снова запретил мини-юбки в стране. По его словам, он защищал угандийцев от плохого влияния Запада и сохранял моральные ценности страны. Многие считали, что министр душит свободу как личного, так и творческого самовыражения.

Доколониальная политическая система ачолов была геронтократией, а это означало, что у власти стояли пожилые мужчины . Молодые мужчины и все женщины практически не принимали непосредственного участия в принятии решений. Решения принимались не голосованием, а консенсусом старейшин, как это принято у квакеров. Пока один старейшина не соглашался, обсуждения продолжались до тех пор, пока не достигался консенсус. Действовать против воли одного человека, говорили они, было лаа («плювок вредит»), имея в виду слюну, используемую в церемониальных контекстах для произнесения необходимых благословений. Пожилых женщин можно рассматривать как почетных мужчин и включать в дискуссии по достижению консенсуса . Женщины в пременопаузе стояли ниже уровня почетных мужчин и вносили свой вклад в достижение консенсуса через своих мужей. Даже мужчины моложе зрелого возраста делали свой вклад в достижение консенсуса через своих отцов или дядей.

И колониализм, и «демократия» разрушили жестко геронтократическую общественно-политическую организацию ачолов и предоставили ей альтернативы. Кроме того, западные христианские миссионеры усугубили разлад, исходя из предположения, что все местные африканские верования и обычаи должны быть искоренены и заменены. Следовательно, ачолы получили возможность исследовать новые процессы принятия решений в своей индивидуальной и общественной жизни. Им больше не нужно было принимать то, что существовало, когда они родились, и у них также был выбор из нескольких религиозных систем, особенно римского католицизма и множества версий протестантизма.

Знакомство ачолов с европейцами, азиатами, новой системой правления и новой религией открыло новые возможности личного выбора в жизни, включая образование, карьеру и географическую мобильность. Легкость перемещения между географическими точками увеличила количество социальных взаимодействий, что, в свою очередь, расширило возможности выбора брачных партнеров и свадебных стилей. Выбор, который можно было сделать в деталях свадьбы, был лишь верхушкой айсберга выборов, которые в конечном итоге привели к парадигматическим изменениям в основах различных институтов. Развитие свадьбы в саду без единого или навязанного плана — лишь одна из многих реакций на разнообразие переживаний и диапазон возможностей. выбор, предложенный историей, и является противовесом более чем пятидесятилетнему постколониальной государственной жестокости.

Представив приведенный выше краткий очерк прихода демократии западного образца в Ахоилиндию, я теперь перехожу к исследованию моего личного опыта наземной волны.

ОТКРЫТИЕ GROUNDSWELL: ЛИЧНОЕ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В 2015 году я посетил международную конференцию по дизайну в Кампале, Уганда, где два ученых представили доклад о совместном дизайне. Авторы статьи попытались проиллюстрировать совместный дизайн, используя опыт сельских жителей Южной Африки. Из программы и из собственного заблуждения я ожидал услышать «дизайн людей, людьми и для людей» — своего рода прямую демократию (Китуо Ча Катиба 2012, 23). Тем не менее, я был несколько заинтригован, обнаружив, что это был дизайн «сверху вниз», потому что им руководили профессионалы, а метод в значительной степени был профессиональным дизайном и прикладными исследованиями, как описано многими авторами, в частности Спинуцци в его статье о методологиях партисипативного дизайна. (Спинуцци 2005, 163). Во время вопросов я спросил, чем идея авторов об совместном дизайне отличается от «дизайна профессионала, профессионалом и для профессии». Я

уже не помню ответ на свой вопрос, но презентация меня зацепила

думая о том, как мы, дизайнеры, можем изменить то, что мы знаем как «партиципаторный дизайн», чтобы сделать его демократичным. Идеи изменения партисипативного дизайна, чтобы освободить его от диктата вкуса и профессионального снобизма, продолжали беспокоить и вдохновлять меня, что привело к написанию этой главы.

Если существует шкала демократических процессов, мы можем рассматривать ее как диапазон от преднамеренных, целенаправленных и кодифицированных до неформальных и консенсусных, которые часто не учитываются в конституциях или кодифицированных законах. Идеи и предпочтения могут формально или неформально определяться и распространяться по принципу «сверху вниз», «снизу вверх», «просачиваться вниз» или «по низу». Рыночные силы и законодательство определяют дизайн частных автомобилей, систем общественного транспорта и жилых комплексов, при этом потребители должны брать то, что им предлагают: это проектирование сверху вниз. Другим примером нисходящего дизайна может быть случай, когда правительство устанавливает законы или декретирует форму поведения для всех лиц, находящихся под его юрисдикции. Некоторыми современными примерами юрисдикции являются комендантский час, изоляция и карантин. Историческими примерами в Кении являются налог на хижины и мероприятия по сокращению запасов в колониальную эпоху. Мы описываем поведение как «просачивающийся дизайн», когда он не декретирован, а является спонтанным и является результатом добровольного подражания или незапланированных эффектов «дизайна сверху вниз». Таким образом, имитация внешности или образа жизни кинозвезд, известных музыкантов или спортсменов может считаться просачивающимся дизайном. Примером незапланированного результата, который мы можем назвать «подземной волной», является спонтанное массовое перемещение людей из изолированных или закрытых районов города.

Некоторые политики известны тем, что они называют «экономикой просачивания вниз», что означает, что выгоды, предоставляемые богатым, также косвенно приносят пользу бедным, поскольку богатые тратят деньги. Различия и сходства между «схемой просачивания вниз» и «экономикой просачивания вниз» выходят за рамки этой главы. Однако, когда низшие слои любого общества подражают одежде и поведению таких знаменитостей, как покойная принцесса Диана, мы получаем «просачивающийся дизайн». С другой стороны, когда массы навязывают изменения обществу в целом, как в случае революции или гражданского неповиновения, это «проектирование снизу вверх». Граундсвелл — менее непреклонное, но не менее заметное спонтанное порождение новизны посредством повсеместного и одновременного выражения предпочтений.

Применяя эти идеи и наблюдения к моей собственной культуре, я концентрируюсь на единственной, образцовая свадьба стала управляемым, сдержанным событием для анализ, но тот, который богат количеством вариантов, которые необходимо сделать. Многолетний опыт позволил получить некоторое представление о парадигмах проектирования и инновации, которые происходят вокруг свадьбы. Например, мы уже знаем, хотя и редко пишем об этом, о множестве принимаемых решений и множестве культурных, семейных и личных конфликтов, возникающих при выработке театрализованного представления о реальном событии. Чтобы облегчить головную боль, связанную с организацией

свадеб, теперь есть дизайнеры и менеджеры мероприятий, которые выполняют работу от имени женихов и невест. В Ахолиленде важно профессиональное участие, но общее планирование осуществляется женихом и невестой.

Свадьба ачоли двадцать первого века, организованная невестами, женихами и их семьями, отличается от более ранних свадеб коренных народов ачоли, которые обычно диктовались родителями и старшими членами сообщества. В браках по договоренности в прошлом родители и их ровесники жестко контролировали процедуры, начиная от ухода за супругом, переговоров о браке, выплаты приданого и заканчивая наслаждением свадебной церемонией. Жениху оставалось только ждать, пока его друзья привезут домой невесту в сопровождении ее сопровождающих (в идеале ее младших родственников). В отличие от традиционной свадьбы ачоли, новая свадьба не является кени ден («брак в кредит»), потому что женихи платят полную выкуп за невесту наличными, а не в рассрочку в течение многих лет. Молодежь предпочитает единую систему оплаты, поскольку она освобождает их от постоянных требований со стороны родственников. Новая свадьба также отличается от свадеб в церкви, мечети или храме, где религиозные институты устанавливают границы, в которых заинтересованные лица делают выбор.

Примерно в 2010 году мы с двумя американскими друзьями отправились в Северную Уганду, намереваясь добраться до моего дома в Акара-Мучвини, округ Китгум. Мы, жители Восточной Африки, любим хвастаться своими домами перед посетителями. Там мы все увидим, как мои люди справлялись с жизнью после почти десяти лет пребывания в лагерях для внутренне перемещенных лиц. Один из моих двоюродных братьев собирался жениться в тот день, когда мы приехали, поэтому я взял их на свадьбу, чтобы воочию увидеть традиции ачоли. Мои гости, наверное, ничего странного не заметили, так как это было их первое знакомство с культурой ачолов, и были заняты поглощением всего, что попадалось под руку. Однако для меня, аборигена, было шоком услышать современную музыку, звучащую из диско-системы «high-fi», а люди танцевали от души. Мы легли спать около 9 часов вечера, но вечеринка продолжалась всю ночь. Через несколько дней мои гости ушли, не зная, насколько та свадьба отличалась от свадеб моего детства и юности. Это также казалось отходом от свадеб в зависимости от церкви, мечети или храма.

Этот опыт стимулировал мое любопытство и привел меня к изучению нового стиля свадьбы среди ачоли и других африканских общин.

После нескольких лет неформального следования новому свадебному стилю я убедился, что музыку сочиняют и исполняют профессиональные артисты. Выступления записываются на DVD или размещаются на YouTube для совместного использования и для сохранения записей о событиях (см., например, Oriyo 2016; Oryema 2016).

Те, кто не может позволить себе нанять артистов и их группы, используют такие записи, воспроизводимые на мощных музыкальных системах. Живое выступление или музыкальная система в стиле диско — явление, возникшее как бы из ниоткуда, в 1990-х годах по всей Ахолиленде и в других местах Восточной Африки.

Я начал свое официальное исследование с изучения многих свадеб, проходящих в Уганде. В качестве примеров я рассмотрел свадьбу басога (Roo Ya Simba 2019), баганда кванджула/свадьба (Next Media Uganda 2017) и свадьбу ланго (Obong 2019). После этого я просмотрел множество свадеб ачоли на YouTube, которые служили целям сравнения и противопоставления. В конце концов я остановился на одном, изначально потому, что его музыка пульсировала, как барабаны в руках мастера барабанщика. На обсуждаемую свадьбу и подобные свадьбы отчасти повлиял колониализм и его структурное насилие (Maddison 2013; Vaidya 2018). Они формируются экзотическими религиями, особенно церковными уставами, в формате, который узаконил бы браки в глазах различных церквей. Они также являются результатом авторитарных колониальных правительств, а также постколониальных африканских правительств.

Стиль свадьбы, который я исследовал, воплощает и выражает локальную социальную структуру, в которую включаются посторонние, тем более что она (свадьба) является межкультурной. Невеста - ачоли из Лемо, деревни почти в шести милях к северу от города Китгум в подрайоне Лабонго, Северная Уганда. Жених - немец из Берлина. Я выбрал именно этот

свадьба, потому что она является межконтинентальной, охватывает африканский и европейский культурные контексты, тем самым предоставляя возможности для многочисленных и разнообразных вариантов выбора. Помимо свадьбы ачолов и германцев, я упоминаю свадьбу всех ачолов (Murugut 2012) и свадьбу ланго и ачолов (Otim 2015). Я использую свадьбы всех Ачоли и Ланго-Ачоли для сравнения, противопоставления и иллюстрации.

ОБЗОР АЧОЛИ БРАКИ И СВАДЬБЫ __

Брак ачоли часто является выбором пары, чтобы жить как муж и жена, но этот выбор обычно превращается в соглашение между двумя семьями (Shahadah 2011, 1). Брак — это оформление выбора и соглашения, а свадьба — празднование и публичное объявление

брака. Имея это в виду, я обсуждаю традиционные браки и свадьбы ахоли, начиная с соглашения. Устроение родителями или близкими родственниками (Abadi 2003, 1) и ухаживание отдельных лиц — два распространенных способа, которыми ачоли и многие другие народы Африки находят супругов.

Хотя и редко, нгом па лудонго (ачоли означает « брак по договоренности») является односторонним. молодые люди раньше, а теперь почти никогда не находят жен. Интернет или ухаживание лицом к лицу - два из нынешних способов найти супругов. Если девушка принимает _ предложение руки и сердца жениха, она дарит ему бусы со своей талии, еще один предмет личного украшения (Burite 2007; Ojok 2006) или носовой платок.

главный. Подаренный таким образом предмет является символом ее непоколебимой любви и готовности выйти замуж. Важно подчеркнуть, что, по выражению ачолы, дама не выходит замуж за джентльмена: он тот, кто женится на ней. В этот момент должна состояться свадьба. Если свадьба не состоится, некоторые девушки сбегают, и делают это по нескольким причинам. Одной из причин является заявление о том, что они занимались квеле (ачоли означает «добрачный секс»). Вторая причина – непроцедурное знакомство с семьей жениха до проведения надлежащих переговоров. И добрачный секс, и знакомство с семьей жениха без соблюдения протокола одинаково табуированы в культуре ачолы (Asaue 2016, 2). Другой причиной побега является желание девушки заставить своих родителей согласиться на брак, особенно когда она подозревает, что им не нравится ее выбор.

муж. Отсутствие богатства невесты часто стоит между мужчиной и его невестой, поэтому это также может побудить девушку к побегу. Отец, который не может позволить себе невесту для своего сына, будет занимать у своих родственников или где-либо еще. Заимствование богатства невесты – это попытка избежать стигмы, связанной с побегом.

Там, где даже заем не может увеличить богатство невесты, двое могут жить как муж и жена по договоренности «приходи, мы остаемся» (Ogutu 2007, 4). Из-за обещания быть верным браку родственники и общество в целом обычно принимают брак без выдачи наследства невесты. В этом типе брака местное юридическое положение заключается в том, что мужчина и женщина состоят в браке, но их сыновья не могут жениться до тех пор, пока не будет получено состояние невесты.

их матери платят. Кроме того, если жена умирает до того, как она официально выйдет замуж, ее муж обязан «жениться на ней посмертно» (нѐмо льель, буквально «жениться на мертвой»). Это означает, что он по-прежнему должен отдать членам ее семьи причитающееся им богатство невесты, тем самым предотвратив любые духовные или наследственные проблемы для ее потомства. В целом скромные свадьбы, как правило, отмечают браки между супругами, которые «съехали вместе», и браки с участием «матерей-одиночек».

Около восьмидесяти лет назад выкуп невесты у ачолов состоял из двух коров и несколько подарков, таких как табачная лепешка, топор, копье и курица. Два представителя жениха мужского пола отнесли богатство невесты в семью невесты, прибыв вскоре после наступления темноты, потому что традиционное бракосочетание происходило ночью. За переговорами и принятием богатства невесты следовали празднества, которые часто начинались с еды и лаборатории (традиционного пива), которыми наслаждались все гости. Один из двух представителей играл на нанге (семиструнной цитре на подносе), а другой играл на калембасе под музыку нанга, а представительницы невесты пели и танцевали под музыку. Выступление на вечеринке продолжалось до самого утра, но не до рассвета, поскольку это было социально неприемлемо. Через несколько дней невеста вышла из дома и отправилась к ней.

муж в компании двух или более сопровождающих женщин. Помощь молодым

обустройство жены в своем новом доме было заявленной целью эскорта, но настоящей миссией было найти мужей в клане, где она вышла замуж.

Согласно устной истории, аджере (свадебный танец) мог появиться между 1940 и 1950 годами (Niswonger 2010; Orio 2012). Хотя неясно, как это произошло, возможное объяснение можно найти в подражании.

У ачولي, как и в других культурах, подростки подражают поведению взрослых, в том числе танцуют. Однако они видоизменяют танец и часто заканчиваются другим танцем, который в чем-то похож, а в чем-то отличается. Таким образом, молодежь ачولي могла развить аджере, подражая и видоизменяя существующие песни и танцы, такие как бвола (королевский танец). Каково бы ни было его происхождение, популярность танца аджере настолько возросла, что он стал значительной частью

Ачولي свадьбы. Исполнители аджере должны были состоять из пяти молодых мужчин из деревни жениха и такого же количества женщин из народа невесты. Исполнители-мужчины исполняли музыку и танцевали, чтобы развлечь гостей, а также соблазняли девушек, которые танцевали с ними.

Аджере мутировал в миел моко («танец застревания»), который многие считают инструментом ухаживания. Кажется, миел кэны («свадебный танец»)

был результатом смешивания немного ажере с туйе токо. Творческий подбор элементов и особенностей различных танцев продолжился, и

свадебный танец перерастает в битири, келалип и лакубукубу 1960-х и 1970-х годов, которые исполнялись сразу после успешных брачных переговоров и принятия выкупа за невесту (Бурите, 2007, 1). Представления проходили в доме матери невесты. Большинство исполнителей женского пола были взяты из семьи невесты, а большинство исполнителей мужского пола - из семьи жениха. Певцы и инструменты поставили музыку, под которую исполнители танцевали во время вечеринки. Алкоголь изменил музыку, танцы и кодексы поведения, так что в своем поведении обвиняли алкоголь и считали само собой разумеющимся. Гости, которые не были родственниками двух семей, сидели возле дома, где им подавали еду и алкоголь, и не должны были входить.

дом, где были «свекры», то есть гости из дома жениха. При внимательном рассмотрении свадьбы, которую я обсуждаю в этой главе, обнаруживается сходство шагов и духов с аджере, лакубукубу и битири.

Примерно в 1996 году во имя безопасности правительство Уганды отправило всех жителей субрегиона Ачولي в лагерь для внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) (Klein 2012), якобы для их собственной безопасности. Поскольку ни с одним сельским жителем не посоветовались и не было дано четкого публичного объяснения, некоторые люди придерживались мнения, что принудительное размещение людей в лагерях для перемещенных лиц равносильно диктатуре с геноцидом в палатке. Зрители сделали много предположений, среди которых было то, что лагерь для ВПЛ был методом президента Мусевени «прикончить» ачологи и дать им землю «застройщикам» (Вегнер 2012, 2). Вряд ли кто-то думал, что это было сделано для безопасности жителей деревни. Нищета, голод, болезни и отчаяние были настолько ужасны, что международные неправительственные организации (НПО) и другие гуманитарные организации

на сцену вышли тарианские организации. Каждый из них пытался осмыслить бессмысленность и дать надежду людям, потерявшим надежду. Именно в период интернирования в лагерях для перемещенных лиц свадьбы ачولي резко изменились, приняв новый стиль. Широкое распространение нового стиля обсуждается здесь как основа.

Можно задаться вопросом, как жизнь в лагерях для вынужденных переселенцев повлияла на изменение свадеб ачولي. Чтобы объяснить, как это произошло, необходимо просмотреть несколько избранных сцен, предшествующих жизни в лагерях. Вскоре после того, как Уганда обрела политическую независимость, больше ачولي устроились на официальную работу. В результате многие из них стали богаче в финансовом отношении и купили потребительские товары, в том числе радиоприемники и музыкальные системы. Радиограмма оказалась самой популярной, потому что радиокомпонент обеспечивал доступ к новостям и образованию, а граммофонный компонент и динамики обеспечивали громкую музыку для развлечения и хвастовства.

Кроме того, в то время сухие ячейки в граммофоне были признаком «хай-тека». После режима Иди Амина (1971–1979) на сцене появились генераторы, обеспечивающие электроэнергией музыкальные системы. В то время радиолы не использовались на свадьбах в то время, но позже генераторы стали использоваться для питания музыкальных систем в стиле диско, а освещение стало обычным явлением как на маленьких, так и на больших свадьбах.

К началу 2000 года сбор солнечной энергии и связанные с ним приборы стали обычным явлением и обеспечивали питание музыки и освещение во время свадеб, которые проводились, когда люди находились в лагерях для вынужденных переселенцев.

Наконец, как уже упоминалось, в Ачолиленд пришли иностранные НПО. Они привезли в регион множество палаток. Именно эти палатки теперь обеспечивают уют и атмосферу для свадеб.

В Уганде доступ к электроэнергии ассоциировался с «развитием», хорошей жизнью и принадлежностью к высшим слоям общества. Сбор солнечной энергии и сопутствующие устройства были популярны до появления лагерей для ВПЛ, потому что они были своего рода новинкой, но при этом были дешевыми и удобными. Поскольку большая часть Ачолиленда не была подключена к электросети Уганды, солнечная энергия была долгожданной заменой для питания музыкальных систем во время особых случаев, включая свадьбы.

Обычно и долгое время выкуп за невесту у ачолов полностью или частично выдавался в виде крупного рогатого скота. Тем не менее, во время лагерей он платился только наличными, потому что так называемые Икарамоджонг2 совершили набег на субрегион Ачولي и лишили его запасов. Кроме того, в лагерях процветала торговля в киосках, делавшая наличные деньги самой востребованной вещью и средством к жизни лабонго пар (ачоли означает «без необходимости думать и планировать»), но с большим количеством бросающихся в глаза вещей. потребление. Таким образом, в лагерях для ВПЛ появилась музыка в стиле диско, дневные празднования, демонстративное потребление и новый вид социальной свободы.

АНАЛИЗ СВАДЬБЫ АЧОЛИ _ _

ИВАНЦАТЬ ПЕРВОЕ F R C N R

Тип свадьбы, который я здесь исследую, сейчас распространен в городах Восточной Африки. Его называют «свадьбой в саду» и он представляет собой смесь культур — африканской, европейской, азиатской, христианской, исламской и других. Это может происходить в саду или парке, а может и не происходить, но уж точно не в церкви или в офисе гражданской власти, и может иметь или не иметь определенный религиозный компонент. Каким бы ни было название и смесь, сегодняшняя свадьба похожа на парад мод, где каждый пытается превзойти остальных. Свадебная вечеринка, как правило, одевается в соответствии с указаниями жениха и невесты, но гости одеваются так, как им нравится. Свадьба – это демонстрация притягательной красоты в стиле ладаги-ибеди (ачоли – «винить придется только себя, если не выберешь любовного партнера»). Как дань моде, свадьба в саду, вероятно, находится под влиянием того, что происходит в других странах мира, где молодые люди экспериментируют и выбирают только то, что им нравится.

В этом разделе я представляю и анализирую видеозапись одной свадьбы ачоли, а также делаю выводы из нескольких других свадеб ачоли

последние десять или около того лет. Анализ основан на моем опыте, информации от других людей и тех особенностях свадеб ачоли, которые остались неизменными с тех пор, как я в последний раз жил в Китгуме более пятидесяти лет назад.

Далее я сосредоточусь на свадьбе Атим Жаклин Мишель, видеозапись которой доступна на YouTube (Obol 2015). Церемония прошла в 2015 году в деревне Лемо, к северу от города Китгум. Центральным компонентом свадьбы является «тематическая песня».

В песне имя жениха произносится не очень хорошо, хотя звучит так, будто его зовут мистер Варго.

Во время как визуальное представление начинается с того, что кажется частью процессии, песня начинается с объявления места происхождения невесты, что можно рассматривать как форму устной геральдики и культурный способ запечатлеть идентичность на свадьбе.

Большая часть песни прославляет невесту как очень красивую. Это выставляет ее напоказ как обещание ее семье семье жениха и всему сообществу никогда ни в коем случае не подводить своего мужа и его людей. Помимо того, что она красива в эстетическом смысле коренных народов ачоли, общество ачолов ожидает, что невеста будет проявлять уважение ко всем, родить много детей и прислуживать ей.

муж. Во время свадьбы невеста и ее служанки одеваются так, чтобы дополнять как внешнюю, так и внутреннюю красоту. В общем, на свадьбу все приходят хорошо одетыми. Хорошо одеваться — это больше, чем выглядеть правильно для случая: это также рассматривается как проявление уважения ко всем заинтересованным сторонам. Заманчиво думать, что на то, чтобы хорошо одеться для свадьбы или другого особого случая, повлияла европейская и христианская культура. Еврохристианские традиции предполагают, что

женихи должны быть одеты в темные костюмы или смокинги, а невесты белые платья. Также заманчиво думать, что оставлять лучшее платье для свадьбы является исламской, поскольку мусульмане идут на многое, чтобы украсить себя к свадьбе. Однако наряжаться на свадьбу также является частью африканских традиций, что очевидно у туркана, масаи и самбуру в Кении (Klumpp and Kratz 1993, 195). В традиционном контексте ачولي переодевание начинается во время ухаживания и продолжается до дня свадьбы, когда родители невесты также надевают свои лучшие наряды.

Во время свадьбы все дамы из клана невесты высоко оцениваются в песня, которая представляет собой тонко завуалированное приглашение молодым людям со всего мира приди и возьми жен из клана. У ачолов невеста предпочитает, чтобы ее родственники выйти замуж в деревне, где она выходит замуж, чтобы иметь «кого-то, у кого взять немного соли» (соседку, которая является сестрой). Долгосрочная стратегия состоит в том, чтобы противостоять ревности, соперничеству, тоске по дому и отсутствию поддержки. эмоциональная поддержка в трудную минуту. В былые времена эта концепция «соседки-сестры» побуждала женщин убеждать своих сестер стать со-женами и согласиться на жизнь в полигамных браках. Недавно я спросил нескольких дам, выйдут ли они замуж за своих шуринов. Решительное «Нет» было ответом большую часть времени — «один мужчина, одна жена» было их наиболее частым объяснением. Тем не менее, многие респонденты придерживались мнения, что они предпочли бы, чтобы их сестры, а не чужие, вышли за их мужей. Из наших разговоров я думаю, что угнетение со стороны западного христианства, школьное образование, а также экономическая и культурная мобильность привели к акценту на «правах». Индивидуальные права, в частности, как представляется, подрывают представление о «сестрах, являющихся женами» и другие общинные обычаи, распространенные среди ачولي и других африканских народов.

Из свадебной песни мы узнаем, что свекровь ценится за их роль в воспитании невесты или жениха. Несмотря на то, что задача воспитание детей — это обязанность без особого выбора, родители вносят свой вклад, и от того, кто женится на продукте этих усилий, ожидается, что он проявит себя. признательность. Более того, родителей жениха уважают не только потому, что они гости, но и потому, что они вело кэны (свадебные гости). С ними можно только здороваться, так как забрасывать их вопросами считается подлым (Otim 2017). Обычно для взаимодействия с ними назначают только мужчин и женщин с выдающимся приличием.

Благословение — давняя традиция ачولي, и старейшины часто благословляют молодежь. В свадебной музыкальной теме Варго и Аtima дяди невесты [братья ее матери] благословляют ее, бракосочетание и гостей свадьбы. Один из другая свадьба, которую я изучал, была «возрожденной» христианской свадьбой между Афулу, невестой из племени ачولي, и Ораче, женихом из племени ланго (Otim 2015). В свадебной музыкальной теме Отима Лаки Босмика подчеркивается, что

такая свадьба чиста и благословенна. В то время как христианская философия, по-видимому, влияет на аспекты садовых свадеб в сторону представления о том, что они «созданы Богом для людей», благословение ачоли исходит от людей и делает упор на кво мабер (ачоли означает «хорошая жизнь», что означает жизнь с детьми, родственниками, здоровьем). и счастье). Поскольку благословение ачоли исходит от людей, а не от Бога, можно сказать, что это скорее «люди для людей» — способ выразить оптимизм, обрести независимость и жить позитивно.

Из видео на YouTube о свадьбе Атим Жаклин Мишель становится очевидным, что толпа разделена по полу и возрасту, вероятно, потому, что пол и возраст являются основой социальной организации и поведения. В обществе коренных народов ачоли женщинам и мужчинам отводятся разные роли, возможно, поэтому женщины и мужчины исполняют разные па в свадебном танце. Однако свадьбы в саду показывают, что гендерные границы стираются, поскольку можно увидеть, как женщины выносят невесту «через порог» — практика, которая, возможно, возникла в результате насильственного похищения невест группами мальчиков. На свадьбах коренных народов ачоли не ожидалось участия детей, потому что они могли принести на свадьбу свой недостаток опыта и все испортить. Однако в настоящее время они являются активными участниками садовых свадеб. Кроме того, никто из родителей не присутствовал на традиционных свадьбах ачоли, но на свадьбах в саду они присутствовали; и, как упоминалось выше, традиционные свадьбы ачолов происходили в доме, но палатки заменили дом, вероятно, потому, что они вмещают больше гостей, требуют меньше работы и поэтому более удобны.

Люди, не принадлежащие к ачоли, могут сказать, что свадебный танец ачоли сексуален, потому что акцент делается на женщинах, которые взволнованно танцуют перед мужчинами. Тем не менее, типичный ачоли, вероятно, больше озабочен исполнением танца и наслаждением свадьбой, чем сексуальными проявлениями. Роль юношей и девушек состоит в том, чтобы создавать музыку, под которую они танцуют взволнованно и энергично.

Одновременно выступают еще две группы. В один из них входят мужчины и женщины среднего возраста, опытные танцоры, нежные и зрелые исполнители. Другой состоит из исполнителей, не принадлежащих к ачоли, которые крайне неопытны и «пробуют» танцоров, что придает свадьбе чувство юмора. Независимо от компетентности танцоров, они, как и зрители, больше озабочены выражением счастья, чем демонстрацией опыта или критикой танцевальной компетентности. Свобода от запретов и строгих правил традиционных свадеб является частью того, почему свадьбы в саду считаются демократичными, и почему они так убедительны и набирают популярность.

Группы поколений музыкантов и танцоров во многом затмеваются ведущим музыкантом, который объединяет свадьбу с помощью песни. Судя по свадьбе Варго и Мишель, а также подобным свадьбам, самым популярным музыкантом в Ачолиленде является человек по имени

Обол. Понятно, что у него есть команда профессионалов, которые ездят с ним на свадьбы. История в том, что вы приглашаете его выступить только в том случае, если вы можете позволить себе заплатить, но он никому себя не навязывает. Предоставление артиста означает предоставление его системы громкой связи и исполнителей, что предполагает определенный уровень оплачиваемый профессионализм, характерный для договоренностей в западном стиле, предполагающих сделку «добровольный покупатель, желающий продавца». Времена неофициально нанятых соседских музыкантов и неусиленной свадебной музыки прошли. Я уже отмечал ранее, что гости на свадьбе оказываются хорошо одетыми, как и на свадьбе Варго и Мишель. В то время как переодевание также является отличительной чертой традиционной свадьбы ачоли, элемент выбора на свадьбе в саду поддерживает концепцию «земли», потому что он одновременно индивидуален и новаторский. Невеста выбирала из широкого спектра модных стилей, таких как европейский, азиатский, африканский, а также из ряда модификаций стилей моды и украшений. Широкий выбор для всех заставил невест, женихов и их спонсоров почувствовать, что это демократично по сравнению с ограниченным диапазоном выбора в прошлом. Гости выбирали из собственного гардероба, из гардероба своих друзей и/или родственников или из тщательно отобранного модного дома. В то время как каждый гость на свадьбе старался хорошо выглядеть, ни один гость не был рабом моды или формального дресс-кода. Некоторые были одеты в западном стиле, а другие — в ярких западноафриканских принтах, сочетавшихся с традиционными нарядами Уганды.

Еще одним заметным отличием от свадеб прошлого было отсутствие кольца. Вместо этого Варго подарил Мишель ожерелье. Судя по всему, люди больше не связаны христианским обменом кольцами и брачными клятвами. Теперь жених может подарить своей невесте ожерелье вместо кольца, а пара может написать свой собственный церемониальный обмен клятвами, если он включает заявления, предусмотренные законодательством Уганды.

Чтобы еще больше проиллюстрировать дух свободы, давайте обратимся ко второй свадьбе, которую я изучал (Mugut 2012). Невеста на этой свадьбе - Лавино, но Шарон - ее христианское имя, подразумевая, что она решила быть христианкой и в то же время коренной ачоли. Ее свадьба указывает на то, что она оставила ее девичий дом, но она все еще дочь Палабека Кала — ее девичий дом. Она замужем за Майклом Обитой, но остается дочерью своих родителей, а именно Бонифация и Сьюзен. Шэрон — ачоли двадцать первого века: она и ее служанки одеты в гомесы³, на высоких каблуках, с «мокрой прической», губной помадой и, вероятно, носят мобильные телефоны в сумочках. Однако они — очень полные фигуры и исполняют традиционные свадебные танцы ачоли, в которых основное внимание уделяется тряске ягод, как это было в доколониальные времена. Арена теперь представляет собой беспыльный комплекс «постоянного дома», и барабанные удары слышны, но из громкоговорителей, а не из барабанов на месте. Шарон кажется ближе к Клементине из поэмы Окоп п'Битек «Песнь Лавино», а

участник ажиотажа , который является частью культурной демократии , пронизывающей Ачолиленд и другие части Уганды.

Многие жители Восточной Африки, в том числе из Эфиопии (WBS TV Uganda 2015a), Уганды (WBS TV Uganda 2015b), Руанды (Simiyu 2013) и Кении (Watamu Marine Association 2015) , в настоящее время не хотят венчаться в церкви. Расследование показало, что христианское учение и практика приходят в упадок.

Вот почему развод иногда считается более предпочтительным , чем сохранение плохого христианского брака. Болезнь или бедность также разлучают супружеские пары. Женщинам уже не комфортно видеть в муже главу семьи , а в жене — его «ребро» . Короче говоря, многие люди находят венчания в церкви и их

последствия достаточно угнетающие для них, чтобы выбрать свадьбы в саду , которые могут быть чисто светскими или могут проводиться духовенством.

На традиционной свадьбе ачоли женщины сидят на воловьих шкурах, лежащих на полу , а не на стульях. Однако на свадьбе Варго и Мишель мы видим женщин, сидящих на стульях, тем самым наслаждаясь повышенным комфортом и удобством. Кроме того, стулья являются символом межкультурной свадьбы . В какой-то момент видно, как подружки невесты стоят на коленях на циновках. Жених - невеста «ищет » среди них и «находит» свою будущую жену: невеста гарантирует , что ее найдут. Это не является ни традиционным ачоли, ни христианским , но является практикой некоторых других народов Восточной Африки, особенно календжин.

Поднятие и перенос невесты через порог является обычным явлением на свадьбах в европейском стиле , и на этой свадьбе есть момент , когда шафер поднимает невесту, несет ее и передает жениху . Ахолиды переняли эту практику и теперь в шутку используют ее как метафору для *bedo ki ore*, что означает смотреть на жизнь с чувством юмора и оптимизмом.

РЕЗЮМЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе я использовал появление садовой свадьбы у ачоли Уганды , чтобы проиллюстрировать, каким образом земля нашла выражение в реализации свободы выбора, несмотря на репрессивные формальные структуры постколониального государства и властные требования африканских традиций . Источником популярности в традиционной и современной культуре ачоли является незамужняя молодежь , которая часто экспериментирует с традициями, меняет их и использует по своему усмотрению. Делают они это либо назло , либо просто в новой

и творческие пути. Изменение становится все более популярным , когда его принимает все большее число молодежи или когда оно популяризируется в других странах.

способы. Учитывая свою популярность среди ачолов, свадьба в саду действительно является своего рода массовым праздником: никто ее не проектировал, не узаконил и не предписал . Это

развился органично и спонтанно во время сильного стресса для ачолов. Несмотря на геноцидное обращение со стороны правительства и патриархальное угнетение со стороны церквей и вековых обычаев ачолов, молодежь ачолов выработала свои собственные обычаи по обоюдному согласию. Когда старики пытаются заставить их придерживаться старых обычаев, они, как известно, отвечают : «re idiya» («Не дави на меня слишком сильно» , т. е. «Позвольте мне делать то, что мне нравится и как мне нравится»).

Мой окончательный вывод заключается в том, что, несмотря на обстоятельства, правила, законы и традиции, люди будут делать то, что им удобно, и страдать от последствий. Мудрые лидеры распознают волну , когда она начнет происходить, примут ее и будут двигаться вместе с ней. Те, кто не принимает во внимание грунтовые волны или пытаются их остановить , делают это на свой страх и риск. Существует множество видов опасностей , в том числе проигрыш на выборах, революция, повсеместное неповиновение и насмешки. Однако самой большой опасностью является суд истории. Ачولي Северной Уганды оправились от злоупотреблений историей за более чем столетие и будут продолжать делать это посредством небольших, кумулятивных заявлений тонкого неповиновения, которые я определяю как фундамент. Такие заявления выражаются по-разному , но особенно в многогранном переосмыслении их свадеб.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Битири, келалип и лакубукубу — разные термины , используемые в отношении вариаций свадебный танец в зависимости от влияния различных местностей ахоли. Келалип, вероятно, начался в 1960-х годах, когда выкуп за невесту подскочил до 1000 шиллингов (валюта Восточной Африки). Битири получил свое название от использования кастрюль для музыкальных ударных , а лакубукубу получил свое название от использования большого калекаса для музыкальных ударных.
2. Икарамоджонг происходит от ссылки Iteso на Карамоджонг, что означает «слабый народ» .
3. Gomes — объемное женское платье , которое представила гоанская портная по имени Гомес. восходит к Басоге в Джиндже в конце девятнадцатого века. Более поздние христианские миссионеры и баганда представили его в Ахолиленде в начале двадцатого века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абади, Абраха. 2003. «Брак и свадебные церемонии в Эфиопии» .
<http://www.ethiomediamedia.com/newpress/marriage.html> .
- Акайе, Бытие. 2016. « Традиционный брак ачولي» .
<http://www.bmsworldmission.org/news-blogs/blogs/acholi-traditional-marriage> .

Ашерсон, Нил. 1956. «История Национального конгресса Уганды». Документ, представленный Восточноафриканскому исследовательскому институту в Кампале и Северо-Западному университету в Эванстоне, штат Иллинойс.

Бурите, Джозеф. 2007. «Традиционные браки в Уганде: Ньом — брак ачولي». <http://www.ugpulse.com/heritage/traditional-marriages-in-uganda-nyom-the-acholi-marriage/739/ug.aspx>.

Китую Ча Катиба. 2012. «Вопрос Федеро о Буганде в Уганде в контексте Восточноафриканской политической федерации». Мвами, Абунуваси и Годфри Муриуки, ред. Кампала: Fountain Publishers.

Кляйн, Алиса. 2012. «Перемещенные лица из Северной Уганды предоставлены сами себе». Хранитель. <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012>.

Клампп, Донна и Корин Крац. 1993. «Эстетика, опыт и этническая принадлежность: взгляды окик и масаи на личное украшение». Спир, Томас и Ричард Уоллер, ред. Быть масаи. Оксфорд: James Carrey Ltd, стр. 195–222.

Ламвака, К. 2016. Бушующая буря. Кампала: Fountain Publishers.

Мэддисон, Сара. 2013. «Коренная идентичность, «подлинность» и структурное насилие поселенческого колониализма». Журнал идентичностей: глобальные исследования культуры и власти, Vol. 20 Выпуск 3, стр. 288–303. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01070289X.2013.806267?journalCode=gide20>.

Мугабе, Фаустин. 2015. «Указы Иди Амина о мини-юбках, гонорее и париках». Воскресный монитор, 31 мая. <http://www.monitor.co.ug/Magazines/PeoplePower/Idi-Amin-dekrety-na-mini-yubkakh-gonoreya-i-pariki/689844-2734504-74yweoz/index.html>.

Murugut, OJ 2012. «Nyom pa Sharon ki Michael». https://www.youtube.com/watch?v=8_OPSZ-r2j8.

Musisi, F., RO Herbst и A. Mahajubu. 2018. «Раскрывая тайны происхождения конституционного кризиса в Уганде 1966 года». Глобальный журнал искусств, гуманитарных и социальных наук, Vol. 6 № 3. www.eajournals.org14ISSN.

Next Media Уганда. 2019. «Djs Jauharah Shatra и Selector Sulaiman». <https://youtu.be/iIWKuZoHNm4>.

Нисвонгер, Кристин. 2010. «Танец ачولي в Gulu SS 2010». <https://video.search.yahoo.com/search/video?fr=yfp->.

Оболь, Простой человек. 2015. «Нём па Атим Жаклин Мишель». <https://www.youtube.com/watch?v=ZPJy8rKnfQ>.

Обонг, Бонни. 2019. «Традиционная свадьба Ланго». <https://www.youtube.com/watch?v=qdX5C8-OpD8>.

Огуту, Гилберт Э.М. 2007. «Люо-левиратический союз: пересмотр «наследства» жены и мужа». Доклад, прочитанный на 5-й Африканской конференции по народонаселению «Новые проблемы народонаселения и развития в Африке», АРУША, Танзания, 10–14 декабря. <http://uaps2007.princeton.edu/papers/70600>.

Оджок, Бонифаций. 2006. «Проект справедливости и примирения: полевые заметки № 2». Институт глобальных проблем Лю и Форум НПО Гулу, Гулу. www.северный-Уганда.moonfruit.comhttps.

Опио, Дэвид. 2012. «Танец Аджере». Йоханнесфильм 83. <https://youtu.be/YWzdCnx-8Qo>.

Опийо, Твонгвено. 2016. «Мириам представляет Денниса» . https://youtu.be/_R06RcX1pPM.

Ориема, Джеффри. 2016. «Традиционная свадьба ачоли» . <https://youtu.be/Vw3Fq6Q LsOo>.

Отим, Лаки Босмик. 2015. «Нём Па Джо Му Йе» . <https://www.youtube.com/watch?v=SCCb9A7sg4k> .

———. 2017. «Ньом Па Флоренс ки Опии» . <https://youtu.be/NJadfPHRBNA>.

Овака, Фрэнсис. 2019. «Знакомство Мудимбе с Восточной Африкой: хорошее, Веселье и уродство» . Доклад , представленный на Международном симпозиуме «Философия и литературное творчество философа В. Я. Мудимбе: актуальность и Наследие» в Университете Найроби , организованный IFRA-Nairobi и Департаментом философии и религиоведения Университета Найроби, 17 декабря 2019 г.

п'Битек, Окот. 1966. Песня Лавино. Найроби: Издательство Восточной Африки .

Ру я Симба. 2014. «Танец Бусога» . <https://www.youtube.com/watch?v=7e6-3-PthjY> по состоянию на 31 декабря 2019 г.

Шахада, Алик. 2011. «Африканский брак» . <http://www.africanmarriage.info/>

Симию, Хайн. 2013. «Руандийская свадебная церемония» . <https://www.youtube.com/watch?v=Nz7B26zBRKY>.

Спинуцци, Клэй. 2005. «Методология совместного проектирования» . Технические коммуникации, Vol. 52 № 2, стр. 163–74. https://www.researchgate.net/publication/233564945_The_Methodology_of_Participatory_Design.

Вайдья, Ашиш А. 2018. «Тени колониализма : развитие структурного насилия и права адиваси в постколониальном Мадхья- Прадеше » . Журнал исследований Южной Азии, Том. 41 № 2, стр. 315–30. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00856401.2018.1428044>.

Морская ассоциация Ватаму . 2015. «Свадьба Ватаму: традиционное кенийское племя Лухья» . https://www.youtube.com/watch?v=HgSIX_lXdGk.

WBS TV Уганда. 2015а. «Эфиопская свадьба, просто лучшая» . <https://www.youtube.com/watch?v=z2RgfpjQRek>.

———. 2015б. «Свадебные моменты: Флавия Аянджула Георгей» . <https://www.youtube.com/watch?v=Jlj9VeP9Cy4>.

Вегнер, Патрик. 2012. «Геноцид в Северной Уганде? Политика «защищенных лагерей» с 1999 по 2006 год» . <https://justiceinconflict.org/2012/04/09/a-genocide-in-politika-zashchennyykh-lagerей-severnoy-ugandy-s-1999-po-2006-god/>.

Группа Всемирного банка . 2018. «Граундсвелл: подготовка к внутренней климатической миграции» . <https://www.worldbank.org/en/news/infographic/2018/03/19/groundswell—preparation-for-internal-climate-migration>.

глава е Фурр тройник Н а

Федерации на основе
этнической принадлежности

Постколониальный

африканские государства со спецификацией

Отсылка к Кении Реджинальд М.Дж.

Запах

На заре политической независимости в конце 1950-х и начале 1960-х годов многие африканские государства под пристальным наблюдением своих колонизаторов приняли конституции, которые предусматривали многопартийные системы управления в соответствии с западной либеральной демократией, с ее видением этнически слепой общество. Тем не менее, некоторые из них также приняли федеральные системы управления, чтобы гарантировать этническим меньшинствам определенную степень автономии в зарождающихся государствах. Однако всего за несколько лет гражданские автократы заменили многопартийные системы однопартийным правлением и отказались от федеральных структур в пользу сильных централизованных. В других случаях власть вырвали военные хунты от гражданских правительств и отбросить любое подобие конституционной демократии. Следовательно, с конца 1980-х годов была предпринята вторая попытка закрепить либеральную демократию в этих государствах посредством написания так называемых конституций второго поколения. Тем не менее президенты вносят поправки в конституции второго поколения, отменяя ограничения на количество сроков полномочий, организуя свертывание оппозиционных партий, соблазняя их лидеров государственной щедростью, и злоупотребляя государственной властью для ограничения гражданских свобод и влияния на результаты выборов в их пользу. В других случаях к власти вновь приходят военные хунты. и отмена конституций.

Большинство маневров, описанных выше, дополнялись и продолжают дополняться политиками, которые мобилизуют поддержку на основе этнической принадлежности, все время заявляя о своей приверженности либеральному, этнически слепому видению государства. В Кении, например, большинство очень престижных и влиятельных должностей в кабинете министров, глав полугосударственных корпораций и других назначаемых государственных должностей, таких как главы вооруженных сил, полиции, разведки, центрального банка, казначейства и генеральный аудитор, среди прочих — перейти к этнической группе, к которой принадлежит президент. Эта ситуация когда-то побудила некоторых кенийских политиков сказать своим этническим последователям, что им нужно избрать своих

236 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

президентство , потому что «наша очередь есть» — замечание , которое вдохновило Микелу Вронг на книгу под тем же названием (Wrong 2009). Таким образом Ленц (1995, 303) подтвердился в его предсказании, что в грядущие годы этничность, в каких бы конкретных формах она ни называлась, станет настолько важным политическим ресурсом и идиомой для создания сообщества, что у социологов и антропологов не было иного выбора, кроме как противостоять ей. : ясно, что этот императив в равной степени относится и к политическим философам. Таким образом, мы больше не можем игнорировать тот факт , что этническая принадлежность останется решающим фактором в политике этнически многообразных африканских государств, и вместо этого должны исследовать способы ее учета в социально-политической инженерии этих государств.

Часто говорят , что делать одно и то же снова и снова и ожидать разных результатов — это безумие. Хотя симптомы психических заболеваний гораздо более разнообразны, здравый смысл требует, чтобы вместо подготовки к третьей попытке укоренения либеральной демократии в африканских странах африканские и африканистские социально-политические теоретики исследовали альтернативные модели демократии , основанные на богатая и разнообразная политическая мысль и практика коренных африканцев, а также использование подлинно освободительных элементов других политических традиций. Ввиду того , что я уже высказывал свои возражения против западной либеральной демократии с африканской точки зрения (Oduor 2019a), здесь я продолжу изучение альтернативы либеральной демократии.

это. Следовательно , далее я предлагаю обоснование этнически основанные федерации в этнически множественных постколониальных африканских государствах, с особая ссылка на мою страну, Кению. Я предполагаю , что каждая постколониальная африканская страна должна будет сформулировать свою собственную модель управления, адекватно реагирующего на его специфические обстоятельства.

Однако это не мешает людям из разных стран учиться

друг от друга. Я представляю это предложение как альтернативу западному либеральная демократия с ее видением этнически слепых государств. Мое предложение сообщает тот факт, что, несмотря на глобализацию, этноцентризм сохраняется оказывать сильное влияние на общества во многих частях мира , значительное включен ряд африканских стран . Этноцентризм – это тенденция к смотреть на мир с точки зрения нашей культурной группы и, следовательно, судить об остальном мире по нашим обычаям и ценности (Джонсон 2001, 216–217).

Эта глава представляет собой работу по политической философии. Как и во всех других ответвлениях и ответвлениях философии , основным методом политической философии является размышление, влекущее за собой такие приемы, как критика, концептуальный и лингвистический анализ и систематические рассуждения (Oduor 2010). Согласно Миллеру (2003, 3–4), среди вопросов, которые задает политическая философия, есть следующие :

- Действительно ли имеет значение для нашей жизни то, какое у нас правительство ?

- Есть ли у нас какой-либо выбор в этом вопросе, или мы не можем контролировать форму нашего правления ?
- Можем ли мы узнать, чем одна форма правления лучше другой?

В следующем разделе я выдвигаю три аргумента в пользу включения принципа признания и защиты этнической идентичности и интересов в конституции этнически плюралистических постколониальных африканских государств, а именно: право на этническую идентичность как часть права к свободе ассоциации, потребность в противоядии от вечного культурного и экономического господства и необходимость смягчить пагубное воздействие дискурса на национальное государство.

Затем следуют три раздела, посвященные ситуации в Кении: в первом рассматриваются демографические и правовые аспекты межэтнических отношений в стране, во втором излагается история борьбы за этнический федерализм в стране, и третья предлагает очертания этнической федеральной системы правления с коммуналистической ориентацией для страны. В предпоследнем разделе я кратко исследую опыт Ботсваны и Эфиопии, первая из которых славится своей стабильной унитарной либерально-демократической системой, а вторая уникальна своим экспериментом с этническим федерализмом, и утверждаю, что первая на самом деле усиливает мои доводы в пользу этнического федерализма. федерализма, в то время как влияние последнего на мою аргументацию неопределенно из-за крайне авторитарного характера

режим Народно-революционно- демократического фронта Эфиопии (РЭПДФ) для почти три десятилетия.

ТРИ АРГУМЕНТА ЗА КОНСТИТУЦИОННУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ И

ИНТЕРЕСЫ В ПРИЗНАНИИ И ПОТРЕБНОСТИ В ЭТНИЧЕСКИ МНОЖЕСТВЕННОМ

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Суть западного рецепта для постколониальных африканских государств заключается в том, что они сводят к минимуму, если не полностью избавляются, множественность этнических идентичностей и привязанностей с целью продвижения либерально -демократической культуры. Например, Линч (2006, 54) сетует на тот факт, что различные кенийские общины, такие как сенгвер, эндоройс, тарака, суба и гириама, отстаивают свою этническую идентичность. Линч, похоже, игнорирует тот факт, что многие из этих этнических идентичностей возникли еще до колониальных времен, в то время как кенийская идентичность является искусственным колониальным детищем, датируемым лишь 1920 годом (см. Oduor). В поддержку этнически слепого общества западные либералы ссылаются на несколько нежелательных последствий этноцентризма. Например, Джонсон (2001, 217) утверждает, что высокий уровень этноцентризма может привести к следующим негативным последствиям:

238 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

- Неточные атрибуты поведения незнакомцев (мы интерпретируем их поведение с нашей точки зрения, а не с их).
- Выражения унижения или враждебности (этнические оскорбления, унижительные прозвища).
- Сокращение контактов с посторонними.
- Безразличие и нечувствительность к взглядам незнакомцев.
- Давление на другие группы, чтобы они соответствовали нашим культурным стандартам.
- Оправдание насилия, в том числе тотальной войны, как средства выражения культурного доминирования.

Тем не менее, важным фактором в политике значительного числа современных африканских государств является использование этнической идентичности для политической мобилизации — то, что часто называют «политизированной этничностью» или «этнической политикой».

Тем не менее, многие режимы в африканских странах продолжают проповедовать либерально-демократическое видение этнически слепого общества, в то же время проводя политику, которая явно выгодна этнической элите, находящейся у власти, с небольшими крохами для своих последователей и разорением . исключение «чужих» этнических групп, что усугубляет напряженность и неопределенность в этих государствах. Поэтому очевидно, что ученые должны исследовать пути включения факта этнической идентичности в социально-политическую инженерию эти политики, а не очернить его.

Следовательно, в последующих абзацах этого параграфа я покажу

что есть по крайней мере три основания для включения принципа признания и защиты этнической идентичности и интересов в конституции

этнически множественные постколониальные африканские государства.

R h C u t u r a l i d e n t i t y a s a p a r t o f t h e r i g h t t o f r e e a s s o c i a t i o n

Под идентичностью мы обычно подразумеваем как собственное понимание человеком, так и понимание другими людьми его или ее фундаментальных определяющих характеристик как человеческого существа. Аналогичный взгляд относится к человеку как к члену группы, будь то экономическая, политическая, религиозная или этническая группа. Люди часто высоко ценят свое членство в группе, считая свою группу наделенной достоинством и отличной от всех других групп, а также важным компонентом чувства собственного достоинства. Именно в этом свете я говорю здесь о

«этническая идентичность». Действительно, одной из самых мощных основ групповой идентичности является этническая принадлежность. Таким образом, люди часто рассматривают уважение к своей этнической идентичности как неотъемлемую часть уважения к себе как к личности. Следовательно, как Тейлор (1994, 25), человек или группа людей могут понести реальный ущерб, если

люди вокруг них отражают им унижительную картину самих себя, заключая их в тюрьму в ложном, искаженном и уменьшенном способе бытия .

Кроме того, исследования в области социальных наук свидетельствуют о том , что на точку зрения индивида значительное влияние оказывает его или ее социальная среда, главной чертой которой часто является этническая принадлежность (Jenkins, 1997; Kellas, 1998). Таким образом, модель демократии , которая игнорирует право человека идентифицировать себя со своей этнической группой и преследовать политические устремления в этом контексте, необоснованно ограничивает право на свободную ассоциацию. Как правильно заметил Наранг (2002, 2698) , как индивидуальные, так и коллективные права человека вытекают из фундаментальной природы человечества . С одной стороны, индивидуальные права человека представляют собой принцип биологического единства, единства всех людей как членов человечества . С другой стороны, коллективные права человека представляют собой принцип культурного разнообразия, то есть самобытности различных этнокультур, выработанных разными этническими группами человечества .

Каждая этническая группа обычно ведет свое происхождение от одного предка или группы предки, такие как кикуйю с гикуйю и мумби, луо с рамоги и мараголи с логоли. Таким образом, члены одной этнической группы воспринимают друг друга как родственников и родственницы, то есть как члены большой семьи .

Действительно, среди кенийских масс глубокое чувство родства со всеми вытекающими отсюда последствиями является одной из сильнейших сил, управляющих общественной жизнью. Как выразился Мбити (1969, 104) , «Почти все понятия, связанные с человеческими отношениями, можно понять и интерпретируется через систему родства . Именно это во многом определяет поведение, мышление и всю жизнь индивидуума в обществе, в котором он является членом» . Следовательно, это несовместимо с африканскими постколониальными государствами .

заявлять о поддержке брака и семьи, подвергая критике верность этнические группы , которые воспринимаются подавляющим большинством их граждан как составляют их расширенные семьи. Так же, как необходимо принять и иметь некую степень гордости за своих предков, поэтому желательно рисовать сила от связи с этнической группой , чьи традиции обогащают жизнь (Okondo 1964, 37; Hunt and Walker 1974, 442). Таким образом, хотя многие считают этническое сознание , противоречащее демократизации Африки , может фактически катализировать ее, дополняя другие формы представительства в многоэтнических африканских государствах (NAMESO 2002).

Когда этническое самосознание игнорируется или подвергается критике во имя « национального строительства» , возникает недовольство тех , кто ценит свою этническую идентичность. По этому поводу Наранг (2002) писал:

Люди неизменно сохраняют привязанность к своей этнической группе и той общности, в которой они воспитывались . Существует взаимозависимость между индивидуальными и коллективными процессами формирования идентичности. Таким образом, люди ожидают узнавать себя в государственных учреждениях. Они ожидают некоторой последовательности между их частной идентичностью и символическим содержанием, поддерживаемым

240 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

органы государственной власти, встроенные в социальные институты и отмечаемые в публичных мероприятиях. В противном случае индивидуумы чувствуют себя социально чужими, им кажется, что общество не их общество. (Наранг 2002, 2696)

Таким образом, в наших усилиях по демократизации в Африке мы должны обеспечить , чтобы политическая обстановка не угрожала безопасности и благополучию недоминирующих этнических групп . Если в наших Биллях о правах ревностно поддерживается защита прав личности, то следует также признать право этого человека на продвижение своей этнической принадлежности (Hameso 2002).

Как предупредил Прис (2001) , «наше фундаментальное человеческое стремление к языку, культуре и системе ценностей , которые являются выражением нас самих, означает, что политические попытки насильственно подавить или изменить эти отличительные черты идентичности неизбежно разрушительны как для человеческой свободы, так и для творчества» . Наиболее эффективным способом защиты прав недоминирующих этнических групп является разработка и принятие институциональных механизмов, расширяющих возможности таких групп вносить значительный вклад в политику, влияющую на их жизнь, и обеспечение того, чтобы такая политика основывалась на их понимании. их реальности (Мбаку 2000; Окондо 1964, 38).

В конечном счете, запрет на свободное выражение этнической лояльности равносильно нарушению права на свободную ассоциацию и является примером нелиберальности самого либерализма на практике. Этот факт теперь частично признан Организацией Объединенных Наций, несмотря на ее крайне либеральную ориентацию. Действительно, Организация Объединенных Наций Всеобщая декларация прав человека (Организация Объединенных Наций, 1948 г.) имела ярко выраженную либерально -демократическую направленность, рассматривая права как строго принадлежащие отдельным лицам. Однако из-за давления со стороны незападных культур современный дискурс прав человека в рамках Организации Объединенных Наций признает три категории прав, называемых «поколениями прав » .

Во-первых, это права, составляющие свободное и равное гражданство.

включают личные, политические и экономические права, обычно совместно именуемые «гражданские права» . Наиболее активно за них выступали западные либеральная традиция и поддерживается в многочисленных политических документах, таких как конституции многих стран, включая независимость Кении и Конституции 2010 года.

Во-вторых, существуют права на экономическое благосостояние, включая право на питание, жилье, медицинское обслуживание и работу. Так, Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах предусматривает, что государства -участники соглашения «признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включая достаточное питание, одежду и жилище» . , и постоянному улучшению условий жизни»

(Организация Объединенных Наций 1966а, статья 11 (1)). Все более преобладающей точкой зрения является то, что такие права на благосостояние являются предварительными условиями для продвижения свободных и равных граждан.

корабль, предусмотренный правами первого поколения, описанными выше (Waldron 1993; Sunstein 2001).

В-третьих, есть то, что можно в широком смысле назвать «правами культурного членства» . К ним относятся языковые права представителей культурных меньшинств и права коренных народов на сохранение своих культурных институтов и обычаев, а также на некоторую степень политической автономии (Kymlicka 1995) . Существует некоторое совпадение между этой категорией прав и правами первого поколения , указанными выше, что очевидно в отношении права на свободу вероисповедания , но права культурной принадлежности шире. Организация Объединенных Наций

Международный пакт о гражданских и политических правах провозглашает , что права третьего поколения должны быть защищены:

В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства , лица принадлежащим к таким меньшинствам , не может быть отказано в праве совместно с другими членами их группы пользоваться своей собственной культурой, исповедовать и практиковать свою религию или использовать свой собственный язык . (Организация Объединенных Наций 1966b, статья 27)

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОТИВОЯДЯ ОТ ВЕЧНОЙ КУЛЬТУРНОСТИ _

И Э О Н О М И Д О И А Т И С M N O N

В эпоху однопартийного правления африканские государства объединили политику свободной торговли западных стран с централистской политической структурой бывшего европейского коммунистического блока, чтобы создать угнетающее чудовище , увековечивающее порабощение тех этнических групп, которые не понимали государственная власть: это то , что Хеллстен (2009) называет афро -либертарианством.

К тому времени, когда в начале 1990-х годов была вновь введена многопартийная политика , многие этнические группы оказались в столь невыгодном политическом и экономическом положении, что однопартийным правителям было относительно легко сохранить власть. Многопартийная конкуренция , основанная на принципе «выигрыш-проигрыш» , продолжает действовать как важный элемент, снижающий готовность власть имущих признавать поражение на выборах оппозиции (Nameso, 2002). Это достаточная причина для африканских политических теоретиков направить свои усилия на определение стратегий поощрения социальной сплоченности посредством конституционного признания и защиты этнической идентичности и интересов в многоэтнических постколониальных африканских государствах.

Кроме того, политика является неотъемлемой частью культуры. Таким образом, навязывание западного либерального видения этнически слепого государства этническим группам , желающим утвердить свою идентичность в политической сфере, на самом деле является культурным империализмом. Майкл Уолцер правильно заметил, что одним из критериев , по которым люди могут быть признаны равными и заслуживающими одинаково уважительного отношения, является тот факт , что они являются творцами культуры:

242 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

Мы (все мы) существа, производящие культуру; мы делаем и населяем осмысленные миры. Поскольку нет никакого способа ранжировать и упорядочивать эти миры относительно их понимание социальных благ, мы отдаем должное реальным мужчинам и женщинам, уважая их особые творения. И они требуют справедливости и сопротивляются тирании, настаивая на значении общественных благ между собой. Справедливость коренится в отчетливых представлениях о местах, почестях, должностях, вещах всех видов, которые составляют общий образ жизни. _ Пренебрегать этим пониманием значит (всегда) поступать несправедливо. (Вальцер 1983, 314)

Кроме того, как отмечает Кимлика (1995, 126), наша способность формировать и пересматривать представление о благе тесно связана с нашей принадлежностью к социальной культуре, поскольку контекст индивидуального выбора представляет собой диапазон возможностей, передаваемых нам по наследству. наша культура. Следовательно, недоминирующие культуры в многонациональных государствах нуждаются в защите от экономических или политических решений государства. доминирующие культуры, если они должны обеспечить этот контекст для своих членов. Кроме того, то, что называется «общим гражданством» в либерально-демократическом многонациональном государстве, где этническая принадлежность граждан официально игнорируется, на самом деле предполагает поддержку культуры большинства этнических групп (Taylor 1994, 43; Kymlicka 1995, 110–111).). Так, в западных странах официальными языками являются языки культурного большинства, религиозные праздники большинства являются государственными праздниками, а экономическая деятельность доминирующих культур пользуется поддержкой государства, а недоминантные игнорируются или игнорируются. даже откровенно обескуражен. Точно так же в Кении политика правительства в отношении экономической деятельности, связанной с культурой (сельское хозяйство, скотоводство и охотничье хозяйство), оказывает прямое негативное влияние на недоминирующие культурные группы, а именно на скотоводов и охотников-собирателей. Действительно, рассмотрение взаимодействия между различными этническими группами в Кении показывает, что иерархия развилась на основе неравной политической власти, что выражается в неравном доступе к земле и контролю над ней. С колониальных времен чуждый западный капитализм вторгнулся на землю, принадлежит ли она земледельцам, скотоводам или охотникам-собирающим; земледельцы переместились на скотоводческие земли, а земледельцы и скотоводы заняли территории охотников-собирающих (см. Campbell 2004, 7–8; Oduor 2011, глава 2). Если не считать чужеродного западного капиталистического вторжения, числовая сила или слабость были ключевыми в этом иерархическом процессе экономического лишения собственности, поскольку земледельцы более многочисленны, чем скотоводы, а последние имеют демографическое преимущество перед охотниками-собирающими.

Кроме того, во многих странах все больше признается, что некоторые формы культурных различий могут быть учтены только с помощью специальных правовых или конституционных мер, выходящих за рамки общих прав гражданство, классически признаваемое западной либеральной демократией (Kymlicka 1995, 26; Mute 2002, 145). Например, защита прав этнических _

меньшинств влечет за собой защиту их существования, неисключение, недискриминацию и неассимиляцию (Narang 2002, 2699). Обычно это достигается за счет этнически дифференцированных прав, таких как территориальная автономия, право вето, гарантированное представительство в центральных учреждениях, земельные претензии и языковые права, все из которых предназначены для минимизации или устранения уязвимости таких групп перед решениями большинства (Kymlicka 1995) . , 109).

Примечательно , что ряд стран в разных частях мира учли свое этническое разнообразие в своих структурах управления , однако их дела обстоят не хуже, чем у тех, кто этого не сделал . Например , ливанская конституция предопределяет национальный состав всего парламента, а также таких ключевых должностей, как президент и премьер-министр .

(Рейли и Рейнольдс, 1999). Действительно, есть признаки того, что признание групповых политических прав убеждает недоминантные этнические группы в их свобод и безопасности, снижая стимулы к гражданской войне, отделению и защите соэтничного населения за пределами государств, в которых такие группы распространены (Rothchild 2000, 6; Talbott 2000, 160).

Таким образом, хотя я и согласен с аргументом Амартии Сена (2006) в пользу рационального осознания нашей множественной идентичности в сочетании с политикой, продвигающей такое осознание , чтобы смягчить этническую ненависть, позиция Сена не обязательно подразумевают этнически слепую государственную политику. Действительно, потому что люди часто предпочитают выделять одну из своих идентичностей над другими , что политизированная этническая принадлежность процветает во многих африканских странах. Простая проповедь против негативного этнического самосознания при одновременном разрешении расцвета этнической политики не предотвратила, а фактически разожгла многочисленные политические потрясения в Африке за последние шесть десятилетий или около того. Действительно, тем, кто сомневается в необходимости учета этнического разнообразия , следует учитывать, что в 2002 г. примерно в 190 странах насчитывалось 3000 этнических групп , которые вели ту или иную форму борьбы за свою идентичность (Narang 2002, 2696).

Таким образом , многонациональное государство игнорирует устремления этнических групп в ущерб себе.

Следовательно, несмотря на непрекращающиеся призывы к интеграции различных этнических групп в каждом многонациональном африканском государстве, я согласен с Аке (1993) что проблема Африки не в этнической принадлежности, а в социально-политических условиях, способствующих злоупотреблениям ею:

этническая принадлежность якобы олицетворяет отсталость и сдерживает развитие Африка. Это предположение , однако, вводит в заблуждение, поскольку оно является развитием , а не чем люди и их культура , которые должны быть проблематизированы. Разработка должен начать с принятия людей и их культуры такими , какие они есть, а не такими, какими они могли бы быть, и, исходя из этого , определить проблемы и стратегии развития.

В противном случае проблематика развития становится тавтологией. Люди _ нет и не может быть проблемой только потому, что они такие, какие они есть, даже

244 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

если частью того, чем они являются, является этническое сознание. Наше отношение к этничности и этническому сознанию отражает эту тенденцию проблематизировать людей и их культуру, ошибку, которая продолжает ввергать Африку в еще большее замешательство.

Смысл, конечно, не в том, чтобы романтизировать прошлое и быть в плену у него, а в том, чтобы узнать, что происходит на земле, и стремиться создать более эффективную, менее травмирующую и менее травмирующую стратегию. саморазрушительная социальная трансформация. (Аке, 1993 г.)

Аке (1993) далее предупредил, что обычные легкомысленные суждения об этническом самосознании были опасной роскошью в то время, когда давно существующие государства разлагались под давлением этнической и националистической самоуверенности, и когда сообщество независимых государств отмахивалось от своих детерминаций. мис. Для него достаточно легко представить огромные последствия этого для Африки, где сотни этнических групп хаотично и угнетающе втиснуты примерно в пятьдесят штатов.

Согласно Карри и Уэйду (1968, 2), политическое решение часто представляет собой решение об обмене, в котором нужно уравновесить то, что можно получить, с тем, от чего нужно отказаться, чтобы это получить. Во многих современных африканских государствах доминирующие этнические группы пользуются значительным материальным благополучием благодаря своему доступу к политической власти, в то время как недоминирующие чахнут на периферии государства. Если доминирующие этнические группы решат игнорировать проблемы своих недоминирующих коллег, доминирующие этнические группы рискуют столкнуться с социальной, политической и экономической нестабильностью, которая была испытана после дискредитированных всеобщих выборов в Кении в 2007 и 2017 годах. С другой С другой стороны, если недоминирующие этнические группы участвуют в действиях, дестабилизирующих государство, их доминирующие коллеги будут склонны использовать свой доступ к государственным ресурсам для подавления или даже дальнейшей маргинализации своих недоминирующих коллег. Следовательно, необходимо, чтобы какой-то обмен между главными действующими лицами осуществлялся посредством конституционных положений, которые в значительной степени решают проблемы обоих.

НЕОБХОДИМОСТЬ СМЯГЧЕНИЯ ВРЕДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ __

THEIR OWN GOVERNMENTS ON-

Стало общепринятым называть постколониальные африканские государства «национальными государствами». Эти государства могут похвастаться, среди прочего, национальными флагами, национальными гимнами, национальными праздниками, национальными собраниями и национальными армиями. Тем не менее концепция «национального государства» предполагает существование народа с общей культурой, стремящегося построить государство, границы которого совпадают с однородной культурой его граждан. Тем не менее, такие формы правления редки в Африке, где колониальные державы произвольно объединяли различные культурные группы в единые государства и фактически проводили произвольные границы.

это привело к тому, что отдельные этнические группы остались в двух или более штатах, что имело пагубные последствия для последующего государственного устройства (см. Oduor 2018). Таким образом, одной из основных причин дисфункционального характера многих постколониальных африканских государств является тот факт, что массы лояльны своим этническим группам, а не государству, что делает их (массы) легкой добычей политизированной этничности. Однако нельзя винить в этом массы, потому что их включение в такие государства было не добровольным, а путем колониального принуждения. Поэтому вызывает сожаление тот факт, что политики в постколониальных африканских государствах, наряду с африканцами и учеными-африканистами, некритически восприняли концепцию «национального государства», тем самым увековечивая колониальную повестку дня деэтнизации африканских масс с целью формирования африканских политий в образ и подобие западноевропейских (см. Oduor 2018). Так, при запрете ассоциаций по этническому признаку (таких как Ассоциация Гикуйю Эмбу Меру [ГЕМА] и Союз Луо) покойный президент Даниэль арап Мои заявил, что «эти племенные союзы отвлекают наше внимание от национальных вопросов. Мы, в первую очередь, кенийцы. Трайбализм — это рак для общества; так что обойдемся без этих племенных организаций» (Мои 1986, 173). Мои также помнят за то, что он неоднократно призывал своих слушателей воздерживаться от раскрытия своей этнической принадлежности, когда их об этом просили, и вместо этого просто отвечать, что они кенийцы. Тем не менее, он постоянно проводил открыто этническую политику, способствуя тем самым кристаллизации этнической изоляции, введенной его предшественником Джомо Кеньяттой (см. Oduor 2011, глава 3).

Точно так же, защищая беспартийную систему правления, Йовери Кагута Мусевени из Уганды исповедует либеральное видение деэтнизированных африканских государств следующим образом:

Лидер должен показать народу, что те, кто делает акцент на этнической принадлежности, являются вестниками вечной отсталости. Этот процесс подрыва сектантского менталитета «мое племя, моя религия» связан с процессом модернизации и преодоление отсталости. Когда натуральное хозяйство подорвано, а товарообмен вводится, эффективности будет больше и, со временем, сбережения, которые, в свою очередь, приведут к инвестированию капитала. В конце концов, общество будет преобразовано и модернизировано. Момент, когда этот процесс занимает место, племя или религия перестают иметь большое значение. (Мусевени 1997, 189)

Как заметил Дэн (2004, 506): «Процесс формирования государства и строительства нации... лишили африканские народы права строить свои нации на основе своей собственной самобытности, структур, ценностей, институтов и практики». Таким образом, Дэвидсон (1992) имел полное право называть введение государства в Африке по образцу современного западного национального государства бременем и проклятием. Следовательно, конституционное признание права на

246 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

защита этнической идентичности и интересов смягчила бы пагубное влияние дискурса на национальное государство и сопутствующую пагубную политику, которая дает некоторым этническим группам огромные экономические и политические ресурсы, в то время как другие зачехлены на периферии государства.

В оставшейся части этой главы я сосредоточусь на ситуации в Кении с целью предложение прототипа федеральной модели, основанной на этнической принадлежности, с коммуналистической ориентацией, чтобы заменить нынешнюю откровенно либеральную и по существу унитаристскую конституционную структуру.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КЕНЬЯ: Н ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Демография и политические возможности

Согласно переписи населения 1989 года, крупнейшими этническими группами в Кении были кикуйю (21%), лухья (14%), луо (12%), календжин (12%) и камба (11%). Эти группы в совокупности составляли около 70% населения страны. Другими значительно большими группами были кииси (6%), меру (5%) и миджикенда (5%), которые в совокупности составляли лишь 16% населения страны. Вместе эти восемь групп составляли около 86% населения. Остальные тридцать четыре группы были численно незначительными, составляя вместе около 14% населения, а по отдельности многие составляли менее 1% населения страны. Среди них были Эльмоло, Малакоте, Огик, Санье и Ваата и другие (Республика Кения, 1994 г., таблица 6-2).

Правительство отказалось обнародовать данные переписи 1999 года (Республика Кения, 2001 г.) с разбивкой по этническому признаку, якобы с учетом этнических особенностей. Однако перепись 1999 г. была более политизирована, чем предыдущие, так что установить точность таких данных было бы трудно (Каньинга 2006, 354). Результаты переписи населения 2009 года показали, что, хотя пять крупнейших этнических групп в целом сохранили свое численное превосходство (за исключением луо, которые были вытеснены с третьей позиции календжинами), такие этнические группы, как эльмоло, малакоте, огик, санье и Ваата по-прежнему находилась в невыгодном численном отношении (Республика

Кения, 2010b).

Согласно переписи населения 2019 года, население Кении составляло 47,6 миллиона человек. Кикуйю были крупнейшей этнической группой с населением 8 148 668 человек, за ними следовали лухья (6 823 842 человека), календжин (6 358 113 человек), камба (5 066 966 человек) и луо (4 663 910 человек). Одним из наиболее примечательных изменений в переписи 2019 года стала кенийская сомалийка с населением 2 780 502 человека, которая заняла шестое место после кииси с населением 2 703 235 человек. Миджикенда, меру и масаи заняли 8, 9 и 10 позиции с населением 2 488 691 человек.

1 975 869 и 1 189 522 соответственно. Этнической группой с наименьшим населением были дахало (575 человек) (Национальное статистическое бюро Кении, 2020 г.).

Крайне важно иметь в виду, что официальное число этнических групп в Кении, равное сорока двум, является произвольным, поскольку оно было получено британскими колонизаторами из соображений целесообразности. Таким образом, некоторые общины из официального списка фактически представляют собой кластеры этнических групп. Шестнадцать общин, известных под общим названием «Лухья», девять групп, вместе именуемых «Мидзикенда», и примерно восемь групп, совместно именуемых «Календжин», — все это примеры (Itebete 1974, 97–101; Atieno-Odhiambo 2002, 231–231). 32; Kipkorir and Welbourn 1973, 1, 70 и далее). Таким образом, исходя из собственного определения самих народов Кении, а не их колониального определения, этническим группам в стране намного больше семидесяти, а не сорок два.

Более того, сам вопрос об этнической идентичности является дискуссионным, поскольку нет единого мнения о показателях, которые следует учитывать при определении этнической группы. Например, в то время как язык часто рассматривается как индикатор этнической идентичности, среди лингвистов нет единого мнения о разнице между языками и диалектами (Jenkins 1997; Kellas 1998). Действительно, не существует отдельного языка лухья, календжин или миджикенда, хотя языки, на которых говорят в каждой из этих групп сообществ, родственны. Кроме того, некоторые кенийские общины, считающие себя отдельными этническими группами, такие как огиек и мукогод, в настоящее время не говорят на языках свои собственные (Kamau 2000; Cronk 2004).

Тем не менее, многие кенийцы считают себя принадлежащими к определенным этническим группам, а в политической жизни страны преобладает раскол по этническому признаку (то есть политизированная этничность или этнизированная политика), что порождает недовольство среди недоминирующих этнических групп. Более крупные этнические группы образуют союзы, дающие им преимущество статуса большинства, как это было в случае союза между кикуйю и луо накануне обретения политической независимости в 1963 г., во время переходных выборов 2002 г. (Ndegwa 1997; Oyugi et al. ред., 2003 г.), а в последнее время в рамках так называемой инициативы «Наведение мостов» после оспариваемых выборов 2017 г. С другой стороны, очень небольшие этнические группы, такие как эльмоло, малакоте, огиек, санье и ваата, не имеют рычагов воздействия, чтобы вести переговоры о том, чтобы стать частью этнического кластера.

пользуются статусом большинства. Показательным примером является Ильхамус из Центрального Баринго, которого большинство тургенов в избирательном округе постоянно игнорировало (High Court of Kenya 2006).

Связь между политическими и экономическими возможностями в Кении была освещена в отчете Комиссии по национальному единству и интеграции (NCIC) за 2011 г., в котором указывалось, что пять самых многочисленных этнических групп в Кении (кикуйю, календжин, лухья, камба и луо) занимал почти 70 % все государственные должности. Кикуйю лидирует с 22,3% всех государственных служащих.

248 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

рабочих мест, за которыми следуют календжин (16,7%), лухья (11,3%), камба (9,7%) и луо (9,0%). Представленность кикуйю, календжин, лухья, камба, луо, киси и меру на государственной службе превышала 5%. Все остальные сообщества представленность была ниже 5%. Только две общины, кикуйю и календжин, в совокупности имели почти 40% должностей на государственной службе, и в отчете делается вывод, что это было связано с тем, что каждая из них занимала пост президента более двадцати лет (NCIC 2011). Аналогичные выводы NCIC опубликовал в своем отчете за 2012 г. (NCIC 2012). Кроме того, отчет Кенийской комиссии по правам человека за 2018 год показывает, что выделение на должности в кабинете министров с 1963 по 2018 год сильно повлияла этническая лояльность (KNHC 2018).

Следовательно, существует настоятельная необходимость решения проблемы политической маргинализации. В Кении с целью обеспечения долгосрочной социальной и политической стабильности страны. Проповедь против «трайбализма», которую политики делали с 1963 года, активно занимаясь политизированной этничностью, явно не помогла. Я думаю, что крайне необходимо включить этническое разнообразие Кении в социально-политическую инженерию страны, проект, в который я стремлюсь внести свой вклад посредством этой главы и нескольких других моих работ (например, Oduor 2011 г.; 2018; 2019a; 2019b).

Правовая база и межэтнические отношения

В разгар кенийского кризиса после выборов 2007 года Киои Мбуагуа правильно заявил, что пришло время заняться основным недостатком кенийской политики, а именно предполагаемой этнической конкуренцией за политическую власть. Далее он заметил, что конституционная инженерия необходима, чтобы выйти за рамки системы «победитель получает все» и искоренить этническую изоляцию и страх господства и преследований (Mbugua 2008). В результате посредничества в урегулировании поствыборного кризиса 2007/2008 гг. Кения провела некоторые правовые реформы, направленные на устранение межэтнической напряженности, о которых я расскажу ниже. Закон Кении о национальной сплоченности и интеграции от 2008 г. гласит, что «для любого государственного служащего, отвечающего за государственные ресурсы и без оправдания, незаконно распределять ресурсы этнически несправедливым образом» (Республика Кения, 2008 г., раздел 11 (2)). Далее требуется, чтобы ни одна этническая группа не занимала более трети должностей в государственном учреждении (Republic of Kenya 2008, Sec.7 (2)). Кроме того, он учреждает Национальную комиссию по сплочению и интеграции для обеспечения соблюдения его положений (Республика Кения, 2008 г., раздел 15). Тем не менее, суть этого акта заключается в продвижении культурно однородного общества, а не в построении стабильного плюралистического государства. Это становится очевидным, когда мы рассматриваем смысл фразы «национальная интеграция». Однако, как указано в следующем разделе, посвященном

В истории борьбы за этнический федерализм в Кении интеграция является целью, на которую некоторые недоминирующие этнические группы не желают подписываться, поскольку они стремятся сохранить свою культурную самобытность. Иными словами, такие этнические группы предпочитают плюралистическую, а не ассимиляционистскую правовую базу.

Конституция Кении, ратифицированная на референдуме 4 августа 2010 г. и обнародованная 27 августа 2010 г., признает этническое разнообразие страны.

Его преамбула включает заявление о том, что народ Кении « ГОРДИТ нашего этнического, культурного и религиозного многообразия и полны решимости жить в мире и единстве как одна неделимая суверенная нация». Однако это признание ослабляется разговорами о «единой неделимой суверенной нации».

означая гомогенизирующий проект в соответствии с Национальной сплоченностью и

Закон об интеграции, упомянутый выше. Кроме того, в отличие от предыдущих проектов

Конституции, которые в своих главах о ценностях и принципах прямо

признал этническое разнообразие Кении, статья 10 о «Национальных ценностях и

Принципы управления» в этом отношении является крайне расплывчатым. Действительно, в то время как мы могли бы быть склонны интерпретировать фразу «маргинализованные» в статье

10 (2) (b), чтобы включить тех, кто был исключен по этническому признаку,

Статья 21 (3) говорит о «представителях меньшинств или маргинализованных сообществах», а также говорит об этничности отдельно, что приводит к

вывод о том, что словосочетание «маргинализованные»

не относится к недоминирующим этническим группам.

Более того, хотя статья 11 действующей Конституции Кении посвящена культуре, она, похоже, игнорирует культурное разнообразие страны, поскольку кенийцы рассматриваются как «народ» и «нация» с единой культурой. Это говорит о том, что составители конституции имели уклон в сторону ассимиляции и против плюрализма. Статья начинается так:

Эта Конституция признает культуру основой нации и совокупной цивилизацией кенийского народа и нации. (Республика 2010a, статья 11 [1])

Тем не менее, несколько положений Конституции признают коллективные права этнических групп.

Статья 21 (3) Конституции Кении гласит: «Все государственные органы и все государственные служащие обязаны удовлетворять потребности уязвимых групп общества, включая женщин, пожилых членов общества, инвалидов, детей, молодежь, членов меньшинства или _

маргинализованные сообщества и члены определенных этнических, религиозных или культурных сообществ» (выделено мной). Кроме того, конституция гласит, что «общинная земля принадлежит и принадлежит общинам, определенным на основе этнической принадлежности, культуры или аналогичной общности интересов» (статья 63 (1)). Далее в статье оговариваются различные условия, при которых земля может считаться принадлежащей общине, и признаются общинные леса, пастбища или святыни, исконные земли и земли, традиционно

250 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

занимаемые общинами охотников-собирателей, как подпадающие под эту категорию земля. Это значительный отход от этнической слепой ориентации, типичной для западной либеральной традиции, которая в значительной степени повлияла на конституцию Кении, где только отдельные лица и корпорации имели право владеть землей. Аналогичным образом, в отношении специальных мест в Национальной ассамблее и Сенате конституция предусматривает, что они должны быть заполнены на основе пропорционального представительства из партийных списков, отражающих « региональное и этническое разнообразие народа Кении » (статья 90 (2) (в)). Конституция (Republic of Kenya 2010a) также требует, чтобы парламент принял закон, способствующий представительству в парламенте, среди прочего, « этнических и других меньшинств » (статья 100 (d)). Он также предусматривает, что « состав национальной исполнительной власти должен отражать региональное и этническое разнообразие народа Кении » (статья 130 (2); курсив мой). Кроме того, он предусматривает, что ценности и принципы государственной службы включают предоставление адекватных и равных возможностей для назначения, обучения и продвижения по службе на всех уровнях государственной службы, среди прочего, « представителям всех этнических групп » (статья 232 (ст. 1) (i) (ii)). Точно так же « состав командования Сил обороны должен отражать региональное и этническое разнообразие народ Кении » (статья 241 (4)). То же требование относится к Полицейской службе Кении (статья 246 (4)), а также к конституционным комиссиям и независимым учреждениям (статья 250 (4)).

Однако, в соответствии с индивидуалистическим, этнически слепым либерально-демократическим видением, статья 27 (1) Конституции Кении фокусируется на равенстве отдельных лиц перед законом, без упоминания этнических групп как юридических лиц, обладающих правами. Более того, статья 27 (4) говорит не об « этнической идентичности », а скорее об « этническом или социальном происхождении », тем самым укрепляя идею о том, что лица, на которые она ссылается, являются отдельными лицами, а не членами этнических групп. Поэтому неудивительно, что статья о свободе слова выделяет « этническое подстрекательство » как одно из оснований, по которым свобода слова выражение должно быть ограничено (статья 33 (2) (d) (i)). Хотя я согласен с разработчиками Конституции в том, что этническое подстрекательство должно быть ограничено, его выделение без адекватного признания права на этническую идентичность имеет значение криминализации даже самой доброкачественной политической мобилизации на этнической основе, тем самым неоправданно ограничивая свободу объединения. и выражение. Кроме того, Конституция Кении требует, чтобы политические партии имели « национальный характер в соответствии с актом парламента » (статья 91 (1) (a)). Далее он предписывает политическим партиям « поощрять и поддерживать национальное единство » (статья 91 (1) (c)) — требование, которое в кенийском контексте понимается как относящееся к проекту гомогенизации путем систематического уменьшения акцента на этническом тождестве. Кроме того, Конституция гласит, что политические партии не могут « быть основаны на религиозном, языковом, расовом, этническом,

по гендерному или региональному признаку, или стремиться к пропаганде ненависти на любом таком основании» (Статья 91 (2) (а); курсив мой) . Закон о политических партиях уже сформулировал этот подход , который криминализует создание партий на этнической основе , вместо этого требуя, чтобы каждая партия была «национальной по своему характеру» . (Республика Кения , 2007 г., раздел 14).

Действие оговорок о политических партиях в Конституции и в Законе о политических партиях заключается в ограничении коллективного права этнических групп на реализацию своих политических устремлений через собственные партии . Ввиду трех оснований права на конституционное признание и защиту этнической идентичности и интересов , представленных в предыдущем разделе, и в свете конституционных положений о коллективных правах этнических групп , изложенных ранее в этом разделе, вызывает большое сожаление тот факт, что Конституция Кении и Закон о политических партиях запрещают создание политических партий по этническому признаку. Плюралистические элементы в Законе Кении о национальной сплоченности и интеграции (Республика Кения , 2008 г.) и в действующей Конституции Кении (Республика Кения, 2010 г.) являются шагами в правильном направлении, поскольку политика официального игнорирования этнической принадлежности на протяжении более пяти десятилетий терпела неудачу . остановить разгул этнической дискриминации в стране. Более сорока лет назад Ролз (1971, 234) утверждал , что «общественное желание консультироваться и принимать во внимание убеждения и интересы каждого закладывает основу для гражданской дружбы и формирует этос политической культуры» . Хотя Ролз, вероятно, усомнился бы в этом, его наблюдение применимо не только к отдельным гражданам, но и к этническим группам в африканском контексте. Другими словами, к этническим группам следует относиться как к группам интересов , чьи взгляды имеют решающее значение для построения жизнеспособных демократий в африканских государствах двадцать первого века .

БОРЬБА ЗА ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ __

В КЕНИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА NO

Начало британского вторжения и покорение территории , которая сейчас называется Кенией, началось с формальной инаугурации правления Имперской Британской Восточно- Африканской компании в 1888 году, но более официально с провозглашением Британский протекторат Восточной Африки 1 июля 1895 г. (Кихоро 2005, 8). Англо -германское соглашение 1886 г. определило суверенитет султана Занзибар от береговой линии страны до десяти миль вглубь (Бреннан 2008 , 838), но в 1895 году султан Занзибара сдал управление полосой в аренду британцам. Эти события привели в движение процесс размещения различных этнических сообществ с их разнообразными системами управления в пределах одной большой и новой области центральной администрации (Oluwullah 1990 , 88; Jonyo 2002, 90). Территория за Десятимильной прибрежной полосой была

252 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

объявлен «Кенийской колонией» в 1920 г. (Омоло 2002, 213). Таким образом, в то время как Десятимильная прибрежная полоса продолжала называться протекторатом, остальная часть страны отныне именовалась Кенийской колонией (Brennan 2008, 831). Тем не менее, британцы управляли Протекторатом и Колонией как единым целым из соображений целесообразности (Hassan 2002). Таким образом, если бы вы спросили мою бабушку, луо она или кенийка, она бы удивилась этому вопросу, потому что она ничего не знает о кенийской идентичности, но гордится своей идентичностью луо, которую она может проследить на несколько поколений назад.

Политической независимости Кении в декабре 1963 г. предшествовали три конституционные конференции, проведенные в доме Ланкастеров в Лондоне в 1960, 1962 и 1963 гг. (Ndegwa 1997, 602–604). Кенийский африканский национальный союз (KANU), партия, в основном состоящая из численно преобладающих кикуйю и луо, выступала за создание унитарного государства. Тем не менее, Африканский демократический союз Кении (КАДУ), поддерживаемый этническими меньшинствами, такими как календжин, масаи, туркана, самбуру, прибрежный гириама и части лухья, наряду с европейской партией Майкла Бланда, в которой доминируют поселенцы, Новая Кения. (Н) а Индийский конгресс Кении (КИК) поддерживал региональную систему (маджимбо) 1 (Odinga 1967, 226–227). Перспектива господства кикуйю-луо через KANU была реальной, поскольку эти две группы были более крупными, более политически сознательными и лучше организованными, чем группы KADU, и, по-видимому, подавляющим большинством победят на выборах (Ndegwa 1997, 605). Ожидание голосования по типу переписи в значительной степени оправдалось на выборах в феврале 1961 года. Из тридцати трех открытых мест KANU получил девятнадцать с 67,4% голосов, а KADU получил одиннадцать мест с ничтожными 16,4% голосов. Эти пропорции примерно соответствовали распределению населения по этническим группам, поддерживающим каждую партию (Muigai 2004, 210).

Несмотря на численное отставание КАДУ и его европейских и индийских союзников, на конференциях в Ланкастер-Хаусе ему удалось оказать давление на привела к конституции независимости, предусматривающей восемь регионов (маджимбо), которые были бывшими более или менее этнически определенными колониальными административными единицами («провинциями»), а именно: Найроби, Прибрежный, Восточный, Центральный, Рифт-Валли, Ньянза, Западный и Северный. - Восточная, каждая со своими законодательными и исполнительными органами (Республика Кения, 1963 г., глава VI). Этническим меньшинствам также было обеспечено представительство в центральном правительстве через Сенат, избирательными округами которого были еще более этнически однородные административные округа. Кроме того, была создана Комиссия по региональным границам для сопоставления мнений всех этнических групп относительно региона, к которому они хотели принадлежать. Однако Комиссия не удовлетворила все поступившие ходатайства. Например, он отклонил петицию сабаотов горы Элгон о включении их в регион Рифт-Валли вместе с их родственниками-календжинами (Ndegwa 1997, 602–603).

После Ланкастерского соглашения 1962 г. в мае 1963 г. были проведены выборы в соответствии с новой конституцией. Опять же, КАНУ получила подавляющее большинство на этих «выборах за независимость», при этом региональное и этническое распределение осталось таким же, как и на выборах 1961 г., каждая партия преобладав в районах, в основном населенных симпатизирующими ему этническими группами (Одинга, 1967, 234). Когда обе партии вернулись в Лондон в сентябре 1963 года, чтобы завершить работу над конституцией независимости, КАНУ потребовал внесения поправок в соглашение 1962 года, чтобы уменьшить региональные полномочия, особую защиту меньшинств и ограничения, наложенные на конституционные изменения. С другой стороны, КАДУ, потерпев неудачу на выборах (и дезертирство лидеров Лухья и Камба), настаивала на сохранении соглашения 1962 года в качестве основы для окончательной конституции. КАДУ угрожал целостности нового указывать, были ли уже достигнутые меры защиты отменены. Следовательно, КАНУ принял договоренность маджимбо в качестве конституции независимости, но в ее пользу был внесен ряд изменений. Один из важнейших из _ это была уступка в отношении конституционных изменений: предложения по поправкам, которые не получили необходимого большинства в Палате представителей и Сенате, затем требовали большинства в две трети голосов на референдуме (Odinga 1967, 234). Муигай (2001) определил два основных принципа конституции независимости как парламентское правительство и защиту меньшинств. Однако КАДУ смог обеспечить контроль только над двумя регионами, а именно над Рифтовой долиной и побережьем. Кроме того, в течение первого года политической независимости КАНУ подорвало региональные правительства, удерживая средства, принимая законы, чтобы обойти региональные полномочия, и навязывая серьезные изменения в конституцию, угрожая провести референдум, если Сенат, на котором КАДУ может заблокировать предложения - не присоединились к изменениям. Превзойденная численностью, переигранная и не имевшая никаких перспектив для проведения в жизнь компромиссной конституции или, учитывая реальность голосования по типу переписи, для того, чтобы обогнать КАНУ на последующих выборах, КАДУ распалась и присоединилась к КАНУ, чтобы сформировать централизованное однопартийное государство в начале 1964 г. (Нде гва 1997, 604; Аджулу 2002, 258-59). Это стало серьезным ударом по борьбе за права этнических меньшинств в Кении, поскольку дало возможность большинству этнических групп закрепить свою гегемонию в зарождающемся государстве. Они сделали это, внеся поправку в конституцию, заменив парламентскую систему президентской, и сосредоточив власть. С момента роспуска КАДУ в 1964 г. и до следующего периода фундаментальных политических преобразований, начавшегося в 1990 г., агитация за федерализм оставалась приглушенной, поскольку КАНУ подавляла пропаганду альтернатив унитарному государству. Тем не менее приход к власти Даниэля арап Мои, бывшего ключевой лидер KADU в 1978 году дал группам KADU возможность влиять на направление кенийской политики. По сути, пока Мои был президентом

254 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

билет KANU , он представлял устремления бывших групп KADU .

Этим можно объяснить открытие Моим Районного центра развития сельских районов (Баркан и Чеге, 1989).

Начиная с 1990 года переход от однопартийной диктатуры к многопартийная система правления предоставила первую значительную возможность после обретения независимости пересмотреть политические институты Кении (Ndegwa 1997, 606–607). Большинство этнических групп продолжали выступать за унитарную систему, в то время как этнические меньшинства продолжали выступать за федерализм (Oduor 2011, 78 сл.). Тем не менее, в преддверии оспариваемых всеобщих выборов 2007 г. луо вышли из рядов кикуйю , выступая за новую конституцию, которая предусматривала бы решительно делегированную структуру правительства для решения проблемы безудержной маргинализации многочисленных этнических меньшинств в в Рифт- Валли и на побережье , которые поддержали Оранжевое демократическое движение под руководством Луо (IREC 2008, 1).

Кроме того, полемика по поводу унитаризма и деволюционизма предсказуемо обострилась во время публичных дебатов по различным проектам конституций , подготовленных Экспертным комитетом с конца 2009 г., включая дебаты в Специальном парламентском комитете в Найваше в феврале 2010 г. Политическая элита Календжина в Рифт- Валли и элиты сообществ на побережье и в северо-восточных провинциях выступали за трехуровневую структуру с высокой степенью децентрализованности, включающую национальные, региональные и окружные правительства. С другой стороны, их коллеги из общин кикуйю, эмбу и меру , опасаясь, что сильные децентрализованные единицы могут привести к тому, что их соплеменники могут подвергнуться выселению из Рифтовой долины и других мест , куда они мигрировали с земель своих предков в центральной и верхней восточной частях страна продолжала выступать за по существу унитарное государство со слабыми автономными единицами. Их страхи усилились в связи с кризисом после всеобщих выборов 2007 года , когда многие люди из этих общин были выселены или убит (Кикечи 2010).

Сообщается, что во время переговоров депутатов по достижению консенсуса перед обсуждением проекта конституции , представленного в парламент 2 марта 2010 г., депутаты из рифтовой долины Календжин и Масаи, с одной стороны, и депутаты из Центральной Кении , населенной кикуйю, с другой. другой заключил сделку, в результате которой обе стороны поддержали бы предложенные друг другом поправки в парламенте. Тем не менее, центральная кенийская группа поспешно отступила, узнав , что их коллеги из Рифт- Валли замыслили то, что они (депутаты из Центральной Кении) считали системой правления маджимбо (Omanga 2010), а затем вышли из парламента, чтобы сорвать достижение. из 65%

порог для голосования по нему (Ndegwa and Mwanzia 2010). Следовательно, парламент принял проект конституции без каких-либо поправок, и, как ранее указано, впоследствии он был ратифицирован на референдуме 4 августа 2010 года.

Таким образом, в конечном итоге, как указывалось в предыдущем разделе, Конституция, ратифицированная кенийцами на референдуме в августе 2010 г. и обнародованная 27 августа 2010 г., является по существу унитарной, с децентрализованной структурой, гарантирующей господство центральной власти. правительством (см. Республика Кения 2010а, глава 11).

В 2013 году скотоводческие общины Рифт - Валли в значительной степени перешли от Оранжевого демократического движения под руководством Раилы Одингги к Альянсу Джубили, состоящему из Национального альянса Ухуру Кеньятты (TNA) и Объединенная республиканская партия Уильяма Руто (URP), а Ухуру Кеньятта был объявлен победителем неоднозначных выборов 2013 года. После прихода к власти Ухуру Кеньятты ODM Одингги неоднократно обвинял правительство Ухуру Кеньятты в попытках помешать передаче полномочий, как это сделал Джомо Кеньятта на заре независимости. Одингга особенно обвинил Кеньятту в преднамеренном выделении недостаточных средств правительствам графств с целью их ослабления - обвинение, которое Кеньятта категорически отрицал. Тем временем Исаак Рутто вышел из рядов с Уильямом Руто, чтобы сформировать Chama cha Mashinani (CCM) — суахили от «Массовой партии», — чья миссия состояла в том, чтобы усилить передачу власти за счет адекватного финансирования. И ODM Раилы Одингги, и CCM Исаака Рутто вместе со своими союзниками из других частей

страна безуспешно добивалась референдума с целью _ усиление передачи полномочий за счет адекватного финансирования. Тем не менее, они объединили усилия для предвыборной кампании 2017 года на платформе адекватно финансируемых уездных правительств. Тем временем союз Юбилеев объединился в единую партию — Юбилейную партию (ДП). Ухуру Кениата снова был объявлен победителем спорных выборов 2017 года.

В целом, недоминирующие этнические группы в Кении продолжают чувствовать себя в ловушке государство, которое не проявляет особого интереса к решению проблемы их социальной, политической и экономической маргинализации. Следовательно, в следующем разделе я представляю наброски основанной на этнической принадлежности федеральной системы правления Кении, которая заменит по существу унитаристскую систему, господствовавшую в стране на протяжении долгого времени, уже почти шесть десятилетий.

ОПИСАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОЮЗА НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ФЕДЕРАЦИИ

Принимая во внимание мои размышления в предыдущих трех разделах, я придерживаюсь мнения, что этнически многообразные постколониальные африканские государства отчаянно нуждаются в моделях демократии, которые признают и учитывают этническую идентичность и интересы. Я полагаю, что ключевой чертой этих моделей должны быть федерации на этнической основе, которые дают каждой этнической группе некоторую автономию в этих до сих пор чрезмерно ограничивающих

256 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

политики. Федеральные единицы, основанные на этнической основе, дадут этническим группам некоторую свободу для включения своей политической мысли коренных народов в управление государственными делами, что позволит им организовать общественное пространство вокруг себя в соответствии со своим мировоззрением. Такие модели заметно отличались бы от западной либеральной демократии с ее этнически слепым видением. В то время как несколько африканских государств, включая Кению, приняли деволюцию, а другие, такие как Нигерия, выбрали федерализм, они настаивали на том, чтобы автономные или федеральные единицы были этнически плюралистическими. Это имеет нежелательный эффект увековечивания существующего зияющего неравенства между этническими группами, несмотря на все проповеди против «трайбализма».

Ниже я предлагаю семь элементов для включения в федеральную систему управления Кении, основанную на этнической основе, с тем чтобы проиллюстрировать, как такая система может адекватно справиться с существовавшим десятилетиями чувством изоляции среди многочисленных этнических групп в стране. Моя второстепенная цель в этой презентации — побудить политических теоретиков из других этнически многообразных африканских стран разработать федеративные модели на этнической основе, отвечающие специфическим потребностям их соответствующих стран. Тем не менее, как видно из названия этого раздела, то, что я привожу ниже, представляет собой лишь наброски как может выглядеть основанная на этнической принадлежности федеральная система правления в современном кенийском контексте.

Республиканские столбы Governance
в центральном правительстве и в федеральных единицах

Значительная часть кенийцев по-прежнему дорожит своими исконно африканскими системами управления, о чем свидетельствует влияние, которым продолжают пользоваться старейшины этнических общин и которое они часто используют для достижения политических целей в своих регионах и даже в политике страны в целом. Однако кенийское государство в значительной степени игнорировало такие системы из-за своей озабоченности либеральной демократией. Давно пора нам использовать местные системы управления как в центральном правительстве, так и в федеральных единицах, чтобы позволить кенийским массам почувствовать чувство собственности государства.

Примечательно также, что в некоторых западных демократиях до сих пор лелеют институты, предшествовавшие либеральной демократии и родственные некоторым доколониальным африканским политическим институтам (Chweya 2002 : 24–25). Примерами этого являются монархии в таких странах, как Великобритания и Нидерланды.

Монархи по определению не избираются на манер либеральной демократии, а вместо этого наследуют свои должности. Тем не менее, люди редко подвергают сомнению демократическую природу тех западных государств, главами которых являются монархи. Поэтому странно, что Запад и ориентированные на Запад африканские теоретики не одобряют призывы к включению коренных африканских

политическая мысль и практика в архитектуру современных африканских демократий . Вамала (2004) утверждал, что в доколониальном обществе Ганда во время правления Кабаки (монарха) идеи, которые мы сегодня рассмотрели бы крайне важные для демократии были в значительной степени в действии. Следовательно, нет абсолютно никаких причин , по которым африканские государства должны капитулировать перед давлением , направленным на принятие политических систем, которые не отражают ничего, кроме современных западных моделей.

Синтетический двухпалатный парламент

Чтобы еще больше признать местные политические взгляды значительной части кенийских масс , я предлагаю двухпалатный парламент . Чтобы соответствовать современным западным мировоззрениям, укореняющимся сегодня в Африке, члены нижней палаты должны избираться по типичной либерально- демократической схеме : один человек — один голос. С другой стороны, верхняя палата должна состоять из лидеров этнических групп с правом наложения вето на все законодательные акты нижней палаты на основе консенсуса в верхней палате . Это обеспечило бы учет интересов этнических групп во всех законодательных актах.

Республика Сомалиленд, отделившаяся от раздираемой войной Сомалийской Республики в мае 1991 г., имеет двухпалатный («двухпалатный») парламент. Его нижняя палата, именуемая Палатой представителей, избирается путем выборы по типу либеральной демократии – один человек – один голос. Его Верхняя палата, называемая Палатой старейшин, косвенно избирается различными кланами и является палатой по пересмотру законодательства, за исключением финансовых законопроектов. Однако в случае Кении было бы целесообразно наделить Верхнюю палату правом вето на финансовые законопроекты, поскольку несправедливое распределение ресурсов между этническими группами является основным источником межэтнической напряженности в стране .

Совместная исполнительная власть на этнической основе

Одна из основных причин политической нестабильности в Кении заключается в том, что в настоящее время главой исполнительной ветви власти является один человек из одной этнической группы, в результате чего остальные этнические группы чувствуют себя проигравшими. Это должно быть заменено совместной исполнительной властью с должностными лицами , происходящими из этнических групп, представляющих различные образы жизни в стране (земледельцы, скотоводы и охотники-собиратели). Тогда исполнительные решения будут приниматься на основе консенсуса, в противном случае будет проведено голосование.

Это привело бы к большей гармонии между исполнительной и двухпалатной законодательной властью, поскольку не было бы откровенно проигравших в гонке за исполнительную власть , которые пытались бы использовать своих представителей в парламенте, чтобы расстроить исполнительную власть.

258 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

В 2009 году Томас Оджанга написал Комитету экспертов, которому было поручено подготовить окончательный проект новой конституции Кении, рекомендуя принять систему правления, специально разработанную с учетом уникальных обстоятельств Кении, заметно отличающуюся от двух основных западных либерально-демократических моделей (парламентской и президентской). Для Оджанги характерной чертой этой модели является открытое признание этнических интересов через совет этнические старейшины, при этом каждая этническая группа имеет равное представительство в совете, а совет обладает высшей исполнительной властью (Ojanga 2009). В то время как призыв Оджанги к равному представительству всех этнических групп, вероятно, будет оспорен из-за нарушения мажоритарного принципа, который для многих является отличительной чертой демократии, суть его предложения состоит в том, чтобы этническое разнообразие адекватно отражалось в структуре управления страной, допустимо как средство содействия межэтническому согласию в государстве.

Беспартийная система правления _ _

Будучи молодым человеком в 1980-х годах, я мечтал о том дне, когда Кения восстановит многопартийную политику, будучи убежденным, что это событие станет синонимом восстановления демократии. Однако спустя более тридцати лет после возвращения системы страна еще не добилась значительных демократических успехов.

В самом деле, точно так же, как партийный лидер в эпоху однопартийности в Кении запугивал всех членов партии, заставляя их выполнять его распоряжения, так и многопартийная система просто сделала возможным подобное запугивание в многочисленных партиях, так что избранные представители обеспокоены тем, партийные линии, чтобы сохранить свои позиции, а не о том, чтобы сформулировать опасения тех, кто якобы избрал их. Поэтому Кении пора разработать беспартийную систему, в которой люди могут полноценно участвовать в управлении без препятствий, которые ставит на их пути партийная политика. Мы, конечно, должны остерегаться той фальшивой беспартийной системы, которой Йоверси Мусевени руководил в Уганде почти два десятилетия и которая на самом деле представляла собой замаскированную однопартийную систему (см. Oduor 2011, 375–384).

Кваси Виреду (1996, 82–90) правдоподобно приводил доводы в пользу согласованной, беспартийной демократии на том основании, что она способствует не только формальному представительству всех заинтересованных групп в государстве, но также обеспечивает серьезное отношение ко всем оттенкам мнений. представительство по существу или принятие решений), чтобы люди были представлены не только в совете, но и в совете, тем самым способствуя политической стабильности. Точно так же Вамала (2004) выделил три причины, по которым партийная система на самом деле является препятствием для подлинной демократизации:

1. Она разрушает достижение консенсуса, принижая значение роли личности в политических действиях и требуя, чтобы занимающие выборные должности

лояльны к партиям, по спискам которых они баллотировались, а не к людям, которых они якобы представляют.

2. Партии используют макиавеллистский подход для получения власти и тем самым лишают политическую практику этических соображений, противоречащих традиционному африканскому мировоззрению.

3. Даже партии, обладающие большинством и, следовательно, формирующие правительство, на самом деле управляются горсткой лиц.

Этническое равенство в государственных назначениях

Во имя этнической слепой государственной политики кенийским гражданам, которые подвергали сомнению этнически предвзятые государственные назначения, часто напоминали, что все назначенные лица являются гражданами Кении. В результате часто накапливалось недовольство, с которым пострадавшие этнические группы надеются справиться посредством выборов. Когда такие группы также неоднократно проигрывают выборы, доверие к которым вызывает сомнения из-за предполагаемого вмешательства властей, они чувствуют себя еще более отчуждены от государства и легко разжигают общественно-политические волнения. Как указано в третьем разделе этой главы, Конституция Кении требует соблюдения этнического равенства при назначении на государственные должности. Однако он не дает четких указаний по выполнению этого положения, тем самым предоставляя президенту большую свободу действий в отношении назначений по этническому признаку с сильным перекосом. Следовательно, существует настоятельная необходимость внесения поправок в Конституцию для уточнения этого важного положения и установления эффективных санкций за его нарушение.

Право на отделение _

Организация Объединенных Наций, Африканский союз и другие организации независимых государств часто выступали против отделения, за исключением случаев, когда происходили затяжные гражданские войны (см. Oduor 2011, 292 ff.). Непонятно, почему это так, учитывая огромный ущерб, причиненный гражданским конфликтом. Поэтому я предлагаю конституционное положение о том, что там, где этнические группы постоянно маргинализируются и когда правовые и политические процессы постоянно не решают их проблемы, они имеют право инициировать процесс, ведущий к отделению.

Цель этого предложения — мотивировать кенийское государство воздерживаться от такой маргинализации в стремлении сохранить свою территориальную целостность (см. Oduor 2019b).

Либеральный билль о правах _

Одна из опасностей признания прав этнических групп, как я предложил в этой главе, заключается в том, что в силу своих коммуналистских взглядов этнические группы часто стремятся навязать свою волю своим членам. Например, некоторые из

260 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

они принуждают своих членов участвовать в определенных культурных обычаях и не предусматривают возможности уважения прав своих членов на отделение от групп. Таким образом, чтобы защитить людей от властных требований их этнических групп, было бы важно сохранить Билль о правах в западном стиле в Конституции Кении, гарантирующий права личности, такие как свобода совести, передвижения, ассоциации и выражения мнений.

УРОКИ БОТСВАНЫ И ЭФИОПИИ

Неправительственные организации (НПО) популяризировали идею поиска «наилучшей практики» — определения страны или учреждения, которым стоит подражать из-за их успеха в конкретном начинании. Таким образом, меня спросили, существуют этнически многообразные африканские страны, успешно развернувшие этнический федерализм. В поисках «наилучшей практики» можно также спросить, существуют ли какие-либо африканские государства с этническим многообразием, которые приняли либеральную демократию без межэтнической напряженности, и если да, то почему остальные африканские страны не могли подражать им вместо того, чтобы прибегать к этническому федерализму. Однако ввиду нормативного, а не описательного характера своей дисциплины политические философы обычно не считают себя обязанными предлагать примеры «наилучшей практики». Тем не менее, в этом разделе я кратко рассмотрю опыт Ботсваны и Эфиопии, охват либеральной демократии в унитарных рамках, якобы без разрушительных межэтнических конфликтов, характерных для большинства этнически многообразных африканских государств, последнее уникально своим этническим федерализмом.

Ботсвана

Часто утверждается, что по сравнению со многими другими постколониальными африканскими странами этнические отношения в Ботсване в целом были свободны от напряженности с тех пор, как страна стала политически независимой от Великобритании в 1966 году. Тем не менее, это относительное спокойствие отчасти объясняется британским колониальным политикой косвенное правление там, основанное на том факте, что у британцев не было экономических интересов в стране, их единственная цель состояла в том, чтобы сохранить доступ к своим территориям на севере, особенно к двум Родезии, тем самым уменьшив свое физическое присутствие и сопутствующая политика «разделяй и властвуй» в Ботсване (Mulinge 2008, 66–67). Большинство людей тсвана состоит из восьми групп, а именно бангватто, баролонг, баквена, бакгатла, батлоква, балете, батавана и бангвакетсе (WorldAtlas.com 2018).

Однако в Ботсване дела обстоят не так радужно, как часто представляют, из-за напряженности между большинством народа тсвана, с одной стороны, и рядом этнических меньшинств, с другой. Название страны взято из тсвана и означает «земля тсвана». Это означает, что даже не-тсвана должны использовать демоним тсвана, то есть они должны говорить, что они батсвана (множественное число) или мотсвана (единственное число). Таким образом, народы, не принадлежащие к тсване, едва ли могут отождествлять себя с названием страны, которую они призваны называть своей. Точно так же национальный гимн *Fatshe leno la rona* («Эта наша земля») написан на сетсване. Кроме того, Серетсе Хама, вождь тсвана, был первым президентом, а его сын Ян Хама - четвертым. Эти особенности, среди прочего, оказывают отчуждающее воздействие на нетсванские народы страны.

На самом деле, в отличие от большинства других африканских стран и вопреки этнически слепому западному либерально-демократическому видению, Ботсвана характеризуется конституционно обоснованной этнической дифференциацией. Конституция страны определяет восемь групп тсвана, ранее перечисленных как «основные племена». Это было перенесено из демаркации, проведенной между 1899 и 1933 годами Комиссией по делимитации природных заповедников (Mulinge 2008, 63). Комиссия создала в стране «местные заповедники», закрепившие подчинение народов, не принадлежащих к тсване (Мулинге, 2008, 63–64). Конституция независимости сохранила границы исконных заповедников под новым названием «округа». Следовательно, вожди других народов, кроме восьми групп тсвана, по-прежнему находились в маргинальном положении: они считались вождями или помощниками вождей без права представлять свой народ в Нтлоя Дикгоси («Дом правителей»). вождей», то есть второй палаты законодательного собрания страны (Мулинге 2008, 64). Кроме того, государство проводит агрессивную политику в отношении тсваны как подражания посредством своей официальной языковой и культурной политики. Якобы в интересах «государственного строительства» и «национального единства» сетсвана и английский являются единственными официальными языками в стране, а другие языки запрещены в официальном контексте и в школах (Mulinge 2008, 68; Werbner 2002, 676). Волнения среди этнических меньшинств в Ботсване часто проявлялись в их неутомимой, но безуспешной агитации за внесение поправок в статьи 77, 78 и 79 Конституции страны, определяющие восемь групп тсвана как «основные племена» — положения, группы рассматривают как основу для постоянной дискриминации по отношению к ним, что приводит к нарушению их прав на землю и положение в административной структуре страны (Mulinge 2008, 70–71; Keorapetse 2017; The Zimbabwean Reporter 2018). Опыт сан, которых часто называют «басарва» или уничижительно «бушменами», а также бакгала гади, обеих этнических групп суперменьшинства, которые пострадали от государственной политики, угрожающей их культуре и средствам к существованию, графически выделить бедственное положение

262 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

этнических меньшинств в Ботсване (см. Hitchcock 2002, 797–98; Mulinge 2008; Staff Reporter 2011).

С учетом вышеизложенного очевидно, что относительная спокойная обстановка межэтнических отношений в Ботсване лишь относительная. Государству, в котором доминирует тсвана, было довольно легко заглушать голоса недовольных этнических меньшинств на протяжении десятилетий, тем самым представив страну как остров либерально-демократического спокойствия в море несостоятельных или несостоявшихся африканских государств. Однако нарочитое «спокойствие» явно не устойчиво.

Поэтому я придерживаюсь мнения, что опыт Ботсваны не только не ослабляет мои доводы в пользу этнических федераций в этнически многообразных постколониальных африканских государствах, но и усиливает их.

Эфиопия

Эфиопия уникальна тем, что не подвергалась западному колониализму, за исключением кратковременной итальянской оккупации между 1936 и 1941 годами. Согласно Энциклопедии Наций, основными этническими группами страны являются оромо (40%), амхара и тигре (32%), сидамо (9%), шанкелла (6%), сомалийцы (6%), афар (4%) и гураге (2%). Оставшийся 1% состоит из различных других этнических группы. Всего в Эфиопии насчитывается более восьмидесяти различных этнических групп (Advameg, Inc., 2018), и страна имеет долгую историю межэтнических конфликтов.

В 1989 году объединился Народно-освободительный фронт тиграян (НОФТ).

с другими этническими оппозиционными движениями, чтобы сформировать Революционно-демократический фронт эфиопского народа (РЭПДФ), который сверг режим Менгисту Хайле Мариам в мае 1991 г., принял этнический плюрализм в качестве организационного принципа, создав федеральные единицы на этнической основе с «правом на отделение». Положение статьи 39 конституции, вступившей в силу в 1995 г. (Habtu 2004; Aaron 2005–2006). Первоначально режим разделил страну на четыре подростковых региона в 1992 году, но позже объединил пять из них, чтобы сформировать многоэтнический регион южных наций, национальностей и народов.

Переход к федерализму на этнической основе во многом был связан с тем, что лидер правящей коалиции Народно-революционно-демократического фронта Эфиопии (РЭПДФ) в 1991 году Мелес Зенауи, в то время лидер Народно-освободительного фронта Тиграя (ННОТ), был полон решимости положить конец тому, что он считал господством этнической группы шеван амхара. Это изменение должно было не только уменьшить межэтнические конфликты, но и уравнивать уровень жизни в разных частях страны, а также улучшить работу государственных учреждений на местах. Чтобы отразить переход к федерализму на этнической основе, режим переименовал страну в «Федеративную Демократическую Республику».

Эфиопия". Он также переименовал законодательный орган страны в «Федеральный парламент».

Ассамблея» с верхней палатой под названием «Палата Федерации» , а нижняя палата «Палата народных представителей» . Согласно Хабту (2004), этот эксперимент, в котором государство полностью признает этнический плюрализм и основывает на нем свои структуры , уникален в африканском контексте. партийно -парламентская либерально-демократическая система.

Следовательно, Эфиопия разделена на девять этнически автономных и политически автономных региональных государств (килилох, единственное число килил). Девять регионов : регион Афар , регион Амхара, регион Бенишангуль-Гумуз, регион Гамбела, регион Харари , регион Оромия, регион Сомали, регион Тыграй и регион южных наций, национальностей и народов . Есть также два многоэтнических зарегистрированных города (astedader akababiwoch, единственное число astedader akababi), а именно Аддис- Абеба и Дыре- Дауа. Килилох подразделяется на шестьдесят восемь зон, которые далее делятся на 550 вореда («районов»).

и несколько особых вореда и кебелес («кварталы»). Федеральные единицы имеют широкие полномочия по созданию своих собственных моделей управления , если они соответствуют Конституции федерального правительства. На вершине каждого региона находится Региональный совет , члены которого избираются прямым голосованием, чтобы представлять округа, с законодательной и исполнительной властью управлять внутренними делами регионов.

Однако более чем через пять лет после начала реализации федерализма на этнической основе в рамках многопартийной парламентской системы в Эфиопии страна все еще боролась с межэтническими конфликтами (Mengisteab 2001). Кроме того, чуть более чем через десять лет после установления федерализма на этнической основе Келлер (2002) и Гудина (2004) заметили , что вместо того, чтобы расширять права и возможности граждан на низовом уровне, Эфиопия жестко контролировала экономическое развитие и политику через региональные правительства штатов с очень небольшим участием граждан. в принятии решений. Действительно, режим EPDRF в Эфиопии прославился своим авторитаризмом, проявляющимся в насильственном подавлении мирных демонстраций , лишении свободы ведущих оппозиционных деятелей и организации выборов, склонивших чашу весов в его пользу. Например , после выборов в Эфиопии в мае 2005 г. режим отреагировал на публичные протесты, обрушив полицию на демонстрантов в июне и ноябре 2005 г. в том же году, что привело к гибели 193 человек, ранению 763 человек и задержанию более 30 000 человек. Кроме того, более 100 лидеров оппозиции, журналистов и гуманитарных работников были арестованы во время протестов и предстали перед судом по обвинению в государственной измене и покушении на геноцид. Кроме того, Вольде-Майкл Мешеша, эфиопский судья , составивший отчет о зверствах, бежал из страны в Европу, заявив, что ему угрожали смертью от анонимных лиц (BBC 2006).

264 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

В 2016 году в Эфиопии снова произошли общественные протесты и насилие со стороны полиции после выборов 2015 года, на которых правящая партия завоевала все места в парламенте. По данным Комиссии по правам человека Эфиопии (EHRC), в 2016 году в результате антиправительственных беспорядков, охвативших амхара, оромию и региональные штаты южных наций и национальностей и народов (SNNP), в общей сложности было убито 669 человек (Shaban 2017). Государственная радиовещательная корпорация FANA сообщила, что руководитель EHRC, доктор Аддису Гебрег Зиабхер, сказал: «глубоко укоренившиеся проблемы надлежащего управления, неспособность реализовать особые интересы Оромии в Аддис-Абебе, как указано [sic] в конституции и генеральный план Аддис-Абебы стали основными причинами беспорядков в региональном штате Оромия» (цитируется по Shaban 2017).

16 февраля 2018 г. правительство Эфиопии объявило шестимесячное чрезвычайное положение по всей стране после отставки премьер-министра. Хайлемариам Десалень, который сказал, что хочет расчистить путь для реформ. Он был первым правителем современной Эфиопии, который ушел в отставку, предыдущие умерли при исполнении служебных обязанностей или были свергнуты. Абий Ахмед Али сменил Десаленя, став первым лидером страны от оромо — этнической группы, которая в течение почти трех лет находилась в центре антиправительственных протестов, в результате которых погибли сотни людей. Али является лидером Народно-демократической организации оромо (OPDO), одной из четырех этнических партий, входящих в правящую коалицию Народно-революционный демократический фронт Эфиопии (EPRDF), и, как говорят, пользуется огромной поддержкой среди молодежи оромо, а также среди других этнических группы (BBC, 2018). Али положил конец двадцатилетней пограничной войне с Эритреей, освободил политических заключенных, снял запреты на диссидентские группы и позволил их членам вернуться из изгнания, провозгласил свободу печати и предоставил различным политическим группам свободу мобилизации и организации (Мамдани 2019). Что же тогда делать с гражданской войной, разразившейся в ноябре 2020 г. между Народно-освободительным фронтом Тыграя (НОФО) и Абием? Правительство Эфиопии под руководством Ахмеда Али? Hibist Kassa (2021) предостерегает от упрощенные описания кризиса, которые полностью сосредоточены на внутренних дебатах между федералистами НФОТ и центристами во главе с Абием Ахмедом Али, предупреждение о том, что различные интересы, в том числе коммерческие цели Политическая элита Эфиопии, а также США, Запад в большой, а опасения Египта по поводу завершения Великого Эфиопского Плотины Возрождения (ГЭРБ), среди прочего, также находится в игре. Например, Касса указывает, что создание Эфиопией союзов с Эритреей и Сомали и его более широкой цели стабилизации Африканского Рога « таким образом, который не сосредоточил внимание на Вашингтоне и его «войне с террором» ». озабоченность США. Тем не менее, как я постараюсь показать в следующих нескольких параграфы, настойчивость НФОТ на сохранении федералиста 1995 г. Конституция и попытка Абия Ахмеда Али разбавить эту федералистскую модель не может быть проигнорировано в любой заслуживающей доверия версии конфликта.

В правительстве Эфиопии доминировал Народно- освободительный фронт Тыграя (НФОТ), который правил страной с 1991 года , когда НФОО объединил свои силы с другими вооруженными группировками для свержения правительства Эфиопии . Менгисту Хайле Мариам (Хоффман, 2021). Однако, придя к власти в 2018 году премьер - министр Абий Ахмед Али организовал Партию процветания из множества этнических партий, чтобы бросить вызов господству НФОТ . В ответ НФОТ ушел из правительства, а его руководство отступило в Тыграй, регион вдоль северной границы, где оно сосредоточилось на укреплении своей власти в регионе, чтобы ограничить влияние правительства и вооруженных сил Эфиопии (Хоффман, 2021 г.).

В августе 2020 года правительство отложило всеобщие выборы якобы из- за кризиса, вызванного COVID-19 , но НФОТ сочло это предательством и провело собственные выборы вопреки отсрочке . Кроме того, НФОТ захватили военные базы в Тыграе, что усилило напряженность в отношениях между правительством и НФОТ. В ноябре 2020 года премьер-министр

Али приказал военным подавить восстание в Тыграе, что привело к крупномасштабному конфликту (Hoffman 2021). В конце июня 2021 года ФНОТ нанес серьезный удар правительству , вновь захватив Мекелле, столицу Тыграя . Вскоре после этого премьер-министр Али в одностороннем порядке объявил о прекращении огня. Тем не менее НФОТ не смягчились, а вместо этого вытеснили эфиопские силы из оставшихся частей Тыграя, а затем двинулись на юг, в сторону столицы страны Аддис-Абебы (Хоффман, 2021 г.). НФОТ также заключили союзы с другими вооруженными оппозиционными группами, что привело к появлению в начале ноября 2021 года Объединенного фронта эфиопских федералистских и конфедералистских сил, провозглашенной целью которого является сохранение конституции 1995 года , признающей федерализм и право на самоопределение (Хоффман 2021).

К сожалению, правительство Али сильно ограничило объем помощи , которую можно было доставить Тыграю, на том основании, что такая помощь поддержит НФОТ. В результате к середине ноября 2021 г., несмотря на то, что 5,2 млн человек в Тыграе нуждались в гуманитарной помощи (более 90% населения Тыграя) и около 1,7 млн перемещенных лиц, было доставлено лишь около 10% необходимой помощи (Hoffman 2021) .).

Согласно Брайдену и Абди (2021 г.), конфликт ослабил страну и поставил перед всеми эфиопами одну неизбежную истину: они должны признать свое разнообразие или рискнуть распадом. Примечательно , что хотя к 2004 г. эфиопская федерация, по-видимому, подорвала стремление к отделению , в значительной степени покончив с явным этническим угнетением , тот факт, что правящая элита преимущественно происходила из малочисленной этнической группы , вызывал бурные протесты со стороны других этнических групп, больше и меньше

(Хабту 2004). Кроме того, использование того, что Хабту (2004) назвал «демократическим централизмом» , подорвало эффективную децентрализацию и демократизацию

266 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

Следовательно, Хабту (2004) утверждал, что этнический плюрализм как организационный принцип, лежащий в основе федерального правительства в Эфиопии, является хрупким и опасным экспериментом.

В соответствии с мнением Хабту (2004) выше, Мамдани (2019) считает, что столкновение между этническим федерализмом, закрепленным в конституции Эфиопии, и либеральными реформами премьер-министра Абия Ахмеда Али грозит обострить конкурентную этническую политику и подтолкнуть страну к межэтническому конфликту.

По его словам, этнический федерализм с самого начала был омрачен внутренними противоречиями, поскольку этнические группы не проживают на обособленных «родных» территориях, а также рассредоточены по стране, что порождает многочисленные случаи недовольства национальных меньшинств. Далее он утверждает, что этнический федерализм также развязал борьбу за превосходство между тремя доминирующими этническими группами, а именно: тиграи, амхара и оромо. По мнению Мамдани (2019), Эфиопия может обрести стабильность только в территориальной федерации, а не в этнической.

Однако в ответ на Mamdani (2019) Serumaga (2019) правильно указывает, что, поскольку Эфиопия не находилась под колониальным правлением Запада, ее этническая федеральная конституция не была вдохновлена простой сентиментальной привязанностью к этнической идентичности, подпитываемой колониальным разделением и правилами политики. Вместо этого оно возникло из-за необходимости решить соответствующий земельный вопрос, который сам по себе связан с претензиями, основанными на культурной принадлежности. Серумага показывает, что в течение Вот уже сто лет различные национальности (обычно называемые «этносомами») в Эфиопии борются против лишения земель, вызванного империей Менелика II, которую самодержавно увековечил режим Менгисту Хайлемариам Дерга. Серумага убедительно делает вывод, что реальная проблема в Эфиопии заключается в том, что Мелес Зенауи и Хайлемариам Десалень не полностью выполнили федеральную конституцию, основанную на этнической принадлежности, тем самым пренебрегая должным образом решением давнего земельного вопроса.

Следовательно, мне кажется, что авторитарный подход правящей элиты Эфиопии, вероятно, является гораздо большей причиной хрупкости и рискованности эфиопского федералистского эксперимента на этнической основе, чем сама модель управления; ибо, как верно заметил Фанон (1967), насилие порождает насилие. Кроме того, эксперименту Эфиопии с этническим федерализмом еще предстоит пройти в течение значительного периода времени — при решительном содействии подлинному участию граждан в этнических федеральных единицах и при значимом вкладе представителей федеральных единиц в дела федерального правительства.

Ввиду вышеизложенного, эфиопский эксперимент нельзя надлежащим образом цитировать в поддержку или против федерализма на этнической основе в многоэтнических постколониальных африканских государствах. Тем не менее, этнически слепая централизованная модель государства, преобладавшая в постколониальной

государств, еще более хрупок и опасен, чем эфиопский эксперимент, потому что, как я указывал ранее в этой главе, он позволяет политикам создавать раскол по этническому признаку, все время настаивая на том, что этнические соображения не имеют отношения к управлению государственными делами. Тем самым продвигая нечестный публичный дискурс и разжигая глубоко укоренившееся недовольство, которое часто выливается в насилие, часто приводящее к массовым человеческим жертвам и материальному ущербу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народы Африки продолжают испытывать на себе тяжелое воздействие западного империалистического раздела их континента в конце девятнадцатого века, в основном в виде неблагоприятных полиэтнических государств, в которых межэтнические конфликты часто приводят к массовым человеческим жертвам и материальным потерям. Кроме того, современная геополитика делает отмену этого катастрофического решения практически невозможной. Тем не менее федерации на этнической основе могут смягчить его влияние, приспосабливаясь к этнической лояльности масс, вместо того чтобы игнорировать или очернять их, как это регулярно делалось на протяжении более пяти десятилетий. Такие федерации были бы особенно полезны для недоминирующих этнических групп, каждая из которых, таким образом, имела бы некоторую свободу организовать свою местную общественную жизнь в соответствии со своим собственным мировоззрением. Вот почему я думаю, что федерация на этнической основе в Кении и других многоэтнических государствах Африки могла бы привести к относительной стабильности в этих государствах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слово «маджимбо» на суахили означает «регионы», но в кенийском контексте оно стало относиться к федеративной форме правления.
2. «Демоним» — это способ обращения к гражданам страны, например «кенийец» или «нигериец». В языках банту демоним обычно образуется приставкой «м/му/мо» (единственное число) или «ва/ба» (множественное число) к названию страны. Например, на суахили эквивалентом слова «кениан» является «мкения». Таким образом, гражданин Ботсваны, не являющийся гражданином Тсваны, должен сказать, что он или она является «мосванцем», что является вопиющим искажением фактов. Аналогичная ситуация относится к гражданам Уганды, не являющимся гражданами Ганды, и к гражданам двух Конго, не являющимся гражданами Конго. Это подчеркивает произвольный характер западного империалистического раздела Африки в девятнадцатом веке и связанное с ним произвольное наименование созданных таким образом территорий, которые были основой постколониальных африканских государств.
3. Случай с Южным Суданом можно назвать несколько притупляющим уникальность Эфиопский эксперимент. В октябре 2015 года президент Южного Судана Сальва Киир издал указ о создании 28 штатов в основном по этническому признаку вместо

268 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

десять конституционно установленных штатов. В ответ на возражения ряда оппозиционных партий и гражданского общества Киир направил его в парламент на утверждение в качестве поправки к конституции, и парламент уполномочил его создавать новые штаты.

Тем не менее, я считаю, что этот эксперимент был проведен относительно недавно, и поэтому на данном этапе его трудно оценить.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аарон, Тесфайе. 2005–2006 гг. « Политика идентичности, гражданство и демократизация в Эфиопии » . Международный журнал эфиопских исследований, Vol. 2 № 1/2, стр. 55–75. <http://www.jstor.org/stable/27828856>.

Advameg, Inc. 2018. «Эфиопия» . Энциклопедия Наций. <http://www.nationsencyclopedia.com/economies/Africa/Ethiopia.html>.

Аджулу, Рок. 2002. «Политизированная этническая принадлежность, конкурентная политика и конфликты в Кении: историческая перспектива» . Африканские исследования, Vol. 61 № 2, стр. 252–68.

Аке, Клод. 1993. «Какова проблема этнической принадлежности в Африке?» Трансформация 22, 1993 г. <http://digital.lib.msu.edu/projects/africanjournals/pdfs/transformation/tran022/tran022002.pdf>.

Атиено-Оджиамбо, ES 2002. «Гегемонистские предприятия и средства выживания : этническая принадлежность и демократия в Кении» . Африканские исследования, Vol. 61 № 2, стр. 223–49.

Баркан, Джоэл Д. и Майкл Чеге. 1989. «Децентрализация государства: районный фокус» . и политика перераспределения в Кении» . Журнал современных африканских исследований , Vol. 27 № 3, 1989. С. 431–53.

Би-би-си. 2006. «Эфиопские протестующие убиты» . Отчет Би-би-си, 19 октября 2006 г. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6064638.stm>.

———. 2018. «Абий Ахмед становится премьер -министром Эфиопии » . Отчет BBC, 3 апреля 2018 г. <http://www.bbc.com/news/world-africa-43567007#page>.

«Ботсвана: депутаты от БДП призывают к пересмотру конституции » . The Zimbabwean, 8 мая 2018 г. <http://www.thezimbabwean.co/2009/11/botswana-bdp-mps-call-for-constitutional-> обзор.

Бреннан, Джеймс Р. 2008. «Спуск султанского флага: суверенитет и деколонизация в прибрежной Кении» . Сравнительные исследования в обществе и истории, Vol. 50 № 4, с. 831–61. http://eprints.soas.ac.uk/7484/1/Sultan's_Flag.pdf.

Брайден, Мэтт и Рашид Абди. 2021. «Абий проиграл войну , но Эфиопия может заново изобрести себя» . Слон, 29 ноября . <https://www.theelephant.info/op-eds/2021/11/29/абий-проиграл-свою-войну-но-Эфиопия-может-изобрести-себя/>.

Кэмпбелл, Джон Р. 2004. «Этнические меньшинства и развитие: перспективный взгляд на положение африканских скотоводов и охотников-собираателей» . Этнос, Vol. 4 № 1, стр. 5–26. <http://etn.sagepub.com/cgi/content/abstract/4/1/5>.

Чвейя, Людеки. 2002. «Западная современность, коренные африканцы и политический порядок: опрос либерально -демократического православия» . Чвея, Людеки, изд. Избирательная политика в Кении. Найроби: Claripress, стр. 1–27.

Кронк, Ли. 2004. От мукогоро до масаи: этническая принадлежность и культурные изменения в Кении. Оксфорд: Westview Press.

Карри- младший, Р.Л. и Л.Л. Уэйд. 1968. Теория политического обмена: экономическое обоснование политического анализа . Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc.

Дэвидсон, Бэзил. 1992. Бремя черного человека : Африка и проклятие национального государства. Нью- Йорк: Three Rivers Press.

Денг, Фрэнсис М. 2004. «Права человека в африканском контексте» . Wiredu, изд. Кваси.

2004. Спутник африканской философии . _ Малден, Массачусетс: Blackwell Publishing Ltd., стр. 499–508.

Гудина, Мерера. 2004. « Государство, конкурирующие этнические национализмы и демократизация в Эфиопии» . Африканский журнал политических наук, Vol. 9 № 1, стр. 27–50. <http://www.jstor.org/stable/23493677>.

Хабту, Алем. 2004. «Этнический плюрализм как организационный принцип Эфиопской Федерации» . Диалектическая антропология, Vol. 28 № 2, стр. 91–123. <http://www.jstor.org/stable/29790705> .

Хамесо, Сейюм Ю. 2002. «Проблемы и дилеммы многопартийной демократии в Африке» .

Западное обозрение Африки. Выпуск 2.

<https://www.africaknowledgeproject.org/index.php/war/article/view/326> .

Хассан, Ахмед Иссак. 2002. «Рабочий документ Комиссии по пересмотру Конституции Кении по судам кадхи , вождям кадхи и кадхи» . КЕКРК 10.

www.commonlii.org/ke/other/KECKRC/2002/10.html.

Хеллстен, Сиркку. 2009. «Афро-либертарианство и рамки общественного договора в постколониальной Африке: случай выборов после 2007 года в Кении» . Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении, новая серия, том 1 , № .

1, июнь 2009 г., стр. 127–50. <http://ajol.info/index.php/tp/index>.

Высокий суд Кении . 2006. « Ильхамус и Конституция Кении» , MISIC. ГРАЖДАНСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ № 305 ОТ 2004 ГОДА.

Хичкок , Роберт К. 2002. «Мы первые люди » : земля, природные ресурсы и идентичность в Центральной Калахари, Ботсвана» . Журнал южноафриканских исследований, Vol. 28 № 4, стр. 797–824. <http://www.jstor.org/stable/823352>.

Хоффман, Питер. 2021. « Государственное устройство Вестфалии и кризис в Эфиопии» .

Слон, 12 ноября . <https://www.theelephant.info/op-eds/2021/11/12/the-вестфалия-государственная-система-и-кризис-в-эфиопии/>.

Хант, Честер Л. и Льюис Уокер. 1974. Этническая динамика: модели межгрупповых отношений в различных обществах. Уильямс- младший, Робин М. изд. Хоумвуд: Дорси Пресс.

IREC (Независимая комиссия по обзору). 2008 г. «Отчет о выборах в Кении 2007 г.» . Найроби: ИРЭЦ.

Итебете, РАН 1974. «Языковая стандартизация в Западной Кении: эксперимент Лулуйя » . Уайтли, WH Ed. 1974. Язык в Кении. Найроби: Издательство Оксфордского университета , стр. 87–101.

Дженкинс, Ричард. 1997. Переосмысление этнической принадлежности: аргументы и исследования. Лондон: публикации SAGE .

Джонсон, Крейг Э. 2001. Решение этических проблем лидерства : бросая свет или тень? Тысяча дубов: публикации Sage .

270 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

- Джонио, Фред. 2002. «Этническая принадлежность в многопартийной избирательной политике» . Чвея, Людеки, изд. Избирательная политика в Кении. Найроби: Claripress, стр. 86–107.
- Камау, Джон. 2000. Огик : продолжающееся уничтожение племени меньшинства в Кении. Найроби: Служба новостей и статей о правах . www.Ogiek.org.
- Каньинга, Карути. 2006. « Институты управления и неравенство в Кении» . Общество международного развития. Литература о неравенстве в Кении: секторальная динамика и перспективы. Найроби: Общество международного развития, стр. 345–97.
- Касса, Гибист. 2021. «Конкурирующие нарративы и кризис в Эфиопии» . Слон, 27 сентября. <https://www.theelephant.info/features/2021/09/27/конкурирующие-нарративы-и-кризис-в-Эфиопии/>.
- Келлас, Джеймс Г. 1998. Политика национализма и этнической принадлежности, второе издание. Лондон: Macmillan Press Ltd.
- Келлер, Эдмонд Дж. 2002. «Этнический федерализм, фискальная реформа, развитие и демократия в Эфиопии» . Африканский журнал политических наук, Vol. 7 № 1, стр. 21–50. <http://www.jstor.org/stable/23495556>.
- Кеоратетсе, Дитапело. 2017. «Конституционный обзор просрочен » . Блоги Mmegi, 24 марта 2017 г. <http://www.mmegi.bw/index.php?aid=67663&dir=2017/march/24>.
- Национальное статистическое бюро Кении . 2020. « Население и жилье Кении, 2019 г. Перепись, том IV: Распределение населения по социально-экономическим характеристикам » . [https://www.kenyagazettepdf.com/tag/2019-kenya-population-and-housing -перепись-объем-iv-распределение-населения-по-социально-экономическим-характеристикам/](https://www.kenyagazettepdf.com/tag/2019-kenya-population-and-housing-перепись-объем-iv-распределение-населения-по-социально-экономическим-характеристикам/).
- KNRC (Кенийская комиссия по правам человека). 2018. Этническая принадлежность и политизация в Кении. Найроби: Кенийская комиссия по правам человека . <https://www.khrc.or.ke/publications/183-ethnicity-and-politicization-in-kenya/file.html> .
- Кихоро, Ванири. 2005. Цена свободы : история политического сопротивления в Кении. Найроби: Издательство Mvule Africa .
- Кикечи, Бикети. 2010. «Интриги по мере продвижения проекта конституции вступают в решающую неделю» . The Standard, воскресенье, 28 марта 2010 г. www.eastandard.net.
- Кипкорир, Б.Е. и Ф.Б. Велборн. 1973. Мараквет Кении: предварительное исследование. Найроби: Бюро восточноафриканской литературы .
- Кимлика, Уилл. 1995. Мультикультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств . Оксфорд: Кларендон Пресс.
- Ленц, К. 1995. «Трайбализм и этническая принадлежность в Африке» . Cahiers des Sciences Humaines, Vol. 31 № 2, стр. 303–28.
- Линч, Габриэль. 2006. «Переговоры об этнической принадлежности: политика идентичности в современной Кении» . Обзор африканской политической экономики, Vol. 33 № 107, стр. 49–65. <https://www.jstor.com/stable/4007111>.
- Мамдани, Махмуд. 2019. « Проблемы с этническим федерализмом Эфиопии » . Нью-Йорк Таймс, 3 января 2019 г. <https://www.nytimes.com/2019/01/03/opinion./ethiopia-abi-ahmed-reforms-ethnic-conflict-ethnic-federalism.html>.
- Мбаку, Джон Мукум. 2000. « Права меньшинств в многонациональных обществах » . African Transitions , июнь 2000 г. www.india-seminar.com/2000/490/490%20mbaku.htm.
- Мбити, Джон С. 1969. Африканские религии и философия. Найроби: Хайнеман.

Мбуага, Киой. 2008. «Пришло время устранить политические /этнические разногласия» . Восточная Африка, 21 января 2008 г. <http://www.theeastafrican.co.ke/news/-/2558/257696/-/t67dddz/-/index.html>.

Менгистеаб, Кидане. 2001. « Этнический федерализм Эфиопии : 10 лет спустя » .

Африканские проблемы, Vol. 29 № 1/2: Этническая принадлежность и недавние демократические эксперименты в Африке, стр. 20–25. <http://www.jstor.org/stable/1167105>.

Миллер, Дэвид. 2003. Политическая философия: очень краткое введение . Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Мои, Дэниел Т. арап. 1986. Кенийский африканский национализм: философия и принципы ньяйо . Лондон: Macmillan Publishers Ltd.

Муигай, Гиту. 2001. « Структура и ценности Конституции Независимости » .

Документ подготовлен для Комиссии по пересмотру Конституции Кении .

———, 2004. «Джомо Кеньятта и возникновение этнонационалистического государства в Кении» .

Берман, Брюс, Диксон Эйо и Уилл Кимлика , ред. Этническая принадлежность и демократия в Африке. Оксфорд: Джеймс Карри, стр. 200–17.

Mulinge, Mupyaе M. 2008. «Ботсвана, гавань этнического мира и согласия в Африке : состояние и перспективы на будущее » . Африканский журнал социологии, Vol. 4 № 1. <http://journals.uonbi.ac.ke/ajs/article/view/943>.

Мусевени, Йовери Кагута. 1997. Посев горчичного зерна: борьба за свободу и демократию в Уганде. Лондон: Macmillan Education Ltd.

Мьюте, Лоуренс М. 2002. « Группы меньшинств и процесс пересмотра Конституции » .

Мьюте, Лоуренс М. и Смокин Ванджала, ред. Когда конституция начинает расцветать: парадигмы конституционных изменений в Кении, том 1. Найроби: Clari press Ltd., стр. 144–84.

Наранг, А.С. 2002. «Этнические конфликты и права меньшинств » . Экономический и политический еженедельник, Vol. 37 № 27, 6–12 июля 2002 г., стр. 2696–2700. <http://www.jstor.org/stable/4412319>.

NCIC (Национальная комиссия по сплочению и интеграции). 2011. Первый этнический аудит государственной службы Кении. Найроби: Национальная комиссия по сплочению и интеграции.

———, 2012. На пути к национальному единству и единству в Кении: этническое разнообразие и аудит государственной службы, том 1. Найроби: национальное единство и интеграция. комиссия.

Ндегва, Алекс и Мутинда Мванзия. 2010. « Интриги власти , спасшие проект » .

The Standard , суббота, 3 апреля 2010 г. www.eastandard.net.

Ндегва, С.Н. 1997. «Гражданство и этническая принадлежность: исследование двух переходных моментов в кенийской политике» . Обзор американской политической науки, Vol. 91 № 3, с. 599–616.

Одинга, Огинга. 1967. Еще не Ухуру: автобиография. Лондон: Хайнеманн.

Одуор, Реджинальд М.Дж. 2010. « Методология исследований в области философии в междисциплинарном и коммерциализированном африканском контексте: защита от неправомерного влияния социальных наук » . Мысль и практика: журнал Философской ассоциации Кении (PAK), New Series, Vol. 2 № 1, стр. 87–118. <http://ajol.info/index.php/tp/index>.

272 В защиту этнических федераций в постколониальных африканских государствах

———. 2011. «Этнические меньшинства в зарождающейся демократии Кении : философские основы их свобод и ограничений » . Кандидат наук. Диссертация в Университете Найроби .

———. 2018. «Государственность и государственность: влияние объединенного дискурса на африканские политики и их недоминирующие этнические группы» . Утафити: Журнал гуманитарных и социальных наук, Vol. 13 № 2, стр. 45–66. <http://journals.udsm.ac.tz/index.php/uj/статья/представление/2341>.

———. 2019a. «Либеральная демократия : африканская критика» . Южноафриканский философский журнал , том 38, № 1, стр. 108–22 . <https://doi.org/10.1080/02580136.2019.1583882>.

———. 2019b. « Право на отделение в кенийском контексте: философские размышления с особым упором на недоминирующие этнические группы» . Политики, 5 Сентябрь 2019 г. <https://www.politika.io/fr/notice/the-right-to-secession-in-the-kenyan-context-philosophical-reflections-on-the-right-to-secession>.

Оджанга, Томас О. 2009 г. «Письмо в Комитет экспертов по пересмотру Конституции» .

Окондо, Питер Дж . Х. 1964. «Перспективы федерализма в Восточной Африке» . Карри, Дэвид П. изд. Федерализм и новые нации Африки . Чикаго: Издательство Чикагского университета, стр. 29–38.

Olumwullah, OAL A. 1990. «Правительство» . Очиенг, Уильям Р. Эд. Темы кенийской истории. Найроби: East African Educational Publishers Ltd.

Оманга, Боттах. 2010. «Как страхи в Ухуру, лагеря Руго сорвали переговоры KIA» . The Standard, воскресенье, 28 марта 2010 г. www.eastandard.net.

Омоло, Кен. 2002. «Политическая этническая принадлежность в процессе демократизации в Кении» . Африканские исследования, Vol. 61 № 2, стр. 209–21. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0002018022000032938?journalCode=cast20>.

Oyugi, WO, P. Wanyande и C. Odhiambo-Mbai eds. 2003. Политика перехода в Кении: от KANU к NARC. Найроби: Фонд Генриха Болля.

Прис, Дженифер Джексон. 2001. «Права человека и культурный плюрализм: «проблема» меньшинств » . Проект подготовлен для Кембриджской /Дартмутской конференции по новой повестке дня в области прав человека , Сидней- Сассекский колледж, Кембридж, 18 февраля 2001 г.

Ролз, Джон. 1971. Теория справедливости . _ Оксфорд: Издательство Оксфордского университета .

Рейли, Бен и Эндрю Рейнольдс. 1999. Избирательные системы и конфликты в разделенных обществах. НП: Издательство национальных академий . www.nap.edu.

Республика Кения . 1963. Конституция Кении. Найроби: Государственная типография.

———. 1994 г. Перепись населения Кении , 1989 г., том 1. Найроби: Центральное статистическое бюро.

———. 2001. Перепись населения и жилого фонда 1999 года . Найроби: Центральное статистическое бюро .

———. 2007. Закон о политических партиях , ЗАКОН №. 10 от 2007 г. <http://kenyalaw.org/kl/fileadmin/pdfdownloads/Acts/PoliticalPartiesAct.pdf>.

———. 2008 г. Закон о национальной сплоченности и интеграции , ЗАКОН №. 12 2008 г. <http://kenyalaw.org/kl/fileadmin/pdfdownloads/Acts/NationalCohesionandIntegration>

Акт_№12 от 2008 г.pdf.

———. 2010a. Конституция Кении. <http://kenyalaw.org/kl/index.php?id=398>.

———. 2010b. Перепись населения и жилого фонда Кении 2009 года . Найроби: Национальное бюро статистики Кении .

Сен, Амартия. 2006. Личность и насилие : иллюзия судьбы . Нью-Йорк: В. В. Нортон и Ко.

Серумага, Калунди. 2019. «ГОВОРИТЕ ОБ МНЕ КАК Я ЕСМЬ: Эфиопия, коренная идентичность и национальный вопрос в Африке» . The E Review, 26 января 2019 г. <https://www.theeastafricanreview.info/or-eds/2019/01/26/говори-обо-мне-как-я-есть>.

Шабан, Абдур Рахман Альфа. 2017. «Эфиопия: антиправительственные протесты 2016 г. унесли жизни над 660 людей — отчет» . Новости Африки, 19 апреля 2017 г.

<http://www.africanews.com/2017/04/19/ethiopia-2016-anti-gov-t-protestsclaim-over-660-lives-report/> . _

Штатный корреспондент. 2011. «Бушмены бойкотируют перепись населения Ботсваны » . Mail & Guardian, 27 июня 2011 г. <https://mg.co.za/article/2011-06-27-bushmen-boycott-botswana-перепись>.

Санстейн, Касс Р. 2001. Проектирование демократии. Нью- Йорк: Издательство Оксфордского университета .

Талботт, Струб. 2000. «Самоопределение во взаимозависимом мире» .

Иностраный

Политика, № 118, стр. 152–63. <https://www.jstor.com/stable/1149676>.

Тейлор, Чарльз. 1994. « Политика признания » . Тейлор, Чарльз, К. Энтони Аппиа, Юрген Хабермас, Стивен С. Рокфеллер, Майкл Уолцер и Сьюзен Вольф.

1994. Мультикультурализм: изучение политики признания. Гутманн, Эми изд.

Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета , стр. 25–73.

Объединенные Нации. 1948. Всеобщая декларация прав человека. www.un.org/en/documents/udhr/index.shtml.

———. 1966a. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» . www.hrcr.org/docs/Economic&Social/intlconv.html.

———. 1966b. «Международный пакт о гражданских и политических правах» . www.hrcr.org/docs/Civil&Political/intlcivpol.html .

Уолдрон, Джереми. 1993. Либеральные права. Кембридж: Издательство Кембриджского университета .

Уолцер, Майкл. 1983. Сферы правосудия : защита плюрализма и равенства . Новый Йорк: Basic Books, Inc.

Вамала, Эдвард. 2004. «Правительство на основе консенсуса: анализ традиционной формы демократии » . Wiredu, изд . Квази . Компаньон к африканской философии.

Малден, Массачусетс: Blackwell Publishing Ltd., стр. 435–42.

Вербнер, Ричард. 2002. «Космополитическая этническая принадлежность, предпринимательство и нация: элиты меньшинств в Ботсване» . Журнал южноафриканских исследований, Vol. 28 № 4, с. 731–53. <http://www.jstor.org/stable/823349>.

Виреду, Квази. 1996. Культурные универсалии и особенности: африканская перспектива . Блумингтон: Издательство Индианского университета .

WorldAtlas.com. 2018. « Основные этнические группы Ботсваны » . <https://www.mirroratlas.com/articles/the-major-ethnic-groups-of-botswana.html>.

Неправильно, Микела. 2009. Наша очередь есть . Лондон: Четвертое сословие.

Эпилог Реджинальд М.Дж. Одуор

Авторы глав этого тома подняли и попытались ответить на многочисленные уместные вопросы о будущих направлениях демократизации в африканских государствах. Тем не менее, поразмыслив, становится ясно, что они сосредоточились на двух основных вопросах. Во-первых, возникает вопрос о том,

или нет рациональной основы для попытки заменить либеральную демократию местными африканскими моделями демократии. Четыре главы в первом разделе в основном ответили на него утвердительно, а две в разделе 2 ответили на него отрицательно. Во-вторых, возникает вопрос о том, какие альтернативные модели демократии могли бы более адекватно удовлетворить потребности

африканских народов, чем либеральная демократия, и восемь глав раздела 3 предлагают на него разные ответы.

Я искренне надеюсь, что этот том будет стимулировать дальнейшие исследования в области новых путей к демократизации в африканских государствах с точки зрения широкого круга дисциплин в гуманитарных и социальных науках. Это предприятие является неотъемлемой частью более широкого проекта деколонизации. Действительно, модель управления не существует сама по себе — она возникает и поддерживается в рамках конкретной экономической системы, которая также определяет правовую систему, но, что, возможно, более важно, способ производства знаний. В случае с современными африканскими государствами эта экономическая система является, по большому счету, капиталистической, навязанной им западным империализмом и в последнее время усиленной подъемом

неолиберализма¹, принципы которого были сформулированы в так называемом Вашингтонском консенсусе².

Более того, как отмечает Амин (2014), «экономическое «отчуждение» — это специфическая форма капитализма, которая управляет воспроизводством общества в целом, а не только воспроизводством его экономической системы. Закон

стоимости управляет не только капиталистической экономической жизнью, но и всей общественной жизнью этого общества». То, что Амин вслед за Карлом Марксом описывает выше, я называю

экосистема западного империализма, движимая капиталистической идеологией, теорией и практикой: это то, что Иммануил Валлерстайн (2011) и Самир Амин (2014) называют современной мировой системой, а многие в наши дни называют капиталистической политической экономией (ред. Мэннинг и Гиллс, 2011 г.). Таким образом, либеральная демократия, возникшая в контексте западной промышленной революции восемнадцатого века, поддерживает капиталистические ценности и, таким образом, стремится превратить политику в товар и монетизировать ее с помощью таких терминов, как спрос и предложение, и, таким образом, высокую оценку, которую она придает выборам и опросы мнений. Кроме того, в дальнейших дебатах о будущем демократизации в Африке необходимо будет уделить пристальное внимание наступлению так называемой Четвертой промышленной революции («4IR»), для которой характерны искусственный интеллект, робототехника и блокчейн (Джонсон и Марки-Таулер 2021; Донован 2021). Это обнажило присущую либеральной демократии слабость, которая может привести к ее замене извращенной технократией, в которой элита, владеющая крупными технологическими компаниями, контролирует не только глобальную экономику, но и глобальную политику, движимую манипулятивными нарративами и замалчиванием противоположных мнений. 4IR ставит под угрозу частную жизнь граждан с помощью «больших данных», которые позволяют крупным технологическим компаниям создавать подробные индивидуальные профили своих клиентов для «целевого маркетинга», включая распространение манипулятивных политических сообщений, таких как тот, за который стояла печально известная Cambridge Analytica. обвиняется на нескольких выборах и референдумах по всему миру.

Действительно, люди в Африке уже находятся под пристальным взглядом технологий Четвертой промышленной революции (4IR): их смартфоны с их «местоположением» работают, передают данные о своих перемещениях в сети для продажи высокотехнологичным транспортным компаниям, отчаянно пытающимся собрать информацию о трафике поток в городах; им неизвестно, что телефонные приложения получают доступ к их микрофонам и камерам, при этом существует реальная возможность отслеживания их разговоров и действий; их электронные письма и сообщения в социальных сетях отслеживаются на предмет информации о них, которая продается маркетологам, рекламодателям и политикам, которые используют ее для целевой рекламы; их лица все чаще сканируются камерами, подключенными к программному обеспечению для распознавания лиц, якобы для повышения безопасности, но с реальной возможностью наблюдения в неизвестных им целях (Oduor 2021).

Таким образом, технологии Четвертой промышленной революции открывают перед человечеством возможность беспрецедентной тирании по сценарию, описанному Джорджем Оруэллом в его романе-антиутопии «1984», где элитное партийное руководство имеет «полицию мыслей», которая разворачивает все виды технологии для слежения за членами «внешней партии», в том числе «телеэкраны» в домах и в общественных местах, которые круглосуточно «слушают» и «видят» все, что граждане говорят и делают, что напоминает возможности смартфон. Одна пародия на известную песню времен Гражданской войны в США «The

Боевой гимн республики» (широко известный как «Мои глаза видели славу» и известный по припеву «Слава, слава, аллилуйя...») , распространяемый в WhatsApp перед выборами в США в 2020 году , описывает текущие возможности наблюдения 4IR как следует:

Наше право на неприкосновенность частной жизни утрачено , устройства — это шпионы .

Для государственной слежки это теперь уши и глаза. Они

использовать корпоративные данные, никаких повесток, никаких сюрпризов,

И до сих пор не догоняем.

Даже грань между «традиционными медиа» и «социальными медиа» становится все более неразличимой с точки зрения скоординированного манипулятивного обмена политическими сообщениями. Кроме того, слияние традиционных медиакомпаний привело к ситуации, когда публичными дебатами тонко манипулируют, отдавая предпочтение одним точкам зрения и подавляя другие. В другом месте пародии, процитированной в предыдущем абзаце, говорится:

Пятьдесят компаний предоставили все новости в 84-м,

Теперь их только шесть, это на сорок четыре меньше , чем было раньше. А

консенсус СМИ теперь существует для каждой войны,

и войны продолжаются и продолжаются.

Таким образом, в то время как настоящая книга посвящена актуальным африканским моделям демократии для двадцать первого века, ее предмет нельзя отделить от политики производства знаний. Действительно, западный империализм систематически изолировал, а в некоторых случаях уничтожал местные африканские изобретения и инновации в таких областях, как управление, философские традиции, медицина, сельское хозяйство, охрана окружающей среды и творчество , называя их «примитивными» или «дикими» . . В своей основополагающей работе « Изобретение Африки» В. Я. Мудимбе (1988) иллюстрирует, что то, что Запад представляет как объективное знание об Африке, представляет собой многовековой дискурс господства , который, благодаря предвзятым работам западных миссионеров, антропологов и колониальных администраторов, представляет Африку как «примитивную» и «дику» , и это, к сожалению, является основой изучения Африки даже в так называемую постколониальную эпоху. Далее Мудимбе сообщает нам, что термины «колониализм» и «колонизация» в основном означают «организацию» или «устройство» , происходящие от латинского слова *colere*, означающего «культивировать» или «проектировать» . Далее он отмечает , что западный колониализм организует и трансформирует неевропейские территории в фундаментально европейские конструкции (Mudimbe 1988, 1). Он продолжает писать:

Можно использовать три основных ключа для учета модуляций и методов .
 представитель колониальной организации : порядок приобретения, распределения,
 и эксплуатация земель в колониях; политика приручения туземцев; и
 способ управления древними организациями и внедрение новых способов
 производство. Таким образом, возникают три взаимодополняющие гипотезы и действия :
 господство в физическом пространстве, преобразование умов туземцев и интеграция
 местной экономической истории в западную перспективу. Эти дополняющие друг друга
 проекты составляют то, что можно было бы назвать колониционной структурой,
 полностью охватывающей физические , человеческие и духовные аспекты колонизирующей цивилизации.
 опыт. (Мудимбе 1988, 2)

Кроме того, в книге «Эпистемическая несправедливость: власть и этика познания» Миранда
 Фрикер (2009) утверждает, что существует отчетливо эпистемический тип несправедливости , при
 котором кого-то обижает конкретно в его или ее качестве «знающего» . Она различает две формы
 эпистемической несправедливости:

несправедливость свидетельских показаний (несправедливость, от которой страдает говорящий,
 получая пониженное доверие от слушателя из-за предрассудков идентичности со стороны
 слушателя) и герменевтическая несправедливость (от которой страдают люди , которые
 неодинаково участвуют в практиках , посредством которых генерируются социальные значения).

Тот факт, что Запад последовательно представляет либеральную демократию как единственно жизнеспособную модель

демократии и тем самым приписывает ей всеобщность, есть акт обеих форм

Эпистемическая несправедливость, выявленная Фрикером.

Более того, в предисловии к своей знаменитой работе « Эпистемологии юга : правосудие против
 эпистемиды » , Боавентура де Соуза Сантос (2014 г.)

указывает , что он стремится защитить три важных постулата: « Во-первых, понимание мира
 намного превосходит западное понимание мира .

Во-вторых, не может быть глобальной социальной справедливости без глобальной когнитивной справедливости.

В-третьих, освободительные преобразования в мире могут следовать грамматикам и сценариям,
 отличным от разработанных западноцентричной критической теорией, и такое разнообразие
 следует ценить» . Как указывает слово «обоснованный» в последней приведенной выше цитате,
 Сантос (2014) явно опирается на корпус знаний Мишеля Фуко о производстве знаний. Действительно,
 в «Археологии знания» Фуко (2002) утверждает, что системы мышления и знания («эпистемы»
 или «дискурсивные формации») регулируются правилами (помимо правил грамматики) .

и логика) , действующие под сознанием отдельных субъектов и определяющие систему понятийных
 возможностей, определяющих границы мыслительного и языкового употребления в данной
 области и периоде.

Таким образом, процесс деколонизации должен повлечь за собой демонтаж экономических ,
 правовых, политических структур и структур производства знаний западного господства , что
 выходит далеко за рамки того, что было правильно названо независимостью флагов и гимнов.
 Приятно отметить, что мы уже были свидетелями усилий по деколонизации с помощью таких
 предприятий, как Одера Орука.

философский проект мудреца (изд. Орука, 1991 г.), использование языков коренных народов Африки в творчестве и философии (Thiong'o, 1986; Wiredu, 1996, 81–104; Wiredu, 1998; изд. Jeffers, 2013) и концептуальная деколонизация Wiredu . проект (Wiredu 1996, 136–44).

Тем не менее, деколонизация всегда обходится дорого , и не только с точки зрения потерь. на улицах и в джунглях, но и среди ученых. Таким образом, несколько интеллектуалов, поднявших свой голос против диктатуры , опирающейся на глобальный капитализм, приняли на себя основной удар государственного насилия: Самир Амин был вынужден покинуть родной Египет в 1960 году за свои марксистские, но антисталинские взгляды; Успех Пауло Фрейре в обучении бразильских крестьян чтению привел его в тюрьму и последующее долгое и мучительное изгнание; Нгуи ва Тионго провел время в качестве заключенного без суда в кенийской тюрьме строгого режима за организацию крестьянской театральной труппы для постановки своих антикапиталистических пьес и пережил десятилетия изгнания; Экспозиция Уолтера Родни _

ущерб, нанесенный Африке европейским меркантилизмом, переросшим в капитализм, привел к его тюремному заключению на его родине, в Гайане, а также к его убийству в результате взрыва заминированного автомобиля в Джорджтауне, Гайана; Клод Аке был убит в результате запланированной авиакатастрофы во время автократического правления Сани Абачи в Нигерии; Кен Саро-Вива был повешен режимом Сани Абачи в Нигерии, а Воле Сойинка чудом избежал смертоносной руки Абачи , а позже отправился в изгнание на десятилетия. Список намного длиннее этого. Тем не менее, единственный вариант проекта деколонизации — это увековечивание колониализма , хотя и в его замаскированной форме («неоколониализм») — явления настолько пагубного, что оно уже превратило африканские государства в скорлупу того , чем они были на заре политической независимости около шести десятилетий назад. Пусть продолжают рассуждения о подлинной деколонизации!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Неолиберализм» широко понимается как переход в конце двадцатого века от моделей государства всеобщего благосостояния к экономической политике свободного рынка, первоначально связанной с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер и президентом США Рональдом Риганом. Неолиберализм в основном дебютировал в африканских государствах с так называемыми программами структурной перестройки (SAP) , навязанными этим государствам в начале 1990-х годов Бреттон -Вудскими институтами (Всемирным банком и Международным валютным фондом).
2. «Вашингтонский консенсус» представляет собой набор из десяти рекомендаций по экономической политике, продвигаемых рядом институтов для охваченных кризисом экономически неблагополучных стран. базируется в Вашингтоне, округ Колумбия , главным образом Всемирным банком , Международным валютным фондом (МВФ) и Министерством финансов США . Предписания основывались на убеждении, что стратегии «развития» должны основываться на

«свободные рынки», которые якобы будут способствовать «экономическому росту», который будет «просачиваться» на пользу всем (см. Gore 2000).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амин, Самир. 2014. «Понимание политической экономики современной Африки». Развитие Африки, 39 (1): 15–36.
- Донован, Пол. 2021. Прибыль и предубеждение: луддиты четвертой промышленной революции. Нью-Йорк: Рутледж.
- Фуко, Мишель. 2002 [1969]. Археология знаний. Смит, АМ Шери дан пер. Нью-Йорк: Рутледж.
- Фрикер, Миранда. 2009. Эпистемическая несправедливость: власть и этика познания. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
- Гор, Чарльз. 2000. «Взлет и падение Вашингтонского консенсуса как парадигмы для развивающихся стран». Мировое развитие, Vol. 28 Выпуск 5, стр. 789–804. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X99001606>.
- Джефферс, Чике изд. 2013. Прислушиваясь к себе: многоязычная антология африканской философии. Нью-Йорк: SUNY Press.
- Джонсон, Николас и Брендан Марки-Таулер. 2021. Экономика четвертой промышленной революции: Интернет, искусственный интеллект и блокчейн. Нью-Йорк: Рутледж.
- Мэннинг, Патрик и Барри К. Гиллс. ред. 2011. Андре Гундер Франк и глобальное развитие: видения, воспоминания и исследования. Оксфорд: Рутледж.
- Мудимбе, В. Я. 1988. Изобретение Африки: гнозис, философия и порядок знаний. Блумингтон: Издательство Индианского университета.
- Одуор, Реджинальд М.Дж. 2021. «Четвертая промышленная революция: инклюзивность, доступность, культурная самобытность и этическая ориентация». Теоретическая философия, Vol. 10 Нет. 3, декабрь, стр. 57–77. DOI: <https://dx.doi.org/10.4314/ft.v10i3.5>.
- Орука, Х. Одера. Эд. 1991. Философия мудреца: мыслители коренных народов и современные дебаты об африканской философии. Найроби: ACTS Press.
- Сантос, Боавентура де Соуза. 2014. Эпистемологии юга: Правосудие против эпистемцида. Нью-Йорк: Рутледж.
- Тионго, Нгуи ва. 1986. Деколонизация разума: языковая политика в африканской литературе. Найроби: Хайнеманн Кения.
- Валлерстайн, Иммануил. 2011. Современная мир-система IV. Беркли: Калифорнийский университет Press.
- Виреду, Квази. 1996. Культурные универсалии и особенности: африканская перспектива. Блумингтон: Издательство Индианского университета.
- . 1998. «На пути к деколонизации африканской философии и религии». Ежеквартальный журнал африканских исследований: Интернет - журнал африканских исследований, Vol. 1 № 4. <http://web.africa.ufl.edu/asq/v1/4/3.htm>.

Индекс

Ачебе, Чинуа, 201, 204
Ачоли, 213, 215–18, 221–22, 224–25, 227–31

Африка, 32, 137;

Восток, 83–84, 89, 203, 221, 230

Север, 202–3

Раздел , 42, 267

Южная, 203, 219

Запад, 93, 149, 174, 182, 184, 203

Африканский:

Коммунизм, 19, 23, 108, 129,
175, 188, 202, 237, 259 Философия,
279

социализм, 13, 18–20, 24, 185, 218

Афро-либертарианство, 17, 23, 241

Аджей, Мартин Одей, 154, 160

Акан, 6, 137–39, 141–45, 147, 149, 174, 185,
198, 208n1

Аке, Клод, 71, 181, 243, 279

Американец, 29, 91, 130, 221

Ангола, 182, 203

Антропология, 81;

Археология, 84

Биология, 81, 86, 94

Культурное/социальное,

88 лингвистика, 82–83

Аристотель, 72 года

Азия, 15–16, 32, 191, 203

Афины, 32, 71, 74, 180–81, 192, 193
авторитаризм, 15–16, 23, 30, 41, 45,
86

Белл, Даниэль А., 2

года Бемба, Жан-Пьер, 59 лет

Бухари, Мохаммаду, 121 год.

Ботсвана, 203, 237, 260–62, 267n2 Снизу
вверх, 220

Британия, 29, 186, 200, 204, 251

Бусиа, КА, 181, 187

Камерун, 2

Капитализм, 13–15, 19, 24, 42, 56, 165–
67, 169, 193, 242, 275, 279

Центральноафриканская Республика, 2

Китай, 15, 29, 62, 107,

Христианство, 84, 203, 219, 226–27,
229–30

цивилизация, 4, 30–31, 38, 42, 149, 153, 166,
214, 249

Холодная война, 1, 57, 72, 165, 174, 192,
197

колониализм, 8, 36, 41–46, 81, 88, 90, 125,
153, 161, 173, 176, 183, 196, 200, 203, 206,
214, 216, 219–20, 235,
237, 252, 277–79

коммуитаризм, 6, 159, 172

сообщество, 159, 160–61, 170–71, 173–74, 186, 192, 196, 198, 202, 205, 226, 249, 251

соотечественник, 171–72, 176пб

Конго, 2, 5, 55, 59, 68–74, 103, 130, 153, 267н2

консенсус, 7, 21, 41, 70–71, 160, 173, 180, 184–86, 206, 218

Конституция, 1–2, 21, 59–60, 63, 72–73, 92, 154, 157, 169, 201, 208н2, 220, 235, 237, 240–41, 245, 249–55, 259, 262, 264, 266, 267н3

Космополитизм, 172

культурная самобытность, 237–38, 240–41, 243, 246, 249, 251

культура, 1–2, 4, 6–7, 28, 37, 47, 50, 81, 92–94, 97, 102–3, 106, 124, 128, 153, 155, 161, 168, 170, 173, 175–76, 179, 184, 188, 191–92, 194–95, 202–4, 206–8, 208н1, 213, 215, 220, 226–27, 238, 241–42, 244, 248–49, 261

Даль, Роберт, 181 год

 деколонизация, 13, 154, 275, 278–79 демократия, 1, 3, 5, 21, 27–28, 30, 32, 41, 44, 46, 50, 57–58, 70, 72, 74, 81–84, 91–92, 94, 105, 117, 122, 126, 130, 132–33, 137–39, 149, 154–57, 161, 166, 169–70, 179, 181–82, 187, 191, 195, 213–15, 217–19, 251, 257–58;

коллегияльная, 123

коммунитарные, 153–57, 159–61

консенсуальные, 46, 49–50, 137–38, 180, 184–86, 198, 206, 214, 220

консоциативные, 129, 133

кооперативная коллегияльная, 6, 117, 119, 126–30, 133

конституционные, 138, 235

связанные с культурой, 191 совещательные, 120 прямые, 180

доморощенные африканские модели , 1–2, местные африканские модели , 5–6, 41, 46–48, 94, 97, 103, 111, 124,

132, 153–55, 162, 165–66, 170–72, 174–75, 185, 188, 236, 256, 275 либеральные, 1–2, 6–8, 13–16, 17, 19–20, 24, 41, 45, 47–48, 50, 55, 57, 68, 71–74, 81, 98, 101–5, 108, 110–11, 117–22, 124–26, 129, 132–33, 138, 153–61, 165–71 173–75, 179, 182–84, 191–95, 198–99, 201–2, 204, 206–8, 213, 235–38, 240, 250, 256, 260, 263, 275–76, 278 мажоритарных, 16, 137–38, 160, 173, 179, 185–88, 198, 200–1, 217

Марксистская, 183

Монолитные, 191, 198, 206–7,

многопартийные, 1, 6, 48–50, 58, 61, 70–71, 117–22, 124–26, 128, 132–33, 137–40, 147–48, 154, 157–58, 183–84, 187, 216, 235, 241, 258–59, 263

беспартийная, 133, 180, 185, 198, 258

однопартийная, 183, 235, 254

партиципативная, 90, 20

частности, 191–98 соц., 157, 183–84 Третий мир, 192–93 универсал, 191–98, 207

Демократический электоральный

филтризм, 128 демократизация, 1, 28, 41, 56, 58, 97, 239–40, 275–76

обсуждение, 179, 186–87

проектирование, 7, 81, 219–20

развитие, 13–14, 20, 24, 44, 118–19, 166, 194, 243

деволюция, 255–56

Дьюи, Джон, 109 лет.

диктатура, 102, 139, 153, 155, 218, 224, 254

Дюркгейм, Эмиль, 181 год.

образование, 43, 90, 97, 106, 125, 176, 202, 213, 219, 227

выборы, 2, 5, 7, 17, 29, 49, 55–60, 61, 64–65, 67–74, 118, 122–23, 129–30, 132–33, 139–40, 146, 149, 154, 157–58, 160, 165, 170, 173, 179, 181–82,

- 185, 208n1, 216, 218, 231, 235, 244, 248, 252–54, 259, 263–64, 276
- электрократия, 56–57, 59, 69, 74
- электоральный фундаментализм, 73
- элита, 27, 35, 74, 120, 129, 265–66, 276
- Эфиопия, 230, 237, 260, 262–67
- этническая принадлежность, 6–8, 16, 20, 21, 23–24, 29, 60, 121, 124, 128–29, 132, 139, 143, 167–69, 171, 173, 179, 187, 198, 202–4, 235–39, 241, 242–52, 255, 257–62, 266–67
- Евросоюз, 16, 60
- Фанон, Франц, 3–4
- Файеми, Адемола Казим, 194–95
- федерализм, 7, 59, 235–37, 249, 251, 254–56, 260, 262–64, 266–67 женщины, 85–92, 105, 109, 143, 213, 215, 221, 223, 230
- феминизм, 5, 81–82
- последователи, 5, 97–100, 102–111; классификация, 101, 108
- социализация, 104
- Фуко, Мишель, 278 лет.
- Франция, 29, 138, 156, 204
- Фрейд, Зигмунд, 107 лет.
- Фукуяма, Фрэнсис, 4, 56, 68, 117, 132, 154, 156–57, 161, 165–68, 172, 195–97
- Ганди, Махатма, 2, 70
- Пол, 97, 102, 109–110, 228
- Германия, 60, 156, 204, 222
- Геронтократия, 91, 218–19.
- Гана, 2, 139–40, 144, 146–47, 149, 155
- глобализация, 13, 19, 24, 236
- управление, 44, 46, 58, 63, 70, 72, 81, 109, 117–18, 125, 132–33, 137, 154–56, 159, 162, 165, 170, 175, 182–86, 191, 194, 198, 206–7, 217, 235, 256, 277
- правительство, 49, 58, 69, 73–75, 83, 108, 117, 119, 123–24, 126–27, 130, 132–33, 156, 158, 179–85, 193–95, 201, 213, 215, 246–47, 254–56, 265;
- центральная, 255–56 коалиция, 184
- окружные, 169, 173, 255
- федеральные, 256, 266 местные, 128
- Национальная, 168
- Областная, 29, 263
- Греция, 36, 84, 183
- грунтовой вал, 7, 213–16, 219–20, 229–31
- Геке, Кваме, 155, 158–62
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих, 165, 167–68.
- гегемония, 4–5, 13, 42, 46–47, 57, 81, 132
- история, 81, 93, 153, 155, 161, 165, 167, 173, 184, 207, 213, 219–20, 224, 231, 237, 249, 251
- Гоббс, Томас, 14, 182, 193
- Хоунтонджи, Паулин Дж., 3–4
- Хантингтон, Сэмюэл, 16, 73, 138, 166, 196
- тождество, 7, 202, 204–6, 208, 226, 237, 243, 245–47, 250
- идеология, 2, 4, 13, 17, 23–24, 125, 154, 161, 165, 167–68, 170, 184, 195, 198
- Игбо, 123–24, 133n2, 134n3, 199–201
- независимость, 1–2, 4, 15, 21, 22, 28–30, 44–46, 65, 72–73, 155, 157, 162, 168, 173, 188, 204, 216, 218, 225, 235, 252–53, 255, 278
- Индия, 15, 29–30, 36, 203
- коренное население, 1, 3–4, 27, 43–44, 166, 170–71, 174–76, 184, 203, 213, 219, 221, 229, 245
- неравенство, 34, 256
- интеллектуалов, 28, 37–38
- Лагеря внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), 224–25.
- Международный валютный фонд, 14, 62, 73, 279n2
- Ислам, 92, 202–3, 227
- Италия, 29, 156
- Инвективы, 142, 147

Джеймс, Уильям, 31 год
правосудие, 15, 154, 167, 172, 175, 188, 196, 202

Кабила, Джозеф, 59, 62, 64–65, 67
Календжин, 230, 246, 248
Кант, Эммануил, 14, 17, 198
Каунда, Кеннет, 20, 24 года
Кения, 2, 7, 23, 81, 87–89, 91–92, 120, 122, 153, 169, 227, 230, 235–37, 239, 242, 245–48, 250–52, 255–56, 267
Кеньятта, Джомо, 245, 255
Кеньятта, Ухуру, 255 лет
Кикую, 246, 248, 254
Кисий, 246
Кисуахили, 83, 174, 176
Кресс, Кай, 174 года
Кимлицка, Уилл, 242 года

Земля, 43, 242
Язык, 109, 126, 137–38, 142, 144, 242–43, 247, 261

Латинская Америка, 2, 27, 29
лидерство, 5, 35, 97–100, 102–11, 124, 126, 130, 188, 218
легитимность, 69–70, 173
Левин, Майкл, 166,
освобождение, 44, 47
либерализм, 156, 159, 161, 167, 170, 182, 193;

классика, 193
экономические, 4, 15, 19–20, 23, 193
политические, 4, 15, 19–20, 23, 193
социальные, 193
Лейпхарт, Арндт, 129, 133
Линкольн, Авраам, 159, 181
Локк, Джон, 14, 73, 193, 201
Лумумба, Патрис, 59 лет
Лумумба-Касонго, Тукумби, 2, 71–72, 156

Ло, 246, 248, 252, 254
Лухья, 246, 248

Масаи, 89–91, 227, 246
Макиавелли, Никколо, 126
Магуфули, Джон Помбе, 22
большинства, 6, 48–49, 58, 60, 65, 83, 132, 153, 158, 179, 186, 197–98, 242, 247

мужчины, 86–88, 90–91, 93, 104, 109, 180–81, 216, 218
Мамдани, 266
Маркс, Карл, 183, 275
Матолино, Бернар, 153–54, 160 Мазруи, Али, 18, 155
Мбембе, Ахилл, 3 Мбити, Джон С., 159, 239 СМИ, 140, 149;
электронный, 90 масса, 92
социальные, 147, 277 традиционные, 147, 277 западные, 204
мужчины, 109, 111, 143, 228
Менкити, Ифеани, 159
Миньоло, Вальтер Д. 47
Милль, Джон Стюарт, 5, 130, 193
меньшинства, 6–7, 16, 27, 34–36, 38, 59, 90, 129, 132, 161, 167, 179, 184, 186, 188, 197–98, 235, 243, 249–50, 253–54, 261–62
Мои, Даниэль арап, 245, 253
моральный авторитет, 45 Мотланте, Кгалема, 159
Мозамбик, 22, 182 Мудимбе, В.Ю., 277 Мугабе, Роберт, 157 Мухаммед, Муртала, 119
Мусевени, Йовери, 148, 168, 218, 224, 245, 258

Намибия, 203
национальное государство, 15, 94, 168–69, 171–72, 174, 237, 244–46
Неоколониализм, 8, 46–47, 279.
Неолиберализм, 13, 16, 23, 275, 279n1

- Нигерия, 2, 6, 119, 121–22, 125, 130–31, 153, 155, 201, 205, 208n2, 256
- Нкрума, Кваме, 1, 15, 20, 24, 46–47, 139, 155, 159
- Неправительственные организации (НПО), 225, 260
- Ньерере, Юлиус К., 1, 15, 20–21, 24, 124, 129, 155, 159, 185
- Нзонгола-Нталая, 65–67
- Обасанджо, Олусегун, 120, 148
- Обенг, Самуэль, 141, 144
- Одинга, Раила, 122
- Одуор, Реджинальд М., 47, 101, 125, 153, 156, 162
- Оффор, Фрэнсис, 154
- года, Олока-Оньянго, 58 лет.
- Однопартийные государства, 1, 56, 155, 185
- Оппозиция, 58, 60, 62, 65–68, 123, 133, 138, 147, 235, 263, 265
- Ойо
- Меси, 199–200, 208n2
- Панафриканизм, 3
- парламент, 57, 62–63, 70, 73, 83, 85, 92, 123–24, 130, 139, 168, 201, 216, 243, 254, 257, 262–64
- патриаршества, 16, 81,
- 86 п'Битек, Окот, 229
- Платон, 120–21, 191, 197–98
- политика, 149, 182, 184, 240
- политические партии, 22–23, 48, 58, 61, 65, 70–71, 73, 120, 122, 126, 130, 132, 139, 147, 158, 160, 183–85, 216, 250–51, 276
- политическая философия, 18, 126, 236
- политология, 18, 126
- Поппер, Карл, 167 лет.
- Португалия, 156
- постколониальные, 1, 3, 6–7, 14, 120, 126, 153–62, 169, 187–88, 219, 222, 230, 237–38, 245, 266
- постмодернизм, 82
- послевоенные, 55, 58, 69, 74
- нищета, 23, 32, 57, 62
- сила, 102, 104, 117, 119–21, 123, 125, 130, 132, 137–39, 179, 185–86, 214, 244
- Прег, Леонхард, 175 лет
- доколониальные, 3, 47, 49, 155–57, 159, 161–62, 171, 191, 218, 256
- Расизм, 43, 90
- Рамос, Могобе Бернар, 47–48 лет
- Ролз, Джон, 251 год.
- Напомним, сила, 201–2
- представительство, 49, 57, 70, 83, 124, 130, 132–33, 157, 160, 183, 185–86, 200, 204, 250, 258
- революция, 36–37, 204, 220, 231;
- Американец, 156, 194
- Четвертая Промышленная, 276
- Индустриальный, 14, 276
- английский, 156, 194
- франц., 36, 156, 165, 194
- Права, 124, 156, 158, 160–61, 167, 169, 174, 182–83, 187–88, 193, 201, 227, 241, 242–43, 259, 261;
- счет, 73, 169, 240, 259–60
- культурная группа, 3, 7–8, 237, 243, 249, 25л;
- человек, 14, 154, 157, 160, 167, 179, 186, 194–95, 240
- Родни, Уолтер, 3 года 279 лет.
- Рим, 31, 36, 72, 84–85.
- Руссо, Жан-Жак, 14, 72, 109–11
- Россия, 15, 29–30
- отделение, 259, 265
- Секо, Мобуту Сесе, 68, 73 года
- Самоопределение, 46
- Сен, Амартия, 196–97, 243
- Сенгор, Леопольд Седар, 155, 159
- Серумага, Калунди, 266
- Ситхол, Ндамбанинги, 185
- рабство, 3, 84, 203
- Смит, Адам, 14
- общественный
- договор, 14
- социализм, 57

социализация, 175
Соломоновы острова, 28–29
ЮАР , 15, 22, 175, 182, 203
Суверенитет, 45, 71, 167
Советский Союз, 29, 197
Испания, 29, 31
Программы структурной перестройки , 14, 20

подчинение, 3

Танзания, 21 год
Тейлор, Чарльз, 238–39 гг.
допуск, 7, 14, 22, 167, 187–88
Туре, Секу, 1
Тойнби, 30–31, 33–35, 38
традиции, 3, 16, 20, 27–28, 30, 38,
137–38, 144, 149, 153, 155, 159–62, 168, 185,
195, 198, 202–3, 214,
227–31, 236, 277
Просачивание, 220
Войсковой строй, 86, 92
Трамп, Дональд, 140 лет.
Чисекеди, Этьен, 62–64 года.
Чисекеди, Феликс, 66 лет
Туту, Десмонд, 172 года
Тирания, 101

Убунту, 162, 172, 174–75, 176n7
Уганда, 23, 92, 97, 103, 107–8, 148,
153, 168, 213, 216–18, 222, 225, 229–30,
245, 258, 267n2
Великобритания, 138, 156
Организация Объединенных Наций, 14, 60–62, 240, 259.
Соединенные Штаты Америки , 30, 62, 68, 73,
88–90, 122, 147, 167, 182

значения, 4, 6–7, 14, 16–17, 20, 23–24, 27–28,
30, 32, 34, 39, 149, 153, 157,
160–61, 166–67, 169, 171–73, 175–76,
179, 184, 196, 202–5, 236, 250
Устный:
Злоупотребление, 144
агрессия, 6, 137–41, 144–45, 147, 149

конфликты, 146
дисциплина, 137–38, 141, 145, 147
насилие, 5, 27–28, 35–37, 49, 56, 58,
60, 69–70, 130, 263–64, 267

Уолцер, Майкл, 157, 160–61, 241
Вамала, Эдвард, 186, 257–58
Вамба-диа-Вамба, Эрнест, 46, 48,
56–57, 155, 195
свадьбы, 213, 215–16, 219–22, 224–
30
Западный империализм, 7, 46–47, 192, 201,
203, 267, 275–76.
Wiredu, Kwasi, 48–49, 153, 158–60, 180, 185,
188, 198, 206, 208n1, 258, 279

женщины, 92–93, 104–5, 109–11, 143, 228

Всемирный банк, 14, 62, 73, 279n2
Неправильно, Мишелла, 236 лет.

Йоруба, 84, 196, 205

Замбия, 22 года
Зимбабве, 153, 157, 182, 203

Об участниках _

Мозес Олударе Адерибигбе получил степень бакалавра в Государственном университете Огун (ныне Университет Олабиси Онабанджо), Аго-Ивойе, Нигерия, а также степень магистра и доктора философии. из Университета Ибадана, Нигерия. Он является заведующим кафедрой общих исследований Федерального технологического университета в Акуре, Нигерия. У него есть исследовательский интерес к социальной и политической философии, а также к этике. Его участие в тренинге по этике исследований осенью 2016 года в Национальном институте наук об окружающей среде (NIH) в США стимулировало его текущую работу по этике исследований в Нигерии.

Эммануэль Ифеани Ани имеет степень бакалавра философии Университета _ Ибадан, Нигерия, бакалавр философии. по философии в Pontificia Università Urbana Roma (Городской папский университет, Рим), Италия, а также степень магистра и доктора философии. по философии в Университете Ннамди Азикве, Нигерия. он старший лектор философии в Университете Ганы и внешний оценщик университета по логике и критическому мышлению в дочерних учреждениях. Он был приглашенным ученым в Центре совещательной демократии и глобального управления Канберрского университета, Австралия. Его исследовательские интересы связаны с африканской философией, политической философией с особым акцентом на консенсусной демократии и совещательной демократии, а также философией разума и философией религии.

Кристин Булума имеет степени бакалавра и магистра философии Университета Найроби. _ Она работает менеджером по корпоративным счетам и имеет богатый опыт в области философии, политологии и психологии. Она работала консультантом в средней школе Махеро и является членом Национальной ассоциации молодежного руководства и консультирования отделения Университета Найроби.

В настоящее время она ведет исследовательский проект «Бедность, подростковая беременность и патриархат в Южной Ньянзе» .

Мунамато Чемхуру имеет степень бакалавра географии и философии, степень бакалавра философии с отличием и степень магистра философии Университета Зимбабве . Он получил докторскую степень. по философии Йоханнесбургского университета . Он является адъюнкт-профессором философии в Университете Большого Зимбабве и старшим научным сотрудником в области философии на факультете гуманитарных наук Йоханнесбургского университета (2018–2023 гг.). Он также является научным сотрудником Александра фон Гумбольдта на кафедре философии и систематической педагогики Католического университета Айхштет-Ингольштадт, KU, Айхштет, Германия (2020–2022). Его научные интересы лежат в области социальной и политической философии. Он только что опубликовал книгу «Экологическая справедливость в африканской философии» (Routledge, 2022).

Тайо Раймонд Эзекиэль Иганлуси получил степень бакалавра философии в Университете Адо Экити, Нигерия (ныне Государственный университет Экити), а также степень магистра и доктора философии . по философии в Университете Ибадана , Нигерия. Он преподает на кафедре общих исследований Института технологий расширенного обучения и цифровых гуманитарных наук (INTEDH) Федерального университета Технология, Акуре, Нигерия. Он является членом Философской ассоциации Нигерии (PAN), Американской философской ассоциации (APA) и Международного общества философов (ISFP). Его исследовательские интересы лежат в области социальной и политической философии, этики и философии глобального экономического порядка. Он вносит свой вклад в различные инициативы по развитию сообщества, содействуя образовательным программам с участием неправительственных организаций (НПО).

Эмефиена Эзеани имеет степень бакалавра наук. в области ИКТ и исследований в области развития Университета Восточного Лондона, степень бакалавра философии. Кандидат философии Городского университета в Риме, аттестат последипломного образования Института образования Лондонского университета, степень магистра образования и международного развития Лондонского университета (ХЕ «Лондон»), степень доктора философии. в области социальной политики и профессиональных исследований со специализацией в области политологии в Университете Халла , Великобритания, и имеет степень доктора философии. в области образования со специализацией в философии образования Университета Порт - Харкорт , Нигерия. Он старший преподаватель кафедры политологии Федерального университета Алекса Эквуэме (AE-FUNAI), штат Эбони , Нигерия. У него есть исследовательские интересы в области политики (в частности, партийной политики, сравнительной демократии и кооперативной демократии), развития, образования, культуры, религии и философии. Странник социальной справедливости (ХЕ «Справедливость») и биоразнообразия.

время для продвижения языков, находящихся под угрозой исчезновения, особенно игбо, который является его родным языком .

Сиркку Хеллстен был старшим научным сотрудником Североафриканского института в Уппсале, Швеция, доцентом социальной и моральной философии в Хельсинкском университете , Финляндия, и советником по вопросам управления и прав человека в посольстве Финляндии в Найроби, Кения . Ранее она была профессором _ философии в Университете Дар-эс - Салама, Танзания, и директор Центра изучения глобальной этики Бирмингемского университета , Великобритания .

к этому она была стипендиатом программы Фулбрайта в Центре этики Университета Южная Флорида. Она также была редактором-основателем , а затем соредактором журнала Global Ethics. Она много публиковалась по ряду тем , но, вероятно, наиболее заметно по идеологическим, ценностным и гендерным измерениям современных политических кризисов в Африке.

Деннис Масака имеет двойную степень бакалавра философии и религиоведения, степень магистра философии Университета Зимбабве и степень доктора философии . по философии в Университете Южной Африки. Он старший преподаватель по философии в Университете Великого Зимбабве , Зимбабве. Он также является научным сотрудником кафедры философии Университета Свободного государства в Блумфонтейне , Южная Африка. Его исследовательские интересы включают африканскую философию, философию освобождения и эпистемическую справедливость.

Томас Менампарампил, родившийся в Керале, Индия, в 1936 году, является самым старшим автор этого тома. Он вышел на пенсию с должности преподавателя в Ассамском университете, Индия. Он живет в Гувахати (Ассам, Индия) и продолжает активно участвовать в интеллектуальной жизни. Учился в Калькуттском университете и Шил Лонг. Его исследовательские интересы лежат в области истории, культуры, этнического разнообразия, мира, примирения и этики. Он работал в сфере образования и социальной работы в течение последних более сорока лет и участвовал в нескольких инициативах за мир. В последние годы он представил доклады в нескольких университетах Азии, Африки и Северной Америки об этических ценностях, исцелении исторической памяти, а также межэтническое и межкультурное взаимопонимание.

Кисемей Мутися имеет степень бакалавра политических наук Университета Найроби, а также степень магистра политических наук и степень магистра наук. в области государственного управления из Западно-Капского университета в Южной Африке. Прежде чем поступить в Университет Найроби в качестве адъюнкт- преподавателя на факультете политических наук , он был сотрудником по программам в Школе политологии . Поддержание мира в Африканском центре конструктивного разрешения споров (ACCORD) в Дурбане, а затем исследователь в Африканском институте в Претории,

Южная Африка. Он был лектором по совместительству в Международном университете Соединенных Штатов в Африке, Католическом университете Восточной Африки, Университете Кеньяты и Университете Святого Павла в Лимуру, Кения. У него есть исследовательские интересы в области государства и демократии в Африке, этики, африканской философии и идеологии. Он также является главным редактором журнала The Nile Explorer .

Робина Накабо имеет степень бакалавра социальных наук по специальности «гендер и развитие» Университета Макерере , степень магистра философии Университета Макерере и степень магистра организационного лидерства Восточного университета в Пенсильвании . Она является научным сотрудником школы последипломного образования и исследований в Университете мучеников Уганды (UMU), центральным региональным координатором альянса по гендерному равенству в исследованиях (GERA) в Уганде и членом ассоциации исследований гражданского общества в Африке . (АПОКСА).

Она также является лауреатом докторской стипендии Фонда Герды Хенкель и Колледжа гуманитарных и социальных наук Университета Макерере , где она проводит исследование на тему «Последователи и расширение прав и возможностей женщин в интересах устойчивого развития : пример женщин в Национальной ассоциации женщин » . Организации в Уганде» . Она приобрела ценный опыт преподавания на факультете философии Университета Макерере .

Ее исследовательские интересы связаны с прикладной философией, в частности с гендерной философией , политической философией, философией образования и философией экономики , а также с методологией исследования и теориями познания .

Дэвид Нгендо-Чимба имеет степень бакалавра (этика и исследования в области развития). из Университета мучеников Уганды, степень магистра (устойчивый мир и управление конфликтами) из Университета мучеников Уганды , степень магистра философии. (социальные исследования) из Университета Макерере и доктор философии. (история и политика) по междисциплинарной докторской программе Института социальных исследований Макерере (MISR). В настоящее время он является председателем центра африканских исследований Университета мучеников Уганды под эгидой его школы аспирантуры и исследований. Он также преподаёт курсы для студентов и аспирантов на факультете управления , мира и международных исследований в Школе искусств и социальных наук того же университета. Он извлек выгоду из

ряд исследовательских стипендий, в том числе в Совете по развитию исследований в области социальных наук в Африке (CODESRIA) в рамках книжного проекта о мире и безопасности в районе Великих озер в Африке , в рамках Закона о беженцах

Проект (RLP) в партнерстве с Ирландским центром по правам человека по исследовательскому проекту политики «Торговля людьми, вынужденная миграция и гендерные вопросы» .

Равенство в Уганде» , а также с «Действием в целях развития » (ACFODE) в рамках этнографического исследовательского проекта о телах, подвергшихся насилию в условиях вынужденного перемещения в поселении беженцев Кьяка II , западная Уганда. Его исследование

интересы включают (политическое) насилие, (вынужденную) миграцию, (социальную) справедливость и гендер в истории, с особым акцентом на район Великих озер Африки .

Реджинальд М.Дж. Одуор имеет степень бакалавра педагогических наук. (Искусство) и степень магистра философии Университета Кеньяты , а также степень доктора философии. по политической философии Университета Найроби . Он первый человек с полной инвалидностью по зрению, назначенный на основную преподавательскую должность в государственном университете Кении . Он старший преподаватель философии в Университете Найроби . Он является ведущим редактором Odera Oduka в двадцать первом веке (RVP, 2018). Он также сыграл ключевую роль в создании « Новой серии мыслей и практик: журнал философской ассоциации Кении» , онлайн-издания с открытым доступом, в котором он был главным редактором-основателем с 2009 по 2015 год. был президентским научным сотрудником Ассоциации африканских исследований (ASA) в 2016 году . Кроме того, он читал гостевые лекции в Южной Африке, Германии, Австрии и США . Его исследовательские интересы включают политическую философию, африканскую философию, методологию исследований в области философии, этику, права инвалидов и философию религии. Он также является соучредителем Общества

Специалисты с нарушениями зрения (SOPVID).

Донна Пидо — американский антрополог с пятидесятилетним опытом работы в области дизайна ювелирных изделий и изделий. Она имеет степень бакалавра антропологии Университета Индианы , степень магистра философии. в области образования и доктор философии. по антропологии , оба из Колумбийского университета. Она является старшим преподавателем дизайна в Техническом университете Кении и научным сотрудником отдела археология в Национальных музеях Кении, Найроби. Она бывшая председатель Колледжа вооружений при Генеральной прокуратуре Найроби . _ Доктор Пидо много писал об искусстве масаи, а также о других темах , связанных с эстетическим производством в Кении. Она является активным членом Кенийской гильдии лоскутных одеял и Кенийской гильдии вышивальщиц . Она собрала и разместила несколько коллекций кенийской материальной культуры в Америке и Европе. музеи.

JP Odoch Pido имеет степень бакалавра, магистра и доктора философии. степени в области дизайна, полученные в Университете Найроби , где он также преподавал до 2012 г., и сертификат последипломного образования в области промышленного дизайна в Эйндховене, Нидерланды. В настоящее время он является директором Школы творческих искусств и технологий Технического университета Кении в Найроби. За последние пятьдесят лет он обучил более тысячи кенийских дизайнеров . Его профессиональная деятельность сосредоточена на выставках, продуктах и графическом дизайне. Он также является известным голосом в разъяснении и анализе восточноафриканских культур. Многие из его произведений представляют собой критический взгляд на его собственную культуру ачолов перед лицом войны и потрясений.

Джозеф Ситума имеет степень бакалавра, магистра и доктора философии. по философии, все из Университета Найроби . Он старший преподаватель философии в Университете г. Найроби, Кения. Его исследовательские интересы включают этику, политику и эстетику. Помимо философских публикаций, он является автором нескольких романов , в том числе « Сон Мпуонзи» , «Таинственный убийца» (2000 г.), «Ловя ночь» (2006 г.) и «Дар ночи » (2010 г.).